

ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., Д. В. Костин, д-р физ.-мат. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ. мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С. А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., А. А. Сирота, д-р техн. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, проф.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филос. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филос. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); Т. А. Тернова, д-р филос. наук, доц.; Г. Ф. Ковалев, д-р филос. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.4. - Фольклористика (филологические науки), 5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Адрес редакции,
издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Алейников О. Ю. «МЫСЛЬ НАРОДНАЯ» В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.....	5
Аль Каби Мохаммед Фрайех Кубейш. ПОДВИГ, ТРАГЕДИЯ И СВЯТОСТЬ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА В РАССКАЗЕ Е. НОСОВА «КРАСНОЕ ВИНО ПОБЕДЫ».....	11
Грязнова А. Ю. АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДОНБАССКОЙ ПОЭЗИИ «ВЕЛИКИЙ БЛОКПОСТ»: МОТИВЫ, ОБРАЗЫ, МЕТАСЮЖЕТ.....	15

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.А. ШОЛОХОВА

Сатарова Л. Г., Гречушкина Н. В., Стюфляева Н. В. СОБОРНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛИЗМ: ДВА ЛИКА ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (М. А. ШОЛОХОВ, В. Г. РАСПУТИН).....	19
---	----

ФИЛОЛОГИЯ

Голубева В. К. НАРЕЧИЯ И СИНОНИМИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ: ЛАКУНЫ НА УРОВНЕ СУБСТАНТИВНЫХ КОРРЕЛЯТОВ.....	26
Данькова Т. Н. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ТЕРМИНОВ ЛАНДШАФТНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.....	31
Ковалева Т. Н. ЛЮБОВЬ-«НАВАЖДЕНИЕ»: ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В ПОВЕСТИ И. А. БУНИНА «МИТИНА ЛЮБОВЬ».....	35
Козьявина Е. П. НОМИНАЦИИ НАСЕКОМЫХ В ТЕКСТАХ ГАЗЕТНОГО ПОДКОРПУСА НКРЯ.....	40
Коновалова М. А. НАРЕЧИЯ В ЛЮБОВНЫХ ЗАГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ КАРЕЛИИ).....	44
Меркулова И. А. ПОРА И О ДУШЕ ПОДУМАТЬ! (ПОРТРЕТ ЛЕКСЕМЫ «ДУША» ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА).....	48
Нагорная Е. В. НЕБО И НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА В ПОЭЗИИ А. В. ЖИГУЛИНА.....	52
Подшивалова Н. И. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ С СОЮЗАМИ А, НО В РАННИХ РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА.....	56
Радь Э. А., Желтикова Т. В. ХРОНОТОП ГОРОДА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ.....	59
Скрипникова Т. И. «МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ» В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА 1920-Х ГОДОВ.....	64
Сунь Ихань. ОБРАЗЫ ПЕРСОНАЖЕЙ-ПАЦИЕНТОВ В РАССКАЗАХ «МИЛОСТЬ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА» И «СВЕТ РАЗУМА» И. С. ШМЕЛЕВА.....	69
Фионова Л. Р., Кучигина С. К., Ладанова О. Ю. КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР В ВУЗОВСКОЙ СРЕДЕ: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	72
Хакимьянова А. М. БАШКИРСКИЕ ЧЕТЫРЕХСТРОЧНЫЕ ПЕСНИ: ГЕНЕЗИС, ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ, КЛАССИФИКАЦИЯ.....	78

Хрусталёва А. В., Гаврилова А. А., Горностаев А. П. О ГОДЕ СОЗДАНИЯ ЯЧЕЙКИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАК ВАЖНЕЙШЕМ МАРКЕРЕ СОСТОЯНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ СИЛ РЕГИОНА В 1920-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВА) ... 84

ЖУРНАЛИСТИКА

Аллахвердова А. А. НЕМЕЦКИЕ ГАСТРОЛИ «СИНЕЙ БЛУЗЫ»: МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ.....	90
Беленко В. Е., Позднякова Ю. С. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И НАУЧНАЯ ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ В РАЗДЕЛЕ «НОВОСТИ» НА САЙТАХ НАУЧНЫХ ИНСТИТУТОВ	92
Васильев Д. М., Поплавская Н. В. РОССИЙСКОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	97
Васильева О. Ю. «УШЕДШИЕ В ВЕКА»: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ НЕКРОЛОГА (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛОВ ПРИРОДЫ И ОХОТЫ).....	101
Владимирова О. М. ТИПООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ БЛОГОВ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	106
Гладышева С. Н. ЖУРНАЛИСТИКА В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ А. С. ЯЩЕНКО	110
Дмитровский А. Л. МЕДИАКРИТИКА КАК РЕФЛЕКСИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ	114
Ким М. Н., Пак Е. М. ОСОБЕННОСТИ ВОВЛЕКАЮЩЕГО КОНТЕНТА В БРЕНД-МЕДИА	117
Аль Ктеишат А. С. А. РАЗВИТИЕ «АЛЬ-ДЖАЗИРЫ» В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОТОКЕ	121
Куранова Т. П., Тепленева П. А. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ В ЗАГЛОВКАХ ПРЕССЫ	124
Линь Цзиньтао. ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ВОСПРИЯТИЕ РЕКЛАМЫ ВИДЕОИГР В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ.....	128
Марчан К. В., Опарина Е. В. МЕДИАКЛАСС КАК НОВАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА: ОСНОВНЫЕ МЕТОДИКИ И ПОДХОДЫ	132
Мельник Н. Д. ОТКРЫТИЕ НОВЫХ МИРОВ В ПРОШЛОМ: «ОБРАЗЫ ИТАЛИИ» П. П. МУРАТОВА.....	135
Мулина А. А. ГЕОГРАФИЯ НОВОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ МАССМЕДИА СЕРБИИ В 2013-2023 ГГ.....	141
Мухамадиева Д. М., Соколова А. А., Чаукурова Г. К. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. В. ПУТИНА.....	145
Ничеговская М. А. РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-СМИ В ОСВЕЩЕНИИ СКАНДАЛОВ С МЕДИЙНЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ.....	149
Смотров Н. С. ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПОМОЩЬ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	152
Нгуен Минь Туан. ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ВЬЕТНАМЕ.....	154
Тулупов В. В. «КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ»: БРОДСКИЙ — ДОВЛАТОВ — ГОВОРУХИН	158
Данг Тхи Тхан. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ВЬЕТНАМЕ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ НА ТЕКУЩЕМ ЭТАПЕ	161
Чжан Янин. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ МЕДИАСРЕДЕ.....	165
Чэнь Сяотин. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КИТАЕ (2004-2024 ГГ.).....	168
Шишпаренок Е. В. ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ОСВЕЩЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМЫ В РЕШЕНИЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ЖАЛОБАМ НА ПРЕССУ	172
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	179

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2025. № 2. April – June

CONTENTS

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

<i>Aleinikov O. U.</i> THE "NATIONAL THOUGHT" IN A. PLATONOV'S PROSE ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	5
<i>Mohammed Frayyen Kobaish Al-Kaabi.</i> THE FEAT, TRAGEDY AND SANCTUARY OF THE SOVIET SOLDIER IN THE STORY BY E. NOSOV "RED WINE OF VICTORY"	11
<i>Gryaznova A. Yu.</i> AN ANTHOLOGY OF CONTEMPORARY DONBASS POETRY "THE GREAT BLOCKPOST": MOTIFS, IMAGES, PLOT.....	15

TO THE 120TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF M. A. SHOLOKHOV

<i>Satarova L. G., Grechushkina N. V., Stuflyayeva N. V.</i> SOBORNOST AND INDIVIDUALISM: TWO FACES OF WAR IN RUSSIAN LITERATURE (M. A. SHOLOKHOV, V. G. RASPUTIN).....	19
--	----

PHILOLOGY

<i>Golubeva V. K.</i> ADVERBS AND SYNONYMOUS PREPOSITIONAL-CASE FORMS: LACUNAS AT THE LEVEL OF SUBSTANTIVE CORRELATES	26
<i>Dankova T. N.</i> TYPOLOGICAL FEATURES OF MODERN RUSSIAN TERMS IN LANDSCAPE ARCHITECTURE.....	31
<i>Kovalyova T. N.</i> LOVE AS "OBSESSION": FEATURES OF PSYCHOLOGISM IN I. A. BUNIN'S STORY "MITYA'S LOVE"	35
<i>Kozyavina E. P.</i> NOMINATIONS OF INSECTS IN THE NEWSPAPER SUBCORPUS OF THE NATIONAL CORPUS OF RUSSIAN	40
<i>Konovalova M. A.</i> ADVERBS IN LOVE SPELLS (BASED ON KARELIAN RUSSIAN MATERIALS)	44
<i>Merkulova I. A.</i> IT'S TIME TO THINK ABOUT THE SOUL!	48
<i>Nagornaya E. V.</i> THE SKY AND THE HEAVENLY BODIES IN THE POETRY OF A. V. ZHIGULIN	52
<i>Podshivalova N. I.</i> FEATURES OF THE FUNCTIONING OF COMPOUND SENTENCES AND SYNTACTIC CONSTRUCTIONS WITH THE CONJUNCTIONS A AND NO IN A. P. CHEKHOV'S EARLY STORIES	56
<i>Rad E. A., Zheltikova T. V.</i> CHRONOTOPE OF THE CITY IN THE EXISTENTIAL AND ARTISTIC DIMENSION OF M. I. TSVETAeva...59	59
<i>Skripnikova T. I.</i> THE 'MOSCOW TEXT' IN THE WORKS OF I. A. BUNIN OF THE 1920S.....	64
<i>Sun Yihan.</i> IMAGES OF PATIENT-CHARACTERS IN I. S. SHMELEV'S STORIES THE MERCY OF SAINT SERAPHIM AND THE LIGHT OF REASON.....	69
<i>Fionova L. R., Kuchigina S. K., Ladanova O. Y.</i> COLLECTIVE AGREEMENT IN THE UNIVERSITY ENVIRONMENT: LANGUAGE FEATURES	72
<i>Khakimyanova A. M.</i> BASHKIR QUATRAIN SONGS: GENESIS, GENRE FEATURES, AND CLASSIFICATION	78
<i>Khrustaleva A. V., Gavrilova A. A., Gornostaev A. P.</i> ABOUT THE YEAR OF CREATION OF THE CELL OF PROLETARIAN WRITERS AS THE MOST IMPORTANT MARKER OF THE STATE OF THE LITERARY FORCES OF THE REGION IN THE 1920S. (BASED ON THE EXAMPLE OF SARATOV).....	84

JOURNALISM

<i>Allakhverdova A. A.</i> GERMAN TOUR OF THE “BLUE BLOUSE”: MEDIA ASPECT	90
<i>Belenko V. E., Pozdnyakova J. S.</i> COMMUNICATION STRATEGIES AND SCIENTIFIC POPULARIZATION IN THE “NEWS” SECTION ON THE SITES OF SCIENTIFIC INSTITUTIONS OF THE SB RAS	92
<i>Vasilev D.M., Poplavskaya N.V.</i> RUSSIAN MEDIA EDUCATION AT THE PRESENT STAGE IN THE WORKS OF RUSSIAN RESEARCHERS	97
<i>Vasilyeva O. Yu.</i> GONE INTO THE AGER”: LINGUISTIC AND PRAGMATIC PERCEPTION OBITUARY (BASED ON THE MATERIALS OF NATURE AND HUNTING MAGAZINES).....	101
<i>Vladimirova O. M.</i> TYPOLOGICAL FEATURES OF BLOGS IN A COMPARATIVE HISTORICAL CONTEXT	106
<i>Gladysheva S. N.</i> JOURNALISM IN THE CREATIVE DESTINY OF A. S. YASHCHENKO	110
<i>Dmitrovsky A. L.</i> MEDIA CRITICISM AS A REFLECTION OF JOURNALISM.....	114
<i>Maksim N. Kim, Ekaterina M. Pak.</i> FEATURES OF ENGAGING CONTENT IN BRAND MEDIA	117
<i>Al-Qteishat A. S. A.</i> THE DEVELOPMENT OF AL-JAZEERA IN THE GLOBAL INFORMATION FLOW.....	121
<i>Kuranova T. P., Tepleneva P. A.</i> PHRASEOLOGICAL MODIFICATIONS IN THE HEADLINES OF THE PRESS	124
<i>Lin Jintao.</i> THE INFLUENCE OF CULTURAL STEREOTYPES ON THE PERCEPTION OF VIDEO GAME ADVERTISING IN AN INTERCULTURAL CONTEXT	128
<i>Marchan K. V., Oparina E. V.</i> MEDIACLASS AS A NEW FORM OF EDUCATIONAL PROCESS ORGANIZATION: BASIC TECHNIQUES AND APPROACHES.....	132
<i>Melnik N. D.</i> THE DISCOVERY OF NEW WORLDS IN THE PAST: «IMAGES OF ITALY» BY P. P. MURATOV	135
<i>Mulina Arina A.</i> THE GEOGRAPHY OF THE NATIONAL MASSMEDIA NEWS OF THE REPUBLIC OF SERBIA IN 2013-2023	141
<i>Muhamadieva D. M., Sokolova A. A., Chaukerova G. K.</i> LINGUISTIC FEATURES OF THE SPEECH OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION V. V. PUTIN	145
<i>Nichegovskaya M. A.</i> THE ROLE OF INTERNET MEDIA IN COVERING SCANDALS WITH MEDIA PERSONALITIES.....	149
<i>Smotrov N. S.</i> GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN AID OF SCIENTIFIC COMMUNICATION.....	152
<i>Nguyen Minh Tuan.</i> FEATURES AND DEVELOPMENT TRENDS GENRES OF JOURNALISM IN VIETNAM	154
<i>Tulupov V.V.</i> “THE END OF A BEAUTIFUL ERA”: BRODSKY – DOVLATOV – GOVORUKHIN	158
<i>Dang Thi Than.</i> DIGITAL TRANSFORMATION OF JOURNALISM IN VIETNAM: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES AT THE CURRENT STAGE	161
<i>Zhang Yanin.</i> PROBLEMATIC ASPECTS OF PUBLIC OPINION FORMATION IN THE CHINESE MEDIA ENVIRONMENT	165
<i>Chen Xiaoting.</i> DEMOGRAPHIC COMMUNICATION IN CHINA (2004-2024)	168
<i>Shishparonok E.V.</i> ETHICAL STANDARDS FOR COVERING RELIGIOUN IN PRACTICE OF PUBLIC PRESS COMPLAINTS BOARD	172
SUBMISSION GUIDELINES.....	179

«МЫСЛЬ НАРОДНАЯ» В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 марта 2025 г.

Аннотация: в статье предпринимается анализ специфики воплощения ценностей народного самосознания в рассказах и очерках А. Платонова о Великой Отечественной войне. В центре внимания автора работы — тексты писателя, восстановленные по рукописям, что позволяет с новых позиций обратиться к вопросам интерпретации произведений писателя, изображавших события минувшей войны как «войны народной».

Ключевые слова: наследие А. Платонова, военная проза, ценности народного самосознания.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the specifics of the embodiment of the values of national identity in the stories and essays by A. Platonov about the Great Patriotic War. The focus of the author's work is on the texts of the writer, restored from manuscripts, which allows us to turn from a new perspective to the interpretation of the writer's works, which depicted the events of the last war as a «people's war».

Keywords: Platonov's heritage, military prose, values of national identity.

Памяти Тамары Александровны Никоновой

Истоки духовной силы человека, противостоящего «мировому злу», надежды на мирное будущее в прозе А. Платонова о Великой Отечественной войне получают осмысление в свете народных представлений, оценок и чаяний.

О значении для живых и мертвых «непобедимой субстанции народного существования» [1, 266] говорится в рассказе «Размышления офицера»: «одно средство» <...> объединяет каждого человека с его народом напрямую, объединяет с живыми и умершими поколениями его родины. Это мировоззрение и мироощущение народа — когда мысль человека знает общую задушевную истину, чувство любит ее, а вооруженная рука защищает. Народ называет свое мировоззрение правдой и смыслом жизни» [2, 226-227].

Значение «общей истины» уточняется и конкретизируется в свертхтексте военной прозы писателя. В рассказе «Среди народа»: майор «слушал старого крестьянина, и у него хорошо делалось на сердце, словно оно все более согревалось. Он чувствовал, как тепло веры народа и праведность его духа питают его, и судьба его, Махонина, как русского солдата, благословенна, и сейчас уже, а не в будущем, он знает свое счастье» [2, 118]. В рассказе «Иван Великий» со «спокойной праведностью на сердце» [2, 262] Иван Владыко спасает от вражеских живодецов «серую русскую лошадь», отощавшую и ослабевшую в немецком плену от изнурительной работы. И слова повествователя, понимающего, с какой

невыразимой мукой болело «крестьянское сердце по умирающей...», припавшей костлявыми телом к «материнской поверхности земли» [2, 258], созвучны народным представлениям о лошади — «кормилице» и «работнице» [2, 259]. Платоновские герои не сомневаются в том, что «народная сила рождается в деревенской материнской земле, и войско народа питается от земли, распаханной руками крестьян, согретой солнцем и орошенной дождем» [2, 37] («Крестьянин Ягафар»).

Прикосновение к «материнскому телу» земли укрепляется дух воина: «Цибулько изредка приподымал свое лицо от земли и вновь принимал к ней вплотную; опухшие, потрескавшиеся от ветра уста его были открыты, он прижимался ими к земле и отымал их, а затем опять жадно целовал землю, находя в том для себя успокоение и утешение» [2, 78] («Одохотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем»).

Земля врачует, утешает, успокаивает и, обладая чудесными свойствами, оберегает своих работников и защитников, помогает им в бою. Вот еще один из характерных примеров: «Красноармейцы, накрываемые огнем, перебежали вперед лишь только после долгих пауз <...>; принимая к земле, они отдыхали, и земля защищала их» [2, 361] («Афродита»). Герои платоновской прозы о Великой Отечественной войне разделяют сбереженную в народном самосознании мысль о том, что родную «землю железо никогда не возьмет, она хоть и мягкая, да не ломается и не умирает» [2, 150] («Оборона Семидворья»).

В рассказе «Офицер и солдат» «Артемов понимал землю как оружие — и для обороны, и для наступления» [2, 281]. И повествователь, подтверждая эти слова, видит, как русская пехота «вживалась в землю, чтобы стерпеть без гибели накрывающий ее огневой вал» [2, 284].

В соответствии с эпической народной традицией земля ведет себя как израненное живое существо, страдающее от боли: «Сначала можно было различить отдельные выбросы земли, похожие на вскрики, обращенные к небу, — и <...> даже казалось, что можно, помимо пушек, расслышать этот наивный и непосредственный голос гибнущей земли...» [2, 188] («Бой в грозу»). В очерке «Гроза под Орлом» драматично и выразительно описание страданий искореженной снарядами земли, с которой артиллерийский огонь «сдирает» грунт и «каменистые породы» «до самых твердых костей ее тела. Сначала можно было различить отдельные выбросы земли, похожие на вскрики, обращенные к небу, — и нам даже казалось, что можно, помимо пушек, расслышать этот наивный и непосредственный голос гибнущей земли...» [3, 270]. «

Опаленная пожарищами, земля испытывает муки, она искалечена и отчасти «потрачена» врагом: «земля была пуста и безродна — что жило на ней, то умерло под железом и солдатским сапогом и более не поднялось расти» [2, 10] («Божье дерево») — так выглядит картина «пустого поля» вблизи линии фронта. «Землю порвали огнем, обгадили сквозь, молочных и стельных коров под нож и на закуску поели, пахотных тягловых коней по всем дорогам замертво положили» [2, 259], — предъявляет свой и общенародный счет захватчикам герой рассказа «Иван Великий».

В платоновской прозе о войне земля и ее защитники обретают «равенство в страдании» (название публицистической статьи писателя). «Мученица! — подумал Максимов о земле. — Ну ничего, терпи, и мы с тобой терпим!» [2, 199] («Никодим Максимов»). «Я так считаю, что достаточно и хватит огненному железу войны ползать по нашей земле, — ей хлеб пора рожать!», — обращается к своим товарищам по оружию герой рассказа «Иван Толокно — труженик войны». «Пора, — сказали бойцы, и душа их тронулась болью и воспоминанием» [2, 132].

Раны сознания врачует сама земля. Искалеченная в сражениях, она сохраняет способность без следа искоренять злодеев и злодейство: «Два часа шло истребительное погребение врага в нашей земле. Позже, когда наши части прошли вперед, уже нельзя было установить, как тут все было до нас. <...> Земля, смолотая и еще раз перемолотая огнем, перетерла тела врагов и смешала их с собою столь бесследно, что лишь по частям одежды можно узнать, что здесь пребывает кто-то посторонний» [2, 300] («Прорыв на запад»).

Сходную мысль, выраженную с публицистической прямоотой, находим в рассказе «Неодушевленный враг»: «Но я, русский советский солдат, был первой и решающей силой, которая остановила движение смерти в мире; я сам стал смертью для своего неодушевленного врага и обратил его в труп, чтобы силы живой природы размолотили его тело в прах, чтобы едкий гной его существа пропитался в землю, очистился там, осветлился и стал обычной влагой, орошающей корни травы» [2, 34].

Наступление на врага и одержанные над ним победы характеризуются в платоновской прозе как восстановление «целости» русской земли, ее очищение от «злодейства» и «скверны».

Писатель считал, что война — это проявление «всемирного зла» [2, 35], оставляющего после себя «пораненную» [2, 98] землю, «обгорелые леса», «посев трупов» [2, 314]. В рассказе «Офицер и солдат» сражение происходит «в темном ночном мире», в котором подземные «черные воды, оживши, стали еще более мертвы, чем прежде, и ужаснули человека своим бешенством, своей ложной и страшной жизнью, заменившей им кроткую дремоту в вечности» [2, 287]. Но этот морок отменяет солдатское сердце, неподвластное «ожившему» злу и злодейству: «в этом свирепом беспорядочном смятении лишь одно было неподвижно и верно и давало смысл всему видимому ужасу — действующее сердце нашего солдата, умерщвляющего близкое, в упор надвинувшееся живое злодейство. Вкруг него, близ нашего солдата, бой превращался из ужаса в житейскую необходимость» [2, 287].

Общенародным достоянием считает «целость» русской земли герой «Рассказа о мертвом старике»: Очнувшись после схватки с врагом, дед Тишка понял: «земля была цела...» [2, 69-70]. Он «знал, что раз земля осталась за народом, раз он уберег ее от врага, то в свое время все обратно возьмется от земли — и хлеб, и избы, и любое добро, — и от нее же вновь оживет и повеселеет печальная, обиженная крестьянская душа» [2, 72-73. «А я служил и служу делу защиты нашего общего отчего крова, называемого отчизной, я работаю всем своим духом, телом и оружием на оборону *живой целостности нашей земли*» [2, 221. Курсив наш. — О. А.], — оставляет запись герой рассказа «Размышления офицера».

Минуты «одухотворенной радости, когда в мгновениях боя освобождается от злодейства вся земля...» [2, 282], — считает «своим счастьем» и «высшей жизнью» капитан Артемов. Герой, верящий в живую силу земли и слышащий ее голос, по улице разрушенного города идет, как «по аллее созидания: <...> там лежало поверженное, мертвое злодейство <...> и что может быть в мире совершеннее и плодотворнее этого солдатского дела, умерщвляющего зло, дабы добро и труд снова возникли на земле и жаворонок над хлебным полем не падал бы с умолк-

шей песней, удушенный взрывной волной...» [2, 282]. («Офицер и солдат»).

Надежда на лучшую долю, «добро и труд» после освобождения родной земли от врага в платоновской прозе объединены метафорой посева, символизирующей возрождение жизни. В рассказе «Три солдата» боец спасает из «плена» фашистского танка семена, чтобы их «взять <...> на родину в хозяйство, потому что поля войны зарастают жестким бурьяном, с листьями как железная стружка, несъедобными для скотины, а в мешке были семена сладкого клевера» [6, С. 340]. В рассказе «Афродита» «Фомин собрал несколько уцелевших черепиц и сложил их маленьким правильным штабелем, точно делая заготовку материала или собирая семена, чтобы снова посеять Россию» [2, 344].

Говоря о возрождении отчизны, писатель учитывает уроки довоенных и далеких «старинных» лет. Посвященный в круг народных представлений повествователь не скрывает высоких оценок в том случае, если речь заходит о мастерстве строителей дореволюционных сооружений. В рассказе «Штурм лабиринта» специально оговаривается, что герой, разгадавший секрет подземных коммуникаций вражеского города, в мирной жизни был землеустроителем. Он считал «русские избы» «самым лучшим, самым человечным архитектурным произведением» [2, 388], а на чужбине, в Германии, не любил «унылый порядок жилищ, аккуратных до бездушности, и сама земля здесь пахла не теплом жизни, но какой-то химией мертвых веществ» [2, 388]. В рассказе «Старый человек Никодим» — весьма существенна подробность: после удара авиационной бомбы изба, перевезенная на опасное место, «лежала на боку, но сруб ее был старинной прочной вязки и не развалился» [2, 51]. Развернутое описание построенной задолго до революции плотины (ее «из глины и земли сложила полвека назад крестьянская артель» [2, 17]) находим в рассказе «Дед-солдат»: «Плотина стояла в сохранности до сей поры; она переживала и великие ливни, и нагорные потоки вешних вод, но бури ее не развеяли и воды не размыли, потому что *плотину строили умелые крестьянские руки, привыкшие к земле и любящие ее*» [2, 17. Курсив наш. — О. А.].

Уместно напомнить, что многочисленные вмешательства редакторов искажали смысл произведений писателя. Так, например, в рассказе «Никодим Максимов» из описания крестьянской избы («это было обыкновенное жилище, в котором рождались, проводили детство и проживали жизнь в старину почти все русские люди. Все здесь было знакомо, просто и убого, но мило и привычно сердцу и ненадоедливо, как хлеб») [2, 194] в результате редакторской правки были исключены «убого», «привычно сердцу и ненадоедливо, как хлеб». Словосочетание «русские люди» заменено на «русские крестьяне».

Отвергнутая цензорами милая «убогость» русского жилища в системе историософских представлений А. Платонова, на наш взгляд, является не просто одной из примет многовековой национальной действительности, но и знаком, указывающим на готовность обитателей разбросанных по России селений к «перемене» [2, 331] и обновлению жизни. В народном сознании «справная» деревенская жизнь ассоциируется с чистотой. В рассказе «Оборона Семидворья» «отделка» боевых позиций завершается «по-житейскому, чтоб в них как в чистых избах было» [2, 151]. Но «русский человек любит разнообразие, — отмечает повествователь в рассказе «Три солдата», — даже свои деревни он иногда сознательно строил непрочно и ненавечно, дабы не жалко их было переменить на другие, когда они погорят...» [2, 331].

Производные от прилагательного «убогий» в военной прозе А. Платонова используются и с отрицательными коннотациями. Но упоминание или описание русской избы в речи повествователя, как правило, сопровождается мотивом веры в лучшее будущее. Показательна сюжетная ситуация в рассказе «Домашний очаг». Через «один крестьянский двор», также названный «убогим», «два немецких танка — “тигры” — и самоходка “фердинанд” хотели пройти напролом», были подбиты, но «мертвое присутствие» громоздкой неприятельской техники не может помешать возрождению мирной жизни: «промеж тех подбитых танков осталась русская избыная печь с закопченным устьем. И возле той уцелевшей печи крестьянка-старуха месила <...> глину голыми ногами, чтобы обмазать свой домашний очаг, а старик-хозяин тесал бревно на постройку в тени мертвого “тигра”» [2, 207].

Ценностно-смысловым центром произведения является пословица «С печи изба примется, а с избы все хозяйство возьмется» [2, 208], раскрывающая укорененное в народном сознании отношение к разрушениям и бедствиям, которые часто выпадают на долю русского человека, но в исторической перспективе преодолимы. Неистребимость веры русского человека в лучшее будущее подтверждают описания, приведенные в рассказе «Три солдата»: «Летом нынешнего года часто можно было наблюдать, как старик-крестьянин обкашивает траву на зимний корм корове вокруг подбитого “тигра”, а его хозяйка вешает рядно для просушки на буксирный крюк “фердинанда”. А другой дед, не стерпев своего сердца при виде осыпающегося хлеба, косит ржаную ниву, с которой еще не убрали мины, действуя спокойно и уверенно, как бессмертный» [2, 332].

«Тружеников войны» — солдат, краснофлотцев, офицеров, бывших в мирное время хлеборобами, плотниками, строителями, кузнецами, землеустроителями, инженерами, электриками, горняками, плотовщиками, в платоновской прозе объединяет

«мысль народная» — понимание военных буден как труда, как части «главной жизни», преодолевающей смерть, разрушения, «создающей судьбу народа» [2, 332]. В рассказе «Одухотворенные люди...» на фронте бойцы «почувствовали себя способными к большому труду, и они поняли, что родились на свет <...> для того, чтобы отдать ее обратно правде, земле и народу» [2, 102]. Характерную аттестацию получают бойцы в рассказе «Иван Толокно — труженик войны»: «...они строят вечное добро победы человечества над врагом его существования» [2, 136]. В рассказе «Сержант Шадрин» герой «принял войну как высший и самый необходимый труд» [2, 404].

Мысль о том, что «на войне бой бывает кратким, но труд долгим и постоянным» [2, 147], варьирясь, в сверхтексте платоновской прозы откликается в репликах героев, в пословицах и афоризмах: «невыспавшийся боец — это не работник на войне» [2, 85] («Одухотворенные люди...»); «Мы уж к войне, как к пахоте, привыкли и уж урожай пусть нам не исполу будет» [2, 132] («Иван Толокно — труженик войны»); «Остановился на день, вкапывайся навек» [2, 281] («Офицер и солдат»); «Действуя в бою как на работе...» [5, 388] («Молодой майор (Офицер Зайцев)»); «От большого труда и чести больше» [5, 380] («Молодой майор (Офицер Зайцев)»); «Плотничать — что пахать: святое дело» [2, 293] («На Горынь-реке»).

Выражению «мысли народной» служат и другие пословицы, солдатские афоризмы: «Не всякая смерть тяжка, не всякая жизнь добра!» [2, 70] («Рассказ о мертвом старике»); «В шубе — не пловец, в рукавицах — не косец, а сонный — не боец...» [2, 85] («Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем»); «...возле смерти человек сильнее» [2, 134] («Иван Толокно — труженик войны»). В рассказе «Штурм лабиринта» к пословице присоединена фраза с неодобрительной оценкой тех, кто не считается с людскими потерями: «Побольше ума <...> — и поменьше огня. А то мы, бывает, навалою норовим давить противника, чтоб думать не надо» [4, 555]. В прижизненном сборнике рассказов А. Платонова «Солдатское сердце» (М.-Л., 1946) и в современных массовых изданиях текст, выделенный курсивом, отсутствует. — О. А.]

Очевиден оптимизм, а не «болезненный пессимизм» (О. Резник) художественной прогностики писателя, основанной на представлениях и ценностях народного самосознания: «Войско тем и живо, что в смерть не верит» [2, 74] («Рассказ о мертвом старике»); «Горе и разор наши минуют, а добро-то от нашего дела навеки останется» [2, 237] («Офицер и крестьянин (Среди народа)»); «Земле не пропадать, а народу не помирать...» [2, 196] («Никодим Максимов»); «От большого труда и чести больше» («Молодой майор (Офицер Зайцев)» [5, 380]; «Сто годов деда наши живали и нам завещали» («Штурм лабиринта») [2, 390].

В прозе А. Платонова о Великой Отечественной войне описания и характеристики вписаны в духовно-историческое измерение, намного превышающее советский период национальной истории. Не случайно в стилистическом строе произведений происходит «возвращение» русским словам их лексико-семантических значений, вытесненных из активного употребления в пореволюционном советском обществе. Прилагательное «добрый» употребляется в значении «настоящий», «хороший». Ср.: «он любил, чтоб от его жизни был смысл, равно как от доброй земли бывает урожай» [2, 84] («Божье дерево»); «надо защитить добрую правду русского народа» [2, 84] («Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем»); «...здесь добрая земля, ей хлеб надо рожать» [2, 294] («На Горынь-реке»); «...добрая рожь, родившаяся в то лето напрасно» [5, 119] («Офицер и крестьянин (Среди народа)»). «Сущим» [2, 334] (т.е. «истинным», «настоящим») «солдатом» назван один из героев рассказа «Три солдата».

Достаточно часто представлен в военной прозе А. Платонова и такой «вневременной» речевой оборот, как «спокон века»: «Будем драться, как *спокон века* дрались русские люди — до последнего человека...» [2, 92] («Одухотворенные люди...»); «они кормились с угодий, прилегающих к их жилищам, и тем существовали здесь *спокон века*» [2, 216] («Взыскание погибших»); «будто *спокон века* и свет не светил...» [2, 271] («Добрая корова. Рассказ старослужащего красноармейца»); «*спокон веков и доньше*» («Сын народа (Офицер Простых)») (курсив наш. — О. А.). Но явно минимизированы (или полностью отсутствуют) привычные для советской печати выражения и речевые обороты, включавшие слова «социализм», «коммунизм» и т.п. Говоря об этом, вновь исхожу из текста, восстановленного по рукописям, так как прижизненные публикации платоновских рассказов редакторами искажены. В тексте, соответствующем авторской воле, значимы замены в устойчивых словосочетаниях. Значительно чаще вместо «советской Родины» в платоновской прозе говорится о «вечной Родине» («Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем»); вместо защиты ««рубежей советской страны» — о «защите отчего крова, называемого Отчиной» («Размышления офицера») и предлагается исторический материализм («нашу общую мысль, нашу философию, владеющую исторической истиной») «превратить в простое, доступное всем, страстное, святое чувство, подобное молитве, чтобы оно постоянно укрепляло сердце воина и подымало на врага его руку» [2, 227].

Для повествовательной структуры военных рассказов писателя характерна адаптация слов и действий, соответствующих требованиям армейского устава, к христианским ритуалам и обрядам, укорененным в народном сознании: «Присяга — это

молитва за родину...» [2, 186] («Верное сердце»). В том же ряду — метафоры: «Дух — этот род оружия вечен [2, 226] («Размышления офицера»). «А без веры солдат как былинка» [2, 334] («Три солдата»). В рассказе «Добрая корова. Рассказ старослужащего красноармейца» для характеристики советского офицера служит метафорическая замена: «Командир у нас был со свечой в голове» [2, 274]. Вместо растиражированного в газетах выражения «священная присяга на верность родине» (Красная звезда. — 1941. — 11 июля) предлагается понимание воинского долга с позиций христианской и «вечно живой» «народной» этики: «сердце постоянно чувствует любовь к своему живому народу и его святым мертвым мученикам» [2, 185].

Показательна специфика употребления в военной прозе А. Платонова эпитета «священный». Как известно, словосочетание «священная война» с первого же месяца сражений было широко растиражировано, став общеупотребительным. См., например, передовую статью «Священная отечественная война советского народа», опубликованную в газете «Красная звезда» 28 июня 1941 года: «Над всей страной развевается знамя новой священной отечественной войны против нашествия фашистских вандалов». Или «Герои священной войны» [Красная звезда. — 1941. — 25 июля]. Однако — вопреки дискурсивной практике, получившей распространение в советской печати, — эпитет «священный» используется платоновскими героями и повествователем, посвященным в круг авторских представлений, для характеристик русского народа, матери, существа солдата, пехотинцев, родного дома, дерева, выращенного предком, «общего отцовства», «нового священного времени жизни», ожидаемого после окончания войны, но никак не самой войны. Ср.: «... наш священный народ» [5, 292] («Сын народа (Офицер Простых)»); «...у нас священо существо солдата, как священна мать» [2, 409] («Сержант Шадрин»); «пехота, серая по одежде, тонущая в размытой земле, терпеливая и священная по своему решающему значению» [2, 193] («Бой в грозу»); «священное место человека: его жилище <...> дерево деда» [2, 224] «...океан народа, общее отцовство, понятие которого для нас священо, потому что отсюда начинается наше служение» [2, 225] («Размышления офицера»). Даже малые «материальные предметы могут быть священными, — приходит к выводу один из героев А. Платонова, — и тогда они питают и возбуждают дух человека. Я помню армяк деда, сохранявшийся в нашей семье восемьдесят лет; мой дед был николаевским солдатом, погибшим на войне, и я трогал и даже нюхал его старый армяк, с наслаждением предаваясь своему живому воображению о геройском деде. Возможно, что эта семейная реликвия была одной из причин, по которой я сам стал солдатом» [2, 224] («Размышления офицера». Курсив наш. — О. А.).

В рассказе «Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем», одном из самых известных произведений А. Платонова о Великой Отечественной войне, как «новое священное время жизни» [2, 85] охарактеризовано послевоенное будущее: «<...> много еще работы будет на свете и после войны, после нашей победы, если мы хотим, чтобы мир стал святым и одушевленным, если мы хотим, чтобы сердце красноармейца, разорванное сталью на войне, не обратилось в забытый прах...» [2, 85].

Писатель был убежден, что вновь ожившие в народном сознании надежды на перемены к лучшему оплачены подвигом павших, мысли о которых вызывают строгие и патетические интонации. Рассказ «Взыскание погибших» завершается напутствием: «Нужно не только истребить намертво врага жизни людей, нужно еще суметь жить после победы той высшей жизнью, которую нам безмолвно завещали мертвые; и тогда, ради их вечной памяти, надо исполнить все их надежды на земле <...> нам надо так жить теперь, чтобы смерть наших людей была оправдана счастливой и свободной судьбой нашего народа и тем была взыскана их гибель» [2, 220]. В рассказе «Бой в грозу» голос повествователя, посвященного в круг авторских представлений, сливается с описанием атаки, подобной небесному возмездию: «Свет молний и пушечного огня <...> рев канонады и грома и мрак ливня, озаряемый лишь магическими вспышками человеческой и небесной ярости, создавали в сердце впечатление, что за гранью нашей победы нас ожидает волшебная судьба, возвышенная в духе и мощная в материальной силе. Иначе — зачем же все это совершается, что мы видим и в чем участвуем?» [2, 193].

Думы о послевоенном устройстве мира, о жизни, которая будет вечно счастливой» [2, 131], в прозе писателя интонированы созвучными, но разными голосами. «Теперь надо каждому стараться народную пользу творить...», — убежден безымянный боец в рассказе «Добрый Кузя». «После войны уже будет что-то другое, может быть — хорошее и тихое, как вечерняя песня...» [2, 282], — делится своей надеждой герой рассказа «Офицер и солдат».

В созвучии голосов и мнений о послевоенном обновлении жизни особое значение приобретают приведенные в рассказе «Афродита» размышления о значении таких понятий, как «смысл существования», «крепость веры» [2, 346], понять которые нельзя, оторвавшись от своего народа: «Одному человеку нельзя понять смысла и цели своего существования. Когда же он приникает к народу, родившему его, и через него к природе и миру, к прошлому времени и будущей надежде, — тогда для души его открывается тот сокровенный источник, из которого должен питаться человек, чтобы иметь неистощимую силу для своего деяния и крепость веры в необходимость своей жизни» [2, 346].

Как известно, этот рассказ отмечен автобиографическими фактами и подробностями, своему герою А. Платонов отдал основные вехи своей воронежской биографии, а также сокровенные представления о моральном облике советского офицера-труженика» [6, 534], открывшего «тайну родины <...> в верности, оживляющей душу человека, в сердце солдата, проросшем своими корнями в глубину могил отцов и повторившемся в дыхании ребенка, в родственной связанности <...> с плотью и осмысленной судьбой своего народа» [2, 359]. Его верой в Победу над мировым злом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В. В. Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества. — 2 изд., испр., доп. / В. В. Васильев. — М.:

Воронежский государственный университет

Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: oaleinikov@yandex.ru

Современник, 1990. — 287 с.

2. Платонов А. П. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941-1945 годов / А. П. Платонов / Сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко. — М.: Время, 2010. — 544 с.

3. Платонов А. Гроза под Орлом / А. Платонов // Знамя. — 1943. — Кн. 9/10. — С. 270-273.

4. Платонов А. В прекрасном и яростном мире. Повести и рассказы / А. Платонов. — М.: Художественная литература, 1965. — 630 с.

5. Платонов А. Одухотворенные люди. Рассказы о войне / А. Платонов. — М.: Правда, 1986. — 432 с.

6. Корниенко Н. В. Комментарии / Н. В. Корниенко // Платонов А. П. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941-1945 годов. — М.: Время, 2010. — С. 500-541.

Voronezh State University

Aleinikov O. U., Candidate of Philology, Associate Professor. Department of Russian literature XX-XXI centuries, Theory of literature and Humanities

E-mail: oaleinikov@yandex.ru

ПОДВИГ, ТРАГЕДИЯ И СВЯТОСТЬ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА В РАССКАЗЕ Е. НОСОВА «КРАСНОЕ ВИНО ПОБЕДЫ»

Аль Каби Мохаммед Фрайех Кубейш

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Аннотация: в статье исследуется рассказ Е. Носова «Красное вино победы». Рассказывается о подвиге советского солдата, победившего гитлеровскую Германию, о трагедиях, которые война принесла практически в каждую семью. Детально рассматривается мотив святости героев в евангельских параллелях. Герои рассказа такие же мученики, как Христос и Его Апостолы, также принешие себя в жертву во имя мира и справедливости.

Ключевые слова: трагизм войны, героизм, святость, жертва, тяготы военной жизни, мученичество, таинство, мотив крещения, причащения, поминовения.

Abstract: the article examines the story by E. Nosov "Red Wine of Victory". It tells about the feat of a Soviet soldier who defeated Nazi Germany, about the tragedies that the war brought to almost every family. The motif of the heroes' holiness in the Gospel parallels is examined in detail. The heroes of the story are the same martyrs as Christ and His Apostles, who also sacrificed themselves in the name of peace and justice.

Keywords: tragedy of war, heroism, holiness, sacrifice, hardships of military life, martyrdom, sacrament, motive of baptism, communion, commemoration.

Евгений Носов (1925-2002) принадлежит к поколению писателей-фронтовиков, мужественно перенесших военные невзгоды, участвующих в тяжелом послевоенном восстановлении огромной страны. Он является одаренной личностью, очень совестливым и утверждающим в своих произведениях постулат о том, что рядовой солдат, герой в конечном счете и решает исход войны, поскольку смиренно несет свой крест как часть общей ноши и скромно сознает себя каплей среди безбрежного океана воющего народа.

Рассказ Евгения Носова «Красное вино победы» (1969) автобиографичен. Писатель, проходя службу в рядах армии Рокоссовского, в 1944 году получил ранение и конец войны провел в госпитале. Эти события, видимо, и нашли свое отражение в рассказе. Е. Носов в своем небольшом по объему произведении не дает ни одной батальной сцены. Однако писателю удалось показать, какую страшную, непомерную цену великой и святой жертвы заплатил советский народ ради всеобщей Победы, какие тяжелые потери понесли советские люди. Рассказывая историю о раненых защитниках Родины, попавших в госпиталь, Е. Носов ставит философские вопросы о войне, малой родине, смысле жизни. Война в рассказе воспринимается автором как тяжелый, но необходимый урок, помогающий человеку постичь как свою сущность, так и природу бытия.

Рассказ внешне неброский, но пронзительный, его название — «Красное вино победы» — ассоции-

руется и с кровью — ценой победы, и с вином — «праздником со слезами на глазах», и с таинством Причащения. Повествование ведется от первого лица, но не в реальном времени, а как воспоминание: рассказчик — юноша двадцати одного года возвращается в прошлое, в тот день, когда он, пребывая в Серпуховском госпитале, вместе со своим соседями по палате, встретил известие о капитуляции фашистской Германии.

Сюжет и композиция произведения на первый взгляд безыскусны. Это история о солдатах в госпитале, но в ней очевидно проступают черты экзистенциальной драмы и национальной мистерии. «О войне написано много, — говорил Е. Носов, — и мне хотелось бы углубить эту тему, исследовать солдатскую психологию». [3, 500].

Опираясь на эту мысль, автор в своих произведениях, в том числе и в рассказе «Красное вино победы», не рисует непосредственно военные действия, а раскрывает потаенные уголки души советского солдата. Писателя интересует прежде всего внутренний мир искалеченных войной героев, чудом оставшихся в живых и не только радующихся, что скоро будут дома, но и испытывающих некоторую зависть к своим однопольчанам, которым выпало «мат ставить», брать Берлин без них.

Сюжет рассказа не отличается насыщенностью событий в привычном смысле этого слова: несколько раненых солдат проходят лечение в серпуховском госпитале накануне окончания Великой отечественной войны, весной 1945 года. Мастерство Носова здесь проявилось в том, что он сумел показать весь

трагизм войны, искалечившей судьбы многих советских граждан, лишь изображая процесс ожидания дня Победы, ее предчувствие.

В образ каждого героя произведения автор вложил много сокровенного, несколькими штрихами показав героизм, трагизм и святость советского человека, принесшего каждый свою жертву на алтарь Победы.

Поступив в госпиталь, раненые сначала удивляются непривычной белизне и тишине палат, ведь они перенесли все тяготы военной жизни: прорыв восточно-прусских укреплений, промозглость и сырость Мазурских болот, ветров и туманов Балтики. Страшную картину войны писатель рисует, показывая операционную, расположенную в сосновой роще, в которую попадает герой-рассказчик, прежде чем его отправят в госпиталь. Хирург выполняет свой долг и работает умело, несмотря на смертельную усталость, и автор подчеркивает его святость, почти как у христианского мученика, положившего свою жизнь во имя победы Света над Тьмой. Хирург «*сухой, сутулый, с желтым морщинистым* лицом и закатанными выше *костлявых* (выделено здесь и далее мной. — М. А. К.) локтей рукавами халата... выпрямлялся и, как-то *мученически*, неприязненно, красноватыми от бессонницы глазами взглянув на остальных, которые ожидали собственной очереди, решил уйти в угол мыть руки... и я видел, как острилась его *узкая* спина... и как *устало* обвисали плечи» [1, 188-189]. Следующий! — выкрикивает хирург и воздевает кверху обтертые спиртом *длиннопалые ладони* [1, 190]. (Как у святых и мучеников, изображенных на православных иконах).

Солдат война делает инвалидами: у кого-то ампутируют руки, у кого-то — ноги, а у кого-то навсегда остаются осколки от снарядов в теле. Описание операционной под открытым небом вызывает у читателя ужас и сочувствие к героям, не побоявшимся пожертвовать собой во имя Победы. И медсестра, «с механической однотонностью, как, наверное, уже сотни раз прежде» тормозит прооперированного, чтобы он освободил место для следующего, и приговаривает: «Солдат, а солдат...». [1, 190] Здесь автор как бы обезличивает солдата, вместо индивидуального «я» — монолитность «мы».

Но и личные трагедии показаны в рассказе. Например, история сапера Михая, молдаванина, лишившегося на войне обеих рук. Он вызывает молчаливое сострадание у героев рассказа, которое передается и нам, читающим строки о том, как Михай не может себя обслужить в простых и обыденных ситуациях — расстегнуть пуговицу на штанах, чтобы сходить в туалет. Ему однажды санитарка тетя Зина предложила помочь, но «все-таки не дал пуговицу отстегнуть, застеснялся... Все, бывало, стоит, ждет, пока какой-нибудь раненый заглянет» [1, 197].

Или сцена ликования советских граждан после известия о Победе, в которой Михая какая-то девуш-

ка радостно бросила букет цветов, и «позабыв, что у него нет рук, потянул к цветам куцые предплечья, но не достал и лишь взмахнул в воздухе пустыми рукавами» [1, 204] и, как усиливающий эмоциональный накал аккорд, возглас женщины: «Да миленькие ж вы мои-и-и! Ох да **страдальцы** горемычнии-и! Сколько кровушки вашей пролита-а-а...» [1, 204] — что подчеркивает ореол мученичества и праведности советского солдата. Горе и боль войны и евангельское утверждение, что нет любви сильнее, чем жизнь свою отдать за друзей своих, подчеркивает грянувший «неизвестно откуда взявшийся оркестр»:

Вставая, страна огромная,

Вставай на смертный бой...

И эти герои, изувеченные войной, с трепетом ждут день Победы, о котором мечтали и за который сражались. Подмечают детали, которые указывали бы на приближение этого дня. Так, ранее даже искалеченные войной и ставшие инвалидами солдаты продолжали трудиться для фронта, оправдывая лозунг «Всё для победы», но сейчас им выдавали костыли, довольствие и отправляли по домам. Герои истосковались по мирной жизни, по своей малой родине и вспоминая о ней, спорят, чьи края красивее и лучше. Даже Копешкин, стоящий на пороге смерти, пытается рассказать о своей деревеньке с домом и скворечником на дереве рядом с ним, о жене и трех сыновьях. Эта деталь еще раз подчеркивает духовную чистоту героев рассказа.

Повествование в рассказе развивается неспешно, но напряжение ожидания победы увеличивается с каждой строчкой и вот, наконец, этот день наступает — начальник госпиталя — полковник Туранцев распоряжается сменить в палатах постельное белье, приготовить «кабанчика» и, по случаю такого торжества, налить всем немного красного вина.

Автор произведения осуществляет тонкий психолого-аналитический разбор внутреннего мира военнослужащего, реконструируя экзистенциальный опыт рассказчика через призму телесных и эмоциональных реакций. Физиологическая конкретика душевного потрясения передается синтезом сенсорных образов: «Я вдруг остро ощутил, что госпитальные часы отбили какое-то иное, новое время... Что-то враз обожгло меня изнутри, гулками толчками забухала в подушку напрягшаяся жила на моем виске» [1, 200]. Данный фрагмент, акцентирующий переход в новую онтологическую реальность, получает контрапункт в следующем эпизоде, где коллективное переживание обретает почти сакральный характер. Акустическая доминанта («Коридор гудит от стука и скрипа костылей» [1, 201]) трансформирует бытовую деталь в универсальный символ жизнеутверждающего начала — ритмический гул становится здесь своеобразным камертоном торжествующей витальности, преодолевающей индивидуальные травмы.

И в этот праздничный миг тихо и незаметно умирает на своей койке Иван Копешкин. Трагизм его смерти заключается в том, что умер он под залпы салюта в честь победы, и это становится кульминацией рассказа, дает возможность писателю поставить вечный философский вопрос о смысле жизни и о бессмертии человека. Рассказчик, смотря на пустую постель, на которой когда-то лежал Копешкин, не может осознать факт смертности человека, особенно в отношении себя: «Сам факт моего ранения я пытался приспособить к моей наивной теории бессмертия: ведь я только ранен, а не убит!.. не допускал понимания, что я тоже могу превратиться в нечто непостижимое...» [1, 210].

Раскрыть экзистенциальную проблему жизни и смерти, подлинного бытия помогает евангельский подтекст. В рассказе «Красное вино победы» святость советского воина подчеркивается и параллелями с евангельскими источниками, евангельской символикой. Рассмотрим, например, символику числа. В начале произведения говорится о том, что в палате лежат двенадцать раненых. У Христа тоже было двенадцать апостолов — святых праведников, большинство из которых приняли мученическую смерть за то, что старались освободить человечество от дьявольских оков, проповедуя слово Божье. В контексте историософской символики особого внимания заслуживает образ двенадцати раненых воинов, чьи гипсовые повязки, уподобленные аскетическим веригам, создают многомерную метафору жертвенного служения. Такая визуальная аллегория, помещенная в стерильное пространство белых потолков, медицинского белья и хирургических халатов, обретает сакральный подтекст через реминисценцию к поэтике А. Блока. Как демонстрирует анализ поэмы «Двенадцать» (1918), белый цвет в творчестве символиста выступает не только хроматическим элементом, но и носителем эсхатологической семиотики, связывающей революционных персонажей с апостольской миссией (строфы с белоснежным венчиком роз как маркером избранничества).

Переноса данную парадигму в реалии Великой Отечественной войны, автор проводит типологическую параллель: подобно евангельским ученикам, воины-страстотерпы противостоят персонифицированному абсолютному злу (фигура Гитлера как антихристово воплощения), а их страдания приобретают характер литургического действия. Физические муки на поле боя и хирургические манипуляции с минимальной анестезией (что документально подтверждается отчетами военно-медицинской службы 1941-1945 гг.) трактуются как современная версия крестного пути, где медицинский инструментарий становится аналогом орудий Страстей Господних. Данная интерпретация позволяет рассматривать подвиг солдат не только в героико-патриотическом, но и в сакрально-историческом дискурсе. Так же му-

чилились и хирурги, медсестры, сиделки — усталые и изможденные от непомерных нагрузок и бессонницы. Как и святые мученики, они не роптали, а смиренно и терпеливо несли свой крест, отдавая жизнь свою во имя великой цели.

К началу марта в палате осталось семеро раненых: двое умерли, троих выписали. Эти семеро — сам рассказчик, Бугаев, Бородухов, Михай, Саенко, Саша-Самоходка и самый тяжелый больной — Иван Копешкин. Особого внимания заслуживает описание событий, хронологически предшествующих Дню Победы, который ознаменовал не только крах нацистского режима, но и гибель Третьего рейха, представленного в тексте как апокалиптическое падение «дьявольского царства». Фигура Адольфа Гитлера, пребывавшего в завершающие дни войны в «подземном бетонном логове», приобретает здесь семантику inferнального антигероя. Данная характеристика опирается на архетипическую связь понятия «логово» с образом змея в древнерусской культурной традиции, где змей выступает универсальным символом хтонического зла, несущего разрушение и страдания.

Проводимая в тексте параллель с эсхатологическим сюжетом Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса) углубляет метафорическую структуру повествования. В частности, отсылка к образу семи Ангелов, ниспосланных для исполнения божественной кары (Откр. 15:1), служит основой для аллегорического сопоставления [4: 3.10]. Если в библейском тексте «семь последних язв» (Откр. 15:1) завершают эру господства дьявола, то в анализируемом контексте семь раненых бойцов советского воинства символизируют коллективное жертвенное начало, приведшее к уничтожению «царства тьмы» — нацистской Германии.

Подобное уподобление акцентирует не только историческую, но и метафизическую значимость Победы, интерпретируемой как триумф сил света над inferнальным злом в его материализованной форме.

Таким образом, нарратив выстраивается на синтезе исторического факта и религиозно-мифологического подтекста, где военнополитический крах Третьего рейха осмысливается через призму вечного противостояния добра и зла, артикулированного в рамках христианской эсхатологии.

Мотив святости советского человека, смиренного перенесшего все тяготы войны, также как и мотив крещения, причащения, поминовения проходит через все произведение. Красное вино победы, которое пьют раненые, еще и красное вино, которым причащаются христиане. Солдаты, пролившие свою кровь, очистили человечество от грязи, искупили своей жертвой его грехи, как когда-то искупил грехи человечества умирающий на Кресте Христос. «Смертию смерть поправ», — эти строки пасхального канона можно отнести и к подвигу советского воина, по-

гибшего ради жизни будущих поколений. В рассказе Н. Носова акт употребления вина обретает сакральный подтекст, что подчеркивается детализированной реконструкцией ритуала: «Саенко... с особым тщанием разложил стаканы по прикроватным тумбам. В его движениях сквозила сосредоточенная серьезность, а аскетично сжатая нижняя губа, подобно священнослужителю, совершающему литургию, придавала действиям оттенок священнодействия» [1, 211-212]. Сами же сосуды, переливающиеся рубиновой гущей до самых краев, контрастировали с асептической монотонностью больничного пространства, трансформируя бытовой эпизод в символический акт, исполненный метафизической значимости.

В финале рассказа читатель испытывает двойственные чувства, поскольку радость омрачается смертью Копешкина, и красное вино, пролитое на его подушку, кажется его соседям по палате «темным и таинственным», напоминающим пролитую кровь. День Победы, таким образом, это еще и день поминовения.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Аль Каби Мохаммед Фрайех Кубейш, аспирант

E-mail: mkabi2011@mail.ru

Советский солдат, ценой непомерных усилий и зачастую ценой собственной жизни совершил великий подвиг — победил гитлеровскую Германию. Трагедия войны коснулась практически каждой советской семьи, и святая жертва всех причастных во имя Победы останется в памяти будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евгений Носов. Красное вино победы. Рассказы / Носов Евгений. — М.: Дет. лит., 2020. — 343 с.
2. Гусева В. П. Вино. Вина. Война: Читаем рассказ Евгения Носова «Красное вино Победы» / В. П. Гусева // Библиотека в школе. — 2004. — № 7. — С. 22-25.
3. Книга о мастере. Холмы и берега Евгения Носова. Очерки творчества. Курск: Крона, 1998. — 895 с.
4. Новый Завет. Послание Св. Апостола Иоанна Богослова. — М., 1968. — 3.10
5. Подзорова Н. На тысячу верст кругом Россия / Н. Подзорова // Корни и побеги: проза 60-х — 70-х гг. — М., 1979. — 232 с.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Mohammed Frayyen Kobaish Al-Kaabi, Postgraduate student

E-mail: mkabi2011@mail.ru

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДОНБАССКОЙ ПОЭЗИИ «ВЕЛИКИЙ БЛОКПОСТ»: МОТИВЫ, ОБРАЗЫ, МЕТАСЮЖЕТ

А. Ю. Грязнова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Аннотация: сложность разговора о современной поэзии Донбасса связана с тем, что в военное время поэтическое слово, как и искусство в целом, становится одним из инструментов пропаганды. Это вызывает споры о художественности текстов, написанных часто не профессиональными поэтами, а журналистами, военкорами, солдатами. В то же время очевидно, что донбасская поэзия становится все более ярким и масштабным явлением современной культуры, что вызывает необходимость ее рассмотрения с собственно-литературоведческой точки зрения. В статье анализируются мотивно-образные комплексы современной донбасской поэзии (2014-2022 гг.) на материале антологии «Великий Блокпост» (составитель А. Н. Ревякина).

Ключевые слова: современная поэзия, военная поэзия, поэзия Донбасса, Анна Ревякина, «Великий Блокпост».

Abstract: the difficulty of talking about contemporary military poetry of Donbass is connected with the fact that in wartime the poetic word, as well as art in general, becomes one of the tools of propaganda. This causes disputes about the artistry of texts written often not by professional writers, but by journalists, war correspondents, and soldiers. At the same time, the enormity of this phenomenon of modern culture is obvious, which makes it necessary to consider it from a proper literary point of view. The article analyzes the motifs and images of contemporary Donbass poetry (2014-2022) on the material of the anthology "The Great Blockpost" (compiled by A. N. Revyakina).

Keywords: contemporary poetry, military poetry, poetry of Donbass, Anna Revyakina, «The Great Blockpost».

Как любое молодое литературное явление, современная военная поэзия не имеет устойчивого терминологического обозначения. В научной литературе, как и в средствах массовой информации, сегодня можно встретить такие наименования, как «Z-поэзия», «поэзия Донбасса», «поэзия СВО». Появляются и авторские термины-неологизмы, например «поэзия СВОйны» в монографии доктора филологических наук И. И. Плехановой: «В нем трагизм схватки с бывшими «своими» и неполнота общего участия — война только для тех, для кого она своя. В нем «свивание» воли долгом, и крик невыносимой боли, и признание, что надо «своить» — отвоевать, сделать, вынести. В нем спотыкающееся начало, кричащее во весь рост первыми буквами, и жесткое движение к победе — малыми, твердыми шагами. Таков образ истории» [1, 4].

В то же время перечисленные выше термины нельзя назвать абсолютными синонимами. Так, «Z-поэзия» воспринимается сегодня многими читателями как агитационное явление, объединяющее крайне разнородные тексты с разной степенью художественной ценности. По этой причине некоторыми поэтами высказывается мысль о необходимости аполитичного осмысления поэзии Донбасса: «...Поэзия Донбасса, как и вообще всё, что ассоциируется с этим многострадальным регионом, к сожалению,

стала объектом, инструментом некоей идеологической работы, прилепилась к чему-то. А поэзия — это явление самостоятельное. Она не может вызываться даже такими драматичными событиями», — считает донецкий поэт и критик И. И. Волосюк [2].

У Z-поэзии и военной поэзии Донбасса, кроме того, разные хронологические рамки: Z-поэзия берет начало в 2022 году, к тому времени военная тема в поэзии Донбасса развивалась уже в течение восьми лет, если вести отсчет от «Русской весны» 2014 года (показательно, что именно этот временной период — с 2014 по 2022 — охватывают две антологии современной военной поэзии — «Великий Блокпост» и «Воскресшие на Третьей мировой»).

Обозначение «поэзия Донбасса» также имеет свои недостатки, хотя бы потому, что дано по «географическому» признаку, тогда как множество современных поэтов, которые посвящают свои произведения донецкой земле, не были рождены и даже не проживали в этом регионе (существенным в данном случае является скорее единство тематики и проблематики, а не география проживания авторов). Однако оно позволяет уйти от политического взгляда на современную военную поэзию, от разговора о ней исключительно как об инструменте пропаганды, позволяет рассмотреть ее с собственно литературоведческой точки зрения.

Существует несколько сборников донбасской поэзии, которые дают возможность составить пред-

ставление об этом явлении. Первый из них — это сборник «Мы», изданный в 2019 году, составленный поэтом, литературным критиком и публицистом Кареном Джангировым и включающий имена как советских (Н. С. Анциферов, В. Г. Калинин, Н. Г. Хапланов), так и современных поэтов. Антология вышла в свет еще до начала СВО, однако уже она обозначила взгляд на вооруженный конфликт в Донбассе как на событие, меняющее ход истории, по-новому «собирающее» мир. Об этом говорит в том числе и содержащийся на обложке книги слоган: «Донбасс — точка сборки».

В 2023 году почти одновременно вышли два сборника, окончательно утвердившие представление о том, что военная тема всерьез и основательно входит в русскую литературу: это антология донецкой поэтессы Анной Ревякиной, и антология русской военной поэзии «Воскресшие на Третьей мировой» (составители: А. Ю. Колобродов, З. Прилепин и О. В. Демидов).

Сборник «Великий Блокпост» включил в себя стихотворения сорока пяти авторов, чьи имена так или иначе связаны с судьбой Донецка и среди которых присутствуют как профессиональные поэты и писатели, так и журналисты, блогеры, военкоры, солдаты СВО. Сборник разделен на главы по хронологическому принципу: первая из них — «Предчувствие войны» — включает стихотворения 1980-2000-х годов, далее следуют главы, охватывающие период с 2014 по 2022, наконец, завершающей является глава «Позывной Поэт», в которой собраны стихотворения участников СВО. Таким образом, составители сборника присовокупляют к трем годам спецоперации еще и восемь лет вооруженного конфликта в Донбассе, объединяя эти события. «Эпоха сменилась мгновенно — 24 февраля 2022 года, но не вдруг. Ее готовили поэты, начиная с 2014 года, и даже раньше <...> Антология намеренно разделена по годам... Это словно бы поэтический учебник истории...» — так объясняется композиционный замысел книги во вступительной статье, написанной А. Ревякиной [3, 18].

Война — центральная тема сборника — раскрывается в ином, по сравнению с лирикой периода Великой Отечественной, ключе. Поэзия 40-х годов XX века воспевала благородную ярость по отношению к врагу, в этой войне был четко обозначен противник (например, в знаменитом стихотворении В. И. Лебедева-Кумача: «С фашистской силой темною, / С проклятою ордой»). В современной поэзии Донбасса редко появляется четко очерченный образ врага, стихотворения лишены пафоса ненависти к противнику. Основным настроением является сожаление, горечь, скорбь оттого, что оказались трагически разделены два братские народа, имеющие общие культурные и исторические кор-

ни, общее героическое прошлое. Отчетливо мысль о глубинном родстве враждующих сторон выражена в стихотворениях Марии Ватутиной: «Повесь фотографии прадедов перед собою. / Их трое. Четвертый сокрыт вековой слепотою. / Один в вышиванке, другой в гимнастерке, а третий в шинели. / И все — воевали. Вот, снимки одни уцелели» [3, 356]. Память о советском прошлом как о времени единения русских и украинцев отражена в сюжете стихотворения «Короткий волос, вид потусторонен...»: сын-украинец привозит с войны молодую жену — «москвичку, медсестру» [3, 293], и мать, несмотря на свой суровый нрав, тепло принимает невестку в семью. В стихотворении 2023 года «Украина, прощай!», не вошедшем в антологию, лирическая героиня М. Ватутиной признается в любви украинской земле и украинской культуре, переживая войну как предательство близкого человека.

Своеобразно преломляется мысль о войне как об общей беде, разделяющей Россию и Украину, в лирике поэтов — участников СВО, для которых враг — это, казалось бы, не абстрактный образ, а вполне осязаемая и страшная реальность, а ненависть к нему — естественная в ситуации войны эмоция. Так, в стихотворении Григория Егоркина «Храни меня...» солдат получает от комбата трофейную кевларовую каску, на подкладе которой выжжена надпись «Христос храни меня» (сохранена авторская пунктуация). Надевая ее, герой задумывается о судьбе ее прежних владельцев, о равенстве всех солдат перед лицом судьбы и высших сил:

И кто же, палец сняв с курка,
На каске жег тавро?
Андрей, наводчик «василька»?
Телефонист Петро?
Максим ли, Ян крестили лоб
под гуд свинцовых ос?
Шептали, падая в окоп:
«Храни меня Христос»...
Где ты жужжишь, моя оса,
Отсчитывая дни?
Трофей надвину на глаза:
«Христос меня храни» [3, 416].

Война изображена донбасскими поэтами как явление онтологического порядка, авторы и герои стихотворений задумываются не только о ее политическом и историческом значении, но и о ее бытийном смысле, наследуя в этом традициям классиков XX века. Война понимается как неизбежность, как испытание воли, терпения, сил русского человека, которое нужно с честью выдержать. Такое понимание делает актуальными слова А. Платонова, почти 80 лет назад написавшего: «...Раз уж война случилась, то в наших людях открылась волшебная сила, использующая и самое войну для воспитания себя в терпении, в труде и в подвиге, для познания нового мира» [4, 559-560].

Многими авторами, стихотворения которых представлены в сборнике, война воспринимается как некий рубеж двух эпох, событие, призванное разделить на «до» и «после» жизнь русского человека, заставить его переосмыслить прошлое и стать другим. Война вырывает современного человека, убавляя ощущение собственного комфорта, из рая бездумного потребительства, заставляет его задумываться о смерти, а следовательно, о смысле его жизни, осознать границы добра и зла:

Если не пить, то можно сойти с ума.
Я и не пью. Я и почти сошел,
Глядя на эти нравы и времена,
Кроха не знает, что плохо, что хорошо,
Если что и спасет — так только война.
Только война расставит все на места,
Только война и только враг у ворот... [3, 30]

Мысль о необходимости перемен и о неготовности к ним звучит в стихотворениях Дмитрия Мурзина («Коротка дистанция, как кольчужка, / а мы еще не начали запрягать» [3, 31]), Александра Кораблева:

А мы? А мы пока все те же:
Все те же крики на манеже,
и тот же смех, и ужас тот —
Единый лоб, единый рот...
Но что-то все-таки, но что-то
Встает из нас, как из болота,
Встает и голос подает,
И спать ночами не дает.
Один несчастный век кончался,
другой еще не начинался... [3, 27]

Война изображается как событие, «расставляющее все по местам», событие, которое через страдания приводит человека к перерождению. Так формируется центральный мотив всей донбасской поэзии военного времени — мотив воскресения. Само заглавие сборника «Великий Блокпост» содержит словесную игру, одновременно намекая на роль Донбасса в конфликте между Западом и Россией (блокпост — вооруженный заградительный пункт) и на великий пост как духовный подвиг христианина. О важности пасхального кода для донбасской поэзии можно судить уже по названиям стихотворений: «Донбасская Пасха», «Весна. Внезапная, как смерть» (Елена Заславская), «Пасхальное» (Дмитрий Молдавский), «Город ночной, пасхальный, Церковь Бориса и Глеба...» (Вячеслав Троекуров) и др. Появление мотива Пасхи отчасти связано с историческими событиями 2014 года, русской весной и сопряженными с ней надеждами на самостоятельность Луганска и Донецка. Однако он связан и с более глубокими смыслами: с надеждой на ненеправоту тех жертв, которые влечет за собой война.

К Пасхе и мотиву воскресения отсылает и название антологии «Воскресшие на Третьей мировой», являющееся первой строкой из стихотворения донецкого поэта и священника Дмитрия Трибушно-го. Финал стихотворения, в котором жертвы войны

сравниваются с упавшими в землю зернами («Зарытые в планету как зерно / Для будущих счастливых поколений» [5, 357]), с одной стороны, утверждает мысль о том, что страдания и потери военного времени не напрасны, но в то же время «открывает... трагическую правду странной восьмилетней войны — предательство подвига, долгую невосребованность героической жертвы» [1, 32].

В антологии «Великий Блокпост» с мотивом воскресения связаны образы зерна, колоса и хлеба, мотив прорастания из зерна. Этот мотивно-образный комплекс, с одной стороны, высвечивает антигуманную сущность войны. Смыслы зерна и хлеба как призванных дарить жизнь, насыщать, в этом случае инвертируются. Хлеб и зерно несут не насыщение и жизнь, а наоборот, голод и смерть. Так, в стихотворении Александра Курапцева технология организации цветных революций метафорически описана как процесс взращивания семян. Войну взращивают, как овощи на огороде:

Чтобы вырастить большую спелую войну
Нужно сперва подготовить почву
Удобрять ее взрыхлять и очищать от всяких мир-
ных сорняков
Затем вырыть удобную лунку конфликта
И посадить туда сразу несколько семян-войнушек...
Затем семена войны следует хорошенько полить
кровью
Жертвенных невиноватых
И семена тут же пустят корни... [3, 331].

Образы зерна, муки, хлеба создают апокалиптическую картину перевернутого, искаженного мира: «устала земля, на полях / посев костяной прорастет» (Александра Хайрулина [3, 228]), «Сгрузи себя в подвал картошкой до весны. / Бог весть, чем прорастешь» (Наталья Хаткина [3, 20]). Появляется образ истории как мельницы, которая перемалывает человеческие судьбы, уничтожает личностное начало в человеке: «История желает перемен / и крутит, крутит, крутит черный жернов. / Мы стали черным хлебом на войне, / а были... были золотые зерна» (Елена Заславская [3, 50]); «Мельницы мелют верно. / Кто из муки родится? / Кончилось время первых, / вместо крови водица» (Владислав Русанов [3, 255]). В стихотворениях Егора Воронова «Дождь» [3, 384], Елены Заславской «Черный хлеб» [3, 50] возникает образ черного или горького хлеба войны.

Однако в некоторых текстах присутствует и евангельский смысл зерна как необходимости смерти, необходимости жертвы ради будущей жизни. Так, в стихотворении 2015 года Елены Заславской на политей кровью земле вырастает новая Республика: «Так рождается Республика: / кровь мешается с землей». Надежда на обретение новой, свободной жизни даже такой страшной ценой, осознание бытийной значимости происходящего («Вырастает Новороссия, / выходя из бурь и гроз, / нависает звездным космосом / наших былей, наших грез») обуславливает и иное, по сравне-

нию с обозначенными выше примерами, отношение человека к собственной смерти: «Коль умру — взойду колосьями / теплых золотых хлебов» [3, 91].

Как и в литературе 1940-х годов, в современной поэзии о войне осмысливается роль русского слова, которое предстает не просто как символ национальной культуры и идентичности, как оберегаемая от врага духовная ценность (каким оно выступало, например, в лирическом шедевре Анны Ахматовой: «Свободным и чистым тебя пронесем, / И внукам дадим, и от плена спасем»), но как оружие. Метафора «поэт на войне» в донбасской лирике утрачивает свой образный смысл, отражая изменившиеся, в сравнении с прошлым веком, средства ведения войны, которая сегодня нуждается в непрерывном информационном освещении происходящих событий и потому требует присутствия на фронте военкоры, журналисты, военных блогеры. Динамика изменения образа русского слова от нуждающегося в защите к слову как оружию на войне отражена в стихотворении Алексея Шмелева: «...они пришли не за тобой — / они за словом, / стихами Пушкина пришли, / Толстого прозой...»; «Толстой и Пушкин на войне — в столице пусто» [3, 317-318].

Метафора «слово — оружие» присутствует в стихотворениях Германа Титова: «Но сражается русское слово / на полсердца всегда впереди» [3, 323]; Александра Сигиды: «Наши книги — бомбы!» — и не говори» [3, 303]; Марии Ватутиной: ...Мое стихотворение / — не волшебная палочка, а тротил. / Оно — оружие дальноточное, / Реактивный снаряд. Оно — любовное, любовное / Попадание в оружейный склад» [5, 52]. При этом наблюдается и обратный переход смыслов: слово становится оружием, но и оружие поэтизируется, война сравнивается с искусством. Так, Игорь Караулов называет поэтами военных лидеров «Народного ополчения Донбасса»:

«Назовите молодых поэтов», —
попросил товарищ цеховой.
Назову я молодых поэтов:
Моторола, Безлер, Мозговой.
Кто в библиотеках, кто в хинкальных,
А они — поэты на войне.
Актуальные из актуальных
и контемпорарные вполне [3, 74].

На примере последнего стихотворения хорошо заметны особенности языка новой военной поэзии. Это, во-первых, активное вхождение в нее новой лексики, преимущественно военной тематики. Особенно ярко это черта проявляется в последнем разделе антологии, написанном поэтами — участниками СВО

и потому содержащем множество аббревиатур, обозначающих виды оружия: ПКМ, СВД, ВОГ и т.д. В их поэзию активно проникает военный сленг: «ноль», «двухсотый», Дебаль (Дебальцово). Во-вторых, это игра слов, основанная на множественности значений: в стихотворении И. Караулова музе лирической поэзии Эвтерпе дарят гвоздики, пионы и тюльпаны (названия военной техники), танки из стихотворного жанра японской поэзии превращаются в военные машины. Похожим образом в стихотворении Александра Сигиды слово из молодежного сленга «бомба», которым герои оценивают качество русских книг, звучит двусмысленно, поскольку встроено в контекст, напоминающий ситуацию угрозы ракетной опасности («угроза», «гонят в катакомбы»).

Объединяя стихотворения, созданные на протяжении длительного исторического периода (с 1980-х по 2022), антология «Великий Блокпост» выстраивает их в единый метасюжет, поворотными моментами которого являются покаяние, смерть и ожидание будущего воскресения: осознание катастрофы, вызванной отказом страны от своей идентичности, война и надежда на победу. Написанный очень разными поэтами, разных поколений и статусов, военкорами, музыкантами, блогерами, профессорами-филологами, журналистами, солдатами, слесарями (Евгений Мокин) и шахтерами (Александр Савенков), сборник воспринимается как целостный текст, объединенный идеей победы жизни над смертью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плеханова И. И. Поэзия и проза СВОиной: Сборник статей / И. И. Плеханова. — Ульяновск: УлГТУ, 2025. — 243 с.
2. Волосюк И. И. Поэзия Донбасса. — Режим доступа: <https://godliteratury.ru/articles/2022/10/02/poeziia-donbassa-chast-i> (дата обращения 28.04.2025)
3. Великий Блокпост. Антология донбасской поэзии 2014-2022 гг. — СПб.: Питер, 2023. — 432 с.
4. Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / А. П. Платонов / Сост., комментарии Н. В. Корниенко. — М.: Время, 2011. — 720 с. (Собрание).
5. Воскресшие на Третьей мировой. Антология военной поэзии 2014-2022 гг. — СПб.: Питер, 2023. — 416 с.
6. Матвеева Ю. В. Поэзия Донбасса как документ и свидетельство / Ю. В. Матвеева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2023. — Т. 29. — № 2. — С. 5-20.
7. Кузнецов И. В. Традиция русского модерна в современной военной поэзии / И. В. Кузнецов // Идеи и идеалы. — 2024. — Т. 16. — № 2-2. — С. 383-397.

Воронежский государственный университет

Грязнова А. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Gryaznova A. Yu., Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of the Russian Literature of the 20th and 21st Centuries, Theory of Literature and the Humanities

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru

СОБОРНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛИЗМ: ДВА ЛИКА ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (М. А. ШОЛОХОВ, В. Г. РАСПУТИН)

Л. Г. Сатарова, Н. В. Гречушкина, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка проанализировать произведения М. А. Шолохова и В. Г. Распутина в контексте категорий христианской культуры. Авторы утверждают, что в рассказе М. А. Шолохова «Судьба человека» главный герой, преодолев многочисленные испытания военных лет, остался верен долгу отцовства и усыновил сироту Ванюшу. В повести В. Г. Распутина дезертир Андрей Гусков ради собственного выживания губит свою семью: жену и еще не родившегося ребенка. Его позиция индивидуалиста сеет вокруг себя только разрушение и смерть.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, подвиг, М. А. Шолохов, В. Г. Распутин, рассказ, повесть, служение, любовь, христианские ценности.

Abstract: the article attempts to analyze the works of M. A. Sholokhov and V. G. Rasputin in the context of the categories of Christian culture. The authors claim that in M. A. Sholokhov's short story "The Fate of Man," the main character, having overcome numerous trials of the war years, remained faithful to the duty of fatherhood and adopted the orphan Vanyusha. In V. G. Rasputin's novel, the deserter Andrei Guskov destroys his family for his own survival: his wife and unborn child. His position as an individualist sows only destruction and death around him.

Keywords: the Great Patriotic War, feat, M. A. Sholokhov, V. G. Rasputin, short story, novella, service, love, Christian values.

В 2025 году весь культурный мир отмечает несколько юбилеев М. А. Шолохова. Основные из них — 120 лет со дня рождения писателя и 60 лет вручения ему Нобелевской премии. Заслуги М. А. Шолохова как перед казачеством, так и перед Россией в целом трудно переоценить. Он не только открыл неповторимые казачьи типы характеров и бытовое своеобразие «Тихого Дона», но и первым показал «рассказывание» как геноцид большевиков против собственного народа. М. А. Шолохов сохранил само слово, само понятие «казак», необходимое для становления нашего национального самосознания и для истинного понимания исторического пути России.

Тема войны волновала М. А. Шолохова на протяжении всей его творческой жизни. Сначала это было изображение гражданской войны в «Донских рассказах», потом — Первая мировая война, революция и «рассказывание», вызвавшее контрреволюционное Верхне-Донское восстание. Коллективизацию в «Поднятой целине» нельзя рассматривать вне связи с письмами М. А. Шолохову к И. В. Сталину, где сами колхозники признавались автору, что родная советская власть разорила их хуже, чем белые в гражданскую войну.

Особое место в творчестве М. А. Шолохова занимает Великая Отечественная война, во время которой

ему пришлось пережить немало таких потрясений, которые могли оборвать саму его жизнь. Это и продолжавшаяся клевета «братьев»-писателей, которые не оставляли попыток заставить замолчать М. А. Шолохова навсегда. Это и бомбежки станицы Вешенской, когда постоянно два объекта были на прицеле у фашистов: храм святого Архангела Михаила и дом М. А. Шолохова. В один из таких полетов трагически погибла мать писателя, не успевшая выйти из дома. Это и катастрофа с самолетом, на котором летел М. А. Шолохов, чтобы выполнить задание Совинформбюро. При посадке самолет уткнулся носом в землю, погибли все, кроме летчика и М. А. Шолохова. Писатель получил тяжелейшую травму: произошло смещение всех внутренних органов. Сын Михаил вспоминал, что к отцу «было страшно даже подойти — чудовищно распухшая голова ... долгое время он ничего не мог есть — любая пища вызывала рвоту...» [1, 322].

Жена кормила его с ложечки: только сливки. Председатель колхоза присылал баночку, потому что военкору М. А. Шолохову долго не оформляли денежное довольствие. Семья вынуждена была продавать вещи, чтобы прокормиться.

В военные годы М. А. Шолохов начал писать роман «Они сражались за Родину», главы из которого публиковались в газете и отправлялись солдатам в окопы, где расходились нарасхват. Настоящим прорывом в теме «человек и война» стал рассказ

«Судьба человека», явивший собой целостную мировоззренческую концепцию, в основе которой лежит традиционная для русской литературы идея соборности, по мере возможности реализовавшая себя в годы атеистического лихолетья. Путь к этому гениальному рассказу-эпосе отчасти начался еще в 1920-е, когда М. А. Шолохов работал над «Донским циклом». Рассказ «Чужая кровь» по праву считается венцом «Донских рассказов», в которых анализировалась и художественно преломлялась проблема «отцов и детей» — центральная для всей русской литературы. Новаторство М. А. Шолохова состояло в том, что библейская ситуация отца и сына получила в рассказе невиданно острое как социальное, так и религиозно-нравственное наполнение.

Главный герой «Чужой крови» — донской казак дед Гаврила — истинный христианин, воспитанный на традиционных ценностях русского мира царской России. Православная вера и любовь к Церкви стоят для него неизмеримо выше, чем сохранение собственной жизни ценой отказа от того, что определяло смысл существования и его самого, и всего казачьего рода на протяжении веков. Красные разрушили этот мир, утверждая новых земных кумиров, ради которых готовы были залить «тихий Дон» кровью, принести любые человеческие жертвы. Для обороны «батюшки тихого Дона» дед Гаврила отправляет на войну единственного сына Петра, который погибает, выполняя долг защитника родного края. Казалось бы, в душе героя должна была поселиться непреходящая ненависть к врагам, осиротившим его и старуху. Однако автор новаторски разрешает гражданский конфликт красных и белых в своем рассказе. Чужой не только по крови, но и по духу красный продкомиссар, умирающий от ран на базу деду Гаврилы, вызывает в душе старика сострадание, а не желание добить врага, осуществить праведную месть. Старик и старуха выходили молодого красноармейца и привязались к нему как к родному. И продкомиссар отвечал им взаимностью. Чужие по крови люди объединились в одну семью, разделение было преодолено той жертвенной христианской любовью, которую заповедовал Спаситель.

Тем не менее трагическая сущность гражданской войны, как ее понимал М. А. Шолохов, не давала возможности оптимистического финала в «Чужой крови». Старики теряют и этого второго, приемного сына. Но духовно-нравственное ядро проблематики рассказа оказалось весьма продуктивным, выводящим из тупика взаимоупора гражданского противостояния. Чувства отца и сына — вечные, заповеданные Библией, — победили порочную идею социально-классовой вражды и вывели героев к свету Истины всечеловеческого, соборного единства и общения во Христе.

Эта шолоховская модель снятия противоречий в казачьей среде воплотилась и в романе «Тихий Дон». Речь идет о трагедии Григория Мелехова.

Сколько было сломано копий в трактовке его судьбы! Однако на сегодняшний день наиболее актуальным является анализ его трагедии в контексте христианской культуры.

В романе «Тихий Дон», столетие со времени начала работы над которым мы отмечаем в этом году, есть эпизод, который впечатляюще демонстрирует суть казачьего братства или товарищества, как его называл Н. В. Гоголь («Тарас Бульба»). Мы имеем в виду фрагмент спасения Григорием Степана Астахова во время боя Первой мировой войны, когда соперник, трижды стреляя в спину, пытался его убить. «Опаленный радостной решимостью», преодолевая ревность, рискуя собственной жизнью, Григорий спасает не только соседа по хутору, но и личного врага, поклявшегося отомстить ему за Аксинью вплоть до физического уничтожения.

В романе-эпосе М. А. Шолохова казачество изображается как христоролюбивое воинство, где на первом плане — следование духовно-нравственным заповедям, которые сохраняли российское казачество как военное братство — уникальное, феноменальное явление, способное к самоорганизации, самопожертвованию, обладающее глубинным инстинктом государственности. Православная вера, христоцентризм, способность к подвигу ради высших идеалов и ценностей составляют фундамент мировоззрения донцов, который неустанно возвращала и подпитывала Церковь. Мелехов совершил свой подвиг мгновенно, не колеблясь, не раздумывая, подчиняясь тому духу казачьей общины, которая основана на соборных началах своего устройства.

В то же время другой герой «Тихого Дона», Евгений Листницкий, находясь в тылу, соблазняет Аксинью, делает ее своей любовницей, поскольку она всецело находится в его власти. Листницкий — монархист, в уста которого автор вкладывает достаточно много трезвых, аналитических рассуждений о положении дел в стране. Он осознает, что «обворовал» ближнего, то есть Григория Мелехова, совершил смертный грех. Грехи для падшего человека — явление обыденное, но христианин отличается от других тем, что он может искренне раскаяться и не допустить повторения ошибок. Однако у Листницкого побеждает философия индивидуалиста, состоящая в том, что он оправдывает свое падение, мотивируя тем, что ему «все можно», поскольку он проливал кровь на фронте.

М. А. Шолохов приводит его рассуждение о войне и о некоем праве гедониста «пожить в свое удовольствие»: «С точки зрения честного человека — это подло, безнравственно. Григорий... Я обворовал ближнего, но ведь там, на фронте, я рисковал жизнью. Могло же так случиться, что пуля взяла бы правее и продырявила мне голову? Теперь я истлевал бы, моим телом нажирались бы черви... Надо с жадностью жить каждый миг. Мне все можно!» [2, 359].

Этот скользкий путь самооправдания во зле исследуется М. А. Шолоховым на примере ряда судеб героев романа, как и противоположный — нравственный выбор человека, который сумел преодолеть животные инстинкты, страх смерти, голод, холод и другие лишения и не превратился в эгоцентрика, желающего не только выжить любой ценой, но и получить свою долю светлых земных «сокровищ».

Таков Григорий Мелехов, для которого поиск универсальной правды, а не комфорта существования становится смыслом жизни и который через невероятные страдания обретает этот смысл в финале, когда оказывается на пороге родного дома с сыном на руках. Последний выбор героя — вернуться домой до объявления амнистии — тоже подвиг, поскольку на этот раз Григорий рискует своей жизнью, чтобы выполнить отцовский долг (заметим, что прототип Григория Мелехова, Харлампий Ермаков, был расстрелян чекистами в 1920-е годы).

Финальный путь Мелехова — жертвенный, он способен «положить душу за други своя». А это высшая степень христианской любви. Таким образом, М. А. Шолохов, несмотря на давление офицеров и даже тех своих друзей-писателей, которые по-своему желали ему добра, призывая сделать Мелехова «красным» в конце эпопеи, закончил свой роман так, как ему подсказывала совесть. При этом он отчетливо осознавал, на что идет: «Тихий Дон» мог не попасть в печать. М. А. Шолохов подчеркивал, что напишет роман так, как считает нужным, а «там хоть четвертуют».

Великая Отечественная война заставила М. А. Шолохова как автора казачьих романов обратиться к общерусской истории, бытовому материалу и типу национального характера. Его фронтовые публикации и главы из романа «Они сражались за Родину» представляют собой уникальный опыт создания на базе горячей фазы военных действий, острого злободневного материала сюжетов и конфликтов общечеловеческого масштаба и значения. Таков очерк-рассказ «Наука ненависти», который был воспринят нашими бойцами как руководство к действию, как духовно-нравственное оправдание «священной» войны нашего народа против фашистского Запада. Этот рассказ был высоко оценен таким глубоким и тонким критиком русского зарубежья, как Н. Оцуп. Анализируя начало шолоховского очерка, он писал:

«Перехожу к небольшой вещи Шолохова “Наука ненависти”. Она тоже написана на случай. Но сколько в этом коротком очерке величия и простоты! Поверхностному гуманисту “Наука ненависти” могла бы дать повод для негодования. В самом деле, поэту не очень пристало разжигать в сердцах чувство мести... Разумеется, победить в себе ненависть — подвиг святых, но ведь святых меньше даже, чем гениев. “Наука ненависти” написана превосходно» [3, 107].

Н. Оцуп приводит в доказательство пейзаж, который открывает повествование, задавая определенную тональность: «На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу» [3, 107]. В поле зрения военного пейзажа М. А. Шолохова попадают сосна, березка и дуб. Картина природы, которую смерть превратила в кладбище (об этом говорят детали в изображении сосен), оживотворяется весенним расцветом молодой березки, листочки которой хотя изранены осколками, но продолжают жить, приветствуя весну как начало вечного обновления жизни. Центральным образом пейзажа является дуб — символ русского мужества, крепости и стойкости: «На повесне немецкий снаряд попал в ствол старого дуба, росшего на берегу безымянной речушки. Рваная, зияющая пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая разрывом к воде, весною дивно ожила и покрылась свежей листвой. И до сегодняшнего дня, наверное, нижние ветви искалеченного дуба купаются в текущей воде, а верхние все еще жадно протягивают к солнцу точеные, тугие листья...» [3, 108].

Вспоминается «толстовский» дуб князя Андрея, который параллелен возрождению души героя. Н. Оцуп продолжает: «У Шолохова прямого параллелизма между состоянием души и рассказом в этом очерке нет, но что-то неуловимо определяет весь тон отрывка, сплетая ужас и слабую надежду в одно, как сплетены они в образах уцелевшей каким-то чудом березки и разорванного, но все же зацветающего дуба. Шолохов вообще в ладу с природой. Душа его не душа выдумщика. И вот парадоксальное заключение: в этом очерке из ненависти вырастает любовь» [3, 108].

Статья Н. Оцуа изобилует множеством оригинальных и продуктивных наблюдений над шолоховским текстом. Нас особенно привлекает то замечание, где он акцентирует нечто ускользающее от определения, трудно уловимое, но реально присутствующее в рассказе чувство общности автора, героя, природы, которое мы называем соборностью. В мире М. А. Шолохова всё, что он изображает, существует в живой связи со всем, в единстве части и целого, одно познается через другое, взаимоотражается и символизируется. Именно об этом говорит «ключ» всей мелодии шолоховской прозы, где отмечается, что деревья и люди имеют свою судьбу, а вместе, в целом создают ту картину мира, которая отличается национальным колоритом и концептуальной завершенностью.

В рассказе «Судьба человека» мы видим ту же стилизованную манеру запечатления главной идеи произведения в пейзаже, который становится не только фоном действия, но и воплощением философских, мировоззренческих установок автора: «Первая послевоенная весна была на Верхнем Дону на редкость дружная и напористая. В конце марта из Приазовья подул теплые ветры, и уже через двое суток на-

чисто оголились пески левобережья Дона, в степи вспухли набитые снегом лога и балки, взломав лед, бешено взыграли степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны» [4, 347].

«Дружная, напористая весна» — обобщенный образ всех сил природы, которые объединяются, «напрягаются» ради того, чтобы воскресить жизнь. Этот пейзажный лейтмотив проецируется на трагическое содержание военной истории, которое будет преодолено духом, усилием человеческой любви. В начале рассказа герой-повествователь, Андрей Соколов и Ванюшка — посторонние люди, у каждого из них — своя траектория движения по жизни. Но после исповеди Соколова они сливаются в нечто единое, что позволяет говорить об общенародной судьбе в рассказе, придающей ему качество эпической масштабности.

Первое обращение Соколова к незнакомцу — «браток» — показательное, оно будет употреблено в рассказе более десятка раз. Мы полагаем, что это не просто точная бытовая деталь разговора шофера с «шофером». Оно сразу включает чужих людей в смысловое пространство, где на первом плане такие нравственные категории, как сочувствие, сострадание, понимание и сопричастность к жизни своего ближнего, соучастие в ней. Исповедь Андрея Соколова — постепенное обретение соборного сознания, которое показано автором как процесс. Это история разделения и соединения героя с разными людьми, именно в этих обстоятельствах выковывается его характер.

Первый драматический эпизод в этой сюжетной линии — прощание с Ириной перед уходом на фронт. Следует подчеркнуть, что после женитьбы Соколов вначале ведет себя в семье как своевольный холостяк: пристрастие к выпивке способно было разрушить любые узы совместной жизни. Но Ирина, которую Солженицын справедливо назвал «истинной христианкой в духе Достоевского», своим ангельским терпением и кротостью обуздывает страсти своего мужа, укрощает его своеволие и создает крепкую, счастливую семью. Их брак благословляется детьми, любовью и всепрощением Ирины привели к закономерному результату — семья живет по библейской заповеди: «плодитесь и размножайтесь».

Война разрушила этот счастливый мир, и в рассказе началась уже иная история Андрея Соколова — современного Иова Многострадального (на библейский исток судьбы шолоховского героя многократно указывала критика). Как отмечалось выше, открывает новую страницу его воспоминаний эпизод прощания с Ириной, данный автором крупным планом. Чувство вины, которое испытал герой, нечаянно, но сильно оттолкнувший жену, поселяется в его душе навсегда, оно растет и даже укрепляется, становится неизбывным, поскольку они больше уже не увидятся, как и предсказывала Ирина, «на этом

свете». Чувство вины за страдания другого человека, своего ближнего — это национальная черта нравственного облика русского человека, во многом определяющая его характер. Соколов даже перед смертью не хочет и не может простить себе ту боль, которую он причинил жене.

Нити от этого эпизода тянутся к повести В. Г. Распутина «Живи и помни». Написанная спустя двадцать лет после рассказа М. А. Шолохова, она подхватывает вопросы, поставленные в «Судьбе человека». В ней тоже в центре внимания оказываются отношения мужа и жены, проблема испытания человека войной, конфликт соборного и индивидуалистического начал как в народной жизни, так и внутри каждого человека.

Андрей Гуськов и Андрей Соколов — герои-антиподы, хотя у них одно имя, но их «птичьи» фамилии показывают всю глубину различия их нравственного выбора и поведения в годы войны. Андрей Гуськов не только заставляет Настену чувствовать свою вину за то, что он дезертировал с фронта, но и вовлекает ее в преступление против своих же односельчан, против родного отца, наконец, против их будущего ребенка, которым они собирались «оправдаться». Настена приходит к полному разладу внутри себя самой, ее честная, искренняя, «соборная» натура начинает ломаться под грузом тех грехов, которые она совершает ради мужа. Она вынуждена врать, красть, лицемерить, переставая различать добро и зло.

Испытания, выпавшие на долю Гуськова, несоизмеримы с теми, что пережил Соколов. Плен — самое страшное, что могло случиться с человеком на войне. Это традиционный подход, и именно так его изображает М. А. Шолохов. Его задача — показать те истоки сопротивления злу, которые позволяют Соколову не только остаться человеком, но и стать героем, совершить подвиг, до конца претерпев те страдания, которые несла война. Первый убитый им человек на войне — свой же русский. В этом смысле эпизод в разрушенной церкви, где происходит убийство, является поворотным, в нем М. А. Шолохов раскрывает тот базис, фундамент личности Соколова, который делает его сопричастным к беде каждого человека. Среди советских военнопленных обнаружился предатель, который захотел «милости» от немцев, выдав им своего командира. Вся «соль» данной ситуации состоит в том, что самому Соколову здесь ничего не угрожает, он мог бы занять позицию постороннего, заботясь о сохранении собственной жизни. Тем более, что на его глазах только что погиб солдат-христианин, который предпочел смерть осквернению храма. Но настоящие воины исповедуют идею и ценности «товарищества», фронтового братства, и Соколов принимает неравнодушное, принципиально важное решение — уничтожает предателя: «До того мне стало нехорошо после этого, и страшно захотелось руки

помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил... Первый раз в жизни убил, и то своего... Да какой же он свой? Он же хуже чужого, предатель. Встал и говорю взводному: "Пойдем отсюда, товарищ, церковь велика"» [4, 362].

Немецкий плен в воспоминаниях Соколова предстает как преисподняя, где «били за то, что ты — русский, за то, что на белый свет еще смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь» [4, 364]. В рассказе постепенно нарастает тема «русскости», достигая своего апогея в столкновении с «немецким» в поединке с Мюллером. Тема «русского достоинства» окрашивает весь этот эпизод, причем сказывается это не только в том, что Соколов находит в себе силы шутить перед лицом возможной смерти, напоминая тем самым незабвенного Василия Теркина. Герой М. А. Шолохова «собирается с духом, чтобы глянуть в дырку пистолета бесстрашно, как и подобает солдату». Но на этом испытания не закончились. Андрей Соколов предстает как истинный богатырь духа, когда отказывается от соблазна в одиночку съесть «трофейные» хлеб и сало, ведь такое искушение естественно и простительно для изголодавшегося человека. Еду поделили в бараке поровну, хотя среди пленных был и тот «стукач», который донес на Соколова.

Андрей Соколов выжил в плену, потому что боролся не столько за свою жизнь как таковую, им двигало желание соединиться со своей семьей после победы. Он — глава семьи, отец и муж, а для героя это сакральные понятия, как и любовь к Отчизне. Возвращение Андрея на Родину выдержано автором в русле эпического сказания: «...Но вот уже лесок над озером, наши бегут к машине, а я вскочил в этот лесок, дверцу открыл, упал на землю и целую ее, и дышать мне нечем...» [4, 370-371].

Трагедия войны в рассказе М. А. Шолохова исследована до самого дна, когда выживший солдат, вернувшись с фронта, узнает о гибели своих родных. Вопрос неминуемо встает о цене победы и подвиге советского солдата. Эта проблема была остро поставлена в послевоенном шедевре М. В. Исаковского «Враги сожгли родную хату», ею не переставал «болеть» А. Т. Твардовский, как и многие другие деятели русской культуры. М. А. Шолохов учитывает их опыт в раскрытии и осмыслении этой непростой темы. И он находит свой ответ, свое решение, когда Андрей Соколов преодолевает, пожалуй, самое серьезное испытание после войны — одиночество. В усыновлении им Ванюшки кроется вся глубина постижения человеком смысла своего существования. Жизнь — это не срывание «цветов удовольствия», это труд во благо своего ближнего, это служение людям, а не прихотям своего «я». Беспросветная, мрачная сторона войны, которая отняла у героя все, что было дорого его сердцу, просветляется только тогда, когда герой понимает, что вся наша страна — это

большая семья, которая требует своего восстановления, заботы, внимания и жертвенного подвига любви. Как всегда у М. А. Шолохова, эта великая идея воплощена в конкретной бытовой ситуации — проявлении отцовского чувства к беспризорному сироте, которого тоже «искажила, покалечила» война: «Закипела тут во мне горячая слеза, и сразу я решил: "Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети". И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло» [4, 376].

Следует подчеркнуть, что вокруг чайной, где Соколов нашел приемного сына, кормилось много мужчин, но стать отцом сироты смог только он один, потому что страдания военных лет обострили его восприятие чужого несчастья как своего собственного. Это соединение «двух песчинок», заброшенных «в чужие края военным ураганом невиданной силы», в одну семью представляется нам кристаллизацией основной идеи рассказа — торжества народного соборного начала в русской душе, которое ни при каких обстоятельствах не позволяет человеку окунуться в бездну уныния и отчаяния.

Повесть В. Г. Распутина «Живи и помни» написана о противоположенном процессе в душах главных героев, когда самолюбивое «я», «мои» желания и расчеты преобладают над общенародными интересами и возникает стремление выстроить собственное счастье вопреки логике войны. Тема дезертирства солдата с фронта неоднократно попадала в поле зрения писателей («Дезертир» Ю. Гончарова, «Лицом к лицу» Ч. Айтматова и др.). Но подход В. Г. Распутина к этой теме отличается ее рассмотрением в контексте основополагающих категорий бытия, нашей национальной культурной идентичности. Для русского духовного менталитета всегда был важен вопрос, имеющий первостепенное значение: для чего и во имя чего живет человек, как найти истинный смысл жизни, существуют ли вечные ценности и каковы они. Андрей Гуськов, как и Андрей Соколов в начале своей исповеди, мог бы сказать, что «поначалу его жизнь была обыкновенная». Гуськов воевал на фронте, как все, не прячась за спины товарищей, с ним охотно ходили в разведку и т.п. Но к концу третьего года начал проглядывать конец войны и у героя возникла мысль о том, чтобы сохранить себя любой ценой, «от смерти отойти». У него созревает план, как осуществить свое намерение, и это ему удастся, однако В. Г. Распутин вскрывает все лукавство этого выживания «наособицу», потому что любая цена собственной жизни неминуемо влечет за собой цену жизни другого человека, своего брата по оружию. Если представить себе картину того, как наши солдаты пытались бы каждый «от смерти отойти», подставляя вместо себя другого, не рискуя, не жертвуя собой вплоть до последних победных залпов, фронт развалился бы и мы никогда не выиграли войну.

Тема пагубности индивидуализма открывает распутинское повествование. Изначально в зимнем пейзаже, в котором преобладают детали сиротства, холода, «помертвевшего» леса, «жесткого и ломкого воздуха», символизируются мотивы грядущей драмы, когда разделение и отчуждение затронет всю когда-то дружную семью Гуськовых: «Зима на сорок пятый, последний военный год в этих краях простояла сиротской, но крещенские морозы свое взяли, отстучали, как им полагается, за сорок. Прокалившись за неделю, отстал с деревьев куржак, и лес совсем помертвел, снег по земле закрип и покрошился, в жестком и ломком воздухе по утрам было трудно продохнуть. Потом снова отпустило, после этого отпустило еще раз, и на открытых местах рано затвердел наст. В морозы в бане Гуськовых, стоящей на нижнем огороде у Ангара, поближе к воде, случилась пропажа: исчез хороший, старой работы, плотницкий топор Михеича» [5, 3].

Несложно заметить, что начало повести В. Г. Распутина прямо соотносится с пейзажем, открывающим рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека». И соотносится оно по принципу контраста. У М. А. Шолохова действие начинается «первой послевоенной весной», которая оказалась «на редкость дружной и напористой». Выше мы уже отмечали «вихревую» динамику картины природы, в которой все ее «голоса» сливаются в общий «хор», участвующий в возрождении жизни.

У В. Г. Распутина на фоне мертвящего холода начинают совершаться первые, пока еще маленькие, но болезненные «преступления» в доме Гуськовых. Пропаж топора — говорящая подробность, так как в быту, хозяйстве земледельцев топор — важная и даже незаменимая вещь. Если шолоховская весна постепенно отогревает человеческие сердца, измученные испытаниями военного времени, то у В. Г. Распутина внутри семейства Гуськовых все отчетливее назревает взаимное охлаждение и отчуждение, которое породило дезертирство Андрея. Настена знает, а Михеич догадывается, что его сын — дезертир. Настена убеждает себя в том, что и она виновата в драматическом изломе судьбы своего мужа, которого она любит, а больше жалеет. Трудно не согласиться с героиней, когда она приходит к выводу, что вымаливала она Андрея «только для самой себя», для своего «я». В. Г. Распутин показывает, что своеволие или самозаконотворчество дремлет в каждом человеке, даже в такой совестливой натуре, как Настена.

Есть ли в повести выход из тупика несправедливой жизни, «рецепт» спасения мужа и жены от трагического финала? Глубина понимания соборности, истинная народность писателя подсказывают этот традиционный выход для согрешившей, но мучающейся своим падением человеческой души. Это путь искреннего покаяния, которое никогда не бывает бесплодным. И Настена, и Андрей выводятся ав-

тором на эту труднейшую, но единственно верную стезю. А умудренный жизненным опытом Михеич прямо ее формулирует. Но осознанный индивидуализм Андрея, его упрямое желание выжить любой ценой, переступая не только духовные законы бытия, но и обычные моральные правила и принципы, не позволяют эгоцентрику признать свое поражение. Его нравственная деградация достигает уже вершин бессмысленной жестокости, когда он топором, украденным у отца, убивает теленка не ради потребности в пище, а из злобного, мстительного помысла.

Нравственная деградация главного героя расценивается автором как дехристианизация. Эта идея явно обнаруживает себя в кульминационном моменте повести, в решающем диалоге Михеича и Настены: « — Он здесь, Настена. Не отказывайся, я знаю. Никому не говори, откройся мне одному. Откройся, Настена, пожалей меня. Я ить отец ему.

Настена покачала головой.

— Дай один только и в последний раз увидеться. Христом-Богом молю, Настена, дай. Не простишь тебе, если ты от меня скроешь... Хочу я спросить его, на что он такое надеется? А? Не говорил он тебе? У нас в родове всякие бывали, но чтоб до такого дойти... От стервец дак стервец. Доигрался... Сведи нас, Настена, — почти с угрозой потребовал он. — Христом-Богом молю: сведи. Надо заворотить его, покуль он совсем не испоганился. Ты сама видишь: дале некуда играть. Хватит. Пожалей меня, Настена, подмогни. И тебе легче будет» [5, 181].

Андрей как-то сказал, что убьет свою жену, если она кому-нибудь скажет правду. Настена сохраняет его обещание как некую «заповедь». Она отказывает Михеичу. Однако это упорство во грехе и не могло принести никакого иного результата. Гуськов все же «убивает» свою жену и ребенка, хотя клялся Настене, что покончит со всеми, кто будет ее обвинять и судить. По логике повествования, именно Настене придется заплатить самую высокую цену за нераскаянное преступление мужа. Настена была обречена после убийства теленка, когда Гуськов увидел в глазах коровы неотвратимость возмездия: «Перед тем как уходить, Гуськов в последний раз оглянулся на корову. Пригнув голову, она смотрела на него с прежней пристальной неподвижностью, и в ее глазах он увидел угрозу какую-то постороннюю, не коровью, ту, что могла свершиться. Гуськов заторопился уйти» [5, 141].

В повести В. Г. Распутина герой-индивидуалист добивается своего: он выживает. «Любая» цена этого итога чрезвычайно высока: Настена пожертвовала собой и ребенком, чтобы спасти мужу жизнь. В одном из вариантов финала повести В. Г. Распутин показывает, что Андрей не изменил своему главному выбору — жить только для себя. Когда он услышал шум на реке — это плыла Настена, которую искали и за которой гнались, — у него не мелькнуло

даже мысли о том, что его жена находится в опасности, что ей нужна помощь и поддержка, что она может погибнуть.

Гуськов в очередной раз сбежал от ответственности за своих ближних, он кинулся в тайгу, на Каменном острове у него была заготовлена пещера, где «его не отыщут ни одна собака».

А Настену бабы не дали похоронить среди утопленников и предали ее земле среди своих, «только чуть с краешку, у покосившейся изгороди».

И рассказ «Судьба человека», и повесть «Живи и помни» заканчиваются слезами. У М. А. Шолохова плачет герой-повествователь, который «с тяжелой грустью» смотрит вслед Соколову и его сынишке. Действительно, война и радость мало совместимы друг с другом. Но в «Судьбе человека» грусть не отменяет конечного торжества жизни, она дает читателям надежду на преображение земной трагедии в нечто высшее, вечное и справедливое.

У В. Г. Распутина — иные слезы. Читателям жалко Настену, как и бабам, которые «всплакнули на ее поминках». Но говорящее назидательное название повести обращено не только к дезертиру, но и ко всем

тем, кто уверен, что им «все можно», кто следует порочной философии самоутверждения за счет чужих страданий, горестей и бед. Это онтологический бунт против Бога, Который создал человека по Своему образу и подобию. Разрушающий Божий замысел о человеке неизбежно уничтожает связь творения с Творцом, попирает волю Отца Небесного, попадая в ловушку темных, бесовских сил. Соборная сущность человека заложена в его природе, и тот, кто пытается самовольно переступить определенные Богом границы, неизбежно терпит крах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипов В. Шолохов / В. Осипов. — М.: Молодая гвардия. — 2005.
2. Шолохов М. А. Тихий Дон: В 4 книгах / М. А. Шолохов. — Кн. 1. — М.: Художественная литература, 1962.
3. Шолохов и русское зарубежье / сост. В. Васильев. — М.: Алгоритм, 2003.
4. Шолохов М. А. Донские рассказы. Судьба человека / М. А. Шолохов. — Душанбе: Маориф, 1984.
5. Распутин В. Г. Живи и помни / В. Г. Распутин. — М.: Современник, 1975.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Гречушкина Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: natgrech@yandex.ru

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Grechushkina N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: natgrech@yandex.ru

Stuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru

НАРЕЧИЯ И СИНОНИМИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ: ЛАКУНЫ НА УРОВНЕ СУБСТАНТИВНЫХ КОРРЕЛЯТОВ

В. К. Голубева

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 7 февраля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается грамматическая синонимия качественных наречий и предложно-падежных форм. Выявляются словообразовательные и лексические ограничения на установление синонимических отношений между данными единицами: специфический характер основы прилагательного, мотивирующего кодериваты; неосвоенность отвлеченных имен в составе конструкции «предлог “с/со” + форма творительного падежа»; расхождение семантики наречия и одно-коренного имени.

Ключевые слова: наречие, существительное, предложно-падежная форма, грамматическая синонимия, лакуна.

Abstract: the article examines the grammatical synonymy of qualitative adverbs and prepositional-case forms. Word-formation and lexical restrictions on the establishment of synonymous relations between these units are identified: the specific nature of the derivate word motivating the coderivates; disuse of abstract nouns as part of the construction «preposition “s/so” ‘with’ + instrumental case form»; discrepancy between the semantics of the adverb and the same root noun.

Keywords: adverb, noun, prepositional-case form, grammatical synonymy, lacuna.

В концепции «Русской грамматики-80» наречие является одной из четырех основных частей речи [1, 458], однако составляет их периферию, что предопределяется его вкладом в номинативный фонд языка; бедным словоизменением и отсутствием морфологических категорий, объединяющих все единицы данного класса; меньшей глубиной морфемных и словообразовательных связей по сравнению с существительным, прилагательным и глаголом [2, 494]. Вместе с тем в грамматической системе русского языка у наречий есть своя, традиционно приписываемая им «ниша»: именно они признаются «эталонными», или, точнее, лексикализированным способом выражения обстоятельственных значений [2, 515]. Данная проблематика перекликается с выделением морфологизированных vs. неморфологизированных либо изосемических vs. неизосемических слов / членов предложения и порождает вопрос: насколько принадлежность единиц к изосемическому классу коррелирует с их семантическим (номинативным) потенциалом?

Исследование функциональных связей наречий с другими частями речи показывает, что в адвербиальной функции могут выступать предложно-падежные формы (ППФ): *Вот всегда так, все записываю, а когда касается меня, отношусь с легкомыслием* (С. Есин. Дневник) = *отношусь легкомысленно*; *Андроник и Юния обратились в новую*

веру раньше даже Павла, что они иногда со скромной хвастливостью и подчеркивали (И. Наживин. Иудей) = *немного/слегка хвастливо подчеркивали* (о разных возможностях наречий и ППФ присоединять распространители и о смысловой нюансировке, задаваемой такими модификаторами, мы писали в [3; 4]). Однако иногда один из потенциальных коррелятов отсутствует: — *Я видел, у вас концерт. У меня тоже, завтра. Вы придете?* — спросил Максим *с надеждой* (С. Спивакова. Не всё) — в языковой системе не представлено соответствующее предложно-падежной форме наречие; *Андрей закурил, политично похвалил табачок* (Д. Гранин. Искатели) — сомнительным является сочетание **с политичностью похвалил табачок*.

Для конкретизации лексико-семантического потенциала наречий русского языка необходимо выявить и сравнить области лакунарности на уровне как имени, так и наречия, т.е. исследовать трансформационный потенциал частей речи в обоих направлениях: «наречие → форма имени в адвербиальной функции» и «форма имени → наречие».

Целью данной статьи является установление зоны коррелятивности и некоррелятивности наречий образа действия и ППФ, а также причин отсутствия синонимичной наречию субстантивной формы. Чаще всего наречие способно заменяться сочетанием предлога *с/со* с тв. пад. существительного (это отмечалось Г. А. Золотовой [5, 157], Э. М. Ножиной [6, 144 и сл.], А. В. Дегальцевой [7, 19], М. Б. Таш-

лыковой [8, 53]), поэтому в нашей работе будет анализироваться соотношение адвербиальных лексем и ППФ указанной структуры.

В качестве материала для анализа мы взяли 500 наречий и проверили наличие у них именных коррелятов с опорой на тексты Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в частности подкорпусы основной, газетный, социальные сети и устный. В запросе при лексико-грамматическом поиске задавались такие параметры: слово 1 — *с/со* («Лемма»); у слова 2 в поле «Грамм. признаки» указывалась форма ед. ч. тв. пад. существительного, а в поле «Лемма» — соотносимая с наречием лексическая единица либо ее часть со знаком «*». Допускалось расположение предлога и существительного на расстоянии от 1 до 5 с учетом того, что ППФ в целом склонны модифицироваться адъективами (их аналогами) и искомое существительное может быть одним из членов однородного ряда, дистанцированным от предлога *с/со* другими субстантивами (*продолжал служить с твердостью, полной самоотдачей и патриотизмом*). Из всех примеров, полученных в результате выполнения запроса, методом ручной выборки был сформирован корпус релевантных контекстов, в которых ППФ употреблены в наречной, а не в других функциях (ср.: *очутился лицом к лицу с подлостью; просьба разобраться с этой наглостью*).

При анализе трансформационных возможностей исследованных наречий образа действия было выявлено, что примерно у 200 лексем из 500 (около 40%), по данным корпуса, в принципе отсутствуют ППФ. В эту группу мы не включали наречия, у которых обнаруживаются соответствующие именные формы, зафиксированные нами лишь в единичных случаях. Так, не вошли в обозначенное нами количество, например, лексемы *интеллигентно, недальновидно, домовито*, употребляющиеся как грамматические синонимы ППФ *с интеллигентностью*, которая встретилась нам суммарно по всем исследованным подкорпусам 7 раз (*И он [режиссер] с таким терпением, интеллигентностью и тактом относился к артистам, что его все полюбили* (Известия, 26.05.2013)); *с недальновидностью* — 4 раза (*<...> автор, с прискорбной недальновидностью продолжающий, вопреки здравому смыслу, гнуть свою упрямую основную линию* (В. Володин. Повесть о настоящем человеке)); *с домовитостью* — 1 раз (*Обои, мебель из красного дерева и карельской березы, канделябры для свечей, все до мелочей было с хохляцкой домовитостью подобрано хозяином-художником в стиле александровского ампира* (М. Зенкевич. Мужикский Сфинкс)). Фактор частотности ППФ и типичности ее использования в адвербиальной функции будет учтен в дальнейшем при дифференциации коррелятивных наречию предложных групп.

Более детально рассмотрим случаи отсутствия у наречия коррелята (его неупотребительности).

Следует говорить о структурных и семантических причинах лакунарности имен, формы которых могли бы стать синонимами наречий.

В литературе, посвященной *nomen actionis* и *nomen qualitatis*, многократно подчеркивалась их высокая продуктивность (см., например, параграфы о ряде словообразовательных типов в «Русской грамматике» [1, 157-165, 177-182], а также работы [9; 10; 11]). Однако лингвисты писали и о проявлениях нерегулярности образования синтаксических дериватов, что было важно при изучении разной проблематики: в связи с идентификацией качественных прилагательных по набору признаков и допущением отрицательной характеристики по некоторым из них, в частности по наличию абстрактных существительных ([12; 43, 48]); при решении вопроса о (не)включении деадъективов в парадигму прилагательных, а также при критике способов лексикографической фиксации отвлеченных имен и поиске путей их оптимального представления в словарях [8, 36-44] и т.д.

В ходе исследования проблемы грамматической синонимии наречий и ППФ важно учитывать, во-первых, само наличие/отсутствие в узусе или языковой системе отвлеченного имени, а во-вторых, семантическую (не)тождественность формы этого имени и наречия, позволяющую осуществить взаимозамену грамматических единиц или препятствующую этому.

Так, не представлены грамматические синонимы у наречий, генетически восходящих к (предложно-)падежным формам существительных и прилагательных (*вдруг, вправду, воистину, добром, кстати, наверняка, даром, неспроста, поневоле* и др.), поэтому далее рассматриваются только лексемы на *-о, -е, -и*. Нередко качественные наречия и отвлеченные субстантивы выступают кодериватами, т.е. они мотивированы одним прилагательным, ср.: *хвастливо* и *хвастливость* от *хвастливый*. Вместе с тем в исследованном материале есть группы адъективов, от которых стандартно образуются только наречия, но не отвлеченные имена. Наиболее последовательно эта тенденция наблюдается у относительных прилагательных с суффиксом *-ск-*, перешедших в качественные (типа *стоически*), и адъективированных действительных причастий настоящего времени (типа *потрясающий*).

Как пишут авторы «Русской грамматики», отадъективные существительные с *-ск-* единичны (среди общеупотребительных названы *светскость, детскость*); субстантивы типа *блестящность* здесь квалифицируются как окказиональные [1, 177]. Две указанные лексемы на *-скость*, образованные от относительных прилагательных, в структуре которых выделяется суффикс *-ск-*, обнаруживаются и в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка; слов на *-щность* в данном источнике не представле-

но [13;743, 746]. На ресурсе «Академос» [14] поиск по запросу «*скость» позволил выявить шесть таких субстантивов (*великосветскость, детскость, женскость, имперскость, русскость, светскость*); в результате выполнения запроса «*щесть» была получена одна лексема — *зловещесть*, нерелевантная при рассмотрении отпричастных образований. Как видно, отадъективные существительные с указанными морфемными показателями крайне редки, однако в языковой системе находятся способы преодоления данного структурного запрета на создание синонимичных наречий имен.

Так, при отсутствии у лексем *ангельски, злодейски, матерински, наплевательски, нечеловечески, нищенски, отечески, предательски, приятельски, рабски, рыцарски, самокритически, спартански, стоически, хамски, юношески* и др., а также *вызывающе, раздражающе, потрясающе, подходяще* и др. синонимов со структурой «с/со + -скость» и «с/со + -щесть» к ряду наречных лексем можно подобрать однокоренные субстантивы без -ск-/-щ-показателя, способные функционально заполнять указанную словообразовательную лауну. В таких случаях могут быть востребованы отвлеченные имена, образованные непосредственно от субстантивных основ, обозначающих лицо как носителя качественного признака (*иезуит — иезуитство, рыцарь — рыцарство*). Ср.: *Со свойственным им иезуитством партия «уклонилась от обсуждения вопроса по деловым соображениям»* (Новое время, 29.05.1907) = *иезуитски уклонилась*; <...> *к своей даме сердца он [Шурка] относился с отменным рыцарством, а к собственному чувству с целомудренной сдержанностью и серьезностью* (Н. Климонтович. Далее — везде) = *относился рыцарски*.

В качестве мотивирующей может выступать не -ск-, а -н-основа однокоренного прилагательно-го, способного выражать аналогичную семантику (субстантивы *эгоистичность, циничность*, образованные от прилагательных *эгоистичный, циничный*, в соответствующей ППФ взаимозаменяются не только с *эгоистично, цинично*, но и с *эгоистически, цинически*) и т.д.: *Но те эмоциональные впечатления, которые создаются этими вопросами, с диссонирующей женской эгоистичностью разрушаются заключительными строками <...>* (В. В. Виноградов. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски)) = *эгоистично / эгоистически разрушаются*.

Отдельные наречия на -юще/-аще коррелируют с ППФ девербативов (например, *вызвать → вызов, недоумевать → недоумение*): *Изабелла жалости не принимала, она вроде как стерженела и, уже беснуясь, с вызовом выкрикивала еще одно творение, на мотив баллады «Когда я на почте служил ямщиком»* (В. Астафьев. Обертон) = *вызывающе выкрикивала* (*вызов* здесь имеет значение 'стремление, готовность вступить в спор, борьбу и т.п. (выраженное

во взгляде, голосе, действиях и т.п.)' [15]); *Кастаки остановился в дверях и спросил с нетрезвым недоумением: «А вы тут чего? <...>»* (А. Волос. Недвижимость) = *спросил недоуменно / недоумевающе*.

Далее, если абстрагироваться от специфических основ, препятствующих образованию отвлеченных имен по модели, учитывая высокую продуктивность производных с суффиксом -ость(-есть)/-ность, а также продуктивность -ств(о), -и и нек. др. (см. подробнее [1, 177-182]), можно предположить в целом низкую лакунарность на уровне имен, синонимичных наречиям.

Действительно, от подавляющего большинства основ прилагательных, мотивирующих наречия, можно образовать и отвлеченные имена. К исключениям отнесем, например, лексемы *чудной* — *чудно* 'странно' (*выглядел*), но? *чуждость* (эта лексема, по данным НКРЯ, используется только как дериват адъектива *чуждый* 'прекрасный') или *смешной* — *смешно* (*рассказывал*), но? *смешность* (ППФ со *смехом* никогда не выступает синонимом наречия *смешно*). Несмотря на эти единичные случаи, многие из деадъективов на -ость(-есть)/-ность если пока и не закрепились в языковой системе, то с разной степенью частотности встречаются в речевой практике (*типичность, убийственность, непедagogичность, крутость* и т.д.).

В связи с проблемой лакулярности в парах грамматических синонимов нам важно подчеркнуть следующие моменты. Во-первых, некоторые синтаксические дериваты лексикализуются и утрачивают качественную/определяющую обстоятельственную семантику, а потому не обнаруживают семантического тождества с наречием: *специально подтолкнул* — **со специальностью подтолкнул* (*специальность* 'отрасль науки, какой-л. деятельности; совокупность знаний'). Во-вторых, некоторые отадъективные существительные хотя и сохраняют значение мотивирующего слова, однако не фиксируются в структуре «с/со + тв. пад.», синонимичной наречию. Скажем, в текстах НКРЯ представлены существительные *безрадостность, безбожность, безобразность, сумасбродность* (как и *сумасбродство*), *невыносимость, доподлинность*, даже *заведомость*, но в исследованных подкорпусах мы не обнаружили ни одного примера адвербиальных?с *безрадостностью,?с безбожностью,?с безобразностью,?с сумасбродностью* (*сумасбродством*),?с *невыносимостью,?с заведомостью,?с доподлинностью*. На потенциальность их образования указывает существование структурных единиц (ср.: *безотказно = с безотказностью, неустрашимо = с неустрашимостью*), а также узуальных предложных групп, передающих аналогичную обобщенную семантику — ср. *модальные?с заведомостью,?с доподлинностью и с обязательно* (*Если субъект выражен генитивом (т.е. диа-*

теза активная), то объект с **обязательностью** отсутствует (Е. В. Падучева. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени).

При кодировании адвербиального признака не востребованность ряда существительных, образованных по продуктивной суффиксальной модели, может усиливаться под влиянием следующих факторов:

— весьма ограниченный круг коммуникативных ситуаций, в которых оказывается уместна лексема с данной семантикой, это замедляет языковое освоение неизосемического средства выражения признака, т.к. в некоторой степени нивелирует прагматические основания грамматического варьирования;

— меньшая компрессивность ППФ по сравнению с наречием: именная конструкция по крайней мере двусловна; суффикс субстантивного кодериата состоит из трех фонем, а не из одной, как у наречия (*-о* и *-ость*), к тому же флексия тв. пад. еще на две фонемы удлинняет существительное, в некоторых случаях сложное (ср.: ?с *неблагодарностью*); наконец, ряд ППФ не употребляется без распространителей, также «утяжеляющих» конструкцию, которая воспринимается как книжная, стилистически изощренная;

— специфическая комбинация смыслов предлога и префикса: *с/со* обозначает 'присоединение, наличие, реализацию' (ср.: противоположное *без* страха), а некоторые приставки, наоборот, 'отрицание, противопоставление качеству, заключенному в корне' (ср.: *безрадостно* — ?с *безрадостностью*, *небережливо* — ?с *небережливостью*, *нелояльно* — ?с *нелояльностью*, *небезынтересно* — ?с *небезынтересностью* — дублирование префиксального отрицания); на месте таких ППФ более частотным оказывается употребление наречия или синонимов без семантических противоречий предлога и аффиксов типа *без радости*, *с грустью/печалью*; возможно, такие сочетания проще когнитивно обработать адресату.

В целом поиск синонимов наречия среди отвлеченных имен, не являющихся его кодериатами, позволяет обнаружить значительное разнообразие поведения субстантивов как потенциальных функциональных вариантов наречий. Иными словами, грамматическая синонимия приобретает непосредственную лексическую обусловленность. Так, нами отмечалась возможность взаимозамены наречий и девербативов типа *вызывающе* — *с вызовом*, однако ряд отглагольных существительных семантически не соответствуют наречиям, а потому синонимичной пары не возникает: *кричаще* ≠ *с криком*; *раздирающе* ≠ *с раздираньем* (девербативы передают значение действия производящих лексем *кричать*, *раздирать*, а наречия выражают качественно-характеризующую семантику 'заметно, броско', 'мучительно, страшно' [15]). Или *раздражающе* ≠ *с раздражением*: наречие обозначает каузацию состояния другого лица (*Сын все равно встал сбоку и раздражающе наблюдал* (А. Сальников. Петровы

в grippe и вокруг него)), а ППФ с *раздражением* — состояние, сопровождающее действие того же субъекта (*с раздражением наблюдал* 'испытывал раздражение во время наблюдения').

Если члены пары *рыцарски* — *с рыцарством* могут демонстрировать семантическую эквивалентность, то *матерински* — *с материнством*, *отчески* — *с отцовством* нет: субстантивы обозначают явления, связанные с прямыми значениями мотивирующих слов (непосредственно актуализируются денотаты 'мать' и 'отец').

ППФ с *предательством* не употребляется в наречной функции, поскольку, как правило, выражает значение 'предательский поступок' [15], а не 'качество, присущее предателю'. Этим данный субстантив отличается от лексически близкого существительного *вероломство*, передающего преимущественно характеристику лица и тип его поведения (*Меня поразили его вероломство и жестокость*), а не конкретное действие (менее типичны употребления *совершить вероломство, способен на вероломство, пойти на вероломство*). В силу этого *вероломно* и *с вероломством*, в отличие от *предательски* и *с предательством*, более свободно вступают в синонимические отношения: «<...> данные идеи насаждаются каким-то варварским способом без уважения к сотрудникам, студентам, с поразительным **вероломством**», — заявил ученый (Vesti.ru, 10.06.2013) = *вероломно насаждаются*.

Наконец, наречие *издевательски* можно заменить ППФ с *издевкой* (см. пример выше), а *загадочно* ≠ *с загадкой*, как и *уступчиво* ≠ *с уступкой*. Все три существительных отглагольного происхождения, однако лексема *издевка* хотя и отсылает к действию, но отчетливо указывает на его характер, а потому семантически близка качественному наречию. Существительное *загадка* ярче всего выражает «предметность», а не отвлеченный признак: оно отошло от глагольной лексемы (не может быть причислено к его синтаксическим дериватам) и не передает качественно-характеризующую семантику. ППФ с *уступкой* способно встраиваться в высказывание вместо наречия: *с уступкой подписал мир* и *уступчиво подписал мир*, однако разнооформленные грамматические средства не выступают синонимами, а вносят в конструкцию смысловые нюансы: в первом случае, при употреблении ППФ, подчеркивается, что при подписании мира субъект сделал уступку, а во втором — сам поступок (подписание мира) квалифицируется как проявление уступчивости лица (*уступчиво* — это сентенциальное наречие).

Таким образом, трансформационный анализ в направлении от наречий к однокоренным ППФ позволил выявить некоторые словообразовательные и лексические ограничения на установление синонимических отношений между этими языковыми единицами. Отсутствие у наречия кодериата,

который очень часто обнаруживает семантическую тождественность с адвербиальной лексемой, может быть вызвано структурными особенностями мотивирующего прилагательного, однако и употребление такого отвлеченного существительного не гарантирует его освоенность в конструкции «с/со + тв. пад.» с наречным значением.

При отсутствии у ряда наречий семантически тождественных кодериватов в виде отвлеченных имен синонимия с другими однокоренными именами устанавливается весьма нерегулярно, что предопределяется лексическим фактором. Качественные наречия выражают характеризующее или определительно-обстоятельное значение, в то время как многие субстантивы не соотносимы с адвербиальной семантикой по признакам 'конкретность/абстрактность' (*загадка — издевка*) и 'наличие/отсутствие качественно-обстоятельной семантики' (*рыцарство — отцовство*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика: в 2 т. / ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
2. Морфология современного русского языка / ред. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев [и др.]. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — 634 с.
3. Голубева В. К. Модификаторы наречий и предложно-падежных форм в адвербиальной функции: семантика и потенциал / В. К. Голубева // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. Филология. — 2024. — № 4. — С. 7-17.
4. Голубева В. К. Средства расширения семантики наречий и предложных групп: сопоставительный аспект / В. К. Голубева // Русский язык: система и функционирование: материалы X Междунар. науч. конф. (22-23 октября 2024 г.) / редкол.: И.Ровдо (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2025. — С. 114-119.
5. Золотова Г. А. О синтаксических функциях имен качества / Г. А. Золотова // Синтаксис и стилистика / отв. ред. Г. А. Золотова. — М.: Наука, 1976. — С. 130-160.
6. Ножкина Э. М. Наречие / Э. М. Ножкина // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского языка: Грамматика / под ред. О. Б. Сиротиной. — М.: УРСС, 2003. — С. 124-150.
7. Дегальцева А. В. Способы выражения адвербиального признака в разных сферах общения / А. В. Дегальцева // Изв. Саратовск. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. — 2010. — Т. 10. — Вып. 4. — С. 18-26.
8. Ташлыкова М. Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации» / М. Б. Ташлыкова. — Иркутск: ИГУ, 2013. — 277 с.
9. Жданова Е. А. Новые существительные с отвлеченной семантикой в словарях и медийных текстах / Е. А. Жданова, Л. В. Рацибурская // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2017. — № 4. — С. 148-152.
10. Коряковцева Е. И. Nomina abstracta в современном русском языке: социокультурные факторы роста продуктивности словообразовательных моделей / Е. И. Коряковцева // Активные процессы в современном русском языке: сб. науч. тр., посвященный 80-летию со дня рождения проф. В. Н. Немченко. — Новгород, 2008. — С. 119-126.
11. Осильбекова Д. А. Новообразования с суффиксом *-ость* / Д. А. Осильбекова // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2021. — № 5. — С. 205-208.
12. Кустова Г. И. Прилагательные / Г. И. Кустова // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. 3. Части речи и лексико-грамматические классы / Отв. ред. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова. — СПб.: Нестор-История, 2018. — С. 40-107.
13. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение / Зализняк А. А. — М.: Рус. яз., 1980. — 880 с.
14. Академос. — Режим доступа: <https://orfo.ruslang.ru/search> (дата обращения: 30.01.2025).
15. Большой толковый словарь русского языка. — Режим доступа: <https://gramota.ru> (дата обращения: 27.12.2024).

Белорусский государственный университет
Голубева В. К., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка филологического факультета
E-mail: victdove@gmail.com

Belarusian State University
Golubeva V. K., Candidate of Philology, associated professor
of the Departments of the Russian Language of the Philological
Faculty
E-mail: victdove@gmail.com

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ТЕРМИНОВ ЛАНДШАФТНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Т. Н. Данькова

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Поступила в редакцию 5 мая 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются типологические особенности русских терминов ландшафтной архитектуры, которые разграничиваются с точки зрения источника происхождения, способов образования, формальной и семантической структуры, частичной принадлежности, а также по типу терминологического наименования. К числу ярких особенностей рассматриваемой терминологии относится наличие в ее составе большого количества лексем иноязычного происхождения; специальных номинаций, образованных при помощи словосложения; многокомпонентных терминологических словосочетаний. Проведенные исследования могут способствовать организации работы по созданию терминологических словарей, включающих наименования ландшафтной архитектуры. **Ключевые слова:** ландшафтная архитектура, термин, терминология, типологические особенности.

Abstract: the article examines the typological features of Russian terms of landscape architecture, which are distinguished in terms of the source of origin, methods of formation, formal and semantic structure, partial affiliation, as well as the type of terminological name. Among the striking features of the terminology under consideration is the presence in its composition of a large number of lexemes of foreign language origin; special nominations formed by means of collocation; multi-component terminological word combinations. The conducted research can contribute to the organization of work on the creation of terminological dictionaries, including the naming units of landscape architecture.

Keywords: landscape architecture, term, terminology, typological features.

Ландшафт играет важную роль в культурной, социальной, экологической областях, являясь важной составляющей обеспечения качества жизни людей, поскольку в век ускоренного развития науки и техники, роста городов, возрастания нагрузок современный человек нередко стремится провести время на природе с целью эмоциональной разрядки [1, 16]. Создание мест, пригодных и благоприятных для жизни, деятельности и отдыха человека, таких, как лесопарки, парки, сады, скверы, бульвары, связано с понятием «ландшафтная архитектура» [2, 6]. В специальных отечественных исследованиях под ландшафтной архитектурой подразумевается профессиональная деятельность, связанная с проектированием открытых пространств, в организации которых важную роль играют природа и элементы внешнего благоустройства [3, 5].

Следует отметить, что становление отечественной ландшафтной архитектуры имеет длительную историю. Первые садово-парковые объекты появились в России еще в XVII столетии. Именно в указанное время в Москве были созданы декоративные «красные» сады, которые располагались в Измайлове, Коломенском, Кремле и т.д., и русские подмосковные усадьбы с барскими домами и церквями, стоявшими, как правило, на возвышенном месте, а также

с аллеями, прудами и беседками [4, 118]. В измайловских декоративных садах, имевших разные названия (Виноградный, Аптекарский, Просыанский, лабиринт Вавилон и др.), выращивались различные сельскохозяйственные культуры, в том числе экзотические (инжир, грецкий орех, миндаль, лимоны, бананы, ананасы и т.д.), для которых нередко строили оранжереи и теплицы, также являвшиеся элементами ландшафтно-архитектурных композиций [4, 120; 5, 292-296].

В XVIII и XIX вв. садово-парковые объекты в большом количестве появлялись в Санкт-Петербурге, где осуществлялось строительство многочисленных городских усадеб с садами и пригородных парковых ансамблей с фонтанами, каскадами и бассейнами. С особенной широтой и разнообразием ландшафтная архитектура этого времени проявила себя в пригородных резиденциях царей и высшей знати (ср. царские резиденции в Стелъне и Петергофе, дворец Меншикова в Ораниенбауме, садово-парковые композиции Царского села, Павловска и Гатчины и т.д.) [4, 123-128].

Современная ландшафтная архитектура представляет собой особую форму организации государственного пространства, в основе которой лежит проектирование конкретной среды жизнедеятельности человека, сохранение традиционной культуры и сбережение природных запасов [2, 8].

Интенсивное развитие ландшафтной архитектуры в России на протяжении многих лет обусловило наличие в русском языке большого количества терминологических наименований, обозначающих понятия рассматриваемого направления профессиональной деятельности. Проведение исследований с целью выявления типологических особенностей словесных единиц, входящих в данную терминологию, представляется весьма актуальным и может способствовать организации планомерной работы по созданию терминологических словарей, включающих наименования данной сферы.

Как показал анализ, специальные лексические номинации ландшафтной архитектуры русского языка разграничиваются с точки зрения источника происхождения, способов образования, формальной структуры, частеречной принадлежности, семантической структуры, а также по типу терминологического наименования.

Необходимо подчеркнуть, что источники происхождения исследуемых лексических единиц весьма разнообразны. Среди терминов ландшафтной архитектуры присутствуют слова исконно русского происхождения (напр., *беседка*, *вал*, *цветник*, *лужайка*, *опушка*, *поляна* и др.) [6; 7]. При этом некоторые лексемы имеют глубокие корни и восходят еще к праславянскому периоду (ср.: *сад* (праслав. *sadъ* — посадка) [8, 544], *пруд* (праслав. *grǫdъ*) [8, 388] и др.).

Однако следует отметить, что большая часть анализируемых лексем представляет собой заимствования из различных иностранных языков: немецкого (напр., *абрис* (нем. *Abriß* — чертеж, план), *ампель* (нем. *Ampel* — висячая ваза для цветов) и др.), французского (напр., *аллея* (фр. *allée* — узкий проход), *бульвар* (фр. *boulevard*), *бассейн* (фр. *basin*), *каскад* (фр. *cascade* < ит. *cascata* < *cascare* — падать), *оранжерея* (фр. *orangerie* < *orange* — апельсин), *анфилада* (фр. *enfilade* < *enfiler* — нанизывать) — «ряд отдельных зеленых замкнутых пространств, соединенных друг с другом проходами» и др.), нидерландского (напр., *дамба* (нидерл. *dam* < др.-исл. *damma* — запирать) и др.), английского (напр., *парк* (англ. *park*), *дрена* (англ. *drain* < *to drain* — осушать), *миксбордер* (англ. *tomix* — смешивать + *border* — кайма) и др.), итальянского (напр., *фонтан* (ит. *fontana* < лат. *fons* (*fontis*) — источник, ключ), *пергола* (ит. *pergola*) — «легкое декоративное сооружение из стоек и арок или полуарок с ажурным перекрытием, которое служит опорой для вьющихся растений» и т.д.) и других языков [2; 6; 10]. При этом наибольшее количество иностранных слов вошло в русский язык из французского языка.

Преобладание в составе исследуемой терминологии специальных наименований иноязычного происхождения, очевидно, объясняется тем, что на разных этапах развития ландшафтной архитектуры в России (прежде всего в XVIII и XIX веках) происхо-

дило широкое проникновение в нее художественных идей Запада [4, 123]. Так, например, слова *аллея* и *фонтан* известны в русском языке с начала XVIII века [9]. Именно в указанное время в Санкт-Петербурге и его пригородах в большом количестве появились садово-парковые ансамбли с этими элементами ландшафта (ср.: фонтаны Петергофа, аллеи Ораниенбаума и т.д.) [4, 124-128]. В XVIII в. из французского языка было заимствовано слово *бассейн*. П. Я. Черных в Историко-этимологическом словаре современного русского языка отмечает: «В русском языке слово *бассейн* известно примерно с 20-30-х гг. XVIII в. См. данные о строительстве Петергофа, опубликованные Ремизовым: “на бассейн перед кашакою”» [9, 77].

Как отмечалось выше, терминологические единицы, обозначающие понятия ландшафтной архитектуры в современном русском языке, являются разнообразными по способу образования. В создании исследуемых лексических номинаций принимали участие морфологический и синтаксический способы словообразования. При этом морфологический способ в большинстве случаев представлен словосложением: *водоснабжение (объекта озеленения)*, *благоустройство (территории)*, *лесопарк*, *ливнесток*, *почвогрунт*, *дорожно-тропиночная (сеть)*, *архитектурно-ландшафтный (объект)*, *садово-парковая (ограда)*, *почвопокровные растения*, *ложежан-группа* (ср.: *ложежан* — «ландшафтное сооружение, состоящее из одного или нескольких пространств по типу зеленых кабинетов, огражденное боскетами и/или живой изгородью и стенками») и др. [6; 7].

В составе терминологии ландшафтной архитектуры в большом количестве присутствуют словесные единицы, сформировавшиеся при помощи способа словосложения с использованием латинских и греческих элементов *аква-*, *аэро-*, *дендро*, *микро-*, *гео-*, *агро-*, *моно-* и др. (напр., *акваархитектура*, *акваландшафт*, *аэросолярий*, *дендроограждения*, *дендропластика*, *микрولандшафт*, *геоограждения*, *агротехническая (подготовка территории)*, *моносад* и др.) [6; 7].

Кроме слов, образованных посредством словосложения, в русской терминологии ландшафтной архитектуры представлены также лексические единицы, в формировании которых принимали участие такие способы морфологического словообразования, как префиксальный (напр., *неозеленяемые (территории)*, *полубеседка* и др.), суффиксальный (напр., *висячий (сад)*, *дерновая (скамья)*, *зонирование*, *букетные (посадки)* и др.) и префиксально-суффиксальный (напр., *перелесок*, *раскреповка* и др.) [6; 7].

В составе современной русской терминологии ландшафтной архитектуры присутствуют также специальные номинации, созданные при помощи синтаксического способа словообразования, в числе

которых разграничиваются словосочетания с именем прилагательным в функции препозитивного определения (напр., *ландшафтная архитектура, городская среда, зеленое строительство, экологичные материалы, дендрологический сад* и др.) и составные терминологические наименования с именем существительным в функции постпозитивного определения (напр., *благоустройство территории, ассортимент растений, густота посадки* и др.) [7]. Следует отметить, что в числе исследуемых составных терминов в большом количестве представлены словосочетания, включающие три компонента и более (напр., *элементы ландшафтной архитектуры, ландшафтная организация территории, озелененная территория специального использования, открытые пространства городской среды* и др.) [7].

Таким образом, с точки зрения формальной структуры в составе специальной лексики ландшафтной архитектуры разграничиваются термины-слова (напр., *парк, сквер, аллея, куртина, павильон* и др.) и термины-словосочетания (напр., *подпорная стенка, рулонная дернина, партерный газон, мулчирующее покрытие* и др.) [7].

Анализ русской терминологии ландшафтной архитектуры с позиций частеречной принадлежности входящих в нее лексических единиц показал, что большая часть рассматриваемых номинаций представлена именами существительными (напр., *бордюр, одерновка, розарий* и др.) [6]. Прилагательные, как правило, встречаются в составе устойчивых терминологических словосочетаний, в которых они выступают в роли препозитивных определений. Такие лексемы нередко повторяются в целом ряде составных терминологических наименований: *ландшафтный анализ территории, ландшафтная композиция, ландшафтное искусство, ландшафтное зонирование; архитектурный декор, архитектурный дизайн, архитектурная графика, архитектурная группа объектов* и др. [6; 7].

С точки зрения семантической структуры в современной русской терминологии ландшафтной архитектуры преобладают однозначные термины. Ср.: *боскет* — «замкнутое, геометрически очерченное пространство, окаймленное со всех сторон стенами из плотно посаженных деревьев, подвергшихся специальной стрижке» [6, 60]; *экзотарий* — «участок сада или парка, на котором создается временная открытая композиция тропических растений из коллекций оранжерей» [6, 481] и т.д. Вместе с тем в составе исследуемой терминологии присутствуют отдельные лексические единицы с двумя и более значениями: *альпинарий* — «1. Каменистый сад, отображающий красоту горного ландшафта и его флору. 2. Многолетняя композиция из разных растений. 3. Наземное декоративное сооружение из камней, сделанное в виде насыпи и растений» [6, 30] и т.д. Следует отметить, что явление полисемии характерно

для различных терминологических систем и объясняется, с одной стороны, необходимостью выражения термином понятий, относящихся к разным категориям в пределах одной терминосистемы, например процесса и результата, величины и свойства и т.д., с другой стороны — необходимостью использования терминоединицы в более широком и более узком значениях [11, 36].

Анализ специальных номинаций ландшафтной архитектуры показал, что в исследуемой сфере профессиональной деятельности присутствуют разные типы терминологических единиц, прежде всего общенаучные, межнаучные и узкоспециальные термины. К числу общенаучных терминов относятся слова, характерные для разных научных и профессиональных сфер: *система, анализ, объект, фактор, элемент* и др. Такие лексемы чаще всего встречаются в составе устойчивых словосочетаний рассматриваемой предметной области: *антропогенный фактор, архитектурно-ландшафтный объект, система озелененных территорий, ландшафтный анализ территории, элементы ландшафтной архитектуры* и др. [7].

Межнаучные термины, представленные в русской терминологии ландшафтной архитектуры, обозначают понятия других областей знания и в большинстве случаев восходят к таким научным сферам, как ботаника (напр., *однолетники, двулетники, многолетники, габитус, вегетация* и др.) [7; 12] и растениеводство (напр., *агротехнические работы, гнездовые посадки, норма посадки, аллювиальная почва* и др.) [6; 7; 13]. Следует отметить, что значительная часть наименований ландшафтной архитектуры представляет собой узкоспециальные термины, характерные только для данной сферы профессиональной деятельности: *декоративный ручей, модульный сад, вертикальное озеленение, аквадизайн, геопластика, рабатка* — «цветник правильной продолговатой формы, устраиваемый обычно вдоль дорожек и стен, длина которого в три и более раз превышает ширину» и др. [6; 7].

В целом анализ русских терминов ландшафтной архитектуры с точки зрения типологических особенностей показал, что в составе исследуемой профессиональной сферы присутствуют разные типы терминологических наименований, среди которых преобладают узкоспециальные однозначные термины. Значительная часть анализируемых словесных единиц представляет собой заимствованные лексемы, что обусловлено широким проникновением на разных этапах в сферу ландшафтной архитектуры западноевропейских идей. Многие рассматриваемые термины в современном русском языке образованы при помощи способа словосложения, который нередко осуществлялся с использованием интернациональных словообразовательных элементов *аква-, аэро-, дендро-, микро-, гео-, агро-, моно-* и др.

Существенную роль в создании русских терминов ландшафтной архитектуры сыграл синтаксический способ словообразования. Многие составные номинации анализируемой сферы представляют собой устойчивые терминологические словосочетания, в том числе многокомпонентные, включающие три элемента и более. Среди составных терминов преобладают номинации с именами прилагательными в функции препозитивного определения, нередко повторяющимися в целом ряде устойчивых словосочетаний. Таким образом, современная русская терминология ландшафтной архитектуры представляет собой систему, в формировании которой приняли участие различные языковые процессы, о чем свидетельствует представленная в данной статье типология лексических наименований. Выявление терминов ландшафтной архитектуры и их систематизация позволит проводить планомерную работу по упорядочению терминологии и созданию специальных словарей рассматриваемой сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кругляк В. В. Введение в профессиональную деятельность. Ландшафтная архитектура: учебное пособие / В. В. Кругляк. — Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2020. — 413 с.
 2. Лазарев А. Г. Ландшафтная архитектура / А. Г. Лазарев, Е. В. Лазарева; под общ. ред. А. Г. Лазарева. — Ростов н/Д: Феникс, 2005. — 282 с.
 3. Кайдалова Е. В. Ландшафтная архитектура: учебное пособие / Е. В. Кайдалова. — Нижний Новгород: ННГА-СУ, 2019. — 165 с.
 4. Ожегов С. С. История ландшафтной архитектуры / С. С. Ожегов. — М.: Архитектура С, 2004. — 231 с.
 5. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. — М.: РОГССПЭН, 1998. — 572 с.
 6. Лимонад М. Ю. Словарь современных ландшафтно-архитектурных терминов / М. Ю. Лимонад, Н. А. Трубицына. — М., 2015. — 530 с.
 7. Ландшафтная архитектура территорий городских и сельских поселений: термины и определения. — М.: Рос-сийский институт стандартизации, 2024. — 11 с.
 8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. — 4-е изд. — М.: Астрель-АСТ, 2003. — Т. 1-4.
 9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П. Я. Черных. — 8-е изд. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2007. — Т. 1-2.
 10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — 5-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2003. — 856 с.
 11. Данькова Т. Н. Русская терминология растениеводства: история становления и современное состояние: дис. ... д-ра филол. наук / Т. Н. Данькова. — М., 2010. — 426 с.
 12. Биология с основами экологии: словарь терминов и понятий / Сост. В. Б. Щукин, Н. Д. Кононова, Н. В. Ильсова. — Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2013. — 208 с.
 13. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь / под ред. В. К. Месяц. — М.: Сов. энцикл., 1989. — 655 с.
- Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I*
Данькова Т. Н., доктор филологических наук, доцент, за-ведующий кафедрой русского и иностранных языков
E-mail: t_dankova@mail.ru
- Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great*
Dankova T. N., Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Languages
E-mail: t_dankova@mail.ru

ЛЮБОВЬ-«НАВАЖДЕНИЕ»: ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В ПОВЕСТИ И. А. БУНИНА «МИТИНА ЛЮБОВЬ»

Т. Н. Ковалева

Пятигорский государственный университет

Поступила в редакцию 5 мая 2025 г.

Аннотация: в контексте изучения причин трагедии главного героя исследуются особенности психологизма в повести И. А. Бунина «Митина любовь». Утверждается, что ведущим в системе форм психологического изображения в повести является синтез глубокого и подробного авторского психологического анализа внутреннего мира, чувств, мыслей, переживаний Мити и его внутренней речи. Автором статьи делается вывод о том, что психологизм Бунина имеет синтетическую природу: в нем проявляются как творчески усвоенные традиции русской классики, так и актуализированные модернизмом начала XX века художественные принципы изображения человека.

Ключевые слова: И. А. Бунин, повесть «Митина любовь», психологизм, авторское психологическое изображение, внутренняя речь героя, внутренний монолог, психологический пейзаж, имена собственные, сны героя.

Abstract: in the context of studying the reasons behind the tragedy of the main character, the features of psychological insight in I. A. Bunin's story "Mitya's Love" are explored. It is asserted that the leading element in the system of forms of psychological representation in the story is a synthesis of a deep and detailed authorial psychological analysis of Mitya's inner world, feelings, thoughts, experiences, and his inner speech. The author of the article concludes that Bunin's psychological insight has a synthetic nature: it manifests both creatively assimilated traditions of Russian classical literature and artistic principles of human representation that were actualized by early 20th-century modernism.

Keywords: I. A. Bunin, story "Mitya's Love," psychological insight, authorial psychological representation, hero's inner speech, internal monologue, psychological landscape, proper names, hero's dreams.

Со времени выхода в свет повесть И. А. Бунина «Митина любовь» неизменно привлекает внимание критиков и исследователей. Начало изучения повести заложено в работах критиков Русского литературного Зарубежья: Ф. А. Степуна, Г. В. Адамовича, И. А. Ильина. Среди этих работ наиболее полный и глубокий анализ повести представлен в статье Ф. А. Степуна. Рассматривая повесть в контексте всего предшествующего творчества И. А. Бунина, Ф. А. Степун отмечает новизну раскрытия в ней темы любви, которая, по мнению критика, заключается в «метафизической» постановке проблемы любви в произведении: это «трагедия всякой человеческой любви, проистекающая из космического положения человека как существа, поставленного между двумя мирами» [1, 374]. Суть Митиной трагедии Ф. А. Степун видит в победе «диктата пола», «неизбывной тяжести безликого пола, тяготеющего над лицом человеческой любви» [1, 377].

И. А. Ильин, не подвергая повесть И. А. Бунина глубокому и полному анализу, в то же время обращается к произведению в контексте характеристики любви в бунинском творчестве в целом. По мнению критика, любовь в художественном творчестве И. А. Бунина «до-духовна» [2, 75-76]. Чувство

Мити И. А. Ильин встраивает в этот же ряд характеристик: это всего лишь «болезненно-томительный, духовно не озаренный и бесплодный надрыв» [2, 76]. Однако психологический анализ И. А. Буниным душевного состояния Мити свидетельствует о том, что чувство героя намного сложнее, чем просто «бесплодный надрыв», поэтому оценка И. А. Ильина представляется односторонней и тенденциозной.

В отечественном литературоведении различные аспекты повести рассматривались в работах А. А. Волкова, Л. А. Смирновой, Ю. Мальцева, Т. С. Карпачевой и др. А. А. Волков и Ю. Мальцев, как и Ф. А. Степун, интерпретируют трагедию Мити, прежде всего, как победу «власти всесильного инстинкта» [3, 366], «жуткой силы пола», «навалившегося» на Митю [4, 297]. Л. А. Смирнова, анализируя повесть в проблемно-тематическом ключе, основное внимание уделяет образу Мити и авторской позиции в произведении, подчеркивая, что «страдания героя и составляют содержание произведения» [5, 133]. Т. С. Карпачева исследует суицидальный сюжет в повести И. А. Бунина «Митина любовь» в контексте исторических реалий Серебряного века, когда интеллигенцию рубежа веков охватила «эпидемия самоубийств», и делает вывод о том, что «главный герой бунинской повести становится жертвой этой эпидемии» [6, 127].

Однако проблема особенностей психологизма повести «Митина любовь» до настоящего времени не становилась предметом специального исследования, хотя психологическую сложность произведения на уровне констатации отдельных наблюдений отмечали многие исследователи. В настоящей статье мы ставим целью выявление и изучение особенностей психологизма повести И. А. Бунина «Митина любовь» в контексте исследования причин трагедии главного героя.

Прослеживая развитие взаимоотношений Мити и Кати, внимательно наблюдая за героем, И. А. Бунин подробнейшим образом описывает все душевные движения Мити, его мысли, чувства, переживания от счастливого времени начала отношений влюбленных, когда они только познакомились и «вдруг почувствовали, что им всего интереснее говорить (и хоть с утра до вечера) только друг с другом» [7, 334] и когда Митя погрузился в тот «сказочный мир любви, которого он втайне ждал с детства, с отрочества» [7, 334] до трагического финала его жизни. Описание первого периода отношений влюбленных пронизывают мотивы их детскости, искренности, взаимной доверчивости, чистоты и невинности. За все повествование И. А. Бунин ни разу не называет своих героев полными именами — Дмитрий и Екатерина. Уменьшительные имена героев показывают, что и Митя, и Катя — дети. Более того, чтобы подчеркнуть детскость и чистоту души героя, И. А. Бунин выбирает для него не просто детскую форму имени Дмитрий, но ее «мягкий», нежный вариант — Митя. Чистота и невинность проявляется и в их нежной чувственности, не переходящей последней черты. «Детьми» называет Митю и Катю Протасов, Митин студенческий товарищ: «Чистые вы дети, прости Господи!» [7, 340].

Однако о счастливом периоде отношений влюбленных автор сообщает кратко, всего тремя страницами текста, пронизанными мотивами счастья в «сказочном мире любви» [7, 334]. Вся же повесть посвящена страданиям и мучениям юного героя, чистого душой, тонко чувствующего, но еще не способного понять до конца ни себя, ни возлюбленную, ни свое чувство к ней. Митины мучения начинаются с того момента, когда к мотиву чистоты отношений влюбленных присоединяется мотив порочности. Сначала Митя воспринимает большую «взрослость» Кати «как признак ее какой-то тайной порочной опытности» [7, 333]. В дальнейшем повествовании мотив порочности получает свое развитие. Так, в сцене выступления на экзамене в театральной школе Митя видит в Кате «ужасную» «смесь ангельской чистоты и порочности, которая была в ней, в ее разгоревшемся личике, в ее белом платье, <...> в ее белых туфельках и в обтянутых шелковыми белыми чулками ногах» [7, 337]. В этой сцене мотив порочности Кати звучит уже вполне обоснованно: это объясняется присутствием образа взрослого мужчины — директора театральной школы, вскружившего Кате голову похвалами и известного тем, «что он развращал учениц,

каждое лето увозил какую-нибудь с собой на Кавказ, в Финляндию, за границу. И Мите стало приходиться в голову, что теперь директор имеет виды на Катю, которая, хотя и не виновата в этом, все-таки, вероятно, это чувствует, понимает и потому уже как бы находится с ним в мерзких, преступных отношениях. И мысль эта мучила тем более, что слишком очевидно было уменьшение внимания Кати» [7, 335]. Этот фрагмент текста весьма показателен в плане анализа психологизма повести «Митина любовь». В нем И. А. Бунин мастерски сочетает «авторское психологическое изображение» [8, 41], то есть авторский анализ мыслей и чувств Мити, и внутренний монолог героя с особенностями именно его внутренней речи, обусловленной его переживаниями. Этот синтез глубокого и подробного авторского психологического анализа внутреннего мира, чувств, мыслей, переживаний Мити и его внутренней речи является ведущим в системе форм психологического изображения в повести «Митина любовь» и проявляется буквально на каждой странице произведения.

Когда польщенная вниманием директора Катя с каждым днем начинает отдаляться от Мити, И. А. Бунин с помощью авторского психологического изображения и внутренней речи Мити подробно описывает мучительные чувства и переживания юного героя: рядом с любовью и нежностью — проснувшуюся ревность, обиды на Катю за ее охлаждение к нему, подозрения в неверности: «<...> то, что говорило мнительное сердце, <...> было сильнее и подтверждалось все очевиднее: внутренняя невнимательность Кати к нему все росла, а вместе с тем росла и его мнительность, его ревность» [7, 335]. «Ему казалось, что ее непреодолимо тянет куда-то прочь от него и, может быть, к чему-то такому, о чем даже и помыслить страшно» [7, 335]. И хотя, казалось бы, никаких причин для ревности не было, автор подчеркивает, что «мнительное сердце» Мити почувствовало, что «началось что-то страшное» [7, 334]. Этим страшным становится опасность соблазнения Кати и опасность утраты Кате ее чистоты, которую чувствует, но не может выразить Митя. Это и вызывало ту «разрывающую сердце боль» [7, 337], которую испытывал юный влюбленный. Знаменательно, что в переводе с греческого Екатерина — «вечно чистая», «непорочная», и эта семантика имени усиливает звучание мотивов чистоты и ее утраты. О. А. Бердникова и Т. Н. Голицына верно отмечают, что распространенность в художественном мире Бунина кратких форм женских имен часто связана с «сюжетом соблазнения героини» [9, 89], что подтверждается мотивом соблазнения юной Кати директором театральной школы, взрослым мужчиной.

Авторский психологический анализ помогает передать душевные страдания героя, сердце которого почувствовало, как «что-то страшное» вторгается в их с Катею чистую любовь. И. А. Бунин показывает, что Митина любовь не только не уменьшается, «но все

возрастает вместе с той ревнивой борьбой, которую он вел с кем-то, с чем-то из-за нее, из-за этой любви» [7, 337]. Внимательно наблюдая за Митей, прослеживая опасную деформацию его чувства к Кате, обращаясь к различным приемам психологизма, И. А. Бунин в дальнейшем повествовании показывает, как юношеская чистая любовь, «первая настоящая любовь» [7, 345] Мити превращается в убивающую любовь-«наваждение», любовь-«одержимость».

Пытаясь хоть на время освободиться от мук ревности, Митя решает на время уехать в деревню, в родное поместье. И, действительно, отрыв от суety большого города, погружение в «простой, спокойный и родной мир по сравнению с московским, <...> центром которого была Катя» [7, 343], родная природа и родной дом поначалу помогают Мите почувствовать внутреннее успокоение: он испытывает «чувство <...> мирной, успокаивающей и душу и тело простоты» [7, 345]. Исследуя душевное состояние героя, И. А. Бунин вводит в повествование такой прием психологического изображения, как «внутренний монолог». Юный влюбленный пытается понять, «что это значит вообще — любить?» [7, 338]. «Он не знал, за что любил, не мог сказать, чего хотел...» [7, 338]. Размышляя над этим сложным вопросом, Митя приходит к выводу: ни в том, что он слышал о любви, ни в том, что читал о ней, «не было ни одного точно определяющего ее слова» [7, 338]. В книгах и в жизни говорили или о какой-то бесплотной любви, или о дикой страсти, чувственности. «Его же любовь была непохожа ни на то, ни на другое. Что испытывал он к ней? То, что называется любовью, или то, что называется страстью?» [7, 338]. Эти размышления героя над древнейшим и сложнейшим вопросом человечества свидетельствуют о том, что чувство Мити намного полнее и сложнее, чем бесплотная любовь или только страсть, чувственность-вожделение. Ведь любовь Мити и Кати началась с дружбы и общения, взаимной симпатии, интереса друг к другу и уже затем взаимного чувственного влечения. Описывая душевное состояние Мити в разлуке с Катей, И. А. Бунин подчеркивает, что в чувствах героя к любимой главенствует не вожделение, не страсть, а нежность и чистота: «И теперь, когда ее не было, был только ее образ, образ не существующий, а только желанный, она, казалось, ничем не нарушала того беспорочного и прекрасного, чего от нее требовали, и с каждым днем все живее и живее чувствовалась во всем, на что бы ни взглянул Митя» [7, 349]. Поэтому трудно согласиться с мнением, что чувства влюбленных развиваются «во все нарастающей между ним и Катей от декабря к февралю и все «темнеющей» страстности» [1, 376]. То, что Ф. А. Степун объясняет как диктат «безликого пола» [1, 377], в отношении чувства Мити к Кате, на наш взгляд, есть жажда осуществления всей полноты любви, в которой физическая, чувственная составляющая, несомненно, тоже важна.

В другом внутреннем монологе Митя продолжает свои размышления, и, пытаясь понять Катю, свое чувство к ней, вновь задает себе вопросы: «Да, да, кто она, что она такое? А любовь, страсть, душа, тело? Это что такое? Ничего этого нет, — есть что-то другое, совсем другое!» [7, 343]. Оглядываясь по сторонам, Митя признается себе, что он ко всему вокруг испытывает любовь: «Вот этот запах перчатки — разве это тоже не Катя, не любовь, не душа, не тело? И мужики, рабочие в вагоне, женщины, которая ведет в отхожее место своего безобразного ребенка, тусклые свечи в дребезжащих фонарях, сумерки в весенних пустых полях — все любовь, все душа, и все мука, и все несказанная радость» [7, 343]. Прекрасное, чистое чувство любви к Кате рождает в душе героя чувство любви ко всему миру.

Находясь в разлуке с любимой, Митя готов верить Кате, любить ее без сомнений и подозрений. И. А. Бунин показывает, как герой забывает все плохое, что было в его отношениях с Катей, как в его душе вместе с весной рождается некий идеальный, прекрасный образ его милой возлюбленной, которую он вновь искренне и преданно любит, как постепенно нарастает разрыв между настоящей Катей и ее идеализированным образом. Все то возвышенное и прекрасное, что чувствовал Митя и хотел видеть в своей возлюбленной, сливается с прекрасными картинами весенних пейзажей, цветущих садов, зеленеющих полей: «Катя <...> всему придавала себя, свою красоту, расцветающую вместе с расцветом весны, с этим все роскошнее белеющим садом и все темнее синеющим небом» [7, 350].

Однако описывая картину мира Мити на протяжении его пребывания в деревне, И. А. Бунин дает еще одну характеристику чувства любви героя к Кате, чрезвычайно важную для понимания причин гибели юного влюбленного: «Теперь же в мире была Катя, была душа, этот мир в себе воплотившая и надо всем над ним торжествующая» [7, 347]. Вместо торжествующего над миром Бога — торжествующая над миром Катя. Кошунственная и страшная подмена, нарушение «первой и наибольшей заповеди», говоря словами Христа, — любви к Богу. Поставив Катю в центр мира, заменив ею Бога, Митя сделал первый шаг к гибели и начал выстилать себе дорогу в ад.

Но, может быть, автор восхищается такими чувствами Мити — идеализацией и обожествлением любимой девушки? Однако все последующее повествование опровергает такое предположение и свидетельствует о том, что обожествление любимого человека ведет к болезни души, что это опасная и страшная — «дьявольская» подмена. Бунин, всегда очень точно определявший чувства своих героев, дает в повести несколько таких образов-определений состояний и чувств Мити, обожествляющего Катю: «он как будто пьян от какой-то тяжелой болезни» [7, 358], «наваждение» [7, 359], «одержимость» [7, 359]. Обратим внимание, что «наваждение» и «одержи-

мость» — лексемы христианского происхождения и христианской семантики: «наваждение» говорит о подчинении человека «злой силе», дьяволу, о соблазнении человека дьяволом: «то, что внушено «злой силой» силой с целью соблазнить, увлечь чем-нибудь»: «дьявольское, сатанинское наваждение» [10, 318]. «Одержимость» свидетельствует о полном и «ненормальном» подчинении человека какой-либо страсти: «одержимый — безумный, бесноватый» [10, 318]. Влюбленный Митя отгородился от всего мира, перестал общаться с родными, уединившись в библиотеке, зачитывался прекрасными стихами о любви, а затем, как безумный, призывал Катю и «хватал заветную фотографическую карточку и впадал в столбняк, жадно и вопросительно глядя на нее» [7, 362].

Мотивы «больной души», «наваждения» и «одержимости» пронизывают главы, посвященные ожиданию письма от Кати, когда герой думает лишь о возлюбленной и видит ее во всем: «Катя стала уже истинным наваждением; Катя была теперь во всем и за всем уже до нелепости» [7, 359]. «Уже давно потерял он жизненное представление о ней, и уже являлась она ему с каждым днем все необычнее, все преобразеннее» [7, 363]. Когда же «он вдруг увидел Катю, сходящую, во всем расцвете женской прелести, с балкона в сад, почти совершенно так же явственно, как видел дом и жасмин, <...> Митя ужаснулся...» [7, 363]. Пространство души героя настолько заполнено образом любимой, что заслоняет собой весь огромный мир, и прекрасная любовь превращается в убивающую любовь-«наваждение», любовь-«одержимость».

Авторским опровержением идеализации и обожествления любимого человека является X глава, которая начинается со знаменательной фразы «Только раз в это первое время напомнила о себе Катя зловеще» [7, 347] и в которой И. А. Бунин рисует страшное, зловещее событие: встречу Мити ночью в саду с сычом — с самим дьяволом — так назвал это событие сам герой. «...И вдруг где-то вдали что-то дико, дьявольски гукнуло и закатилось лаем, визгом. <...> что это такое, где оно, — то, что так неожиданно и страшно огласило сад? Сыч, лесной пугач, совершающий свою любовь, и больше ничего, думал он, а весь замирал как бы от незримого присутствия в этой тьме самого дьявола» [7, 347-348], издающего потрясающие Митину душу вой и визги. После этого события «Митя всю ночь мучился сквозь сон всеми теми болезненными и отвратительными мыслями и чувствами, в которые превратилась в марте в Москве его любовь» [7, 348]. Это подробнейшее описание свидетельствует о том, что сам герой соотносит ужаснувшую его картину встречи «с самим дьяволом» с тем «страшным», что вторглось в их с Катей чистую любовь и что так чутко уловил Митя: «что она для него, для Мити, уже не существует, что она уже в чьей-то чужой власти, отдает кому-то другому себя и свою любовь, всецело долженствующую при-

надлежать ему, Мите» [7, 359]. Знаменательно, что эта глава, рисующая зловещее событие, идет сразу после кошмарных слов Мити, что Катя воплощает в себе весь мир и над всем над ним торжествует.

Образ дьявола обретает человеческий облик «господина в смокинге с бескровным бритым лицом, с черными и короткими курчавыми волосами» [7, 380], совратившего Катю, в мучительном, ужасном сне Мити — одном из самых сильных приемов глубокого психологизма. В этом ужасном сне, так потрясшем Митю, соединилось что-то «протоестественно-омерзительное» «близости кого-то с кем-то», «но в которой он и сам как-то участвовал» [7, 380]: Кати с господином-дьяволом и Мити с Аленкой, о чем свидетельствует упоминание о ней. «Чувствовалось же все это через посредство ребенка с большим белым лицом» [7, 380], которого несла на руках молоденькая нянька и которого Катя перед встречей с господином-дьяволом спрятала в комод. Семиотика и взаимосвязь образов сна позволяет утверждать, что «ребенок с большим белым лицом» — это Митя.

Если первое письмо Кати, в котором она обращается к нему со словами «мой любимый, мой единственный!» [7, 351], становится апофеозом счастья Мити — это первая кульминация в повести, то второе и последнее письмо Кати, перевернувшее жизнь Мити и лишившее ее смысла, — последняя кульминация. Сочетая авторское психологическое изображение, портрет и пейзаж, И. А. Бунин передает колоссальное потрясение души Мити и от потери любимой, и от утраты ее чистоты, и от предательства его любви. Автор создает символический пейзаж поистине апокалипсического ливня, вызывающего в памяти картины библейского потопа, смывающего с лица земли грешников: «дождь лил почти неделю и не прекращался, становился все сильнее», «лил с утра до вечера, лил как из ведра» [7, 378], а в последний день жизни Мити припускал «особенно бурно и мрачно» [7, 378]. Описывая душевное состояние Мити, И. А. Бунин создает образ обезумевшего от несчастья человека, ничего не видящего вокруг, вновь и вновь перечитывающего письмо от любимой и сотрясающегося от рыданий. «Весь облитый, весь насквозь промокший, без единой кровинки в лице, с заплаканными, безумными глазами, он был страшен» [7, 378]. «От холода, от ледяной сырости воздуха большие руки его посинели, губы стали лиловыми, смертельно бледное лицо с провалившимися щеками приняло фиолетовый оттенок» [7, 378-379] — по сути, это портреты мертвеца. И. А. Бунин предельно экспрессивно передает чувства Мити, переживающего шок от разрушения его мира, от потери любви и любимой, которую он обожествлял и которая воплощала в себе весь мир: «он погиб, в мире так чудовищно безнадежно и мрачно, как не может быть и в преисподней, за могилой» [7, 380].

Традиционно трагедию Мити интерпретируют как победу «диктата пола», «безликого пола, тяготеющего над лицом человеческой любви» [1, 377], «власти все-

сильного инстинкта» [3, 366]. «жуткой силы пола», «навалившегося» на Митю [4, 297]. Однако «диктат пола» не проявлялся в отношениях Мити с Катей, а проявлялся лишь в отношениях с Аленкой. После близости с купленной Аленкой Митя, «совершенно пораженный разочарованием» [7, 378], не переживает, однако, такой сильной душевной боли, такого колоссального шока и потрясения, как после получения прощального письма Кати, в котором она написала о разрыве отношения с ним и о своем падении — о том, «страшном», опасность чего так чутко уловил Митя и чего он так боялся.

Т. С. Карпачева называет Митю «жертвой эпидемии самоубийств» [6, 127], охватившей интеллигенцию рубежа веков. «Митина любовь» — повесть о чистых, невинных, доверчивых и открытых детях, об их сломанных судьбах [6, 130], детях, «заигравшихся» в подражание» [6, 135]. Однако только подражательным поведением самоубийство Мити объяснить невозможно. Ведь эпидемия самоубийств рубежа XIX-XX веков — это страшное и трагическое следствие богоотступнических настроений эпохи, утраты чувства Бога в душах людей, что так потрясало показав И. А. Бунин в своих произведениях 1910-х годов.

Знаки христианского текста повести и глубочайший психологический анализ позволили И. А. Бунину показать, что трагедия Мити и глубинная причина гибели героя — в обожествлении любимого человека, приводящем к болезни души, к наваждению и одержимости, а главное, — в отсутствии истинной любви к Богу и веры в Него, и, значит, в отсутствии незыблемой опоры в жизни человека, помогающей выдерживать любые испытания. Истоки трагедии героя кроются в нем самом, в его искаженной картине мира, в центре которого вместо Бога — любимый человек.

Повесть «Митина любовь» «психологически очень сложна» [1, 376] и в силу глубокого изучения причин трагедии Митиной любви как проблемы человеческого бытия, и в силу особенностей глубочайшего авторского психологизма. Н. В. Пращерук верно отмечает, что «психологизм Бунина имеет синтетическую природу. Принципы изображения человека, открытые предшествующей русской прозой, органично восприняты и преобразованы художником в новое качество» [11, 73]. В исследовании причин трагедии главного героя проявляются усвоенные И. А. Буниным традиции И. С. Тургенева в изображении «испытания любовью», Л. Н. Толстого — в «диалектике души», в подробнейшем анализе внутреннего состояния героя, Ф. М. Достоевского — в исследовании души человека в состоянии кризиса

и бытийного выбора, предельного психологического напряжения. Символизация имен собственных, пейзажей, деталей, художественного времени-пространства, христианского хронотопа, снов героя, экспрессионистски написанная финальная картина разрушения мира героя и его самоубийства связывают психологизм И. А. Бунина с актуализированными модернизмом начала XX века художественными принципами изображения человека. Этот мощный синтез создает ту сложность и бытийную глубину в исследовании души человека, в изображении «борьбы человека с самим собою за себя самого» Степун [7, 383], которые делают повесть И. А. Бунина «Митина любовь» произведением, принадлежащим вечности и актуальным во все времена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степун Ф. А. Литературные заметки: И. А. Бунин (По поводу «Митиной любви») / Ф. А. Степун // И. А. Бунин: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001. — С. 365-385.
2. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев / И. А. Ильин. — М.: Скифы, 1991. — 216 с.
3. Волков А. А. Проза Ивана Бунина / А. А. Волков. — М.: Московский рабочий. 1969. — 448 с.
4. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870-1953 / Ю. Мальцев. — М.: Посев. 1994. 432 с.
5. Смирнова Л. А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество / Л. А. Смирнова. — М.: Просвещение, 1991. — 192 с.
6. Карпачева Т. С. Суицид в повести И. А. Бунина «Митина любовь» и исторической реальности Серебряного века: междисциплинарный подход к проблеме / Т. С. Карпачева // Вестник Гос. гуманитарно-технологического ун-та. — 2021. — № 3. — С. 112-120.
7. Бунин И. А. Собр. соч.: в 6-ти т. / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1988. — Т. 4.
8. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: кн. для учителя / А. Б. Есин. — М.: Просвещение, 2013. — 174 с.
9. Бердникова О. А. При «дороге» жизни: о модификациях одного сюжета в произведениях И. А. Бунина / О. А. Бердникова, Т. Н. Голицына // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2020. № 4. С. 85-92.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов. — 18-е изд., стереотип. — М.: Ру Яз., 1987. 797 с.
11. Пращерук Н. В. Психологизм прозы И. А. Бунина 1909-1913 гг. / Н. В. Пращерук // И. А. Бунин и русская культура. Межвузов. сборн. научн. тр. — Елец: ЕГПИ, 1996. — С. 82-91.

Пятигорский государственный университет

Ковалева Т. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования

E-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru

Pyatigorsk State University

Kovalyova T. N., Candidat of Philology, Associate Professor
of the Department of Literature and Pedagogical Technologies
of Philological Education

E-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru

НОМИНАЦИИ НАСЕКОМЫХ В ТЕКСТАХ ГАЗЕТНОГО ПОДКОРПУСА НКРЯ

Е. П. Козявина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Аннотация: в данной статье проанализированы наименования насекомых в СМИ в контекстах, обнаруженных в газетном подкорпусе НКРЯ. Цель исследования — изучить семантический потенциал энтомологической лексики на примере медиатекстов. Поскольку СМИ являются отражением языкового сознания, в них представлены контексты с расширенной семантикой энтонимов. В работе были определены признаки, которые лежат в основе сравнительных оборотов с компонентом насекомое, сделаны некоторые выводы о развитии семантики энтонимов в современном русском языке.

Ключевые слова: русский язык, лексика, наименования насекомых, медиатекст.

Abstract: this article analyzes the names of insects in the media in contexts found in the newspaper subcorpus of the National Corpus of Russian. The purpose of the study is to examine the semantic potential of entomological vocabulary using media texts as an example. Since the media are a reflection of linguistic consciousness, they present contexts with expanded semantics of entonyms. The work identifies the features that underlie comparative expressions with the component insect, and draws some conclusions about the development of the semantics of entonyms in modern Russian.

Keywords: Russian, vocabulary, names of insects, media text.

Наименования насекомых представляют собой группу, выделяемую как часть более обширной лексики животного мира. Это древний универсальный для индоевропейских языков пласт лексики. Данные номинации, отличаясь явной терминологичностью, используются тем не менее для образной характеристики окружающей действительности и человека. «Метафора как способ вторичной номинации представляет интерес с точки зрения логических, мифологических и ценностных черт культуры конкретного языкового сообщества, отражая в первую очередь интересующие нас стереотипы в отношении образа человека» [Белевцова 2022, с. 3]. Особенно востребован образный и оценочный потенциал зоонимической лексики в медиатекстах [см. работы О. Н. Иванищевой, Е. В. Болговой [Иванищева 2018]; Е. М. Черниковой, Н. В. Шатрович [Черникова 2010]; Т. Ф. Лимаревой, Т. О. Багдасарян [Лимарева 2023]].

Актуальность нашего исследования определяет малоизученностью потенциала энтомологической лексики в медиатексте. «Тексты современных СМИ предстают как национальный поток сознания, в котором пересекаются и взаимодействуют факторы национальной картины мира, отраженные в сознании как автора, как и адресата (читателя). Публицистический текст рассматривается как процесс и результат коммуникативного взаимодействия автора и адресата, как совокупность лингвокогнитивных структур, которые отражают «осколки» языкового

сознания представителей определенной этносоциальной группы» [Черникова 2010, с. 48].

Целью данной статьи является изучение особенностей семантики энтомологической лексики в медиатексте на материале российских СМИ. Для достижения цели на первом этапе необходимо выявить корпус энтонимов. Источником послужил «Малый академический словарь» под ред. А. П. Евгеньевой [5], в котором обнаружено 53 номинации, где в дефиниции встречается лексема «насекомое». На втором этапе в качестве объекта исследования нами выбран раздел «Газетные СМИ» Национального корпуса русского языка [4]. Предметом исследования стали конструкции «*существительное/прилагательное/глагол* + как + «энтоним», обнаруживающие некоторые устойчивые признаки, связанные в сознании носителя русского языка с тем или иным насекомым. Из 53 энтонимов только 21 номинация, то есть почти половина, обнаружена в текстах СМИ НКРЯ и содержит оценочные характеристики. Общее количество контекстов — около тысячи, эти номинации представлены неравномерно. Наибольшее количество связано с номинацией *муха*, наименьшее — с номинацией *трутень* (рис. 1).

Стоит отметить, что в энтомологической лексике можно выделить три группы: собирательные наименования насекомых, наименования видов и отрядов насекомых и наименования промежуточных стадий развития насекомых.

Проанализируем, что является аттрактором (что сравнивается), а что источником (с чем сравнивается) и по какому признаку происходит сравнение.

Большинство энтомонимов объединены признаком, связанным с особенностью передвижения (быстрота, интенсивность, способ). Это особенно значимо для таких насекомых, как *блоха*, *кузнечик*, *муравей*, *таракан*, *саранча*, *стрекоза*, *шмель*. Например, «ска-

чет, как *блоха*», «прыгает, как *блоха*», «запрыгает, как *кузнечик*», «лезут, как *клопы*», «разбегаются как *тараканы*», «как *тараканы* попрытались», «набросились, как *саранча*», «кружит, как *шмель*», «порхает, как *стрекоза*».

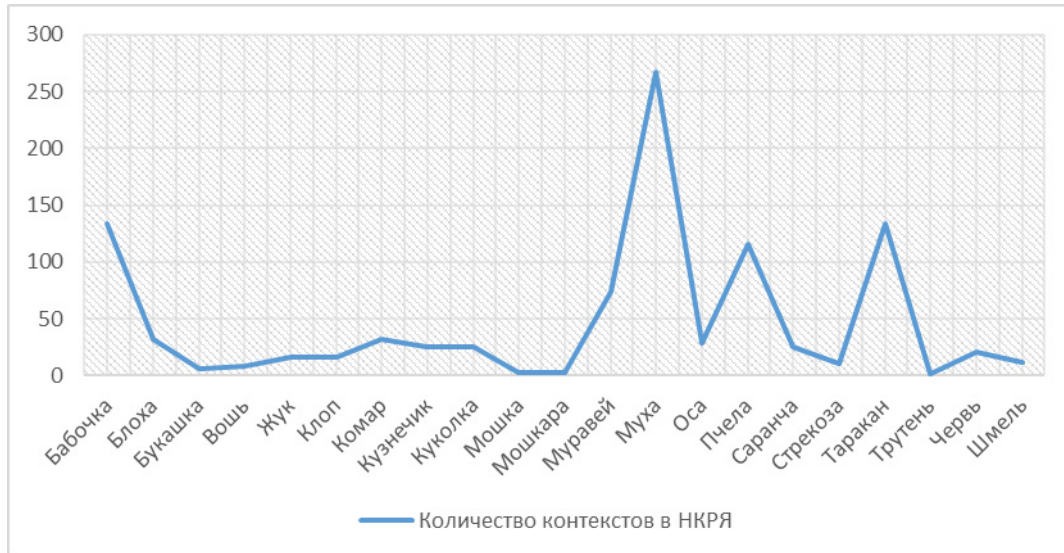

Рис. 1. Частота употребления номинаций насекомых по НКРЯ

Прекрасная работа кинооператора: горы, над которыми, **как шмель**, кружит самолет, танец — вертится, как волчок, девичья юбка. [Галина САПОЖНИКОВА. Почему правда о войне до сих пор ссорит нас с крымскими татарами? // Комсомольская правда, 18.06.2013]

Мысли его прыгали, **как блохи**, с одного прохода на другого: он прикидывал, оценивал, рассуждал, высмеивал, одобрял, сравнивал. [Белый квадрат // lenta.ru, 25.12.2017]

Скажи любому студенту слово «каникулы» — и он запрыгает от счастья, **как кузнечик** на летнем поле. [Зачем студентам каникулы? // Аргументы и факты, 2001.01.16]

На оставшиеся без присмотра жилища домушники набрасываются, **как саранча**: сезон охоты! [Данилкин Александр. ШЕСТЬ МИНУТ НА ВЗЛОМ // Труд-7, 20.05.2002]

Легкий взмах рук, какие-то движения по лицу мягкой кисточкой (мастер и сам порхает по студии, **как стрекоза** над лужайкой) — и вот я уже Светило! [Анна АМЕЛЬКИНА. С такой прической я — как ясно солнышко! // Комсомольская правда, 14.09.2002]

Стоит отметить дистрибутивное значение номинаций *блоха*, *муравьи*, *таракан*, *саранча*, в примерах подчеркивается, что данные действия совершаются коллективно.

Услышав звук ружейного затвора, они разбежались, **как тараканы**, — вспоминает хозяин ресторана. [В США хозяин русского ресторана защитил его от погромщиков // РИА Новости, 02.06.2020]

Внутри, на кучах ящиков, **как муравьи**, возились

люди. [Голованов Василий обозреватель «Труда». БЕЛЫЙ АИСТ» ЛЕТИТ... // Труд-7, 04.05.2007]

Второй семантический признак — множественность, который отмечен в номинациях *блоха*, *вошь*, *клоп*, *мошара*, *таракан*. Например, «их как *блох*», «плодятся, как *вши*», «расплодились как *клопы*», «лезут, как *клопы*», «множатся, как *тараканы*», «у нас их, как *тараканов*», их тучи, как *мошары*. Многочисленность подчеркивается грамматически — формой множественного числа (*тараканы*, *клопы*, *блохи*) и собирательным существительным *мошара*.

Ну разве могут национальные театры высказывать из-за кулис, **как блохи**, ежевечерне сменяя друг друга. [Эдиппредставительство // Коммерсант, 19.09.2006]

Плодятся стала мафия, **как вши** и тараканы, без всякого ограничения. [ИЗ ПОЧТЫ «АиФ». Обращение мещанина к мафии // Аргументы и факты, 1995.02.22]

Потому что их сейчас расплодилось, **как клопов** в неряшливых квартирах. [Александр КАТЕРУША. Леонид Куравлев: «Мне стыдно играть олигарха. Предлагаю, но я не продаюсь» // Комсомольская правда, 01.08.2013]

Мы мечтаем окончательно выйти из тени, но эта тень — от тучи чиновников, которые, **как мошара**, вьются над мелкими предпринимателями. [Владимирова Елена. МЫ УЖ ЛУЧШЕ В ТЕНИ... // Труд-7, 04.05.2007]

В номинациях *букашка*, *жук*, *клоп*, *комар*, *муха* отмечен признак отсутствия сопротивления, беспомощности насекомого. Например: «раздавить, как

букашку», «раздавит, как жука», «мрут, как мухи».

«Я испугался до смерти», — заявил Мелвилл журналистам, и добавил, что в какой-то момент ему показалось, что его «раздавит, **как жука**». [Пилот первого частного космического корабля чуть не сорвал полет // Lenta.ru, 23.06.2004]

Пессимистически настроенные люди мне говорят, что вся сегодняшняя система задавит меня, **как букашку**. [Почта // Независимая газета, 14.02.1998]

Главный герой постоянно убивает злодеев, **как комаров**, а конца им не видно. [Режиссер «Экзорциста» рассказал о чудо-дереве // Lenta.ru, 19.08.2002]

Там умирают на глазах не только животные, люди мрут, как мухи. [Алексей Тарасов. Там умирают на глазах. Некоторые предварительные итоги года экологии, объявленного президентом // Новая газета, 23.09.2017]

Ты просто находишься в чьей-то воле: сегодня тебя решили придавить, **как клопа**, — и придавят. [Беседовал Александр Зайцев. «Тебя решили придавить, как клопа, — и придавят» // Lenta.ru, 01.08.2017]

Стоит отметить, что ряд энтономимов клопы, вши, блохи, тараканы антонимичны ряду букашка, жук, комар, муха, поскольку противопоставляются по признаку способности к выживанию. Первые способны выживать, плодятся, лезут, вторые — нет, их легко раздавить, убить.

В номинациях муравей, пчела отмечают особенность, связанную с трудолюбием. «Трудятся, как муравьи», «работают, как пчелы». Антонимичный по значению энтономим трутень характеризует ленивого человека: «сизу на шее, как трутень».

Она работает, как пчела, труппа ее обожает. [Ярослав Тимофеев, Светлана Наборщикова. «Когда личные отношения берут верх над деловыми, начинаются проблемы» // Известия, 22.07.2013]

Они охотно дают комментарии, не отвлекаются на камеру и трудятся, как муравьи. [Жильё для пострадавших от паводка возводят в авральном режиме // Vesti.ru, 04.06.2014]

Начались у меня психозы — здоровый мужик, а сизу, **как трутень**, на шее жены. [Мне нравится быть домохозяином // Комсомольская правда, 03.12.2004]

В номинациях бабочка, мошка создается образ легкости, легкомысленности. «Слетались, как бабочки на огонь».

На ее шикарный голос, **как бабочки** на огонь, слетелись продюсеры. [Светлана ДАНИЛОВА. Массква: девочка с Севера // Комсомольская правда, 07.12.2005]

На монитор компьютера, **как мошки** на электрическую лампочку, летят миллионы человеческих душ, больно ударяются, обжигаются, падают, ломают крылья. [Дмитрий Соколов-Митрич. Люди дотла // Известия, 18.05.2010]

В номинациях червь, оса и саранча отмечена способность насекомого кусать. Например: «жалит, как

оса», «подтачивает, как червь», «изгрыз, как червь», «сожрала, как саранча».

Активен и Чуди Оди, который, если продолжать боксерские аналогии, действует на поле в стиле Мохаммеда Али: порхает, как бабочка, жалит, **как оса**. [Сергей Пряхин. Дрессировщик Вагнер. Нападающий ЦСКА усмирил своим дублем болгарских «Львов» // Советский спорт, 25.11.2005]

Растущая стоимость услуг в сфере здравоохранения подтачивает экономику США, **как червь**, считает председатель совета директоров Berkshire Hathaway Уоррен Баффетт. [Amazon, Баффетт и JPMorgan построят компанию в здравоохранении // Ведомости, 2018.01.30]

Но, к сожалению, алчная поп-музыка, как саранча, сожрала музыкантов. [Алексей Певчев. «Мы слишком абстрагированы от социума, чтобы быть его глашатаями» // Известия, 25.09.2013]

Номинация куколка связана с особенностью внешнего вида. «Закутанная, как куколка».

Дадон выпускает на сцену закутанных, как куколки, танцовщиков, разоблачает их до исподнего, с колосников сбрасывает белокурые парики и позволяет каждому выйти из своей зоны комфорта. [Вечер балетных дебютов «Точка пересечения» нашел четверых // Ведомости, 2017.03.14]

Результаты исследования можно представить в сводной таблице 1.

Перенос признаков насекомого на человека — это регулярный способ сравнения и метафорообразования. Отправной точкой переноса в основном являются наблюдаемые, внешне выражаемые признаки: внешний вид, размер, количество, особенности поведения. Поскольку данные сравнительные обороты не зафиксированы толковыми и фразеологическими словарями, представленные в них значения демонстрируют потенциальные семы. Проанализировав данные примеры употребления энтономимов в текстах СМИ, можно сделать вывод о том, что развитие семантики энтономимов имеет антропонимический вектор. Энтономимы активно используются для характеристики человека как представителя социума (18 контекстов), конкретных предметов (2 контекста) и абстрактных сущностей (5 контекста), связанных с ним. Отметим, что такие энтономимы, как блоха, клоп, муравей, саранча совмещают в себе несколько признаков.

Важной категорией в процессе освоения мира человеком является противопоставление, что также нашло отражение в семантических признаках энтономимов. Например, энтономимы противопоставляются по признаку способности к выживанию и по признаку трудолюбие — лень.

Таким образом, выявлено, что номинации насекомых активно используются в СМИ для создания яркого образа, что ведет к расширению семантики энтономимов. Наибольшее количество контек-

стов, по данным НКРЯ, характерно для номинаций мухи, бабочки, пчелы и таракана. Поскольку СМИ формируют национальную картину мира и отража-

ют особенности современного языка, на примере медиатекстов возможно отследить вектор развития семантики энтомологической лексики.

Таблица 1

Энтономим	Аттрактор	Признак
Бабочка	Продюсер	Легкость
Блоха	Мысль	1.Способ передвижения
	Театры	2.Многочисленность
Букашка	Я	Беспомощность
Вошь	Мафия	Многочисленность
Жук	Он	Беспомощность
Клоп	Они	1.Многочисленность
	Ты	2.Беспомощность
Комар	Злодеи	Беспомощность
Кузнечик	Студент	Способ передвижения
Куколка	Танцовщики	Внешний вид
Мошка	Души	Легкость
Мошкара	Чиновники	Многочисленность
Муравей	Люди	1.Способ передвижения
	Они	2.Трудолюбие
Муха	Люди	Беспомощность
Оса	Чиди Одиа (боксер)	Способность кусать
Пчела	Она	Трудолюбие
Саранча	Домушники	1.Способ передвижения
	Поп-музыка	2.Способность кусать
Стрекоза	Мастер	Способ передвижения
Таракан	Они	Способ передвижения
Трутень	Мужик	Лень
Червь	Стоимость	Способность кусать
Шмель	Самолет	Способ передвижения

ЛИТЕРАТУРА

- Белевцова Т. Б. Когнитивная зооморфная метафора в русском литературном языке (на материале энтономимов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Белевцова Т. Б. — Ставрополь, 2022. — 29 с.
- Иванищева О. Н. Инвективная зоонимическая лексика русского языка / О. Н. Иванищева / Известия ВГПУ. Филологические науки. — 2018. — С. 122--125.
- Лимарева Т. Ф. Метафорический потенциал зоонимов в медиатекстах (на примере языковой единицы волк) / Т. Ф. Лимарева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2023. — Т. 20, № 4. — С. 12-17.

- Национальный корпус русского языка — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 16.04.2025).
- Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1985.
- Черникова Е. М. Зоонимы и орнитонимы в составе фразеологизмов как способ отражения лингвокультурной информации (на материале французского и итальянского газетного текста / Е. М. Черникова, Н. В. Шатрович // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. — 2010. — № 21. — С. 46-50.

Воронежский государственный университет
 Козьявина Е. П., преподаватель кафедры электронных
 СМИ и речевой коммуникации
 E-mail: elena.kozyavina.96@mail.ru

Voronezh State University
 Kozyavina E. P., Lecturer at the Department of Electronic
 Media and Speech Communication
 E-mail: elena.kozyavina.96@mail.ru

НАРЕЧИЯ В ЛЮБОВНЫХ ЗАГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ КАРЕЛИИ)

М. А. Коновалова

Петрозаводский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2024 г.

Аннотация: в данной статье исследуется лексический состав любовных заговоров из сборника Т. С. Курец «Русские заговоры Карелии», а именно наречия, которые играют ключевую роль в формировании образов и метафор, связанных с любовной магией. В ходе исследования использовались методы сплошной выборки и лексикографического анализа, что позволило выделить в 85 текстах заговоров 15 определительных наречий и 12 обстоятельственных. Автор исследует реализацию языковой метафоры «любовь — огонь», которая проявляется через определительные наречия, такие как «жарко», «пылко», «ярко», «досуха», связывающие эмоциональные состояния с огненной символикой. Обстоятельственные наречия, такие как «днем», «ночью», «вместе», «врозь», также играют важную роль, уточняя время и место действия. Выявлено также использование диалектных форм, таких как «безопятно» и «безотворотню», что подтверждает региональную специфичность языка текстов заговоров. Основные выводы исследования подчеркивают, что любовные заговоры, несмотря на свою архаичность, продолжают сохранять культурную значимость и требуют дальнейшего изучения в рамках лингвофольклористики и культурологии.

Ключевые слова: любовные заговоры, наречия, метафора, диалектные формы, фольклор.

Abstract: this article investigates the adverbial lexicon within love spells from T. S. Kurets' compilation, «Karelian Russian Charms». The study analyzes the crucial role adverbs play in constructing the imagery and metaphors central to the love magic depicted. Employing continuous sampling and lexicographical analysis across 85 spell texts, the research identifies 15 attributive and 12 adverbial adverbs. A key focus is on the linguistic metaphor «love — fire», realized through attributive adverbs such as «жарко», «пылко», «ярко», «досуха», connecting emotional states with fiery symbolism. Further, adverbials indicating time and location, such as «днем», «ночью», «вместе», and «врозь» are examined for their contributions to contextual meaning. The presence of dialectal forms, including «безопятно» and «безотворотню», underscores the regional distinctiveness of the spell language. The study concludes by emphasizing the enduring cultural relevance of love spells, despite their archaic nature, thereby underscoring the necessity for continued research within the fields of linguofolkloristics and cultural studies.

Keywords: love spells, adverbs, metaphor, dialect forms, folklore.

Тема любви, семьи и свадьбы на протяжении столетий остается актуальной для нашей культуры в целом и для фольклора в частности, так как она тесно связана с традиционными ценностями русского народа. Среди фольклорных жанров данная тема наиболее наглядно представлена в описании свадебных обрядов, свадебных песен и причитаниях, а также любовных заговорах. Фольклористы неоднократно обращались к исследованиям любовных заговоров восточных славян (Топоров, Кляус [1], Топорков [2], Доброва [3; 4] и др.), а также заговоров этой группы, распространенных на территории республики Карелия (Ершов, Логинов [5], Калашникова [6], Топорков [7]). Интерес к жанру заговора обусловлен, с одной стороны, его древностью, а с другой, актуальностью и популярностью в наши дни. Несмотря на публикацию современных любовных заговоров, они не становятся предметом исследований.

Исследуя этот жанр, фольклористы обращаются преимущественно к исконно народным, традицион-

ным текстам, опубликованным в Олонецком сборнике, «Олонецких губернских ведомостях», сборникам П. Н. Рыбникова, В. Мансикки и Т. С. Курец. Сборник «Русские заговоры Карелии» Т. С. Курец [8], вышедший в 2000 году, представляется наиболее подходящим для исследования, так как содержит значительно больший объем фольклорного материала по сравнению с остальными, а, во-вторых, не так подробно исследован. Сборник составлен на базе материалов КарНЦ РАН и включает 452 текста, записанных в XIX–XX веках, из которых 85 относятся к интересующим нас темам: «Заговоры, повышающие привлекательность девушек» (24), «Присушки» (44), «Отсушки (остуды)» (14), «Заговоры, приуроченные к свадьбе» (4).

Как видно, большая часть заговоров — это присушки, магические слова и/или действия, «имеющие целью вызвать у какого-то конкретного лица чувство любви» [9, 228]. Однако, несмотря на широкое распространение и понятную популярность данного «субжанра», присушки — это все же «насилие» над чувствами человека и они не могут расцениваться как что-то одобряемое. А. Л. Топорков отмечает,

что «концепция, отразившаяся в любовной магии, предстает как кощунственная и антихристианская. <...> цель любовной магии — подавить волю человека. Любовная страсть это некая сверхчеловеческая сила» [7, 65], приносящая человеку, на которого направлен заговор, боль и горечь. Часто сила любви сравнивается с разрушительной силой огня.

Такой характер воздействия на чувства человека проявляется в образах в первую очередь на лексическом уровне текстов. Мы ограничимся лишь наречиями, так как именно эта часть речи на данный момент исследована наименее детально. Несмотря на то, что наречия были выделены в самостоятельную знаменательную часть речи лишь в конце XIX века, их природа, состав и структура до сих пор остаются предметом дискуссий. Долгое время существовало множество точек зрения на эту часть речи, тем не менее, «распространение в научной практике комплексного освещения наречия как лексико-грамматического разряда получило противопоставление двух его основных разрядов — определительных и обстоятельственных наречий» [10, 142]. В текстах заговоров имеют место как определительные, так и обстоятельственные наречия, при этом их доля различается несущественно.

Методом сплошной выборки из 85 текстов было выделено 15 определительных наречий (32 словоупотребления): вместе (5), жарко (5), паче (4), пылко (3), безопятно (2), больше (2), выше (2), ярко (2), безотворотно (1), остро-наостро (1), досуха (1), крепко-накрепко (1), порознь (1), порозь (1), пуще (1). Значительная часть словоупотреблений, а именно лексемы «жарко», «пылко», «ярко», «досуха» (11) вероятно, не обусловлены спецификой жанра или фольклорными традициями, а являются следствием развития «общезыковой метафоры «огонь в печи → сильное любовное чувство» [9, 229]. А. Л. Топорков также отмечает, что распространенность данной метафоры в других языках закономерно могла привести к тому, что «заговорные формулы, подсказанные языком, могли возникнуть вполне независимо в разных традициях» [11, 133]. Помимо наречий в текстах присутствуют и другие части речи, способствующие раскрытию метафоры: печь, свеча, гореть, жечь и другие. Обратимся к примерам: «коль жарко разгораются дрова и угольё, коль жарко и пылко, столь же бы пылко, столь же бы жарко горело сердце и кровь» [8, 47], «Коль ярко горит свеча перед образом Божиим, толь же бы ярко горело сердце у р<абы> Б<ожьей> (имя) по р<абу> Б<ожьему>» [8, 47]. Конечно, эта метафора широко распространена в языке и характерна не только для жанра заговора, но здесь мы можем встретиться с равенством слова и действия. Для исполнения некоторых заговоров необходимо обязательное сопровождение произнесения текста ритуальными действиями, несмотря на то, что описание действий фиксируется фольклористами не всегда. Тем не менее, в «Олонецком сборнике» заговоров XVII века текст приворота

соотносится с описанием обряда: «...Взят(ь) против хребта в сорочке нитка да, где сedit женка, с тог(о) места взят(ь) щепка, выколупит(ь) да перерезат(ь) на пол, половина жеч(ь), а говор(и): (1) Как горит щепка в огне, так бы горело с(е)рдце имярек по мне имярек» [2, 103]. Н. В. Познанский подчеркивал, что «Такая тесная связь слова и ритуала характерна для архаических форм вербальной магии» [12, 205-213], а сходные формулы использовались еще во времена античности [2, 193]. Действительно, сходные магические формулы, например, могут возникать независимо в разных культурах, где применяются похожие ритуалы.

Еще один пример определительного наречия — досуха — связан в том числе и с внутренней формой термина «присушка», под «которой обычно понимается магическое воздействие на человека с целью возникновения у него эмоционального и духовного влечения к другому человеку» [9, 232]. Наречие семантически связано с глаголом «сохнуть» в значении «страдать от любви к кому-либо» [13, 1242-1243]. Приведем пример текста: «Тридцать бесов, пятьдесят дьяволов, не сушите лесу досуха, засушите раба (имя) досуха» [8, 41]. В данном отрывке слово «досуха» используется дважды: первый раз — в прямом значении при описании действий, направленных на дерево, второй раз — в переносном, в отношении человека. Кроме того, можно предположить и в этом случае наличие связи с указанной ранее метафорой «любовь — огонь»: сухота как результат воздействия любви, то есть огня. Также стоит заметить, что цель заговора — заставить человека тосковать, а по словарю В. И. Даля, тосковать — значит «болеть по чем душою, сильно грустить, скучать, неутешно горевать, сохнуть сердцем, скорбеть, изнывать» [14, 422]. В приведенном выше отрывке заговора снова обнаруживается использование других частей речи с близким значением, причем в данном случае используются однокоренные слова: сушите, засушите, досуха. Частотность однокоренных слов в данном жанре достаточно широко распространена, Л. А. Топорков отмечал, что «в заговорах имеется большое число тавтологических словосочетаний» [11, 160], и сравнивал этот способ организации текста со стилем «плетения словес», для которого, по словам Д. С. Лихачева, характерно «нагромождение синонимов, синонимических сочетаний, сходных сравнений» [15, 30], что способствует усилению экспрессивности, эмоциональности, напряженности, но вместе с тем и таинственности магического текста.

Отдельно можно выделить определительные наречия в составе заговоров, повышающих привлекательность девушек, основной целью которых является пробуждение любви окружающих к объекту/субъекту заговора. При этом любовь в наивысшей мере должна проявиться у «жениха», «суженого» и т.п.: «Как я на зеркале видна, так чтобы была видна всем игрокам, всем сватам, всем женихам, богосуженому, богоряженому больше всех» [8, 30]. Как

мы видим, в таких формулировках текстов часто употребляются наречия в сравнительной степени.

В составе остудных заговоров, или отсушек, частотна антонимичная пара наречий «вместе — врозь, порознь (порозь)»: «В этой лодке сидит черт на чердаке с чертовкой вместе. Сидят они хребтами вместе, лицами порознь, и не могут они глядеть друг на друга, встречу встретиться, слово сказать. Дерутся они, цепляются, до кровавых ран кровью обливаются. Так же и раб Божий (имя) со рабой Божией (имя) дрались да ципались» [8, 43]. Здесь описываются действия, совершаемые еретиками, чертом с чертовкой и дьявола с дьяволицей, которые «смотрят врозь», а также щиплются и дерутся, несмотря на то, что находятся вместе. Данный заговорный текст призван разрушить отношения между мужем и женой, или же возлюбленными. Стоит отметить, что одна из лексем данной оппозиции — «порозь» — является диалектным вариантом, распространенным в нескольких регионах России [16, 76].

Помимо приведенных наречий, которые непосредственно связаны с тематикой заговора, есть и другие, встречающиеся в таких структурных элементах текста, как вступление и закрепка: «вложите ету тоску р<абу> Б<ожнему> (имя), чтобы он болел и болезновал по рабе Божьей (имя) днем при дороге, ночью при постели; ел — не наедался, пил — не напивался, и плакал, и рыдал, как малое дитя по матери, и почитал бы рабу Божью (имя), как свою душу в теле, век по веку, отныне и до веку. Бытте, мои слова, крепко-накрепко, остро-наостро» [8, 34]. Здесь слова «крепко-накрепко, остро-наостро» заключают, буквально закрепляют значение слов. Кроме того, именно в закрепке нами были обнаружены диалектные наречия «безотворотно» и «безопятно», при этом стоит отметить, что форма «безопятно» не задокументирована в словарях, но в конце сборника «Русские заговоры Карелии» составитель приводит ее в «словаре местных, малопонятных и искаженных слов». Близкий фонетический вариант «безотпятно» приводится в Словаре русских народных говоров: «Безотпятно, нареч. 1. Не отходя, не отрываясь» [17, 197]. В то же время лексема, употребляемая в сочетании с безопятно — безотворотно обозначена и в СРНГ со значением «Неотрываясь; безотрывно» [17, 196], и в СРГК «Никуда не сворачивая» [18, 53]. Приведем фрагмент заговора: «От грому, от молнии и от огненных стрел бежит всяк нечистый дух, трясовицы и родимец бежат под пень, под колоду безотпятно и безотворотно» [8, 65].

В этом же фрагменте текста обнаруживаются наречия, которые призваны распространить его действие на максимально обширный промежуток времени. Для этого заговаривающий обращается к перечислению времени суток или использует синонимичные конструкции, чтобы как можно лучше укрепить силу слов. Таким образом охваченными

оказываются все промежутки времени, и не остается ни одного, на который заговор бы ни распространился. В случае с последними примерами мы имеем дело уже с обстоятельными наречиями, а именно наречиями времени. В текстах любовных заговоров Карелии были выделены следующие лексические единицы данной группы: всё (1), денно (2), днем (2), носью (2), ночью (1), ночью (2), отныне (3).

Еще одной категорией обстоятельных наречий являются обстоятельства места: там (6), куда (3), далече (2), навстречу (1), прочь (2). В зависимости от их функции, а также расположения в структуре заговора мы можем разделить их на две группы: первая из них не связана непосредственно с тематикой заговора и принадлежит «общим» местам — они обычно располагаются в зачине или начале эпической части, где определяется место персонажа в пространстве или завязывается взаимодействие с волшебным помощником. Таких примеров — большинство: «Пойду далече в чистое поле» [8, 43], «Пойду в чистое поле, там стоит огненной столб» [8, 32], «выйду во чистое поле. Попадается навстречу царь Соломон» [8, 39]. Подробные формулы характерны не только для любовных, но и для лечебных заговоров.

Эта группа наречий используется при описании ситуации, которая по принципу действия параллелистических заговоров переносится на объект, например, в присушке: «как охватился зверь-любимец, обогнулся зверь-любимец и прочь не идет, так же бы охватила и обогнулась тая р<аба> Б<ожья> (имя) с тем р<абом> Б<ожим>» [8, 47]. Всего в текстах русских заговоров Карелии представлено 12 обстоятельных наречий, представленных в 27 словоупотреблениях.

Стоит отметить, что в целом тексты заговоров любовной тематики, распространенные на территории Карелии, соответствуют характеристике, данной А. Л. Топорковым русским любовным заговорам: это тексты «большого объема, имеющие достаточно сложную сюжетную организацию, весьма красочные в художественном отношении (общая драматизация повествования, наличие диалога с персонажем-посредником)» [11, 112-113]. Исследователь также указывает, что заговор призван вызвать «низменную страсть, приносящую боль и протекающую подобно болезни» [11, 114]. Действительно, согласно текстам, приведенным в сборнике «Русские заговоры Карелии», любовь располагается в теле человека так же, как и болезнь, и изгоняется аналогичными формулами: ср. текст отсушки «смой с раба Божьего (имя) тоску и кручину на сыру землю с буйной головы, с подъясных очей, с белого тела, с ретивого сердца» [8, 46] и заговора от золотухи «несколько этих золотух, сойдите проць с белого тела, с ретивого сердца, с рук и с ног, и с буйной головы» [8, 63].

Итак, мы выяснили, что в текстах любовных заговоров обнаруживаются как определительные, так

и обстоятельственные наречия. Они могут использоваться во вступлении и заключении в составе традиционных формул — пойду далече, там стоит печь, заключаю крепко-накрепко, днем и ночью. Кроме того, обе группы наречий встречаются в эпической части, где они непосредственно связаны с тематикой заговоров и описывают действия, которые должны произойти с объектом заговора или быть на него спроецированы — «печь кирпичная, топится жарко и пылко. Так же у раба Божья Ивана сердце боли» [8, 31], «Сидят оны хребтами вместе, лицами порозь. Так же бы и раб Божий со рабой Божьей» [8, 43]. Данные наречия отражают общезыковую метафору «любовь — огонь», а также раскрывают внутреннюю форму термина «присушка», как иначе могут называться любовные заговоры. Таких наречий, непосредственно связанных с темой заговоров, насчитывается значительно меньше. Это связано с устойчивостью и формульностью жанра, которые требуют обязательного использования определенных конструкций во вступлении и закреплении, которые содержат обстоятельственные наречия, сообщающие нам о местоположении заговаривающего или заговариваемого и распространении магического действия текста в вечное будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кляус В. (сост.) Любовные заговоры. — М.: Дом русской косметики, 1991.
2. Топорков А. Л. (сост.) Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX века / сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. — М.: Индрик, 2010. — 847 с.
3. Доброва С. И. Гендерный аспект формул параллелизмов-перечней в любовных заговорах / С. И. Доброва // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы IX Международной научной конференции, Воронеж, 28-29 октября 2017 года / отв. ред. А. Д. Черенкова. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. — С. 202-215.
4. Доброва С. Н. Семиотические основы параллелизмов-перечней в фольклорном тексте (на материале любовных заговоров) / С. Н. Доброва // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2018. — № 4. — С. 34-37.
5. Ершов В. П. Потаенный фольклор Карелии и сопредельных областей / В. П. Ершов, К. К. Логинов; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. — Петрозаводск: ВЕРСО, 2022. — 206.
6. Калашникова Р. Б. Свадебное содержание и «присушивательная» символика заонежских бесёдных песен второй половины XIX века / Р. Б. Калашникова // Кижский вестник. — Петрозаводск, 2000. — № 5. — С. 72-94.
7. Топорков А. Л. Русские любовные заговоры XIX века / А. Л. Топорков // Эрос и порнография в русской культуре: сб. ст. / под ред. М. Левитта и А. Л. Топоркова. — М.: Ладомир, 1999. — С. 54-71.
8. Русские заговоры Карелии / составитель Т. С. Курец. — Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000. — 276 с.
9. Коваль В. И. Любовные присушки у восточных славян: вербальная и акциональная магия / В. И. Коваль // Язык как ценность бытия: сборник научных трудов в честь юбилея профессора Марии Иосифовны Конюшкевич. — Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2023. — С. 227-234.
10. Сурган М. А. К вопросу об объеме наречия как части речи в современном русском языке / М. А. Сурган // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. — 2014. — Т. 27 (66), № 1-1. — С. 139-144.
11. Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV-XIX вв.: история, символика, поэтика / А. Л. Топорков. — М.: Индрик, 2005. — 478 с.
12. Познанский Н. Ф. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Ст., примеч., сост. списка источников Ф. С. Капицы. — М.: Индрик, 1995. — 352 с.
13. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург: «Норинт», 2000. — 1536 с.
14. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. А — З. — М.: Русский язык, 2002. — 699 с.
15. Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе / отв. ред. О. В. Творогов. — Ленинград: Наука, 1986. — 406 с.
16. Словарь русских народных говоров / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований; [гл. ред. Ф. П. Сороколетов]. Вып. 30, Поприугомонить-Почестно / [ред.: О. Д. Кузнецова, П. И. Павленко; сост.: Н. И. Андреева-Васина и др.]. — 2-е изд. — СПб.: Наука, 2003. — 384 с.
17. Словарь русских народных говоров / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований; [гл. ред. Ф. П. Филин; ред. Ф. П. Сороколетов]. Вып. 2, Ба — Блазниться. — 2-е изд. — СПб.: Наука, 2002. — 314 с.
18. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Санкт-Петербург. гос. ун-т; отв. ред. О. А. Черепанова; гл. ред. А. С. Герд. — СПб.: Издательство Санкт-Петербург. ун-та, 1995.

Петрозаводский государственный университет
 Коновалова М. А., старший преподаватель кафедры
 германской филологии и скандинавистики
 E-mail: konovmasha@yandex.ru

Petrozavodsk state university
 Konovalova M. A., Senior Lecturer at the Department of
 German Philology and Scandinavian studies
 E-mail: konovmasha@yandex.ru

ПОРА И О ДУШЕ ПОДУМАТЬ! (ПОРТРЕТ ЛЕКСЕМЫ «ДУША» ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

И. А. Меркулова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 мая 2025 г.

Аннотация: в статье анализируется портрет лексемы «душа» по данным Национального корпуса русского языка. Рассматриваются вопросы синтагматики, грамматики и стилистики.

Ключевые слова: Национальный корпус русского языка, душа, портрет лексемы.

Abstract: the article analyzes the portrait of the lexeme “soul” according to the National Corpus of the Russian language. The issues of syntagmatics, grammar and stylistics are considered.

Keywords: National corpus of the Russian language, soul, portrait of the lexeme.

ВВЕДЕНИЕ

Среди многообразия понятий, связанных с жизнью человека, понятие души занимает особое место. Именно ей посвящены религиозные трактаты, философские сочинения, поэтические произведения и, конечно, лингвистические работы, в которых описаны особенности употребления данной лексемы в фольклорных текстах [1; 2; 3], на материале современного языка [4], идиостиля писателя [5] и в сравнении языков [6]. Проводятся лингвистические конференции, посвященные феномену *души* [7]. В качестве примеров мы привели лишь некоторые работы последних лет, не преследуя цели дать их полный список. *Душа* рассматривается как базовый концепт, ключевая идея русской языковой картины мира. А. Д. Шмелёв отмечает, что для наивноязыкового сознания триаду (*дух-душа-тело*) заменяют две оппозиции: *дух-плоть* и *душа-тело*, причем различия между понятиями *душа* и *дух* в языке настолько существенны, что «практически нет контекстов, в которых дух и душа были бы взаимозаменяемы» [8, 137]. По установленным нами данным, семема '*душа*' входит в число единиц синтагматического ядра девяти из четырнадцати славянских языков [9], а значит, прочно закреплена в устойчивых сочетаниях и выражениях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью данного исследования является наблюдение над портретом лексемы «душа» в русском языке. Возможности Национального корпуса русского языка позволяют такой портрет «нарисовать». Мы же постараемся его дополнить некоторыми штрихами. В ходе исследования мы использовали описательный метод, включающий наблюдение, и разные виды анализа: семантический — для выявления прямых и переносных значений, дистрибутивный — для определения регулярных частотных сочетаний,

а также обобщение и интерпретацию данных, предоставляемых Национальным корпусом русского языка (основной подкорпус, вкладка «Портрет слова»).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Представим результаты исследования в виде наблюдений над поведением лексемы *душа* в русском языке по корпусным данным.

Наблюдение 1. Синтагматика *души*.

Под синтагматической связью понимается сочетание по смыслу данного слова в разных его грамматических формах с формами других слов в составе высказываний. Она определяется через сочетаемость (частотные коллокации) с глаголами, прилагательными, существительными, которые могут выступать в качестве классификаторов и задавать распределение имен по классам (криптоклассам, в терминологии О. О. Борискиной и ее учеников [10; 11]. Классификация именной лексики основана на связи языка и мифологического познания мира, на метафорической природе языка, проявляющейся в сочетаемостных свойствах языковых единиц. «Именно в силу кумулятивной функции и метафорической природы языка «осколки значений» мифологического прошлого в механизмах познания мира обуславливают регулярное употребление непредметных имен в конструкциях с признаковыми словами конкретно-пространственной семантики (например, глаголами или прилагательными), «повторяя» тем самым сочетаемостные свойства предметных существительных» [12, 12].

Приведем по 10 первых наиболее частотных коллокатов *души*, распределенных по частям речи.

1) Душа является определяемым при прилагательных: *мертвый, человеческий, живой, бессмертный, чистый, грешный, добрый, детский, чужой, христианский*. Первое место прилагательному *мертвый* обеспечивает прецедентный текст — название поэмы Н. В. Гоголя. По нашим подсчетам, из 1000 упо-

треблений только 20% не связаны с гоголевской тематикой, да и эти примеры демонстрируют устойчивость (“крылатость”) данного выражения со значением фиктивности, отсутствия. *Минул месяц, как эту мертвую душу — демобилизованного со службы — навязал ему принять в лазарет тоже начальник — хозяйчик полигона, глухой прапорщик Абдуллаев, по прозвищу Абдулка. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]. Не сомневаюсь, что тот наберет сейчас полрудника мертвых душ, будет обстригать свои дела, но вслух я этого не могу сказать. [Роман Амосов. Подъем на холм // «Ковчег», 2012]. У прочих есть в запасе мертвые души, справки и так далее. [Екатерина Завершнева. Высота (2012)]*

Другие прилагательные, сочетающиеся с лексемой душа, входят в состав устойчивых выражений: *ни одной живой души; душа моя грешная; добрая душа (о хорошем, добром человеке); чужая душа — потемки. Оставшиеся прилагательные (человеческий, детский, христианский) свидетельствуют о категоризации души как принадлежащей исключительно человеку, именно поэтому лексема “душа” употребляется в качестве номинации человека как такового.*

2) Душа может: *болеть, рваться, жаждать, гореть, искать, просить, стремиться, петь, лежать, радоваться.*

Душу можно: *отвести, наполнять, раздирать, отдавать, отводить, упокоить, погубить, спасти, продать, чаять.* Поскольку глаголы являются классификаторами имен, можно сказать, что сочетаемость показывает антропоцентричность души-субъекта и разноплановость души-объекта. Душа испытывает физические страдания (*болит, жаждет*), имеет голос (*просит, поет*), переживает эмоции (*радуется*).

Как объект, душа является вместилищем (*наполнять*), может выступать как предмет (*отдать, раздирать*) и быть товаром (*продать*), наконец, душой можно управлять (*отвести, упокоить*).

3) Душой можно: *кривить, любить, болеть, отдыхать, ненавидеть, чувствовать, стремиться, привязаться.* В этих сочетаниях возможна лишь форма творительного падежа существительного душа, а значит, глаголы классифицируют душу как орудие, средство физических (*кривить, привязаться, стремиться, отдыхать*) и эмоциональных (*любить, ненавидеть, чувствовать*) действий.

Заметим, что в сочетаниях с глаголом и в субъектной, и в объектной позиции встречается осмысление души как ткани, нити (*рвать, рваться, раздирать, привязаться*), что близко символическому представлению жизни и судьбы как пряжи и нити, за счет которых обеспечивается связь с высшим миром.

4) Слово душа вступает в сочинительные отношения с существительными: *тело, сердце, душа, ум, разум, мысль, дух, сознание, совесть, жизнь.* В этом случае данные корпуса подтверждают основные дефиниции,

представленные еще в «Словаре церковнославянского и русского языка»: “Душа 1) Бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; 2) Церк. Дух, влитый в тело животного; жизнь; 3) Душевное свойство человека; 4) Совесть; 5) Человек всякого пола и возраста; 6) Способность приводить в движение, занимать или руководить многих; 7) Сущность вещи; 8) Чувство; 9) Ум, разум; 10) Приветствие любимому человеку [13, 379]. С того времени значительно изменился семантический состав лексемы, однако сохранилась основная смыслообразующая сема — ‘бессмертное начало, противопоставленное телу’.

Наблюдение 2. Морфология души.

Лексема “душа” имеет полную грамматическую парадигму: употребляется в формах ед. и мн. числа прямого и косвенных падежей, как без предлогов, так и с детализирующими грамматические и лексические значения предлогами.

По частоте грамемы падежа исследуемого слова распределяются следующим образом, естественно, не совпадающим с традиционным порядком падежей.

- 1) Р.П. души (*от души, для души, с души*)
- 2) П.П. душе (*в душе, на душе, по душе, о душе*)
- 3) В.П. душу (*в душу, на душу, за душу*)
- 4) И.П. душа
- 5) Т.П. душой (*с душой*)
- 6) Д.П. душе (*по душе*)

Во множественном числе среди лидеров оказались формы: *душах (в душах), душам (по душам), душами.*

Очевидно, что большинство употреблений составляют предложные единицы устойчивого характера: *Не по душе кто-что кому; В душу плюнуть/нагадить/запасть; Тянуть/хватать за душу кого; На душе тяжело/легко/камень/кошки скребут* и др.

Предложно-падежные формы, входящие в метафорические сочетания, уподобляют душу поверхности, на которой располагаются предметы, символически представляющие различные чувства (*спокойно, тошно, камень на душе; камень с души свалился, легло на душу, пришлось по душе*).

Триграммы (сочетания из трех элементов) показывают бесспорное лидерство оборота *в глубине души (до глубины души)* и *на душу населения*. По мнению Н. Г. Брагиной, метафора глубина души относится к периоду раннего христианства, когда слово глубина употреблялось в основном в контексте ‘глубина морская, пропасть, бездна, пучина’ и, возможно, в основе образа данного фразеологизма лежит древний слой базовой метафоры «моря»: глубина души уподобляется морской глубине [14, 399].

Наблюдение 3. Частотность употребления.

Проанализируем частотность употребления лексемы душа. Она показана на рисунке 1 в виде графика, построенного с помощью функции НКРЯ. Временной интервал охватывает период с 1682 по 2020 годы. Несложно заметить, что, начиная с прошлого

века (1900-е годы), частотность употребления лексемы *душа* снижается. О душе мы говорим и думаем все меньше и меньше. Аналогичную картину увидел исследователь языка русской поэзии Я. М. Марголис, анализируя поэтические тексты. По его данным, лексема «душа» у Г. Державина на третьем месте (ранг 3), у А. Пушкина на четвертом месте (ранг 4),

у М. Цветаевой — на пятом (ранг 5), у И. Бродского — на четырнадцатом (ранг 14), а у поэтов XXI века она не входит в двадцатку наиболее часто употребляемых лексем. «Употребление лексемы «душа» убывает из ПЯ (поэтического языка) от поэта к поэту и от эпохи к эпохе, а употребление лексемы «земля» растет» [15, 44-45].

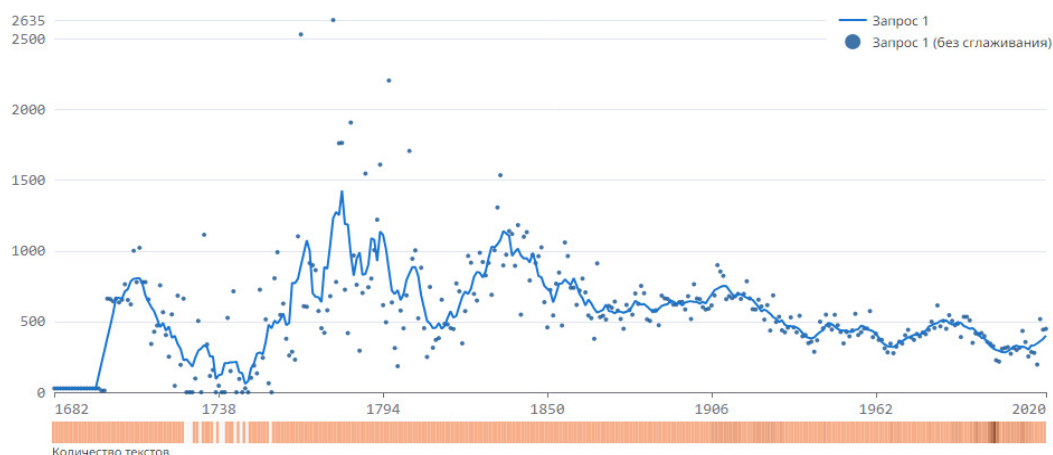

Рис. 1. Частотность употребления лексемы *душа*

Наблюдение 4. Стилистика души

Раздел «Статистика» позволяет выявить авторов, в произведениях которых упоминания души наиболее частотны. В таблице 1 приводятся первые 25 позиций, отобранные по IPM — (англ. instances per million), показателю относительной частотности слов, не зависящей от количества текстов данного автора, имеющих в корпусе. По данным НКРЯ, наибольшее количество вхождений лексемы *душа* характерно для текстов епископа Игнатия (Брянчанинова). Ожидаемо и последующее распределение авторов. Варвара Григорьевна Малахеева-Мирович — поэтесса, переводчица, критик, автор религиозных стихов, основанных на ее личном опы-

те послушницы. Николай Алексеевич Полевой — русский писатель, драматург, литературный и театральный критик, журналист, историк и переводчик, считавший лучшими качествами своих героев религиозность и нравственность. Сергей Николаевич Булгаков — русский религиозный философ, богослов, православный священник. Представителями XX века являются Максим Горький и М. М. Пришвин. Как видим, в этом ряду встречаются как популярные широко известные авторы, так и писатели, творчество которых изучено мало. Естественно, есть в этом списке и священнослужители, и философы. В таблице 1 представлены авторы в порядке убывания частоты вхождений этого слова в тексты их произведений.

Таблица 1

№	Значение атрибута	Тексты	Вхождения	IPM
1	епископ Игнатий (Брянчанинов)	6	807 (0,44%)	3383,28
2	В. Г. Малахеева-Мирович	25	837 (0,46%)	2740,27
3	Н. А. Полевой	16	808 (0,44%)	2165,98
4	С. Н. Булгаков	19	780 (0,43%)	2077,54
5	В. В. Вересаев	19	1222 (0,67%)	2068,24
6	архиепископ Платон (Левшин)	211	818 (0,45%)	1825,74
7	митрополит Антоний (Блум)	281	1425 (0,78%)	1769,06
8	Н. В. Гоголь	25	774 (0,42%)	1635,25
9	Л. И. Шестов	13	806 (0,44%)	1596,05
10	И. И. Лажечников	17	731 (0,4%)	1336,53
11	Г. И. Успенский	65	1086 (0,59%)	1012,02
12	П. И. Мельников-Печерский	20	785 (0,43%)	975,66
13	Максим Горький	78	1757 (0,96%)	969,27
14	М. М. Пришвин	31	915 (0,5%)	922,71
15	Андрей Белый	40	946 (0,52%)	912,08

16	А. К. Шеллер-Михайлов	27	1224 (0,67%)	903,16
17	А. В. Дружинин	41	831 (0,45%)	825,2
18	Л. Н. Толстой	67	1565 (0,86%)	813,73
19	А. П. Чехов	146	732 (0,4%)	725,74
20	М. Е. Салтыков-Щедрин	111	1837 (1%)	682,16
21	Ф. М. Достоевский	37	1240 (0,68%)	626,04
22	А. Ф. Писемский	32	825 (0,45%)	614,98
23	Е. А. Салиас	18	809 (0,44%)	582,53
24	коллективный	346	1310 (0,72%)	326,38
25	неизвестный	461	900 (0,49%)	206,26

Чаще всего лексема душа, по данным НКРЯ, встречается в текстах об искусстве и культуре (13,56%), частной жизни (13,35%), а также в общественно-политических текстах (11,06%). На рубеже десяти процентов оказываются религиозные тексты (10,13%). По сферам функционирования распределение выглядит так: художественная, публицистическая, бытовая, учебно-научная, церковно-богословская.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, по данным Национального корпуса русского языка, душа антропоцентрична, при этом категоризуется как вместилище и поверхность, как орган чувств, связывающий с высшими силами, Богом. В осмыслении души важны параметры глубины, вертикальной ориентации, веса. В парадигме лексемы душа наиболее частотной является граммема родительного падежа с предлогами *от, для и с*, вторую и третью позиции занимают предложный и винительный падежи. Корпус также отмечает неуклонное снижение частотности употребления лексемы душа по сравнению с позапрошлым веком, что делает призыв, обозначенный в заглавии статьи, актуальным и необходимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климас И. С. Есть ли охота и горит ли душа с нашими борцами поборотися? (ДУША в былинном эпосе) / И. С. Климас // Лингвофольклористика. Выпуск 25. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2017. — С. 43-53.
2. Климас И. С. ДУША в необрядовой фольклорной лирике / И. С. Климас // Лингвофольклористика. Выпуск 27. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2018. — С. 88-100.
3. Климас И. С. ДУША в русских загадках / И. С. Климас // Лингвофольклористика. Выпуск 29. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. — С. 11-20.
4. Глазкова С. Н. Неофраземы с лексемой «душа» (на материале социальной сети «Инстаграм») / С. Н. Глазкова, А. А. Родина // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 44-48. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-44-48.

5. Сафонова С. Г. Лексема «душа» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» с точки зрения прагматической лингвистики / С. Г. Сафонова // Слово в зеркале истории языка. Сб. статей V Абрамовских научных чтений. Выпуск 3. Под общей редакцией К. А. Калинина. — Набережные Челны, 2022. — С. 40-46.

6. Жолос Л. М., Сердце и душа как часть внутреннего мира человека в русских, английских и немецких фразеологизмах / Л. М. Жолос, М. С. Шевченко // Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 1. — С. 221-231. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-72-1-221-231.

7. Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 08 декабря 2022 года. — Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2023. — 188 с.

8. Шмелёв А. Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 133-152.

9. Меркулова И. А. Лексико-семантические ядра славянских языков в сопоставительном аспекте / И. А. Меркулова. — Воронеж, 2021.

10. Борискина О. О. Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011.

11. Доница О. В. Эмоции в английских языках / О. В. Доница, О. О. Борискина. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2023. — 309 с.

12. Задобрицкая О. Ф. Эмоции как «вместилище» в вариантах английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2019. — 23 с.

13. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. — СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. — В 4 т. — Т. 1: А-Ж. — 1847.

14. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре / Н. Г. Брагина. — М., 2007.

15. Марголис Я. М. Ядро имен существительных в языке русских поэтов XVIII-XXI веков / Я. М. Марголис // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). — С. 38-59. С. 44-45.

Воронежский государственный университет
Меркулова И. А., доктор филологических наук, доцент
кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: igel1@yandex.ru

Voronezh State University
Merkulova I. A., Doctor of Philology, Associate Professor of
the Department of Theoretical and Applied Linguistics
E-mail: igel1@yandex.ru

НЕБО И НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА В ПОЭЗИИ А. В. ЖИГУЛИНА

Е. В. Нагорная

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Аннотация: в ходе исследования были определены количественные характеристики номинаций небесных объектов в поэзии А. В. Жигулина; рассмотрены эпитеты для характеристики неба и небесных светил: проведено сопоставление данных эпитетов с другими, использованными автором. Как показало исследование, образы неба и небесных светил приносят в поэзию А. В. Жигулина семантику грусти. Кроме того, небо и небесные объекты описываются как символы надежды и спасения. Замена слова «небо» на «небеса» лишает небо пейзажного значения и придает ему символическое.

Ключевые слова: современная поэзия, А. В. Жигулин, образы небесного мира, языковая картина мира.

Abstract: during the study, quantitative characteristics of nominations of celestial objects in the poetry of A. V. Zhigulin were determined; epithets describing the sky and celestial bodies were considered: a comparison of these epithets with others, which were used by the author, was done. As the study showed, the images of the sky and celestial bodies bring the semantics of sadness into A. V. Zhigulin's poetry. Furthermore, the sky and celestial objects are described as symbols of hope and salvation. Replacing the word "sky" with "heaven" deprives the sky of its landscape meaning and gives it a symbolic meaning.

Keywords: modern poetry, A. V. Zhigulin, images of the celestial world, the Linguistic Picture of the World.

Что такое «небо»? Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова содержит следующее толкование: «НЕБО, -а; мн. небеса, небес, -ам; ср. 1. Видимое над землей воздушное пространство (противоп.: земля). 2. По религиозным представлениям: место, пространство, где обитают Бог, ангелы, святые и где находится рай» [1, 936].

Это сухое определение предоставило нам факты, но не раскрыло сути явления. Что заставляет людей из века в век смотреть вверх, на небо, восхищаться его цветом, следить за звездами? Древние строили всю свою жизнь на пророчествах, которые подсказывали небесные светила. «Образ неба в русской языковой картине мира занимает одну из ключевых позиций, являясь источником религиозных, этических, эмоциональных высказываний и оценок. Поэтому любой русскоязычный писатель или поэт в процессе осмысления и художественного моделирования действительности сталкивается с творческой задачей воспроизведения данного элемента окружающего мира, включения его в собственную эстетическую систему» [2, 440]. Небо как образ и символ, связанный с постижением божественного, идеального мира, играет большую роль и в поэзии, помогая автору выразить свои мысли и чувства. Небо в русской лингвокультуре — это символ гармонии, созвучия проживаемого и необходимого для души [4, 1102]. Г. Ф. Ковалев отмечает, что исследование наименований образов неба и небесных светил в художественных текстах направлено не на проверку знаний авторов в области астрономии, а главной задачей такого анализа

является выявление уникальных, как правило, сугубо индивидуальных поэтических образов и связей. Именно на этом принципе базируется астрономическая метафорика в русской литературе [5], [6]. Одной из первых работ по писательской астрономии является статья Л. Ф. Фоминой об астрономии в творчестве К. Г. Паустовского [7]. И сегодня проблема поэтики небесных светил и образов воздушного океана как маркеров особенностей идиостиля писателя и индивидуальных поэтических ассоциаций интересует отечественных лингвистов.

В нашем исследовании мы обратились к творчеству Анатолия Владимировича Жигулина, известного советского и российского литератора, связанного с Воронежем, а именно к стихам, содержащим описания природы, так как именно они «могут отражать масштаб произошедших событий, обозначают ту роль, которую природа играет в жизни человека, утверждают ее как среду, без которой нельзя жить и работать» [3, 273].

Размышления поэта о природе наполнены уникальной смысловой и содержательной глубиной. Композиционно-художественные способы описания природы в поэтических текстах А. В. Жигулина многообразны: природа может предстать перед читателем фоном, на котором раскрывается сюжетная линия всего повествования; может становиться поводом для последующих размышлений или воспоминаний самого автора, рассказчика или персонажа. С природой могут быть связаны отдельные детали в стихотворении, необходимые для должного восприятия текста читателем. Наконец, природа может выступать в виде краткой пейзажной зарисовки, с помощью которой

может обозначаться место или время действия повествования в конкретном поэтическом произведении.

Особый интерес в поэтическом пространстве автора вызывают образы неба и небесных светил. На формирование и развитие понятий, связанных с небом и небесной сферой, влияют разные факторы: древние мифологические представления; социально-исторические изменения в обществе, приводящие к переплетению обыденного, религиозного и научного знаний.

Объектом нашего исследования являются стихотворения А. В. Жигулина, в которых можно выде-

лить контексты, содержащие номинации неба и небесных светил.

Целью исследования является определение роли и места образов небесных объектов в идиостиле автора.

В результате отбора было выявлено 18 лексических единиц, относящихся к небу и небесному своду (рисунок 1).

Частота употребления лексических единиц, формирующих лексико-семантическую группу «небо», в произведениях А. В. Жигулина представлена на рисунке 1:

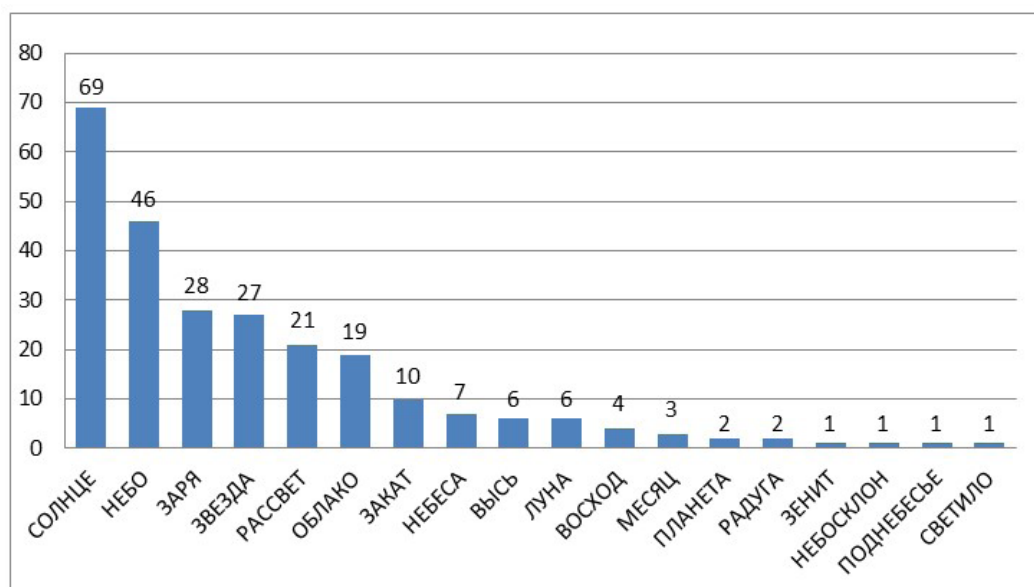

Рис. 1 Частота употребления лексических единиц, формирующих ЛСГ «небо» в поэзии А. В. Жигулина

Проведенный нами отбор дал возможность распределения выделенных лексем на три подгруппы, имеющие отношение к небу, к тому, что имеется и происходит на нем (в нем):

Небесный свод или небосвод — это пространство, представляющее собой безграничную высь. Небосвод может представлять собой некий купол, накрывающий Землю. В данную лексико-семантическую группу мы поместили словоформы: *небо, небеса, высь, зенит, небосклон, поднебесье*.

Небесные тела — это натурфакты, или естественные тела, находящиеся за пределами атмосферы и видимые вооруженному глазу человека. Данную лексико-семантическую группу образуют: *солнце, звезда, луна, месяц, планета, светило*.

Природно-климатические явления — это явления, связанные с погодой и климатом. Зарождение природно-климатических явлений происходит в атмосфере в результате различных физических и химических процессов. В данной лексико-семантической группе расположились: *заря, рассвет, облако, закат, восход, радуга*.

Анализ частотности лексических единиц показывает, что чаще всего в поэтических текстах А. В. Жигулина встречаются лексемы, относящиеся к лексико-семантической группе «небесные тела» —

108 словоформ. Группа «природно-климатические явления» представлена 84 словоформами. Группа «небесный свод» выражена слабее — 62 словоформы. Всего лексические единицы, относящиеся к лексико-семантической группе «небо», представлены 254 словоупотреблениями. Частотность употребления указана в скобках рядом с лексемами каждой выделенной подгруппы (см. Табл. 1).

Большую роль в контекстах, посвященных описанию небесного свода и образов небесной сферы, играют эпитеты.

В художественной картине мира А. В. Жигулина СОЛНЦЕ является источником тепла и света, например в стихотворении «Краткая биография» 1984 г.:

*А потом: Колыма-Колыма,
Про которую в песне поется,
Там большая-большая зима
И короткое летнее солнце...*

В стихотворении «Венчанье поэта-декабриста» 1984 г. встречается *яркое солнце*:

*И вдруг в барабаны
Под куполом вспыхнуло
Яркое солнце.*

В стихотворении «В доме Орёлкиных» 1984 г. солнце является *южным*:

Таблица 1. ЛСГ "Небо" в поэзии А. В. Жигулина

НЕБЕСНЫЙ СВОД (объекты)	НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА	ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ
НЕБО (46)	СОЛНЦЕ (69)	ЗАРЯ (28)
НЕБЕСА (7)	ЗВЕЗДА (27)	РАССВЕТ (21)
ВЫСЬ (6)	ЛУНА (6)	ОБЛАКО (19)
ЗЕНИТ (1)	МЕСЯЦ (3)	ЗАКАТ (10)
НЕБОСКЛОН (1)	ПЛАНЕТА (2)	ВОСХОД (4)
ПОДНЕБЕСЬЕ (1)	СВЕТИЛО (1)	РАДУГА (2)

*В доме Орёлкиных
На абхазской земле
Мы пьем с Фазилем
Вино виноградное.
И южное солнце*

СОЛНЦЕ в поэзии А. В. Жигулина является символом радости и умиротворения, например *веселое солнце* в стихотворении «Светка» 1961 г.:

*Только громко хохочет
Веселое солнце
И вдогонку за Светкой
По снегу несется.*

СОЛНЦЕ — олицетворение мощи и силы, например *яростное* в стихотворении «Земля необычная здесь» 1966 г.:

*И в яростном солнце
Скакали за плугом
Такого же черного цвета
Грачи.*

СОЛНЦЕ горит огнем в стихотворении «Рассвет в Бутугычаге» 1963 г.:

*Но каждый знал:
Когда вернется
Из узкой штольни на простор,
Увидит огненное солнце
Над белой цепью снежных гор.*

СОЛНЦЕ трансформируется в жидкость и *тяжелыми каплями* струится в стихотворении «Громыхла бадья у колодца» 1965 г.:

*Громыхла бадья у колодца,
Где под срубом росла лебеда.
И тяжелыми каплями солнца
На колоду струилась вода.*

Количество эпитетов, описывающих солнце, — 19, что составляет 27% от общего числа эпитетов, характеризующих небо и небесный свод в поэзии Анатолия Владимировича.

Со словом «солнце» употребляются следующие эпитеты: *божее, веселое, вешнее, желтое, золотистое, красное, короткое, ленивое, летнее, мартовское, медное, огненное, робкое, радостное, тихое, шумное, южное, яркое, яростное*. Несмотря на то, что солнце в поэзии А. В. Жигулина бывает яростным, огненным и шумным, важно отметить, что в первую

очередь и чаще всего оно веселое и радостное.

Интересна и метафорическая сочетаемость. СОЛНЦЕ у А. В. Жигулина издает длительный, протяжный, нераздельный звук, а точнее *гудит* в стихотворении 1966 г. «О, мои счастливые предки»:

*Слышу дальний звон колокольный.
Это солнце гудит весной.
Вижу белые колокольни,
Вознесенные над землей.*

СОЛНЦЕ подобно всаднику *держит за поводья над белой тучкой самолет* в стихотворении «Воронеж, детство, половодье» 1972 г.; как заботливый человек, держит в своих объятьях древний храм в стихотворении «Тбилиси» 1973 г.:

*И древний храм в объятьях солнца,
И ровный шорох старых лип.
И Николая Чудотворца
Такой родной российский лик.*

Лексема НЕБО у А. В. Жигулина охарактеризована следующими эпитетами: *белое, серое, пасмурное, желтое, чистое, холодное, дымное, седое, летнее, голубое, высокое, розовое*. Автор отмечает преимущественно цвет неба от теплых оттенков (*розовое*) до холодных (*серое*). Несмотря на свою изменчивость, небо всегда остается величественным и загадочным. Использование формы «небеса» лишает образ неба пейзажного значения и придает ему символическое. Обратимся к строкам из стихотворения «Себя ни капли не жалея» 1967 г.:

*Себя ни капли не жалея,
Припомнив боль недавних дней,
Я стал серьезней и честнее
В холодной осени моей.
И то, что мнилось мне видением,
Вторым явлением с небес,
Вдруг оказалось наваждением,
Где вовсе не было чудес.*

В данном примере форма «небеса» не может восприниматься без контекста. *Второе явление с небес* — это Второе пришествие Христа, что является одним из наиболее значимых мифологических мотивов в искусстве. «Образ Христа — это аллегория возможного претворения в жизнь высшей точки человеческого развития путем воспитания всех духовных

сил индивида» [8, 66]. Таким образом, *Второе явление с небес* в поэзии А. В. Жигулина является символом общечеловеческого спасения.

Анализ лексем, относящихся к группе природно-климатических явлений, показал, что по частотности в данной лексико-семантической группе лидирует *заря*. ЗАРЯ в поэтическом пространстве А. В. Жигулина *мутная, последняя, туманная, стылая, далекая, дымная, тихая, ясная, робкая, красная*. РАССВЕТ охарактеризован эпитетами: *холодный, горестный, пасмурный, неприкаянный, холодный*. ВЫСЬ чаще всего: *сентябрьская, серебряная, золотая, распахнутая, солнечная, горькая*. А ЗВЕЗДА в поэзии А. В. Жигулина представлена *крупной, голубоватой, лучистой, хрупкой, грустной, красной, яркой*.

Колоративы, характеризующие небо и небесный свод в поэзии А. В. Жигулина, не отличаются разнообразием. Присутствуют единичные вкрапления *золотого, серебряного, голубого и белого*. А в основе цветовой гаммы неба и небесного свода лежит *красный* цвет и его оттенки: *красная (заря), багровый (закат), красная (звезда)* и т.д.

Важно обратить внимание, что образы неба приносятся в поэзию А. В. Жигулина ноты грусти, сохраняющиеся на протяжении всего поэтического творчества автора. Рассмотрим для примера отрывки из стихотворений разных периодов:

Уже заря последняя адела...

Окрасил строки горестный рассвет.

А он просил, чтоб их пришили к делу,

Чтоб сохранить. («Поэт» 1964 г.)

Я тоже Вас забуду навсегда.

Но будет мне

Навеки откровеньем,

Таинственным

И трепетным виденьем

Над тихим лесом

Грустная звезда. («Романс» 1976 г.)

Чтоб не видели очи в эту горькую высь,

Как тебя разорили, как с тобой обошлись. («Ах, Россия, Россия! Глухая тоска» 1992 г.)

Таким образом, словосочетания *грустная звезда, горькая высь, горестный рассвет* имеют негативные коннотации и в 60-е, и в 70-е, и в 90-е годы жизни поэта.

Подводя итог, можно сказать, что для А. В. Жи-

гулина отношение к природе — один из основных критериев оценки человека. Образ неба помогает в создании художественного мира произведения, раскрытии внутреннего состояния лирического героя и авторской позиции. Колоративам, характеризующим небо и небесный свод в поэзии Анатолия Владимировича, не свойственно многообразие. Здесь доминирует красный цвет и его оттенки. На всем протяжении творческого пути в поэзии А. В. Жигулина прослеживается семантика грусти. *Солнце и небо* выступают в его творчестве как символы надежды и спасения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. — Санкт-Петербург: Норинт, 1998. — 1535 — ISBN 5-7711-0015-3.
2. Фолимонов С. С. Образ неба в «Сибирских рассказах и очерках» В. Г. Короленко / С. С. Фолимонов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 440-446. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-440-446.
3. Егорова Т. П. Пейзаж в произведениях К. Г. Паустовского / Т. П. Егорова // Язык и текст в пространстве культуры: Сборник статей. Вып. 9 — Ставрополь; Спб., 2003. — С. 273-282.
4. Дутбаева С. С. Лингвокультурологические особенности образов небесного мира в русской поэзии 90-х гг. XX в. / С. С. Дутбаева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. — Т. 21. — № 4. — С. 1095-1104. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1095-1104>
5. Ковалев Г. Ф. Небеса поэтов. Астронимы в русской литературе / Г. Ф. Ковалев // Вестник ВГУ, серия Гуманитарные науки, № 1. — 2003. — С. 109-131.
6. Ковалев Г. Ф. Небеса поэтов. Астронимы в русской литературе / Г. Ф. Ковалев // Избранное. Литературная ономастика / Г. Ф. Ковалев; Воронежский гос ун-т, Каф. славянской филологии. — Воронеж: Науч. кн., 2014. — 447 с.; 22 см.; ISBN: 978-5-4446-0489-2
7. Фомина Л. Ф. Наблюдения над функционированием космонимов в произведениях К. Г. Паустовского // Язык и стиль произведений В. П. Катаева, К. Г. Паустовского и Л. И. Славина. — Одесса: 1987. — С. 42-49.
8. Коровина Ю. Д. Второе пришествие Христа в фильме «Край» 2010 г. / Ю. Д. Коровина // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2013. — № 12. — С. 65-69.

Воронежский государственный университет

Нагорная Екатерина Валерьевна, соискатель, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: nowikowa1katja@mail.ru

Voronezh State University

Nagornaya E. V., postgraduate student, lecturer of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

E-mail: nowikowa1katja@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ С СОЮЗАМИ А, НО В РАННИХ РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

Н. И. Подшивалова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются сложносочиненные предложения и сложные построения, связующими средствами между частями и предложениями которых являются союзы *а, но*. Отмечается, что подобные конструкции позволяют А. П. Чехову представить противоречивость изображаемых событий, передать психологию героя. Анализируются построения с союзами *а, но* в делямитативной функции, в составе усеченных конструкций. Рассматривается специфическое пунктуационное оформление построений с союзами *а, но* в позиции начала предложения.

Ключевые слова: языковая картина мира, синтаксические средства, антитеза, противительная семантика, союз, усеченное предложение, логическая категория.

Abstract: the article discusses compound sentences and complex constructions, the connecting means between the parts and sentences of which are conjunctions *a, but*. It is noted that such constructions allow A. P. Chekhov to present the inconsistency of the depicted events, to convey the psychology of the hero. Constructions with conjunctions *a, but* in a delimitative function, as part of truncated constructions, are analyzed. The specific punctuation design of constructions with conjunctions *a, but* in the position of the beginning of the sentence, is considered.

Keywords: linguistic worldview, syntactic means, antithesis, contrastive semantics, conjunction, truncated sentence, logical category.

Личность автора, являющаяся «конститутивным моментом художественной формы», становится ключом к пониманию художественного текста. [1, 200]. Авторское восприятие мира предопределяет сосредоточенность на тех или иных аспектах познаваемого мира и закономерный выбор языковых средств, помогающих писателю творить литературно-художественное произведение.

Цель настоящего исследования — выявить специфику сложносочиненных предложений и синтаксических построений с союзами *а, но* в ранних рассказах Антона Павловича Чехова.

Категория противительности является универсальной, базовой, поскольку выражает противительные отношения, которые человек обнаруживает во взаимодействии с миром, другими объектами. Несмотря на то, что противительность может выражаться и лексическими средствами, в первую очередь это логическая категория. М. С. Милованова рассуждает: «Противопоставление <...> — это, во-первых, способ эмпирического познания мира (яркое проявление в языке — антонимия)...» [2, 40]. Поскольку противительность является основой мышления человека, которое представляет собой сложный многоступенчатый процесс, то необходимыми элементами противительности предполагает сопоставление, отрицание, уступку, противопоставление.

Исследуя противительную семантику, М. С. Милованова в диссертации «Семантика противительности и средства ее выражения в русском языке» акцентирует внимание на понятии субъекта, делая вывод о том, что противительность — «форма реализации в языке фундаментального противопоставления Я-не-Я». С этой позиции противопоставление оказывается субъективным явлением, поскольку за ним всегда находится субъект чувствующий, мыслящий, оценивающий. Субъективное противопоставление подразумевает осложненность «субъективно-оценочными смысловыми компонентами возражения, несогласия, протеста, враждебности, ограничения, отрицания и т.д.» [3, 8].

Одними из распространенных связующих средств между частями и построениями с противительными отношениями являются союзы *а, но*. Несмотря на кажущуюся схожесть в семантике, их взаимозамену в некоторых контекстах, тем не менее рассматривать данные союзы как идентичные представляется серьезным упрощением. Так, В. З. Санников выделяет следующие значения союза *но*: «но — противоположной оценки», «но — ненормального следствия», «но — противодействия» [4, 213]. У союза *а* Е. В. Урысон обнаруживает такие значения: «А ненормального следствия», «А поворота повествования» [5, 18]. Как видим, синонимичным оказывается у двух союзов только одно значение — «ненормального следствия». Кроме того, как полагает А. А. Зализняк, союз «но» реализует значение «обманутого ожидания», кото-

рое не свойственно союзу «а» [6, 201].

Полисемия союзов *а, но* дает возможность А. П. Чехову так организовать синтаксический строй многих рассказов, чтобы показать неоднозначность, а во многом контрастность описываемых ситуаций, резкий поворот в сюжетной линии, изменение темпа повествования.

Отметим, что одним из излюбленных приемов А. П. Чехова, помогающим раскрыть психологию героев, акцентировать внимание читателя на контрасте изображаемых ситуаций, является антитеза. Так, рассказ «Размазня» строится на противопоставлении героев, ситуаций, характеров, позиций [7, 59]. Главными героями являются хозяин и гувернантка. Различие в их социальном положении предопределяет и сложный противоречивый диалог, в составе которого наблюдаем обилие синтаксических построений с союзами *но, а*. Сюжет рассказа прост: главный герой, хозяин намеренно пытается сократить выплату гувернантке, пытается вызвать у нее какую-то ответную реакцию. В речи героя мы встречаем сложносочиненные предложения с союзом *а*, реализующим значение сопоставления: *Вам, наверное, нужны деньги, а вы такая церемонная, что сами не просите...* В первой части предложения представлена конкретная ситуация, во второй — субъективное впечатление героя о поведении героини. Союз *а* реализует значение сопоставления, основанного на «сознательном противопоставлении говорящим неких сравниваемых ситуаций, объектов и т.д.» [5, 18]. Иная модель противопоставления представлена в предложении: *Вычесть девять воскресений... вы ведь не занимались с Колей по воскресеньям, а гуляли только...* Противоположными оказываются ситуации, участником которых является один объект. На лексическом уровне антитеза представлена контекстуальными антонимами *не занимались* — *гуляли*, а союз *а* усиливает контраст представленных ситуаций.

В рассказе «Смерть чиновника» противопоставляются два персонажа: мелкий чиновник Иван Дмитриевич Червяков и пожилой светский человек генерал Брижжалов [7, 74]. Совершенно разным оказывается и отношение героев к ситуации конфуза Чистякова, произошедшего в театре. Семантика контраста передается и на синтаксическом уровне. Примечательно, что сложноподчиненные предложения с противительными союзами в большей степени представлены или в речи Червякова, или в контекстах, где описываются переживания героя: *Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел; Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо; «Забыл, а у самого ехидство в глазах», — подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала.* В данных структурах в первой части представлена объективная информация (констатация реального факта), а во второй части — субъективная (оправдание героем своего поведения, предположение действий оппонента, его восприятие). Появление ана-

лизируемого типа структур не случайно, поскольку подобное построение предложения позволяет передать внутреннее состояние героя, терзающегося из-за своего поступка, сомневающегося в успехе затаенных извинений перед вышестоящим лицом.

Еще одним примером рассказа, в котором и синтаксические средства подчинены основной задаче автора — обнаружить контраст описываемых событий, является «Загадочная натура» [7, 89]. Сюжет произведения прост: тонко чувствующая женщина, «страдалица во вкусе Достоевского» считает себя несчастной, так как, стремясь спастись от бедности, находит богатого старика-генерала. После его смерти она мечтает о настоящей любви, но вновь встречает «препятствие» в лице «другого богатого старика». Рассказ построен в виде монолога героини, в ходе которого обнаруживается, что внутренний мир героини наполнен противоречиями. Автору важно воссоздать полную картину изображаемого, он стремится к детальному, кропотливому психологическому анализу героини, которая в ходе повествования и жалеет себя, и винит, и осуждает, и оправдывает. Неоднозначное чувство оставляет героиню и у чиновника, который слушает ее исповедь. Речь дамы эмоциональна, взволнованна, сумбурна. А. П. Чехов обращается к сложным построениям с союзом *но*, которые помогают передать, с одной стороны, чувствительность героини, ее стремление в своем повествовании словно заново пережить события, а с другой стороны — некоторое противоречие состояний, переживаемых женщиной. Так, в контексте: *Жизнь моя так полна, так разнообразна, так пестра... Но главное — я несчастна!* Обнаруживается контраст внешнего и внутреннего состояния героини: насыщенная жизнь как показатель внешнего счастья — и восприятие себя несчастной.

Примечательно, что по мере того, как монолог героини становится более открытым, доверительным, все больше появляется противительных союзов. Обратимся к части монолога: *Я обогатила семью, стала путешествовать, делать добро... А как я страдала, как невыносимы, низменно-пошлы были для меня объятия этого генерала, хотя, надо отдать ему справедливость, в свое время он храбро сражался. Бывали минуты... ужасные минуты! Но меня подкрепляла мысль, что старик не сегодня-завтра умрет, что я стану жить, как хотела, отдамся любимому человеку, буду счастлива... А у меня есть такой человек, Вольдемар! Видит бог, есть!* В первом предложении описываются события внешней жизни. Во второй части синтаксического построения, вводимой союзом *но*, героиня сосредоточивает свое внимание на описании внутренних переживаний, которые подаются дискретным образом. Героиня как бы перебивает себя, отвлекаясь на описание своих мыслей. В целом, речь оказывает хаотичной, характеризуется самоперебивками. Одними из основных идентификаторов связи предложений в составе анализируемого синтаксического построения являются со-

юзы *а, но*. Именно они позволяют осмыслить представленный контекст с точки зрения противопоставления описываемых событий и чувств. Обратим внимание и на пунктуационное оформление части, предшествующей вводимой союзом части. Вторая часть дистанцирована многоточием, что является нехарактерным знаком для позиции конца предложения, при условии, что следующая часть вводится противительным союзом. Пунктуационный знак многоточия становится знаком семантической незавершенности: героиню переполняют чувства, часть из которых ей удается обозначить, другая часть оказывается невысказанной, поскольку дама сумбурно показывает свою жизнь, то возвращаясь к прошлому, то обращаясь к настоящему времени. В этом потоке синтаксические построения с союзами *но, а* становятся своего рода останками между предложениями, описывающими эмоции героини. Основная функция *но, а* при таком положении дел — делимитативная функция [8, 34]. Противительные союзы направляют повествование в другую сторону. Многоточие помогает обозначить резкий обрыв повествования.

Построения с союзами *но, а* в делимитативной функции фиксируются во многих рассказах А. П. Чехова: *Вот что прежде было! Вот как жилали! А теперь?* («Торжество победителя»); *Петя замахал платком. Но вдруг лицо его вытянулось...* («Жених»). Не вызывает сомнения и тот факт, что предложения с союзами *но, а* в сильной позиции — начала конструкции в синтаксических построениях реализуют семантику неожиданности, внезапности. Отметим, что указанная семантика подтверждается и использованием в составе предложений с противительными союзами *но, а* наречий *вдруг, быстро, сразу*.

Нередко противительные союзы употребляются в составе усеченных предложений, которые А. П. Сковородниковым рассматриваются как особый тип построений «речевого уровня», отличающихся структурной и интонационной незавершенностью [9, 132]. В таких синтаксических построениях противительный союз, употребленный в начале предложения, оказывается семантически нагруженным и проецирует значение «ненормального следствия»: *Наш какой-нибудь аристократишка поедет к ним и живо по-ихнему брехать научится, а они... чёрт их знает!* («Дочь Альбиона»); *Стоит только впустить его, но... нет!* («Загадочная натура»); *Вот что прежде было! Вот как жилали! А теперь?* («Торжество победителя»). Примечательно, что пунктуационное оформление предложений с *но, а* также подчиняется общей задаче — подчеркнуть разницу между позициями. Многоточие становится закономерным

пунктуационным знаком в усеченных предложениях. По мнению профессора Л. А. Будниченко, «автор сознательно не до конца выражает мысль, предоставляя читателю (или слушателю) возможность самому догадываться о невысказанном» [10, 45].

Таким образом, сложносочиненные предложения и синтаксические построения с союзами *а, но*, свойственные идиостилю А. П. Чехова, имеют прагматическую направленность и реализуют экспрессивную функцию. Основная сфера использования указанных союзов — диалогическая речь, которую произносят сомневающиеся, терзаемые противоречивыми чувствами персонажи. Многообразие значений союзов *а, но* позволяет автору употреблять их в ситуации несоответствия результата исходному положению дел или намерениям говорящего, ненормального следствия, противоположной оценки, резкого обрыва повествования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1975. — 500, [2] с.
2. Милованова М. С. Противительность как структурно-семантическая категория / М. С. Милованова // Филологические науки. — 2010. — № 3. — С. 40-50.
3. Милованова М. С. Семантика противительности и средства ее выражения в русском языке: автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Милованова Мария Станиславовна. — М., 2011. — 48 с.
4. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — М.: Языки славянских культур. — 2008. — 624 с.
5. Урысон Е. В. Некоторые значения союза *А* в свете современной семантической теории / Е. В. Урысон // Русский язык в научном освещении. — 2004. — № 2. — С. 17-48.
6. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. — М.: Языки славянских культур. — 2006. — 673 с.
7. Чехов А. П. Рассказы / А. П. Чехов. — М.: Слово, 2000. — 781 с.
8. Здорикова Ю. Н. Сложносочиненные предложения с союзом *НО* и соотносительные с ними текстовые построения: дис. ... канд. Филол. наук: 10.02.01. — Иваново, 1999. — 176 с.
9. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка / А. П. Сковородников. — Томск: изд. Томского ун-та. — 1981. — 255 с.
10. Будниченко Л. А. Экспрессия многоточия в медиатекстах: учеб. пособие / Л. А. Будниченко. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. — 2014. — 60 с.

ХРОНОТОП ГОРОДА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Э. А. Радь, Т. В. Желтикова

Уфимский университет науки и технологий, Стерлитамакский филиал

Поступила в редакцию 24 февраля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются художественные особенности городского пространства в восприятии и осмыслении М. Цветаевой в следующих аспектах: соединение личного и исторического начал в собственной судьбе и поэзии, творческое уединение, сновидческие мотивы. Показано, что городское пространство в жизни и творчестве поэта — ключевой элемент жизнетворчества, трансформированный в универсальную художественную модель, где город — одновременно локус памяти, кризиса и трансценденции.

Ключевые слова: М. Цветаева, хронотоп города, поэтическое жизнетворчество, над-мирное состояние, уединение, сновиденье, эмиграция.

Abstract: the article examines the artistic features of urban space in the perception and understanding of M. Tsvetaeva in the following aspects: the combination of personal and historical principles in her own destiny and poetry, creative solitude, dream motives. It is shown that urban space in the poet's life and work is a key element of life creation, transformed into a universal artistic model, where the city is simultaneously a locus of memory, crisis and transcendence.

Keywords: M. Tsvetaeva, chronotope of the city, poetic creation of life, supramundane state, solitude, dreaming, emigration.

Городское пространство в литературе русского модернизма представляет собой сложный семиотический феномен, воплощающий не только урбанистическую реальность, но и глубокие экзистенциальные, исторические и метафизические смыслы. В контексте творчества Марины Цветаевой этот феномен приобретает особую многомерность, трансформируясь в уникальный синтез личного переживания, культурной памяти и художественного мифотворчества. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли города в структуре «жизнетворчества» (термин, введенный К. Б. Жогиной [1, 62]) поэта, где биографическое и творческое начала сливаются в неразрывное единство.

Исследования городского текста (Н. В. Шмидт [2], Ю. М. Лотман [3], [4]) акцентировали внимание на том, что пространственные образы в литературе выступают моделями авторского мировосприятия. Однако в случае М. Цветаевой городское пространство выходит за рамки статичной дескрипции, становясь динамичным хронотопом, где время и место взаимодействуют через призму личных кризисов, исторических катаклизмов и эмигрантского опыта. Как отмечает Ю. М. Лотман, «художественное пространство есть модель мира автора» [5, 252], и для М. Цветаевой эта модель наполняется трагическими противоречиями между принадлежностью к культурной традиции и экзистенциальным отчуждением.

Цель работы — проанализировать специфику осмысления городского пространства в жизни и творчестве М. Цветаевой, выделив ключевые аспекты: соединение личного и исторического, роль уединения и сновидений, трансформация образа города в условиях эмиграции. Методологическая основа включает биографический анализ, интертекстуальный подход, а также концепции онейропоэтики (В. В. Савельева [6]), позволяющие раскрыть сновидческую природу цветаевской образности.

Новизна. В отличие от предшествующих исследований, акцентирующих урбанистическую тематику в рамках модернистской поэтики, настоящая статья фокусируется на диалектике «реального» и «идеального» города у М. Цветаевой, где пространство становится метафорой внутреннего конфликта между стремлением к духовной автономии и невозможностью преодоления исторической разорванности. Так, Москва, Париж и Прага в творчестве поэта не просто географические точки, но символы экзистенциальных состояний: от сакрального центра русской идентичности до пространства эмигрантского одиночества.

Особое внимание нами уделяется мотиву сновидения, который, по словам самой М. Цветаевой, являлся для нее «состоянием творчества» [7, 366]. Сон выступает у поэта инструментом преодоления дисгармонии между реальным и идеальным, позволяя реконструировать утраченные связи с прошлым и проецировать личную мифологию на городское пространство. Этот аспект, ранее не получивший до-

статочной разработки в научной литературе, раскрывает новые грани взаимодействия биографического и художественного в поэтике М. Цветаевой.

Образ города был воплощен и раскрыт почти каждым поэтом русского модернизма, ведь в это знаковое время урбанистические мотивы в литературе переживали свой расцвет, связанный с развитием городской цивилизации [2, 1]. Широкое смысловое и пространственное развитие тема города получила и в творчестве М. Цветаевой. Столица России изображена поэтом в цикле «Стихи о Москве» (1916) как родное и любимое место, сакральный исторический и духовный центр страны. Атмосферу страшного времени царства «темных сил» [8] и «разгара войны» [8] М. Цветаева описала в очерке «Нездешний вечер» (1936). В нем во многом по-блоковски изображенный и осмысленный Петербург (над ним стоит вьюга, как в поэме «Двенадцать») являет собой пространство, где властвует разрушительная стихия грядущих революционных перемен. Мотивами грехопадения и гибели человеческой цивилизации пронизаны стихотворения М. Цветаевой о трагическом поглощении Праги, «града Вацлава» [9, 268] и других чешских городов фашистской Германией. Поэт запечатлевает город в его исторической величине, в минуты эпохальных потрясений. Такой традиционный взгляд М. Цветаевой на пространственную и временную действительность составляет лишь одну из сторон авторского осмысления городского локуса.

М. Цветаева воспринимает город не только как носитель культуры и отражение судьбы народа: ее отношение к пространственной реальности более глубокое и личное, поэтому оно должно рассматриваться в двух взаимосвязанных направлениях — биографическом и художественном. В нерасторжимом двуединстве личного и поэтического М. Цветаева предстает и как человек, и как поэт, стремящийся познать внутренний мир города во всей его полноте и красоте, прочувствовать любое место душой, сблизиться с пространством так, чтобы можно было по праву назвать его принадлежащим себе — «моим». С. Ю. Корниенко отмечает, что для этого автора «поэтическое обживание, а затем и присвоение мест — важный аспект самоопределения» [10, 18]. Действительно, М. Цветаева ощущает своим не только родную Москву, но и другие города, даже зарубежные, однако проникнутые личным впечатлением, преисполненные родственной по духу атмосферой всепроникающей литературы и истории: «Мой первый Париж! 15 лет — одна — летние занятия [французской литературой в Сорбонне]» [11, 363], «когда я <...> впервые подъезжала к Лондону, он был *весь во мне* — полный и цельный: <...> с лордом Байроном, Диккенсом и Оскар Уайльдом — сосуществующими, Лондон всех Карлов и Ричардов...» [11, 464].

Душа М. Цветаевой вмещает в себя огромные пространства, причем для этого поэта они обрета-

ют временное значение, прямо соотносятся с важнейшими вехами личной и творческой судьбы. Первые самостоятельные жизненные шаги, появление свободы и независимости, так окрыляющих М. Цветаеву, ознаменованы ее знакомством с Парижем в шестнадцатилетнем возрасте. В этом «большом и радостном» городе [12, 27] будущий поэт почувствовала себя «взрослой, независимой и суровой» [13, 613]. Париж во время следующих «свиданий» с ним М. Цветаева будет ощущать совсем по-иному, нередко в противоположном эмоциональном ключе, о чем пишет Ариадна Эфрон: «Париж поразил творческое воображение Цветаевой не мнимым, не даже истинным блеском и красотой своей «поверхности», но самым «дном» своим, мраком своих трущоб, безысходным отчаянием их обитателей» [14, 449] (речь идет о Париже 1925 г.). Город меняет свой духовный облик в сознании поэта, становится многомерным, разным, протяженным во времени, и прекрасное уединение М. Цветаевой в ее первом Париже уже в середине 1930-х обернется мукой эмигрантского одиночества, разорванностью естественных душевных связей: «Этот (девятый уже!) мой Париж я вообще ни с кем не вижусь, все мои реальные отношения с людьми роковым образом (и рок этот — я, т.е. все мое — от меня) — разрушаются, вернее — рассеиваются...» [11, 464]. В этой разобщенности М. Цветаевой с людьми нельзя винить только исторические катаклизмы и недостаточную чуткость близких по духу современников, ведь сам поэт образом мышления и жизнеустройством невольно отдалялся ото всех. Литературный критик и мемуарист Александр Бахрах, с которым М. Цветаева вела активную переписку, говорит в книге «По памяти, по записям» о том, что жила поэт во время эмиграции на окраинах Парижа, куда тяжело добираться, принимала гостей у себя в свои любимые поздние часы, а сам же центр французской столицы суетой и активным движением отталкивал и пугал М. Цветаеву, потому она редко бывала в этом сосредоточении всеобщей жизни [15, 58].

Для самой же М. Цветаевой трагическое эмигрантское одиночество, которое она так глубоко прочувствовала в Париже, возникает не только из так необходимого ей уединения, носящего в том числе пространственно-временной характер, но еще и из ощущения собственной вынужденной отчужденности от всякой культуры, своей и чужой: «А от русских я отделена — своими стихами, которых никто не понимает» [13, 399]; «Париж мне душевно ничего не дал. Знаете, как здесь общаются? <...> Чувство, что всякий все знает и понимает, но занят целиком собой <...> Чувство, что для тебя места нет» [13, 398]. М. Цветаева в описанной ей ситуации духовной изоляции воспринимает себя не только вне пространства, где ее приняли бы как равного по духу человека и поэта, но еще и вне исторического времени: «Словом, тонкое чувство: мне в современности места нет»

[13, 399]. В период тяжелейшего духовного кризиса в том же процитированном выше письме к А. А. Тесковой 1932 г. М. Цветаева рассказывает о мечтах, в которых она живет уже будто бы вне пространства («нигде» [13, 399]), где время остановилось на минуте прошлого, вне большого столичного движения истории («маленький забытый старый городок» [13, 399]). Таким образом трагическая отчужденность от огромного культурного мира трансформируется у М. Цветаевой в сознательное, необходимое одиночество, а реальное большое городское пространство вместе с тем в сознании автора закономерно сужается. Быть может, такое воображаемое уединение для поэта становится актом переживания событий, происходящих в действительном мире, способом преодоления внутренней дисгармонии.

Все это мы наблюдаем в стихотворении М. Цветаевой «...Я бы хотела жить с Вами...» (1916). Таким же идеальным, но реально не представленным топосом, как в письме автора к А. А. Тесковой, оказывается в этом лирическом произведении «маленький город» [9, 59]. Ему вторит еще более узкое пространство — маленькая же гостиница. М. Цветаева видит земной мир небольшим, ограниченным, заключенным в рамки обители, в которой можно уединиться. Подчеркнуто малое человеческое бытие встроено в космос природного и божественного начал. Они бесконечны и находятся в необозримой вышине: «В маленьком городе, / Где вечные сумерки / И вечные колокола» [9, 59]. Вселенские таинства и творимое человеком искусство («Флейта, / И сам флейтист в окне» [9, 59]) создают атмосферу возможной любовной идиллии, уединения пары от суеты обыкновенной земной жизни. Как в «маленьком забытом старом городке» [13, 399] из письма М. Цветаевой время практически остановилось, так и здесь минуты текут медленно, «как капельки времени» [9, 59]. Образ старинных часов в стихотворении «...Я бы хотела жить с Вами...» навеивает мысли о спокойствии всего минувшего, то же ощущение передает и стремится испытать сама поэт уже в другой ситуации внутреннего кризиса, порожденного историческим катаклизмом. Обе эти картины, намеренно дистанцированные от настоящего, являются плодом личного и творческого откровения М. Цветаевой, но не претворяются в реальность, даже противопоставлены ей: «И, может быть, вы бы даже меня не любили...» [9, 59]. Так, поэт и ее лирическая героиня никогда не пребывают в иллюзорном мире, отдаленном от людей и действительности. Уединение с собой, собственным любовным или другим чувством у М. Цветаевой неабсолютно и как раз вызвано самой жизнью.

В «Рассвете на рельсах» (1922) сложная личная духовная работа поэта вообще неотделима от трагедии многих соотечественников, «погорельцев» [17, 159]. Вместе с тем эта внутренняя деятельность совершается сознательно вдали от внешнего земного шума,

от «страстей стравленных» [9, 158], еще до наступления дня, пока все суетное спит. В рассматриваемом стихотворении отстраненность поэта приобретает характер избранничества, а уже сама грандиозность замысла творца слова («Россию восстанавливаю» [9, 158]) говорит об идейной и пространственной масштабности задачи. Характерно, что именно любимая М. Цветаевой Москва, будучи духовным центром вынужденно покидаемой родины, становится городом, особо выделенным из широты России. Для поэта, природа творческого откровения которого отражается в эстетической максиме «слушать — слышать — отвечать — диалогизировать» [16, 47], звучание имени столицы имеет большое значение: оно и ослабляет услышанную поэтом жестокость эпохи, и удивительно отзывается ей своими фонетическими оттенками: «Еще вестями шальными / Лжет вороная сталь — / Еще Москва за шпалами!» [9, 159]. В сознании лирической героини роковое историческое время останавливает свое движение в московском пространстве, на русской духовной почве, а образ, символизирующий путь удаления от родины («вороная сталь» [9, 159]), ассоциируется с лукавством, заблуждением, вороном-трикстером, готовым «на любой коварный обман» [17, 131]. Такое провидение является М. Цветаевой в одиноком самоуглублении, порожденном насильственным отчуждением от родины и близкого по духу московского пространства.

В кризисную эпоху утрата связей всеохватна: не только человек оказывается оторван от родной земли, люди отдаляются друг от друга, даже сама история терпит разрушение своей целостности. В наиболее емкой и художественно слиянной форме, где время и пространство интенсифицируются и объединяются, М. Цветаева проявляет трагический характер настоящей эпохи, утратившей связь с прошлым: «Детство — юность — Революция — три разные Москвы: точно живьем в сон, сны — и ничто не похоже! все — незнакомо!» (1936) [13, 437]. Важно, что три временных ипостаси родного для М. Цветаевой города, физически отдаленного от нее, видятся поэту во сне. Именно авторское мировосприятие определяет особенности осмысления пространства в литературном произведении. Ю. М. Лотман в этой связи отмечает: «...художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [5, 252-253].

Для М. Цветаевой сон — путь к над-миру, состоянию души, истинный способ познания таинственных, потусторонних откровений жизни, находящихся за пределами яви и вступающих в поле иррационального по своей сути творчества. Сама поэт осмысляла сновидение как избавление от условностей действительного, земного мира и воплощение теперь уже вольных художественных замыслов: «это свобода сна <...> Безнаказанность,

безответственность — и беззаветность сна» [13, 566], «Состояние творчества есть состояние сновидения» [7, 366]. Так, антитеза «явь/сон» конкретизирует основную оппозицию жизнетворчества М. Цветаевой «земное/небесное», а реальное у поэта, обретая новые смысл и форму, трансформируется, переходит во внеземные сферы. В соответствии с этой художественной логикой в процитированном письме 1936 г. М. Цветаевой к А. А. Тесковой Москва перемещается во времени сообразно сдвигу поэтического сознания в сторону яви/сна: «живьем» [13, 437], из настоящей реальности, погружаемся «в сон», в прошлом существовавший город-мечту («точно живьем в сон» [13, 437]), затем прекрасная греза рассеивается, наступает трагическое пробуждение сегодняшнего дня («сны — и ничто не похоже! все — незнакомо!» [13, 437]). В столь малой прозаической форме наблюдаем смысловое развитие онейрического хронотопа, для которого характерна «ситуация временного перемещения из одного времени-пространства в качественно другое с последующим возвращением в исходное время-пространство» [6, 14]. Подобное ирреально-метафорическое странствование М. Цветаевой говорит о том, что переход между явью и сном может символизировать границу между разными духовными обликами городского пространства.

Наиболее ярко символика такой границы прослеживается в стихотворении поэта «В Париже» (1909). Е. О. Айзенштейн в работе «Сны Марины Цветаевой» говорит о двух противоположных обликах французской столицы, воссозданных в этом произведении: далекий по духу Париж шумных бульваров и «город-мечта», «город-сон» [18, 39]. Лирическая героиня, однако, называет дневную французскую столицу «большой и радостной» [12, 27], а в ночи этот город будто бы «чужд и жалок» [12, 28]. Под такими прямыми и иллюзорными именованиями сокрыто душевное страдание поэта. В дневном Париже тоска становится тайной, здесь все переживания застилает «прежний бред» [12, 28], а в город, погруженный в сон, возвращается правда, естественность, тогда и «боль как прежде глубока» [12, 28]. Обнажение истинных чувств происходит в то время, когда лирическая героиня уединяется от ложных игр дневных страстей, которыми полон Париж, и в прямом смысле приближается к природе, соприкасается с ее живительными силами: «К стволу каштана / Прильнуть так сладко голове!» [12, 28]. Важно, что в ночном городе спящая лирическая героиня постигает гармоническое соединение земных и небесных стихий (травы и облака), будто бы возвращаясь в летние дни на приволье родной Тарусы, тогда как бодрствующая столица разрушила естественное состояние бытия, в ней более нет свободы и простора: небо с домами, достигающими звезд, близится к земле в отравляющем чаду. Неслучайно эти две антитетические картины М. Цветаева помещает в последнюю и первую

строфы стихотворения. Так, лирический сюжет органично развивается от внешнего состояния суетного и ложного дневного движения, духовной узости к высвобождению подлинной широты человеческих чувств и мечтаний в сновидении.

Интересно, что та безграничность, которую ощущает поэт в ночном городском пространстве, способна на время примирить М. Цветаеву даже с активно отвергаемой ей индустриализацией, уничтожением живого природного начала в городе: «Как бы дым твоих ни горек / Труб, глотать его — все нег! / Оттого что ночью — город — / Опрокинутое небо» [9, 195]. Пространство ночного города в процитированном стихотворении 1923 г. превращается в звездную карту, а небесное сводится на землю. Подобное поэтическое возвышение образа города, вписывание его в круг высших тайн претворяется у М. Цветаевой наряду с вынесением этого места, освоенного человеческим разумом, за границу позитивного ценностного круга.

Центральное пространственное положение города коррелирует с его официальным статусом, некой общепризнанностью, всеобщностью и потому сопоставляется автором с той периферией, на которую судьба, любовь и сама жизнь могут вытеснить иначе мыслящего поэта-избранника, ставшего отщепенцем в своем конфликте с заранее заданным миром. Художник слова, человек творческих устремлений сравнивается М. Цветаевой в «Поэме конца» (1924) с гонимым евреем: «За городом мы! <...> Гетто избранных! <...> В сем христианнейшем из миров / Поэты — жида!» [9, 399]. Но звучит своеобразный «спор» автора с городом не только в контексте экзистенциального кризиса. Так, «в час народных расправ» [9, 253] дом, утративший свой истинный облик, отворачивается от города в сторону необжитого, некультурного, дикого пространства, где нужно бороться за собственное бытие: «Дом, что к городу — задом / Встал, а передом — к лесу» (стихотворение «Дом» 1935 года) [9, 253]. В стихотворении «Погоди, дружок!» (1916) также происходит удаление от города. Лирическая героиня призывает найти приют за пределами безынтесного городского пространства (выражение «камень городской толочь» отсылает к фразеологическому обороту «воду в ступе толочь» со значением бессмысленности действий), в месте, где раскрываются подчас роковые страсти: «Там целуются и пьют, вино и слезы льют, / Там песни поют <...> Там тихонечко гуляет в смуглых пальцах — нож» [9, 58].

Таким образом, в жизни и творчестве М. Цветаевой город явился преломлением исторической и личной судьбы, а образная система, организующая городское пространство, отражает авторскую творческую устремленность к над-мирному сновидению, уединению, жизненной и художественной правде.

Личный и исторический опыт поэта, репрезентированный через осмысление городского пространства

как ключевой элемент житнетворчества, трансформирован в универсальную художественную модель, где город становится одновременно локусом памяти, кризиса и трансценденции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жогина К. Б. Знаковость поведения Марины Цветаевой / К. Б. Жогина // Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой: XII Международная научнотематическая конференция (9-11 окт. 2004 г.): сб. докладов. — М., 2005. — С. 55-65.
2. Шмидт Н. В. «Городской текст» в поэзии русского модернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Шмидт. — М., 2007.
3. Лотман Ю. М. Семиотика города и городской культуры / Ю. М. Лотман // Tartu riikliku ülikooli toimetised. Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. Вып. XVIII. — Тарту, 1984. — С. 30-45.
4. Лотман Ю. М. Символика Петербурга / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М., 1996. — С. 291-311.
5. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: кн. для учителя / Ю. М. Лотман. — М., 1988.
6. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: монография / В. В. Савельева. — Алматы, 2013.
7. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / М. И. Цветаева. — М., 1994.
8. Цветаева М. И. Проза / М. И. Цветаева. — М., 1989. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001511158/ (дата обращения: 12.02.2025).
9. Цветаева М. И. Стихи и поэмы / М. И. Цветаева. — Вильнюс, 1988.
10. Корниенко С. Ю. Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин — Марина Цветаева: дис. ... д-ра филол. наук / С. Ю. Корниенко. — М., 2015.
11. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7: Письма / М. И. Цветаева. — М., 1995.
12. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения / М. И. Цветаева. — М., 1994.
13. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Письма / М. И. Цветаева. — М., 1995.
14. Саакянц А. А. Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс / А. А. Саакянц. — М., 2002.
15. Бахрах А. В. По памяти, по записям. Литературные портреты / А. В. Бахрах. — Париж, 1980.
16. Радь Э. А. «Верно услышать — вот моя забота»: триединства в житнетворчестве М. И. Цветаевой / Э. А. Радь // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 6-2 (72). — С. 44-48.
17. Мифологический словарь. — М., 1991.
18. Айзенштейн Е. О. Сны Марины Цветаевой / Е. О. Айзенштейн. — СПб., 2003.

Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал)

Радь Э. А., доктор филологических наук, профессор
E-mail: elza_rad@mail.ru

Желтикова Т. В., магистрант
E-mail: zheltikovatat@yandex.ru

Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak Branch)

Rad E. A., Doctor of Philology, Professor
E-mail: elza_rad@mail.ru

Zheltikova T. V., Graduate Student
E-mail: zheltikovatat@yandex.ru

«МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ» В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА 1920-Х ГОДОВ

Т. И. Скрипникова

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Аннотация: в творчестве И. Бунина 1920-х годов, рассказах «Далекое» (1922), повести «Митина любовь» (1924), отображены приметы России, ее сакральный топоним Москва, с яркими красками, запахами и звуками, которые из зарубежного далека видятся им не иначе как светлыми, почти сказочными. В этих произведениях писателя, относящихся к «московскому тексту», запечатлен преобразенный образ патриархальной Москвы, богатый топосами как древними, так и современными И. Бунину. «Душой города» являются слуховые, зрительные и обонятельные образы, имеющие модернистский статус маркеров пространства (вечно живого/мертвого), обозначающих интенциональность восприятия (положительные, отрицательные коннотации), в совокупности определяющие своеобразие художественного мира автора.

Ключевые слова: «московский текст», сакральный топоним, модернистский статус, маркеры пространства, «канунный город», «ольфакторная революция» в русской литературе, «ольфакторный ландшафт», мифологизированный образ дореволюционной России.

Abstract: in the works of I. Bunin of the 1920s the signs of Russia are displayed, its sacred toponym Moscow, with bright colors, smells and sounds, which from the distant foreign lands seem to them nothing less than bright, almost fabulous. In these works of the writer, related to the "Moscow text", a transformed image of patriarchal Moscow is captured, rich in topic, both ancient and modern to I. Bunin. The "soul of the city" is auditory, visual and olfactory images, having a modernist status of markers of space (eternally alive / dead), denoting the intentionality of perception (positive, negative connotations), and together determining the originality of the author's artistic world.

Keywords: "Moscow text", sacred toponyms, modernist status, spatial markers, "eve city", olfactory revolution in Russian literature, "olfactory landscape", mythologized image of pre-revolutionary Russia.

Модернистский поиск полноты бытия, обнаружения в узнаваемом скрытного, проявлений тайного во внешнем, своеобразного его «проступания» и приемлемых форм выражения станет магистральным сюжетом «московского текста» И. А. Бунина, рассматриваемого в творчестве писателя 1920-х годов в историческом и социокультурном контексте. Как известно, появление определения «городской текст» связано с обращением писателей к теме города, поскольку творческой личности более всего понятен целостный образ города, его историческая судьба, архитектурный и культурный облик. В. В. Топоров писал о «городском тексте» следующее: «...это то, что город говорит сам о себе... просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания» [1]. Известно, что важнейшее место во многих культурах занимают тексты, которые организуются вокруг образа большого, часто столичного, наделенного богатой национальной историей города. Так, для русской литературы непреходящими ценностями, имеющими большое значение для ее развития на протяжении нескольких столетий, являются петербургский и московский тексты. «Петербург

и Москва, в чьих судьбах и отношениях отразились все противоречия русской истории, вобрали в себя духовный, политический, культурный опыт. Сложностью народного восприятия этих городов и объясняется появление петербургского и московского текстов русской литературы, в которых получают воплощение культурные коды двух духовных центров России» [2].

Для И. Бунина, как и для писателей русского зарубежья в целом, символом утраченной Родины станет жизненный уклад дореволюционной России, которую они стремятся увековечить своим творчеством. Издалека она виделась по-другому: заметнее, ярче проступали черты и детали, ранее казавшиеся незначительными, теперь задачей писателей стало сохранить ее уходящую натуру, передать память о ней следующим поколениям, однако рассказать о недавнем прошлом нужно было так, чтобы остался «вкус и запах эпохи» [3]. Отсюда повышенное внимание к художественным мелочам, деталям быта, краскам, запахам, звукам в изображении городских пейзажей; поиск точных метафор, эпитетов, неожиданных сравнений; чуткость к экспрессии слова. Великое прошлое всегда вызывало у эмигрантов национальную гордость и ностальгическую грусть одновременно, его хотелось вернуть к жизни, восстановить как можно

точнее, подробнее. Г. Адамович в «Современных записках» отмечал: «...В новой России нам почти все чуждо: осталось имя, то, что мы им называли, — рассеялось. А рассеявшееся мы продолжаем любить, как лучшее, что в жизни видели» [4]. Сказанное вполне объясняет интерес писателей эмигрантов первой волны к воссозданию образа Москвы как значимой части потерянной Родины, главному русскому городу, неповторимому московскому быту, ставшему ядром их художественных произведений, многочисленных статей, очерков. Исторические потрясения начала XX века послужили причиной внутреннего «отстранения» творческой личности от безбожного мира и подтолкнули на мученический путь изгнанничества и миссии служения словом, своего рода «духовного странничества» [5] по преображенной памяти России. Будучи москвичами по рождению либо по духу, все они внесли неповторимые краски в осмысление «метафизики Москвы», которую многие во всей полноте ощутили «своей» особенно перед отъездом в вынужденную эмиграцию. Так Ф. А. Степун писал: «Каждый день мы с женой ходили к кому-нибудь прощаться. Ходили по всей Москве: со Смоленского рынка на Солянку, с Мясницкой к Савеловскому вокзалу, и странное, трудно передаваемое чувство с каждым днем все больше и больше укреплялось у нас в душе: чувство возвращения нам нашей Москвы, Москвы, которую мы уже долго не видали, как будто совсем потеряли и вдруг снова нашли» [6].

И. Бунин, родившийся в Воронеже, окончивший свой земной путь в Париже и на протяжении «четверти века» подолгу живший в столице, был по своему складу в значительной мере «москвичом», до конца дней своих не утратившим своей «русскости» (Ф. Степун). Уникальную роль в этом сыграла культурная и интеллектуальная жизнь предреволюционной «канунной» Москвы конца XIX, начала XX века. Поселившись в меблированных комнатах Боргеста у Никитских ворот, свое впечатление от первого приезда в Москву в феврале 1895 года он описывает так: «"Старая, огромная, людная Москва"... Через два года после того я опять приехал в Москву — тоже ранней весной и тоже в блеске солнца и оттепели, — но уже не на один день, а на многие, которые были началом новой моей жизни, целых десятилетий ее, связанных с Москвой» [7]. В «московском тексте» И. Бунина 1920-х годов топоним Москва рассматривается как один из самых емких пространственных образов, транслирующих авторскую модель преображенного мира, во многом определяющий форму существования героев и их душевное состояние. Для писателя важны пространственные образы города, локусы, содержащие национальные и метафизические смыслы. С одной стороны, топоним Москва воспроизводится у писателя как «конкретный культурно-исторический организм» [8], а с другой — как «сложный семиотический механизм», состоящий из «текстов и кодов» [9].

Во многом для И. А. Бунина образ Москвы является отражением русской ментальности, поэтому автор, постоянно обращаясь к прошлому дореволюционной России, сосредотачивает свое внимание на национальной специфике: для писателя столица всегда представлялась символом русской истории и характера, возникающего из совмещения человеческого (жизнь жителей столицы) и пространственного (улицы, районы), то есть всего того, что незримо, но постоянно формирует жизнь города. Ключевые городские локусы дореволюционной столицы, постоянно возникающие в рассказах «Далекое» (1922), «Митина любовь» (1924) и других — это главные улицы и окраины столицы, заполненные лавками, торговыми рядами, магазинами, дворами, площадями, содержащие в себе «некую более общую, абстрактную, поэтически-мифологизированную национальную идею, некий первообраз Родины» [10]. В указанных рассказах показана Москва, которой больше нет и никогда не будет, писатель полюбил этот «невозвратный город» (Ф. Фицджеральд) с его красотой, простотой и величавостью, со всем «безрассудством молодости». Ю. Мальцев писал, что И. Бунин «воскрешает уют, благообразие, красоту и поэзию старой Москвы, яркий колорит прежнего быта — купеческого, дворянского, крестьянского, — изобилие и богатство базаров, торговых рядов, магазинов. Он с любовью отдается этому художественному воскрешению, видя в нем свою историческую миссию» [11]. Поэтому его лирический герой вновь и вновь возвращается туда, и с каждым разом столица неизменно для него показана родной и близкой, восстановленной в памяти в мельчайших подробностях и деталях, понятных лишь «посвященным» [12].

С одной стороны, Бунин в своих текстах пересоздает традиционную, патриархальную Москву, с другой стороны, гармонично сосуществующий с исторической оппозицией, возникший в начале XX века «канунный город» — мегаполис, прочно сохранивший связь с прошлым, но претерпевший волну модернизации. Метафизическое, как всегда у Бунина, доминирует над физическим: раз «его» Москва осталась в прошлой России, то задача писателя «не столько «отразить» ее, сколько выстроить в воображении, воссоздать некий преображенный памятью топоним, особое художественное пространство. Именно поэтому в городских пейзажах писателя все многозначительно и важно: сутолока и суэта, бурная жизнь центра, а также пейзаж и тишина окраины, потаенных уголков, увиденных в разное время года или дня. Тот факт, что сознание писателя настроено на прошлое дореволюционной России, в какой-то мере делает образ столицы с одной стороны ярким и реалистичным, с другой — фантастичным из-за абсолютно-го ощущения вневременности, поэтому для героев рассказов писателя время незначимо. По мнению Ю. Мальцева изображенная Буниным Москва — это

уже не историческое прошлое, а прошлое, ушедшее на «метаисторическую глубину» (Мальцев), «освободившееся от ограниченности и фальши историзма и установившее сущностную связь со всебытием и вечностью. Только из такой глубины и может исходить великое» [11, 10-11]. Так, повесть «Митина любовь» в первых двух главах и рассказ «Далекое» наполнены приметами дореволюционной жизни России, элементами московского быта конца XIX, начала XX века, многие из которых безвозвратно исчезли после революции 1917 года. Указанные произведения в ряду других в творчестве Бунина 1920-х годов служат своего рода увековечиванием в тексте образа патриархальной Москвы. Бунинский «московский текст», богатый топосами как древними, так и современными писателю, представляет собой соединение классического стиля древней столицы, барских домов, особняков XVI-XIX вв. со стилем модерна. Это различные здания, рестораны (Яр, Прага, Стрельна), многочисленные улицы (Охотный ряд, Тверская), старинные районы города (Кисловка, Молчановка с «декадентскими домами» (Ф. Степун)), площади и памятники, например Пушкину на Тверском бульваре, который неслучайно упоминается писателем и в повести «Митина любовь», и в рассказе «Далекое». Именно А. С. Пушкин заложил в русской литературе основы традиции восприятия Москвы как символа России, достаточно вспомнить знаменитые его строки из романа «Евгений Онегин», в которых в концентрированной форме отразилась именно эта идея: «Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нем отозвалось!» [13, с. 156]. Неудивительно, что именно Пушкин стал для русского зарубежья 1920-х годов символом национальной культуры, нерушимых духовных и нравственных устоев когда-то могущественных, а ныне отвергнутых. Любовь к творчеству Пушкина сопровождала И. Бунина на протяжении всей его жизни, в 1949 году в Париже, в одном из своих последних публичных выступлений по случаю 150-летия Пушкина он сказал: «Полтора века тому назад Бог даровал России великое счастье. Но не дано было ей сохранить это счастье. В некий страшный срок пресеклась, при ее попустительстве, драгоценная жизнь Того, Кто воплотил в себе ее высшие совершенства» [14].

Как говорилось выше, сакральными приметами дореволюционной Москвы, «душой города» [15] в произведениях Бунина являются слуховые, зрительные и обонятельные образы, неразрывно связанные между собой. Изучению роли зрительных картин Москвы в эмигрантском творчестве писателя была, например, посвящена статья Е. А. Новиковой «Москва в произведениях Ивана Бунина» [16]. Что касается особенностей обонятельных образов в творчестве писателя, то можно сказать, что психофизиологические свойства запаха порождают в сознании автора ассоциативные ряды воспоми-

наний и эмоций, транслируемых читателю. Как замечает исследователь Н. А. Рогачёва, «всякое новое впечатление становится возможным только через ассоциации с уже бывшим — ... смысл запаха всегда результат наслоений опыта — исторического, психического, художественного» [17]. Обилие зрительных и обонятельных образов у И. Бунина, особенности их номинаций в текстах как важного средства создания являются превалирующей чертой модернистской эстетики в литературе рубежа веков. Как пишет М. Пироговская, ольфакторная (обонятельная. — Т. С.) революция в русской литературе происходит благодаря творчеству писателей-символистов в конце XIX — начале XX века. Исследователь пишет о том, что до середины XIX века литературе было свойственно лишенное конкретики восприятие и описание усадебных садов и ароматов. «Достаточно сравнить ароматический словарь Фета, помещика и садовода, со словарем Иннокентия Анненского, горожанина и кабинетного ученого: очевидно, что границы репертуара стремительно раздвинулись» [18]. То есть разработка «нового ольфакторного кода» (М. Пироговская) в русской литературе начала XX века как важной приметы мира реального и ирреального принадлежит именно символистам, включивших в свое творчество описания множества запахов, помогающих сформировать художественные образы.

Как отмечает О. Вайнштейн, «самые изощренные писатели всегда старались найти верные слова, чтобы хоть как-то уловить дразнящую прелесть запахов» [19]. Это определение очень точно подходит для И. Бунина, у которого функция «весеннего» запаха в произведениях об ушедшей России, как стране вечной, «несрочной весны» в рассказах «Далекое» (первоначальное название которого было «Однажды весною»), «Несрочная весна» и др. призвана акцентировать связь героев и самого города с природой, весной, выдвигать на первый план идею доминирования «пасхального архетипа» — переноса акцента отображения событий с реалистичного плана в иное вневременное измерение. Все запахи в указанных «московских текстах» писателя можно разделить на натуральные и искусственные, комбинирующие различные виды перцепции (вкус и запах, зрение и запах, слух и запах). Рассказ «Далекое»: «...шли солнечные, возбуждающие дни, с новыми запахами, с новой чистотой улиц, с новым блеском церковных маковок на ярком небе, с новым Страстным, с новой шумной Петровкой, с новыми светлыми нарядами...»; «сладко и тепло пахло из кондитерской Скачкова» [20, 85-86]; «День за днем жил весенний город своей огромной, разнообразной жизнью, и я... жил всеми ее запахами, звуками, всей ее суетой...» [20, 86]; Рассказ «Несрочная весна»: «Бальзамическое тепло нагретой за день хвои мешается с острой свежестью болотистых низин...» [20, 122]; «... эти первые впечатления ... запаха берез, цветов, вечерней свежес-

сти! .. горькие и свежие ароматы, сладкий холодок зари...» [20, 127-128] («Несрочная весна», 1923); Повесть «Митина любовь»: «И так же воспринимал он и все окружающее ... погоду, все время по-весеннему хмурившуюся, запах пыли и дождя, церковный запах тополей...» [20, 190]; «...в садах хрипло орала к дождю и к вечеру ворона, а все же была весна, весенний запах воздуха» [20, 192].

Важно отметить, что патриархальная Москва И. Бунина обнаруживает свою духовную укорененность в сакральных основах бытия, организованного вектором православного календаря. Отсюда еще одной приметой дореволюционного города как прообраза России является доминирование православного календарного цикла, являющееся определяющим для временной организации текста. Так, например, неслучайно в повести «Митина любовь» Бунин начинает повествование с указания точной даты — девятое марта. В этот день (9 марта по старому стилю — 22 марта по новому) отмечается народный праздник «Сороки», который в православном церковном календаре считается днем памяти сорока мучеников Севастийских (другие названия праздника: «Сорок сороков», «Жаворонки»). Согласно народному календарю, это первый день весны, зима кончается — весна начинается, наступает равноденствие, предвестниками скорой весны всегда были жаворонки, поэтому существовала традиция — выпекать печенье в форме птичек. Подтверждение этому находим в тексте: «Зима внезапно уступила весне, на солнце было почти жарко. Как будто, правда, прилетели жаворонки и принесли с собой тепло, радость» [20, 181]. К примете православного календаря в тексте нужно отнести и неоднократно упоминаемый Великий пост, так, директор музыкальной школы в повести «Митина любовь» занимается с Катей «постом», день ее экзамена приходится на шестую неделю поста. В рассказе «Далекое» действие происходит чудесной радостной пасхальной весной, поэтому столица «особенно празднична»: «Москва прожила свою сложную и утомительную зиму. А потом прожила великий пост, Пасху и опять почувствовала, будто она что-то кончила, что-то свалила с плеч, дождалась чего-то настоящего» [20, 85].

Как говорилось выше, с одной стороны, представление о запахе в «московском тексте» И. Бунина является предметным, и передается, прежде всего, через конкретное название того, от чего он исходит. Разнообразие обонятельных восприятий велико, писатель мастерски присваивает каждому из запахов собственное название: «запах пыли и дождя, церковный запах тополей», «сладостный, душистый дождь». С другой стороны, номинации, обозначающие запах, как правило, содержат в себе оценочную характеристику, например, в рассказе «Далекое» и повести «Митина любовь», где изображена жизнь дореволюционной столицы, содержится только лексика с положитель-

ной семантикой сильный приятный — «благоухает», «весенняя свежесть» («горькие и свежие ароматы»). Здесь даже повседневные неприятные запахи будней столицы, например гостиницы, гармонично сосуществуют и соединяются с преобразованными запахами праздников — ароматами Пасхальной весенней Москвы. В то время как в описании послереволюционной Москвы («Несрочная весна») доминируют слова с яркой отрицательной семантикой сильный неприятный — «воняет» (зловоние), из-за «обобществленности» запахов (А. Левинсон) у Бунина в рассказе «Несрочная весна» преобладает «идея смрада» как признака принадлежности к дурной стороне мира — «нижней, хтонической, сатанинской, адской, смертной, греховной и, что особенно важно для дальнейшего, подлой, то есть относящейся к социальному низу» [21]. По мнению А. Левинсона, смрад, вонь (как результат жизненных процессов и условий) стали «социальной метой «большевиков», благоухание, напротив, стало признаком навсегда ушедшей для России эпохи» [21].

Таким образом, в «московском тексте» И. Бунина 1920-х годов доминирует визуальная и обонятельная образность, столь характерная для литературы Серебряного века. В произведениях на первый план выходят субъективные, эмоциональные категории вкуса и запаха; обонятельные ощущения становятся одними из поэтических средств создания отдельного художественного образа Москвы и универсальной картины дореволюционной России в целом. Природные и искусственные запахи обладают полисемантической природой и отражают не только «дух» эпохи, но и аксиологические представления самого автора, например, выражение «церковный запах тополей», смысловое поле которого содержит православную доминанту. Запахи используются И. Буниным для изображения «ольфакторного ландшафта» (В. А. Алиева) Москвы, ее знаковых мест, пропитанных весенним солнцем, ароматами яств и москатели. Такие метафизические «ольфакторные репрезентации» (В. А. Алиева) расцвечивают повествование писателя, создавая в воображении читателя тот самый утраченный «запаховый образ» эпохи. Исследование и интерпретация всей суммы обонятельных воплощений помогает не только понять скрытый смысл творческой интенции И. Бунина, но и почувствовать тот неуловимый, навсегда утраченный «воздух эпохи» [22].

В эмигрантской прозе И. Бунина 1920-х годов запахи представляются одной из немногих возможностей физически вернуться в собственное прошлое и прошлое России, превратившейся в нечто эфемерное, существующее лишь в памяти и воображении. Это возвращение и есть обретение утраченного рая, Элизиума, о котором И. Бунин писал в рассказе «Несрочная весна». В этом произведении, рассказывающем о Москве сырой и грязной, с ухабистыми тротуарами и мостовыми, загаженными площадями, столичный запах, связанный с пережитым наси-

ем, вызывал у героя острое чувство отторжения, выступая «средством обонятельной репрессии» [23]. Ольфакторные же светлые воспоминания о Москве и шире — Родине, постепенно формируют *мифологизированный образ дореволюционной России* — сказочной страны патриархального рая. Он создается в текстах из множества мелких деталей: осеняемой звоном и гулом колоколов московской Покровки, благословляющих счастливо кончившийся светлый день; весеннего запаха воздуха, улиц и площадей Москвы; пухлых белых облаков, которые плывут, чуть не задевая за крест колокольни Страстного монастыря; озаренного вечерним солнцем Кремля и соборов. Так в творчестве И. Бунина 1920-х годов запахи приобретают модернистский статус маркеров пространства (вечно живого/мертвого), обозначающих интенсиональность восприятия (положительные, отрицательные коннотации), в совокупности определяющие своеобразие художественного мира автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров В. В. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления / В. В. Топоров. — М.: Гослитиздат, 1973. — 148 с. — С. 76.
2. Андрюкова Е. А. «Московский текст» в творчестве И. Шмелева (период эмиграции): дис. ... канд. филол. наук.: 10.01.01 / Андрюкова Елена Анатольевна. — Вологда, 2013. — 125 с. — С. 1.
3. Струве Н. «Некрополь» В. Ходасевича / Н. Струве // Вестник русского христианского движения. — Париж — Нью-Йорк — М., 1978. — Вып. IV (127). — С. 105-116. — С. 107.
4. Адамович Г. В. Верность России // Современные записки. — Париж, 1934. — Т. 55. — С. 326-338. — С. 338.
5. Степанова Н. С. Концептосфера «путь жизни» в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: специальность 10.01.01. — Русская литература: автореферат дис. на соиск. уч. степ. доктора филологических наук / Степанова Надежда Сергеевна; [Место защиты: Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН]. — Москва, 2016. — 41 с.
6. Степун Ф. А. Мысли о России / Ф. А. Степун // Современные записки. — 1923. — № 14. — С. 391-399. — С. 398.
7. Бабореко А. К Бунин: Жизнеописание / А. Бабореко. — М.: Молодая гвардия, 2004. — 457 с. — С. 50.
8. Анциферов Н. П. Душа Петербурга: *Genius Loci* Петербурга / Н. П. Анциферов // Москва — Петербург: *pro et contra*. Сост. К. Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 2000. — С. 123.
9. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 664., 1984. — С. 22-73. — С. 35.
10. Михеичева Е. А. Образ города в произведениях Х. Л. Борхеса и Л. Н. Андреева / Е. А. Михеичева, С. В. Зеленцова // Ученые записки орловского гос. ун-та. 2019. № 3 (84). С. 158-162.
11. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870-1953. / Ю. Мальцев. — Frankfurt / Main: Possev, 1994. — 432 с. — С. 288.
12. Бунин Иван Алексеевич Окаянные дни / Иван Бунин. — Изд. 2-е. — М.: ДАРЪ, 2013. — 272 с. — С. 67.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва-Ленинград: Академия наук СССР, 1950. — Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. — 626 с.
14. Бунин И. А. Публицистика 1918-1953 годов / И. А. Бунин / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Вступ. ст. О. Н. Михайлова; Комментар. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. — М.: Наследие, 1998. — 640 с. — С. 457.
15. Анциферов Н. П. А74 «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Н. П. Анциферов / Сост. М. Б. Вербловская. — СПб.: Лениздат, 1991. — 335 с. — С. 48.
16. Новикова Е. А. Москва в произведениях Ивана Бунина / Е. А. Новикова // Вестник Московского государственного областного университета. — 2020. — № 4. — С. 109-115. — Электрон. копия доступна на сайте КиберЛенинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/moskva-v-proizvedeniyah-ivana-bunina> (дата обращения: 03.05.2025).
17. Рогачёва Н. А. Русская лирика рубежа XIX-XX веков: поэтика запаха: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Рогачёва. — Екатеринбург, 2011. — 49 с. — С. 4-5.
18. Пироговская М. Парфюмерный код в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» / М. Пироговская // Сб.: Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: Материал IV Международной научной конференции. Сост. М. М. Павлова. СПб.: Коста, 2010. — 472 с. — С. 354. Ароматы и запахи в культуре / под ред. О. Б. Вайнштейн. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 659 с. — С. 6.
19. Бунин И. А. Собрание сочинений в 9 т. / И. А. Бунин / Т. 5. — М.: Художественная литература, 1966. — С. 375. В дальнейшем текст произведения Бунина цитируется по этому изданию с указанием страницы.
20. Левинсон Алексей Повсюду чем-то пахнет / Алексей Левинсон // Журнал Логос 1991-2005. Избранное, 2006: В 2 т. Т. 2. — 816 с. — С. 23-24.
21. Алиева В. А. Культурфилософия запаха в романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» / В. А. Алиева // Соловьевские исследования. — 2021. Выпуск 3 (71). — С. 182-195. — С. 188.
22. Жирицкая Е. Легкое дыхание: запах как культурная репрессия в российском обществе 1917-1930 гг. / Е. Жирицкая // Ароматы и запахи в культуре: В 2 кн. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2003. — С. 167-269. — С. 178.

Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I

Скрипникова Т. И., к. филол. н., доцент кафедры русско-
го и иностранного языков

E-mail: skripnikova77@rambler.ru

Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great

Skripnikova T. I., Associate Professor of the Department of
Russian and Foreign Languages

E-mail: skripnikova77@rambler.ru

ОБРАЗЫ ПЕРСОНАЖЕЙ-ПАЦИЕНТОВ В РАССКАЗАХ «МИЛОСТЬ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА» И «СВЕТ РАЗУМА» И. С. ШМЕЛЕВА

Сунь Ихань

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 29 апреля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются значение и приемы создания образов персонажей-пациентов в рассказах И. С. Шмелева «Милость преподобного Серафима» и «Свет разума». Цель работы — раскрыть субъективный характер образов пациентов, а также переосмыслить значение и функции таких категорий, как «болезнь» и «выздоровление» в исследуемых произведениях. Исследование базируется на актуальном для современного литературоведения понятии «морбуальный код». Анализ представленного материала проводится по следующим трем направлениям: изучение внутренней жизни пациента, испытывающего комплекс физических и нравственных страданий, рассмотрение роли болезни в процессе духовного возрождения личности, выявление значения личной ответственности пациента за собственное духовное и физическое здоровье. Исследование предлагает новую модель понимания взаимоотношений врача и пациента, направленную на уменьшение роли патернализма в медицинском дискурсе, нашедшем воплощение в литературных текстах.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, медицина, духовное самосовершенствование, взаимоотношения врача и пациента, субъектность.

Abstract: the article examines the significance and examples of creating images of patient-characters in I. S. Shmelev's stories *The Mercy of Saint Seraphim* and *The Light of Reason*. The aim of the work is to reveal the subjective nature of the patients' images, as well as to reinterpret the meaning and functions of such categories as "illness" and "recovery" in the analyzed works. The study is based on the concept of the "morbuall code," which is relevant in contemporary literary studies. The analysis of the material is conducted through the following three directions: examining the inner life of a patient experiencing a complex of physical and moral suffering, exploring the role of illness in the process of spiritual revival, and identifying the significance of the patient's personal responsibility for their own spiritual and physical health. The study proposes a new model for understanding the relationship between doctor and patient, aimed at reducing the role of paternalism in medical discourse as reflected in literary texts.

Keywords: I. S. Shmelev, medicine, spiritual self-improvement, doctor-patient relations, subjectivity.

В рамках традиционной для медицины патерналистской модели взаимоотношений врача и пациента индивидуальный опыт больных, их эмоциональное восприятие и трансформация мировоззрения подвергались объективации и маргинализации. В современном литературоведении находит отражение интерес ряда ученых к чувствам и ощущениям пациентов и их отражению в повествовании. По мнению Е. Г. Трубецкой, «Обозначение "морбуальный" <...> включает в себя не только проблематику, в той или иной мере обусловленную взаимодействием врача и пациента, но и отношение к болезни самого больного, изменение его мировосприятия, поведения и связанных с этим философских и нравственных вопросов» [1, 48]. «Отсюда, — отмечает В. Лехциер, — желание пациента вернуть себе нарративную субъектность, а с ней и ответственность за самого себя, — желание, которое некоторые... связывают уже с эпохой постмодерновой медицины» [2, 121]. В статье большое внимание сосредоточено на обра-

зах пациентов в качестве субъектов повествования в рассказах И. С. Шмелева «Милость преподобного Серафима» и «Свет разума» с трех точек зрения: внутреннего мира пациента, реконструкции семантики болезни, осознания роли ответственности за выздоровление самого пациента.

Важным подходом к восприятию образа пациента является анализ его внутреннего мира. «Этот нарратив имеет и этические, и религиозные, и сциентистские компоненты — это внутреннее усилие, концентрирующее всю личность» [3, 192]. Наиболее ярко это отразил И. С. Шмелев в рассказе «Милость преподобного Серафима», где подробно изображается сам ход болезни от первого лица — от его выявления до выписки из больницы. Рассказчик не только ощущает физическое страдание, вызванное самой болезнью или процессом лечения, но и выражает психологическую тоску, чувство одиночества, усиленное больничной палатой, и сомнение в профессиональной медицине. Стоит отметить, что вскрывается парадоксальная истина: медицина не только не облегчила страдания пациента, но и стала источ-

ником дополнительных страданий, обрекая больного на двойную боль — от самой болезни и от ее лечения: «Мне исследовали кровь <...> было сделано 12 снимков желудка <...> Меня измучили: мне выворачивали внутренности...» [4, 133]. Следовательно, становится понятно, почему пациенты бесосознательно ожидают худшего. «Я просил — только скорей режьте, всё равно... скорей только. А что дальше? Этого “дальше” для меня уже не существовало: дальше — конец, конечно» [4, 133]. Проблема заключается в том, что «врач не в состоянии воспринять пациента как человека, а воспринимает его как случай, объект» [3, 191].

Более того, субъективный опыт пациента не вызывает больничную палату с восстановлением здоровья. «Морбуальный топос (больница, госпиталь, санаторий) характеризуется замкнутостью (пространственной, психологической, предметной), унификацией цвета. В большинстве случаев пространство больницы/госпиталя осмысливается как обезличенное, отчуждающее пациента от прошлой жизни и привычных вещей» [5, 374]. В большинстве случаев пустые палаты заставляют больных чувствовать себя одинокими, беспомощными и грустными. Такое чувство особенно усиливается, когда человек находится в заграничной больнице и в окружении иностранных врачей и пациентов. «Я один в светлой большой палате — в дальнем углу какой-то молодой американец» [4, 138]. В данном контексте, учитывая внутреннюю жизнь образа пациента, подчеркивается, что больной изображен не столько как объект медицинского наблюдения, сколько как субъект переживания, страдания и сомнения.

Болезнь играет замечательную роль в духовном саморазвитии человека. В. Ф. Стенина отмечает: «В средневековых произведениях недуг воспринимается как наказание за грехи» [6, 17]. Однако принципиально иная картина наблюдается при анализе семантики болезни в рассказах И. С. Шмелева: она рассматривается не как пассивное наказание, а как активное самосовершенствование субъекта. Здесь болезнь способна влиять как на действие, так и на мышления персонажей. «Болезнь делит жизнь человека на “до” и “после” <...> не только причиняют физические страдания, изменяют привычный быт самих пациентов и их близких, но и приводят к переосмыслению жизненных ценностей, внутренне преобразуют героев» [5, 237]. Убедительным примером этого является Иван Иванович в произведении «Свет разума»: «В тот же вечер без памяти свалился. Сорок градусов! Три дня без памяти <...> Лежит наш дурачок Иваныч, и свечка восковая при нем горит, у иконы Спасителя. Плачет: <...> “Я был православный — и останусь!”» [4, 38-39]. Недуг играет двойную роль: он не только прерывает греховное отступничество от Бога и осквернение веры, но и приводит к осознанию отклонения от духовной нормы.

Стоит отметить, что через болезнь в рассказчике происходит духовная эволюция, укрепляется его вера: «Дал слово всенародно исповедать веру» [4, 39]. Учитель в существе возвращается к своему изначальному состоянию гармонии с высшими силами. Подобная ситуация проявляется в случае пациента-рассказчика в рассказе «Милость преподобного Серафима»: «Уверенность, что он со мной, что я в его опеке — могущественнейшей опеке, — во мне все крепнет, влилась в меня и никогда не пропадет, я знаю» [4, 139]. «Очевиден переход персонажа-пациента из секулярного в сакральный для православной ментальности литургический локус» [7, 269].

Пациент берет на себя ответственность за выздоровление. В то же время в рассказах И. С. Шмелева профессиональная медицина может отсутствовать или сводиться к минимуму. Наиболее яркий пример можно видеть в рассказе «Свет разума», где такие внешние факторы, как медицинские процедуры, лекарства или операции намеренно не упоминаются. Более того, в произведении «Милость преподобного Серафима» старые заболевания рассказчика обостряются настолько, что врач-специалист считает операцию неизбежной и рекомендует провести ее как можно скорее. Однако после искренней молитвы перед операцией герой чудом исцеляется. Во сне рассказчика французские буквы на снимке превращаются в знакомые русские буквы «Св. Серафим». «Я тут же проснулся или пришел в себя. Болей не было. Спокойствие во мне было, будто свалилась тяжесть» [4, 136]. «И этим словом был не только разговор знахаря или церковный молебен за здоровье, но и собственный внутренний голос больного. <...> Тем самым эмпирически очевидно, что “внутренний нарратив” пациента, т.е. его настрой на жизнь и выздоровление или на болезнь и смерть, является одним из ключевых факторов протекания болезни» [3, 192]. Иначе говоря, исцеление происходит благодаря духовному преображению самого пациента, в то время как образ врача в медицинских сюжетах теряет авторитет, переходя на второстепенный уровень: «...больной нуждается не столько в помощи профессионального медика или даже народного лекаря, сколько в глубинном внутреннем осознании собственной греховности и осуществлении попытки выстроить свою жизнь по законам евангельских ценностей» [8, 210].

Важно отметить, что образы пациентов изображены в контексте христианской веры: они по традиции молятся и обращаются к Богу при появлении и обострения заболеваний, чтобы облегчить свое состояние и ускорить выздоровление. Рассказчик («Милость преподобного Серафима») по православному обычаю подготовился к смерти, а во сне он получил божественное откровение, которое указало ему путь к выздоровлению. Иван Иванович («Свет разума»), страдающий от высокой темпе-

ратуры, ложился у иконы Спасителя, рядом с которой горела свеча. Он уже стоял на краю между жизнью и смертью, но искреннее покаяние низвело на него чудо — и плоть обрела исцеление. Произведения И. С. Шмелева заканчиваются возвращением пациента в здоровое состояние. В упомянутых рассказах божественное откровение словно частично или полностью берет на себя функцию исцеления, заменяя врача и медицинскую помощь. По сути, ответственность за исцеление не перекладывается с врача на Бога, а ложится на самого пациента — ведь только достигнув духовного роста, он получает Божье откровение. «Это нарушало устоявшуюся патерналистскую модель взаимодействия врача и пациента, построенную на строгой иерархии, когда врач, обладающий полнотой знания, брал на себя всю ответственность за тактику лечения» [9, 210].

Таким образом, фокусируясь на внутренней жизни пациентов и ее отражении в повествовании в художественных произведениях И. С. Шмелева, мы подчеркиваем субъектность образов пациентов, которые долгое время находились в объективном и маргинальном состоянии. В этом новом ракурсе переосмысливается семантика болезни, она рассматривается не столько как медицинский случай, сколько как личное внутреннее ощущение и чувство пациента. Через болезнь, как бифуркацию, персонажи совершают духовное самосовершенствование и возвращаются к самому началу. Предлагается идея возвращения ответственности за выздоровление в руки самого пациента. Понимание субъективного опыта больных имеет решающее значение для ревизии патерналистской модели взаимоотношений врача и пациента. В то же время и сами пациен-

ты принимают ответственность за свое состояние, а не перекладывать ее целиком на врачей и медицинские учреждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкова Е. Г. К вопросу о морбуальном коде русской литературы / Е. Г. Трубецкова // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2021. — № 467. — С. 47-54.
2. Ларше Ж. К. Болезнь в свете православного вероучения / Ж. К. Ларше. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. — 176 с.
3. Семенов В. Е. Болезнь как соматический и экзистенциальный феномен / В. Е. Семенов // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. — 2019. — № 32 (2). — С. 188-193.
4. Шмелев И. С. Повести и рассказы / И. С. Шмелев. — М.: Ника, 2015. — 416 с.
5. Трубецкова Е. Г. Морбуальный код русской литературы XX-XXI вв.: дис. ... д-р. филол. наук / Е. Г. Трубецкова. — Саратов, 2022. — 477 с.
6. Стенина В. Ф. Мифология болезни в прозе А. П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук / В. Ф. Стенина. — Самара, 2006. — 224 с.
7. Леонов И. С. Морбуальный код в рассказах И. С. Шмелева и В. Н. Лялина / И. С. Леонов // Новый филологический вестник. — 2024. — № 3 (70). — С. 269-278.
8. Леонов И. С. Образы врача и пациента в прозе И. С. Шмелева и В. Н. Лялина / И. С. Леонов // Проблемы исторической поэтики. — 2024. — № 22 (4). — С. 199-213.
9. Трубецкова Е. Г. «Записки врача» В. Вересаева в контексте этических проблем современной медицины / Е. Г. Трубецкова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. — 2020. — № 20 (2). — С. 207-211.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Сунь Ихань, аспирант

E-mail: syh221999@gmail.com

Pushkin State Russian Language Institute

Sun Yihan, Postgraduate Student

E-mail: syh221999@gmail.com

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР В ВУЗОВСКОЙ СРЕДЕ: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Л. Р. Фионова, С. К. Кучигина, О. Ю. Ладанова

Пензенский государственный университет

Поступила в редакцию 25 декабря 2024 г.

Аннотация: авторами рассматривается специфика языковых функциональных подстилей, определяющих структурно-языковые особенности документа Коллективный договор, что составляет предмет исследования. Дается описание языковых особенностей анализируемого документа с учетом особенностей системы административно-ведомственных коммуникаций, в которые вовлечены действующие в вузовской организации административные единицы, структурные подразделения, ведающие служебной перепиской.

Ключевые слова: коллективный договор, официально-деловой стиль, язык и стиль коллективного договора, трудовые отношения, работник, работодатель.

Abstract: the authors consider the specificity of linguistic functional sub-styles that predetermine the structural and linguistic features of the document Collective Agreement, which is the subject of the study. A description of the linguistic features of the analyzed document is given, taking into account the features of the system of administrative and departmental communications, which involve administrative units operating in the university organization, structural divisions in charge of official correspondence.

Keywords: collective agreement, official business style, language and style of the collective agreement. labor relations, employee, employer.

Введение. Коллективный договор как документ, регулирующий трудовые отношения, имеет большое значение для каждой организации [1]. Именно этот документ определяет характер процессов письменной коммуникации, структуру внутреннего и внешнего взаимодействия сотрудников вуза.

Языковое исследование языковой структуры документа Коллективный договор позволяет совершенствовать инструмент взаимодействия между участниками коммуникативных процессов в вузе. В этой связи важно исследовать процессы письменной коммуникации, которые определяют формат социально ориентированной структуры вуза, приоритетные векторы взаимодействия административного корпуса и структурных подразделений.

Методы исследования. Коллективный договор, как уже отмечалось, является инструментом взаимодействия между участниками коммуникативных процессов и имеет свою языковую специфику. Это предполагает на исследовательском уровне применение методов аналитики:

— композиционный анализ, основанный на исследовании языковых средств (структура и тип речи, стилистика, лексика, форма и содержание материалов и пр.);

— лингвистический анализ (определение характера лексики, смысловой нагруженности текста доку-

мента, окраски и уместности использования специальных терминов, применяемых в вузовской среде);

— дискурсный анализ (позволяет оценить современное состояние текста документа в устной и письменной формах (грамматика, логика, синтаксис и пр.).

Основная часть. Рассмотрим стиль документа на примере вышеупомянутого коллективного договора ПГУ.

В рамках официально-делового стиля выделяют подстили, они конструируются с учетом специфики функционирования системы административно-ведомственных коммуникаций, на которые ориентирована действующая в вузовской организации канцелярия, ведающая служебной перепиской. Первые попытки применения строгой классификации были предприняты в середине прошлого столетия советскими учеными, затем работа в указанном направлении была продолжена российскими исследователями в области функциональных стилей русского языка [6].

Административно-правовой подстиль применяется в таких жанрах, как заявление, доверенность, расписка, приказ, распоряжение, протокол, повестка, циркуляр, характеристика, автобиография, резюме, договор, контракт. В этой связи следует упомянуть о необходимости соблюдения приоритетов оперативности и четкости оформления актов в зависимости от специфики реализации документов, целей и задач конструирования текстов.

Во внутривузовской среде ведение делопроизводства осуществляется с помощью ресурсов административно-правового подстиля. Эта практика реализуется с учетом действующего формата взаимодействия структурных подразделений, формата коммуникаций со сторонними субъектами. Тексты правовых актов должны демонстрировать не только юридически грамотные выстроенные формулировки, отражающие особенности речевого письменного взаимодействия на уровне взаимодействия подразделений, формата внешневузовских коммуникаций, но также языковое качество с учетом специфики подстиля.

В частности, следует отметить особенности построения предложений, отражающих специфику межвузовской среды, формат взаимодействия представителей организации со сторонними субъектами (государственными и коммерческими структурами, частными лицами). Это демонстрируется такими лексическими маркерами, как «условия трудового договора», «трудовые отношения между Работником и Работодателем», «требования к работнику», «обсуждение условий договора и возникновение споров» и прочими маркерами (рисунок 1).

сы работников, прежде всего в области оплаты труда, величины учебной нагрузки ППС, социально трудовых гарантий.

Раздел 2. ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ТРУДОВОЙ ДОГОВОР И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАНЯТОСТИ

2.1. Трудовые отношения между работником и Работодателем регулируются трудовым договором, заключенным в письменной форме в соответствии с ТК РФ, Отраслевым соглашением и настоящим Коллективным договором. Работники университета в своей трудовой деятельности руководствуются также Уставом университета, Правилами внутреннего трудового распорядка, утвержденными должностными инструкциями, индивидуальными планами работы, локальными нормативными актами, приказами по университету.

2.2. Прием на работу и увольнение работников осуществляются на основании ТК РФ, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, утверждаемого в порядке, устанавливаемом уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, Порядка проведения конкурса на замещение должностей научных работников, определяемого федеральным органом исполнительной власти, и настоящего Коллективного договора.

2.3. Прием на работу оформляется трудовым договором. Ректор (первый проректор) вправе издать на основании заключенного трудового договора приказ о приеме на работу.

Содержание приказа о приеме на работу должно соответствовать условиям заключенного трудового договора. В случае издания приказа о приеме на работу, он объявляется работнику под роспись. По требованию работника Работодатель обязан выдать ему надлежаще заверенную копию указанного приказа.

2.4. Трудовой договор заключается в письменной форме, составляется в двух экземплярах, каждый из которых подписывается ректором (первым проректором) и работником. Один экземпляр трудового договора передается работнику, другой хранится у Работодателя. Получение работником экземпляра трудового договора должно подтверждаться подписью работника на экземпляре трудового договора, хранящемся у Работодателя.

2.5. Трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению уполномоченного на это представителя Работодателя. При фактическом допущении работника к работе университет обязан оформить с ним трудовой договор в письменной форме не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения работника к работе.

2.6. Условия трудового договора не могут ухудшать положения работника по сравнению с действующим трудовым законодательством, а также Генеральным и Отраслевым соглашениями, Коллективным договором. Условия трудового договора работника согласовываются с Профкомом. При обсуждении условий договора и возникновении споров относительно выполнения сторонами его условий работник может обратиться за консультациями в Профком.

2.7. Изменение определенных сторонами условий трудового договора, в том числе перевод на другую работу, допускается только по соглашению между работником и Университетом, за исключением случаев, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации, с учетом положений Коллективного договора и оформляется заключением Дополнительного соглашения к трудовому договору, заключенному с работником.

Рисунок 1 — фрагмент документа «Коллективный договор» ФГБОУ «Пензенский государственный университет» на 2022-2025 гг.

2. Дипломатический подстиль отражает коммуникационные особенности в дипломатической сфере за счет использования терминов в виде прямых языковых калек, например «консенсус», «коммуни-ке», «демарш», «атташе», «меморандум».

3. Юрисдикционный — проявляется за счет характерного употребления юридических терминов «истец», «ответчик», «предъявитель», «ответственность», «суд».

4. Законодательный подстиль демонстрирует особенности формирования федеральных, регио-

нальных, локальных нормативных актов, к примеру, «Закон Российской Федерации», «ГОСТ», «Указ», «Постановление».

С точки зрения правовых основ, языковой четкости и определенности выражений составления, толкования документов важно осуществлять подбор языковых средств с учетом обновленных редакций нормативных актов, ситуативных изменений в правовой среде, воли законодателя, специфики подстиля. В этой связи важно ориентироваться на показатели специальной лексической маркиро-

ванности документов (например, на термины, принятые в вузовской среде, такие как «профессорско-преподавательский состав», «учебная нагрузка», «ученое звание»).

Констатирующая часть документа Коллективный договор оформлена в строгом соответствии с требованиями русской пунктуации (разделы, пункты разделов пронумерованы арабскими цифрами).

Коллективный договор относится к административно-правовому подстилю официально-делового стиля [8]. В этой связи следует упомянуть о необходимости соблюдения приоритетов оперативности и четкости оформления акта в зависимости от специфики реализации документов, целей и задач конструирования текста.

В целях анализа лексических, морфологических, синтаксических, стилевых особенностей нормативного акта, формируемых и применяемых в вузовской среде, следует анализировать такие аспекты как:

Логичность изложения (применяется конструктивная схема «тезис1 — аргумент1 — аргумент2» — «тезис2 — аргумент1 — аргумент2» и т.п.). На схеме 1 представлена данная конструктивная схема на примере документа «Коллективный договор» ФГБОУ «Пензенский государственный университет» на 2022-2025 гг.

Конструктивная схема предложения «тезис1-аргумент1-аргумент2»

Тезис 1	Аргумент 1	Аргумент 2
Трудовые отношения между работником и Работодателем регулируются трудовым договором	заключённым в письменной форме в соответствии с ТК РФ,	/заключённым/ соглашением и настоящим Коллективным договором
Приём на работу и увольнение работников осуществляются	на основании ТК РФ, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»,	/на основании/ Положения о порядке замещения должностей педагогических работников,

Схема 1 — Конструктивное построение предложений по типу «тезис1 — аргумент1 — аргумент2» в документе «Коллективный договор» ФГБОУ «Пензенский государственный университет» на 2022-2025 гг.

Приоритет простых предложений, поскольку важно отразить нормативно закрепленный порядок действий за счет императивов преимущественно без дополнительных описательных конструкций (например, «2.3. Прием на работу оформляется трудовым договором. Ректор (первый проректор) вправе издать на основании заключенного трудового договора приказ о приеме на работу»).

Композиция текста Коллективного договора отличается унифицированностью и соответствием набору государственных стандартов, устанавливающих общие требования к содержанию и форме документа.

3. Текст Коллективного договора стереотипизирован, представлен в строгом соответствии с типовым формуляром.

Предложениям свойственен прямой порядок слов (например, «Трудовые отношения между работником и работодателем регулируются трудовым договором», рисунок 1), а также преобладание сочинительной связи над подчинительной, что отражает констатирующий характер изложения, требующий дополнений и перечислений (например, «Условия трудового договора не могут ухудшать положения работника по сравнению с действующим трудовым законодательством, а также Генеральным и Отраслевым соглашениями, Коллективным договором», рисунок 1). Характерно использование односоставных предложений, которые в рамках административно-правового подстиля выстраиваются схематично «мотивирующая часть (обоснование) + действие (глагольные формы) + предмет действия», (схема 2).

Конструкция односоставных предложений в рамках административно-правового подстиля

Мотивирующая часть (обоснование)	Действие	Предмет действия
Прием на работу По требованию работника	оформляется Работодатель обязан выдать	трудовым договором надлежаще заверенную копию подписью работника
Получение экземпляра договора	работником должно подтверждаться	

Схема 2 — Конструирование односоставных предложений в рамках административно-правового подстиля

4. Особенности согласования существительного, выраженного субъектными формами, и определения по типу «приложение + главное существительное (субъект) + определение (в виде причастного оборота)», например «в лице ректора ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» Гулякова Александра Дмитриевича, действующего на основании Устава университета и трудового законодательства РФ».

В тексте Коллективного договора наблюдается высокая частотность употребления глагольных форм, их преобладание над другими частями речи (например, «оформляется», «регламентируются», «не могут ухудшать» и др.).

5. Терминологичность обеспечивает экстралингвистическую детерминированность, необходимую в нормативных актах с точки зрения требований стандартизации и унификации, например использованные в анализируемом документе термины «договор», «подпись», «экземпляр».

6. Отсутствие субъективных оценочных суждений, которые заменяются объективными формулировками типа «адекватно трудовому вкладу», «качественный труд», «работодатель признает работу в качестве председателя профсоюзной организации и в составе профсоюзного комитета значимой» и проч.).

7. В тексте Коллективного договора наблюдается частотность употребления существительных в категории «лицо по роду деятельности» (например, «Работник», «Работодатель», «ректор» и др.), что можно соотнести с именным характером письменной речи, что составляет морфологическую особенность языковой конструкции текста и отражает приоритет объект-предметного характера взаимодействия участников договора.

8. В тексте Коллективного договора следует отметить высокую частотность употребления отглагольных абстрактных существительных с суффиксом -ени- (например, «изменение», «замещение», «соглашение» и др.), что способствует усилению признака концентрации действия, усиления процессного аспекта в формулировке предложений.

9. Именной характер деловой речи в тексте Коллективного договора выражается также в использовании отыменных предлогов и союзов (например, «с учетом», «за исключением»), что важно в деле создания конструкций описательно-констатирующей и процессуально значимой специфики.

10. В тексте Коллективного договора наблюдается частотность употребления относительных прилагательных (например, «профессорско-преподавательский», «научный», «педагогический» и др.), что отражает необходимость подчеркнуть стереотипизированность документа за счет номинативных языковых единиц.

11. В тексте Коллективного договора заметно широкое использование номенклатурной лексики (например, «ректор», «профессорско-преподавательский состав», «работник», «работодатель» и др.), которая, в отличие от других видов документов, персонифицирована, поскольку отражает специфику коллективного взаимодействия.

12. Лексика документа Коллективный договор насыщена канцеляризмами (например, «договор заключается в письменной форме», «оформляется в двух экземплярах»), содержит аббревиатуры (например, ТК РФ, ФГБОУ ПГУ и др.), слоговые сокращения (например, «Профком»), что обеспечивает компрессионность речевых конструкций.

Особо следует отметить стандартизированность лексической сочетаемости слов (например, «условия трудового договора», «трудовые отношения между Работником и Работодателем» и др.), что позволяет реализовать жанровую специфику документа.

13. Поскольку основная функция Коллективного договора — организационная, то в тексте документа следует отметить высокую частотность императивных конструкций со значением констатации фактов (например, «Трудовой договор заключается в письменной форме, оформляется в двух экземплярах», «Трудовые отношения между работником и Работодателем регулируются трудовым договором»).

В этой связи важно акцентировать внимание на общих рекомендациях специалистов в области языка в отношении расстановки приоритетов (применение глаголов и отглагольных существительных) при конструировании предложений в административно-правовом подстиле в тех случаях, когда это ситуативно оправдано. Так, преимущественное использование отглагольных существительных способствует большей концентрации эффекта действия, например «условия согласовываются» — «условия подлежат согласованию» по сравнению с эффектом процесса (в случае выбора глагольных форм).

При этом следует учитывать сформированные лингвистические аспекты законодательной техники, способствующей достижению стиливого единства текста нормативного акта.

В последние десятилетия активно применяются разработки научно обоснованных рекомендаций, касающихся регламентированного учета трудоемкости работ в документной сфере [3] (в том числе и лексикографических [4]), жанрово-функциональной однородности текстов нормативных актов, в том числе и коллективного договора. Это делает язык документа более простым в использовании, а значит, содержание коллективного договора — более понятным.

Результаты исследования, область применения результатов. Языковые особенности текстов документов — тема, в основном, представленная в контексте теоретических оснований лингвистических технологий [9]. Последние работы прикладного характера десятилетней давности, посвященные вопросам создания документных текстов, не отражают жанровой специфики документов, используемых в вузовской среде [8, 9]. Исследовательские работы, посвященные аспектам создания текста конкретного документа «Коллективный договор», в настоящее время в научной среде не представлены.

Анализ языковой структуры документа Коллективный договор, обоснование принципов стиливых трансформаций нормативного акта в современной внутривузовской среде позволяет совершенствовать работу специалистов, занимающихся конструированием текстов локальных нормативных актов с учетом целей и условий профессиональных коммуникаций.

Заключение. В работе была проанализирована языковая структура документа Коллективный договор, а также условия стиливых трансформаций нормативного акта в современной внутривузовской среде. Важно продолжать исследовательскую работу в направлении аналитики процессов письменной коммуникации, которые определяют формат социально ориентированной структуры вуза, приоритетные векторы взаимодействия административного корпуса и структурных подразделений.

Авторами было установлено, что Коллективный договор как жанр организационной документации характеризуется как общими для документных текстов особенностями, так и специфическими чертами, обусловленными решением задач по координации деятельности вуза.

На исследовательском уровне был представлен процесс реализации функции регулирования и решения практических организационных задач, мотивирующих отбор и функционирование разноуровневых языковых средств в структуре текста Коллективного договора на уровне сформированной жанровой специфики.

Методом языкового анализа было установлено, что основными закономерностями функционирования языковых средств в структуре текста Коллективного договора являются строгая регламентация и унификация текстовых компонентов, на композиционном уровне была установлена предельная точность, не допускающая употребления иностилевых элементов с эмоционально-экспрессивной окраской.

Текст документа Коллективный договор составлен с учетом предпочтений языковым единицам с определенными синтаксическими, морфологическими, лексическими характеристиками. Дальнейшая стилиевая трансформация документа Коллективный договор происходит с учетом целей и условий профессиональных коммуникаций между работниками и работодателями в исторически сложившихся корпоративных сферах, подсферах общения, что позволит в дальнейшем расширить исследовательские границы. На эти процессы также в значительной степени влияют аспекты усложнения социальной и деятельности структуры вуза, факторы возникновения новых приоритетных видов деятельности, отражающиеся на языковой специфике документации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллективный договор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пензенский государственный университет» на 2022-2025 гг. — Режим доступа: https://profsotr.pnzgu.ru/files/profsotr.pnzgu.ru/kollektivnyy_dogovor.pdf
2. Алонцева Н. В. Лексико-грамматические особенности дипломатических текстов официально-делового стиля / Н. В. Алонцева // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. — 2003. — № 11. — С. 7-15.
3. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / И. В. Арнольд. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
4. Баженова Е. А. Функционально-стилистические исследования профессора М. П. Котюровой / Е. А. Баженова // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. Т. 11. Вып. 2. — С. 5-12, 2019. DOI 10.17072/2073-6681-2019-2-5-12
5. Винокур Т. Г. Употребление языка как основной предмет стилистики // Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный. аспект стилистики текста / В. Н. Виноградова, Т. Г. Винокур, Л. И. Еремина и др.; Отв. ред. А. Н. Кожин. — М.: Наука, 1987. — С. 18-27.
6. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — М.: Наука, 1955. — № 1. — С. 73.
7. Дускаева А. Р., Протопопова О. В. Стилистика официально-деловой речи / А. Р. Дускаева, О. В. Протопопова. — М.: Академия, 2011.
8. Кольчугина Е. В. Языковые параметры документного текста на примере жанра приказа. Магистерская диссертация / Е. В. Кольчугина. — Тольятти: ТГУ, 2016.
9. Кушнерук С. П. Теория современного документного текста. Автореферат дис. ... д-ра филол. наук / Кушнерук С. П. — Волгоград: ГОУ ВПО, 2008.
10. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. — С. 45.
11. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — С. 87.
12. Салимовский В. А. Функциональная стилистика как речеведение / В. А. Салимовский // funktsionalniy Vestnik Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 5 (11). 2010. — С. 94.
13. Петрищева Е. Ф. Функциональная и стилистическая дифференциация речи / Е. Ф. Петрищева // Мировая наука. № 8 (8). — 2017. — С. 5-11.
14. referenceS
15. Kollektivny`j dogovor Federal`nogo gosudarstvennogo byudzhnogo obrazovatel`nogo uchrezhdeniya vy`sshego obrazovaniya «Penzenskij gosudarstvenny`j universitet» na 2022-2025 gg. https://profsotr.pnzgu.ru/files/profsotr.pnzgu.ru/kollektivnyy_dogovor.pdf
16. Alonceva N. V. Leksiko-grammaticheskie osobennosti diplomateskix tekstov oficial`no-delovogo stilya // Vestn. Min. gos. lingvist. un-ta. Ser. 1. Filologiya. — 2003. — № 11. — С. 7-15.
17. Arnol`d I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual`nost`: Sbornik statej. -Spb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999.
18. Bazhenova E. A. Funkcional`no-stilisticheskie issledovaniya professora M. P. Kotyurovoj // Vestnik Permskogo universiteta: Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. T. 11. Vy`p. 2. S.5-12, 2019. DOI 10.17072/2073-6681-2019-2-5-12
19. Vinokur T. G. Upotreblenie yazy`ka kak osnovnoj predmet stilistiki // Stilistika russkogo yazy`ka: Zhanrovo-kommunikativny`j aspekt stilistiki teksta / V.N. 4.Vinogradova, T. G. Vinokur, L. I. Eremina i dr.; Otв. red. A. N. Kozhin. — М.: Nauka, 1987. — С. 18-27.
20. Vinogradov V. V. Itogi obsuzhdeniya voprosov stilistiki // Voprosy` yazy`koznaniya. Moskva: Nauka, № 1.S. 73, 1955.
21. Duskaeva A. R., Protopopova O. V. Stilistika oficial`no-delovoj rechi. — М.: Izdatel`skij centr «Akademiya», 2011.
22. Kol`chugina E. V. Yazy`kovy`e parametry` dokumentnogo teksta na primere zhanra prikaza. Magisterskaya dissertaciya. Tol`yatti: TGU, 2016.
23. Kushneruk S. P. Teoriya sovremennogo dokumentnogo teksta. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni

doktora filologicheskikh nauk. — Volgograd: GOU VPO, 2008.

24. Matveeva T. V. Funkcional'ny'e stili v aspekte tekstovy'kh kategorij. -Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1990. S.45.

25. Moskal'chuk G. G. Struktura teksta kak sinergeticheskij process. — М.: Editorial URSS, 2003. S.87.

26. Salimovskij V. A. Funkcional'naya stilistika kak rechevedenie // funktsionalniy Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. Vy'p. 5 (11). 2010. S.94.

27. Petrishheva E. F. Funkcional'naya i stilisticheskaya differenciatsiya rechi // Mirovaya nauka. № 8 (8). 2017. S. 5-11.

Пензенский государственный университет,

Фионова Л. Р., доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного обеспечения управления и производства

E-mail: lrfionova@mail.ru

Кучигина С. К., к.ф.н., доцент кафедры информационного обеспечения управления и производства

E-mail: u4igina@yandex.ru

Ладанова О. Ю., к.п.н., доцент кафедры информационного обеспечения управления и производства

Penzenskij gosudarstvennyj universitet,

Fionova L. R., professor, head of the Department of Information Support for Management and Production

E-mail: lrfionova@mail.ru

Kuchigina S. K., Associate Professor of the Department of Information Support for Management and Production

E-mail: u4igina@yandex.ru

Ladanova O. Y., Associate Professor of the Department of Information Support for Management and Production

БАШКИРСКИЕ ЧЕТЫРЕХСТРОЧНЫЕ ПЕСНИ: ГЕНЕЗИС, ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ, КЛАССИФИКАЦИЯ

А. М. Хакимьянова

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Аннотация: башкирский песенный фольклор представляет собой богатейшее наследие, характеризующееся многообразием жанров, тем и художественных приемов. В центре внимания данной статьи находятся четырехстрочные песни (кыска йырзар) — уникальный жанр, сочетающий в себе краткость формы и глубину содержания. Автор предлагает комплексный анализ этих песен, охватывающий вопросы их происхождения, классификации, места в системе башкирского фольклора.

Ключевые слова: фольклор, башкирский, жанр, песня, анализ.

Abstract: Bashkir song folklore is a rich heritage characterized by a variety of genres, themes and artistic techniques. The focus of this article is on four-line songs (kyska yirzar), a unique genre that combines brevity of form and depth of content. The author offers a comprehensive analysis of these songs, covering the issues of their origin, classification, and place in the system of Bashkir folklore.

Keywords: Folklore, Bashkir, genre, song, analysis.

В башкирском фольклоре чрезвычайно богато представлена народная песня (йыр). Наряду с кубаирами-эпосами она занимает выдающееся место в духовной культуре народа. Песня — жанр, объединяющий два самостоятельных вида искусства — музыку и поэзию, органическое единство которых составляет специфическую особенность данного жанра. Народные песни башкир богаты и разнообразны как по содержанию, так и по форме бытования и выполняемым в жизни функциям. Помимо традиционных башкирских песен с определенным названием и своей мелодией, также популярны четырехстрочные песни без названия. В народе их называют «кыска йырзар» (короткие песни), «дүртюллы йырзар» (четырёхстрочные песни) и поскольку их можно исполнить под любой понравившийся мотив, также распространено название «төрлө йырзар» (разные песни). В зависимости от количества слогов в тексте, четырехстрочные песни можно разделить на протяжные и короткие песни. Протяжные песни имеют десяти-девятисложный размер стиха, в то время как короткие песни состоят из семи-семисложного или восьми-семисложного ритма.

Говоря о происхождении четырехстрочных песен, примечательно следующее мнение известного фольклориста С. А. Галина: «становление разных песен как отдельного вида творчества неразрывно связано с судьбой именных песен. Ослабление в определенных исторических условиях традиций точного исполнения именных песен привело к их сюжетно-композиционному распаду, поведшему впоследствии

к самостоятельному существованию некоторых их строф, особенно тех, которые ближе всего соответствуют личным переживаниям исполнителей» [1, 9]. При этом нельзя не учитывать и то, как меняется манера исполнения старинных песен, и какой уровень певческого мастерства у них был. Судя по записям И. Лепехина, в старину певец не только пел, но и воспроизводил его содержание своими телодвижениями [2, 129]. В этих условиях все строфы песни повторялись по мере ее исполнения, а позднее манера исполнения постепенно менялась.

При исполнении протяжных песен певец обычно выбирает и поет только одну высокую в художественном отношении строфу песни, которая ему нравится и близка по замыслу. Это приводит к сюжетно-композиционному распаду песни и исчезновению в ней логической последовательности. В результате отдельные строфы песни начинают существовать относительно самостоятельно. Во-первых, можно предположить, что таким образом проходило происхождение различных песен. Об этом свидетельствует и тот факт, что значительная часть четырехстрочных песен имеет в своем составе именные и сюжетные, особенно лирического содержания. Во-вторых, можно сказать, что импровизация сыграла огромную роль в формировании четырехстрочных коротких песен. Если большинство песен с названиями имеют в основе какой-либо сюжет и представляют собой целое событие, явление, то четырехстрочная песня передает один яркий момент человеческих чувств, переживаний. Под воздействием сильных чувств в душе человека может внезапно возникнуть песня из четырех строк. Именно к таким песням, по сути,

больше всего подходят следующие слова Р. Г. Игнатьева: «Башкирские народные песни по большей части импровизационные; их мотивы тоже импровизированные. <...> Башкир импровизирует свои песни и мотивы, когда одинок, всего более в дороге. Едет мимо леса — поет про лес, мимо горы — про гору, мимо реки — про реку и т.д.» [3, 281].

По природе четырехстрочные песни в основном лирического характера. Они не только изображают и показывают то или иное явление, но и раскрывают мировоззрение певца, его отношение к жизни, его мысли, душевные переживания и чувства. По своему поэтическому строю, выразительности и поучительности четырехстрочные песни в какой-то мере созвучны с рубаи с философским содержанием в лирической поэзии народов Востока. Многие башкирские фольклористы подчеркивают их тесную связь. По мнению С. А. Галина, близость этих двух жанров заключается не только в их внешнем сходстве (например, стихотворном строе), они также отличаются своей самостоятельностью, философским смыслом, завершённой целостностью замысла [1, 8]. Б. С. Бамимов отмечает, что, «сохраняя ритмическую структуру традиционных узун-күй (протяжная мелодия) (10-9 слогов), порядок рифмы рубаи (1, 3, 2, 4 строки) и используя параллелизм (логический и образный), певец-импровизатор вкладывает в эту музыкально-поэтическую форму плод долгих раздумий и переживаний — глубокую афористическую мысль. Иногда в куплете присутствуют элементы и факты действительности, явления природы, картины быта и т.д. В этом случае на каждый описываемый эпизод накладывается обобщенная, заставляющая задуматься мысль. Поэтому нередко содержание этих куплетов приобретает глубокий философский характер» [4, 135]. Например:

Бүзәнәкәй, тигән, ай, ялбыр кош,
Йүгерә лә төрлө юл менән.
Маңлайзарға язған Хак язмышын
Һыпырып ташлап булмай кул менән¹.
Перепел лохматая, ай, птица,
Бегае он разною дорогою.
Записанну на лбу судьбу
Невозможно ве́дь смахнуть рукою².

Основное содержание четырехстрочных песен, исполняемых на узун-күй, составляют размышления о Родине и родной земле, о вечности мира, сущности человеческой жизни. Как и в рубаи, в них большое место занимают темы нравственных проблем, любви.

Эти песни можно также сравнить с жанрами пословиц и поговорок. По стихосложению, смысловой остроте и ритмическому строю некоторые четверостишия напоминают поговорки:

¹ Примеры взяты из академического свода «Башкирское народное творчество».

² Здесь и далее подстрочный перевод автора.

Яман ирзәр үлер, ай, мал өсөн,
Якшы ирзәр үлер дан өсөн.
Плохие мужчины умирают, ай, из-за скота,
Хорошие мужчины погибают за славу.

Четырехстрочные короткие песни, основанные на восьми-семи, семи-семисложных размерах, исследователи зачастую путают с такмаками. По этому поводу А. Н. Киреев пишет: «Короткая песня несколько напоминает русские частушки. Но она не частушка, а песня, имеющая в большинстве случаев определенную мелодию, особую технику и манеру исполнения... Нельзя путать ее с такмаками, как часто допускают того исследователи. Такмак — это отдельный жанр, тесно связанный с процессом пляски, и высказывается он под ритм плясовой мелодии, а короткая песня поется и, чаще всего, хором» [5, 23]. Другой известный фольклорист А. И. Харисов отмечает, что короткие песни выделились из такмаков [6, 9]. В своих исследованиях М. М. Сагитов, С. А. Галин и М. А. Мамбетов подчеркивают тесную связь и жанровую близость четырехстрочных коротких песен и такмаков, также отмечают, что встречаются случаи существования одних и тех же четверостиший как песни и как частушки [7, 28]. По мнению музыковеда Р. С. Сулейманова, короткие песни и частушки связывают сходные мелодические черты, но они резко различаются по функциям и структуре [8, 220-224].

Как важное звено духовной культуры народа башкирские четырехстрочные песни всегда привлекали внимание ученых. Одним из первых известных сборников является рукопись, собранная М. Бикчуриным в 50-х годах XIX века³. В сборник вошло 53 строфы песен на различные мелодии. Песни, собранные М. Бикчуриным, преимущественно лирические, но среди них встречаются и куплеты, пронизанные патриотическими мотивами.

В 1870 году И. П. Покровский издал «Сборник башкирских и татарских песен», в который вошли преимущественно любовные песни [9]. В сборнике собраны 215 строф песен на арабской графике, которые одновременно переведены и на русский язык. В 1876 году опубликован подготовленный И. Березиным сборник «Турецкая хрестоматия», в которую вошли социально-бытовые, любовные, а также многие образцы исторических песен [10].

Усиление национального самосознания в начале XX века привело к активизации работы по сбору и изучению духовной культуры народа, в том числе его устного народного творчества. В результате к работе подключились писатели и ученые — выходцы из числа башкир. За короткое время на страницах газет и журналов были опубликованы десятки ста-

³ В сборник, который хранится в отделе редких книг научной библиотеки УФИЦ РАН, наряду с песнями вошли переводы некоторых басен Крылова, сказок, пословиц и загадок.

тей. В этот период Фазыл Туйкин проделал большую работу по сбору и печати песенного наследия башкир [11]. В 30-е годы XX века на страницах газеты «Башкортостан» (позднее «Красная Башкирия») массовый выпуск песен об обороне страны, Красной Армии, можно объяснить событиями в мире [12].

Благодаря стараниям студентов, краеведов и ученых, наряду со многими другими жанрами народного творчества, был собран богатый фонд четырехстрочных песен. Их издание началось с академического свода «Башкирское народное творчество» («Башкорт халык ыжады»). Во вторую книгу этой серии, посвященной песням (1977), наряду с такмаками и обрядовыми песнями вошли 1414 коротких песен-строф, исполняемых на разные мелодии. В книге автор, основываясь на тематическом принципе, делит разные песни на семь групп и уточняет, что «и в такой группировке есть определенная условность» [1, 10]. Сборник «Башкирское народное творчество» вышедший в 1981 году, содержит образцы баитов, песен и такмаков, широко распространенных в советский период, в которых воспевались Родина, Октябрьская революция, Советская власть, Коммунистическая партия и т.д. Они отражают пафос и идеалы того времени, предоставляя ценное свидетельство о жизни и настроениях советского общества [13]. Очередной том, изданный в 2022 г., включает в себя 2129 единиц четырехстрочных протяжных и коротких песен. В книге материал структурирован по тематике, предложенной С. А. Галиным, и включает в себя разделы: песни о Родине и родной стороне, о прошедшей жизни, о судьбе, о богатстве и чести егета, песни о родстве и дружбе, застольные песни и песни о любви [14].

Работа по сбору, систематизации и изданию образцов устно-поэтического творчества народа никогда не теряла своей актуальности и значимости. Прерванные в 90-е годы XX века фольклорные экспедиции возобновились в начале XXI века. Студентами Башкирского государственного университета (ныне — Уфимский университет науки и технологий), активизируется сбор фольклорных материалов. Благодаря усилиям Б. В. Орехова и А. А. Галлямова в начале 2000-х годов было создано электронное издание «Фольклорный архив Башкирского государственного университета», куда была перенесена большая часть собранных материалов [15].

Начиная с 2003 года по настоящее время сотрудниками Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН организовано более 40 фольклорных экспедиций в районы республики Башкортостан и в соседние регионы компактного проживания башкир. Материалы, собранные фольклористами по всем жанрам устного народного творчества, этнографии, языкознанию, истории, изданы в серии сборников «Экспедиционные материалы» [16].

Остановимся на характеристике каждой отдель-

ной подгруппы четырехстрочных песен.

Довольно большая группа песен посвящена родной стране, родной земле. Сильные эмоциональные чувства к Родине присущи каждому человеку и этносу в целом. Лирический герой воспекает густые леса, широкие долины, полноводные реки, глубокие озера Урала, поэтизированного как его Родина. Образ Урала в песнях вбирает в себя не только окружающие его явления природы, но и само понятие родной земли, дорогой всему народу, который здесь живет:

Урал ғына Урал, ай, тимәгез,
Уралыбыз ғына таш икән.
Уралыбыз безҙең шундай асыл,
Күҙ өстөндә торған каш икән.
Урал-Урал, ай, не говорите,
Наш Урал он каменит.
Урал наш такой драгоценный,
Словно бровь стоящая над глазом.

Песни о Родине имеют традиционное начало, сформировавшееся на протяжении веков, например: «Встану утром, выйду я на улицу...», «За Агидель рекою...» и т.д. встречается во множестве вариантов. Это объясняется тем, что одни и те же песни исполняются в разных регионах по одному и тому же сюжету. Песни, начинающиеся в форме «Долины прекрасной Агидели...», «Дивные долины Туяляса...» и т.п., по сути, представляют собой разные начала одной и той же песни.

Песни о жизни сильны своим философским смыслом. На жизненном опыте наш народ пришел к пониманию того, что мир прекрасен, что жизнь — это дар человеку который дается только один раз. «В песнях жизнь человека делится на три периода: жизнь прошлую, настоящую и оставшуюся. Пройденная жизнь в песнях — это промчавшийся крылатый конь, сладкий сон, сорванный цветок или оставшиеся воспоминания: *Йоколарҙа күргән бер төш кеүек, Был ғүмеркәйҙәрҙең үтөүе (Словно сладкий сон, Жизнь проходящая); ее нельзя купить за деньги: Һатып кына алып йәшәп булмай Үтөп кенә киткән ғүмерҙе (Увы, нельзя вернуть за деньги Ту жизнь, которая прожила); а оставшаяся жизнь — неразгаданная загадка: Уҙған ғүмерҙәрҙең билгеһе юҡ, Калған ғүмеркәйҙәр күмикән? (Жизни прошедшей не бывает знаков, Оставшейся — много ли дано?* [17, 85]. Накопленный из поколения в поколение жизненный опыт заставляет человека больше задуматься об оставшейся жизни, вселяет надежду на счастливое будущее, призывает не забывать о жизни, жить сообща, помогая друг другу.

Очень ярко в песнях выражена естественность рождения и смерти. «Движение жизнь — смерть в песнях не является пугающим, все течет совокупно» [17, 88]:

Берәү генә тыуа, берәү үлә,
Тыуып-үсеп, күптәр юғала.
Үлтерергә булғас, ник тыуырҙың,
Был вафаһыҙ фани доньяға?

Рождается один, другой умирает,
Вырастают и уходят снова.
Коль отнимаешь жизнь, зачем же создал
Для мира непостоянного такого?

В четырехстрочных песнях отчетливо прослеживаются мотивы судьбы, горя и печали. В песнях судьба трактуется как «предопределенный жизненный путь человека» и воплощает две основные идеи: непредсказуемость будущего и неконтролируемость происходящих с человеком событий в его жизни [17, 92]. Каждому человеку при рождении дается определенное время для жизни, и всё, что он должен пережить, «записано у него на лбу» (маңлайына язылған). В башкирском фольклоре слово судьба часто обретает значение «трагическая жизнь» и обозначает необходимость человека принять ее такой, какая она есть.

Арғымаккай бейек, аттар юрға
Юрғалатып булмай юл менән.
Маңлайыңа язған хак язмышын
Юйып ташлап булмай кул менән.
Аргамачи высоки, кони иноходцы
Невозможно проехать дорогой.
Написанную на лбу судьбу
Невозможно смахнуть рукой.

Лирический герой часто винит в своих бедах судьбу и выражает в песнях глубокую печаль и раскаяние:

Бейек кенә таузың башкайында
Ак куяндар тапай как ерзе.
Язмыш кәләмдәре миндә булһа,
Күрмәс инем бындай тәкдирзе.
На вершине высокой горы
Белые зайцы топчут землю.
Если бы карандаш судьбы был в моих руках,
Не увидел бы я такой участи.

Песни о мужчинах представляют собой гимн патриотизму, где понятия Родины, мужественности и самоотверженности сливаются воедино. Образ идеального мужчины в этих песнях — это защитник Отечества, готовый к любым испытаниям. Его готовность пожертвовать собой ради высшей цели — яркое свидетельство того, что истинная человечность проявляется в служении Родине: *Тыуған ғына илен ташлап киткән Ирзәр була әзәм көлкөһө // Покинувшие родину мужчины Становятся посмешищем народа.*

В этих небольших по форме песнях заключена большая идейная нагрузка. Народ стремится воспитать в мужчине определенный набор качеств: мужество, решительность, терпение и смекалку. При этом нравственные уроки тесно переплетаются с глубокими философскими размышлениями о жизни: *Донъя ауырлығы еңел күренә, Арысландай сабыр ир булһа / Тяготы жизни кажутся легкими Для мужчин с лвиным терпением; Егет кенә булһаң, ай, батыр бул, Батырлыктар менән дан сыға / Если ты егет, ай, смелым будь, Смелостью прославишь ты себя* [18, 182]. Сквозь призму тонкой иронии песни передают идею о том, что человеческая ценность

не измеряется богатством и имуществом, а определяется более высокими моральными качествами: *Кулдарында малың бөттөнһә, үз туғаның һиңә ят булыр* / Если в руках твоё богатство кончится, своя родня тебе будет чужда; *Дәртле иргә Аллам малын бирһә Килмәс дуҫ-иш килеп хәл белә / Пылкому мужу если Бог богатство даст, Друзья, которые не придут придут узнать как твои дела.*

Песни о застолье и дружбе призывают ценить каждый миг жизни, ведь рядом с близкими забываются все невзгоды: *Мал-байлығым артык булмаһа ла, Дуҫ-иштәрәм күпкә кыуанам / Хотя богатства у меня не много, Радуюсь, что у меня много друзей; Дуҫ-иш менән дуҫ-иш тура килһә — Бар хәсрәттәр шунда таркала / Когда друзья друг с другом совпадают — На этом все беды распадаются.*

Пение коротких песен помогает справиться с негативными эмоциями и улучшить настроение: *Кыскырыпкай йырлап, ай, ебәрәм, Йөрәккәймә уттар кабынғас* / Громко-громко, ай, я запел, Когда огонь зажегся в моем сердце. При этом башкиры ценят песню как огромное поэтическое наследие, пришедшее от предков, как неиссякаемую духовную сокровищницу, призывают чтить и беречь ее:

Яз килгәнкәйзәрән шунан беләм,
Һызғырып та килә көйөлдө.
Һузып кына һузып йыр йырлайым
Отоп алың ошо көйөмдө.
Весеннее время года я узнаю:
Насвистывая, летают кулики.
Протяжную пою я песню
Запомни эту мелодию мою.

В современном песенном репертуаре башкирского народа, как и в творчестве многих других народов, большое место занимает тема любви. Песни о любви отражают весь спектр чувств: от первой влюбленности до глубоких переживаний расставания. Лирический герой любовных песен — «влюбленный человек, человек сердца, живущий страстями, бурными эмоциями, острыми переживаниями. Не случайно его состояние влюбленности, сила его страстей передается через образ горящего, пылающего огнем сердца» [17, 98]: *Ғашиҡлыҡтың хәле яман икән, Янып торған утқа төшөрөр / Хуже некуда влюбиться В горящее пламя упадешь*; в народных песнях описывается идеальная красота человека, являющегося объектом любви: *Бер битең ай һинең, береһе — кояш, Яман күззән Худайым һаҡлаһын / Одна щечка — Луна, другая Солнцем светит, От дурных глаз тебя пусть Бог хранит.* Песня рассматривает любовь как величайшую радость, счастье на земле и воспекает любовь на всю жизнь:

Аршин ғына аршин, ай, ак ука,
Итәклектәй түгел, изеүлек.
Йәрзе генә һөйһәң, һөй матурын,
Айлык, йыллык түгел, ғүмерлек.
Аршинами-аршинами, ай, белый позумент,

Не для подола, а для ворота рубахи.
Коль полюбил, люби красавицу,
Не на месяц, год, на всю жизнь.

Как уже говорилось ранее, исполнение четырехстрочных песен на протяжную или короткую мелодию, как правило, зависит от количества ее слогов. Известно, что в отдельных случаях один и тот же куплет может исполняться и как узун-кюй (протяжная песня), и как кыска-кюй (короткая песня). Например:

Кояш сыға әйләнеп,
Тал сыбытка бәйләнеп,
Исән булһак, бер кайтырбыз
Тыуған илгә әйләнеп.
Солнце встает, возвращается,
Как повязано к прутьям ивы.
Будем живы, однажды вернемся
Вернемся на родину.

В этой же песне, исполняемой на протяжную мелодию, количество слогов увеличивается за счет ласкательных и уменьшительных частиц, окончаний множественного числа, придающих речи экспрессивный смысл:

Кояш кына сыға, ай, әйләнеп,
Ак болоткайзарға ла бәйләнеп.
Исән генә булһак, ай, кайтырбыз
Тыуған илкәйзәргә әйләнеп.
Солнышко встает, ай, возвращается,
Словно к белым облакам подвязано.
Коль будем живы, ай, вернемся мы,
Возвратимся на Родину свою.

Несмотря на сходство в содержании, короткие четырехстрочные песни выделяются более выраженным акцентом на любовной тематике по сравнению с протяжными.

Композиционно четырехстрочные песни основаны на двухчленном параллелизме, каждый из которых опирается на образное мышление. В песнях обычно встречаются главные и вспомогательные образы. Главный образ рождается в связи с жизнью человека, через которую аккумулируется весь смысл песни, высказывается основная мысль. Вспомогательный образ включает в себя первые две строки строфы и намекает на суть высказываемой мысли. Важную роль в создании вспомогательных образов играют окружающие человека явления природы, они находятся в прямой связи с образным мышлением народа. Многие образы в песнях имеют глубокий символический смысл. Например: огонь в песнях символизирует любовь, сильную энергию, тревогу, проточная вода — прошедшую жизнь, засохшая трава, опавший цветок — прошедшую молодость, старость, кукушка — одиночество, орел, ястреб — мужчину; соловей, ласточка — женщину. Поэтический талант башкирского народа возвышает даже самые обыденные предметы и явления, наделяя их глубоким смыслом. Высокая содержательность и по-

этическое мастерство их песен обеспечили им место в народной душе как важному аспекту творческой деятельности.

В башкирском народном творчестве четырехстрочные песни занимают важное место. Они не только отличаются глубоким философским содержанием, но и ярко отражают жизненную энергию, вдохновение, мудрость и национальные особенности башкирского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галин С. А. Песня. Частушка. Сенляу // Башкирское народное творчество: Песни. Книга вторая / Сост., авт. предисловия и коммент. Салават Галин. Ответ. ред. Ким Ахмедьянов. / С. А. Галин. — Уфа: Башк. книжное изд-во, 1977. — 296 с. — С. 6-34 (на башк. яз.).
2. Лепехин И. Полное собрание ученых путешествий по России / И. Лепехин. — СПб., 1822. — Т. 4. — 440 с.
3. Игнатьев Р. Г. Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Башкирия в русской литературе Том 2 / Сост., предисл., биогр. справки, коммент. и библиография М. Г. Рахимкулова. / Р. Г. Игнатьев. — Уфа: Изд-во Башкортостан, 1964. — 512 с. — С. 281-300.
4. Баимов Б. С. Башкирская современная народная песня // Башкирский фольклор: исследования и материалы: Сб. статей. Вып. III. / Б. С. Баимов — Уфа: Гилем, 1999. — 224 с. — С. 123-150.
5. Башкирское народное творчество. Т. 9. Песни (Советский период) / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Б. С. Баимов, М. А. Мамбетов. Отв. ред. С. А. Галин. Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1996. — 400 с.
6. Харисов А. И. Башкирские народные песни // Башкирские народные песни / Сост., авт. предисловия и комментариев Х. Ф. Ахметов, Л. Н. Лебединский, А. И. Харисов / А. И. Харисов. — Уфа: Башк. книжное изд-во, 1954. — 326 с. — С. 11-20 (на башк. яз.).
7. Сагитов М. М. Башкирская народная поэзия советского периода // Башкирское народное творчество. Советский период. Книга первая. Баиты. Песни. Такмаки / Сост., авт. Вступ. ст. и коммент. М. М. Сагитов и М. А. Мамбетов. Ответ. ред. Кирей Мэргэн / М. М. Сагитов, М. А. Мамбетов. — Уфа: Башк. книж. изд-во, 1981. — 392 с. — С. 6-30 (на башк. яз.).
8. Сулейманов Р. С. Проблемы классификации башкирской музыки: Мелодический тип кыска-кюй и его жанры / Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Н. К. Дмитриева / Р. С. Сулейманов. — Уфа, 2008. — С. 220-224.
9. Покровский И. П. Сборник башкирских и татарских песен // Записки Оренбургского отдела императорского русского географического общества. / П. П. Покровский. — Казань, 1870. — Вып. 1. — С. 151-229.
10. Березин И. Турецкая хрестоматия / И. Березин. — Казань, 1876. — Т. 3. — С. 5-14.
11. Туйкин Ф. К. Созвездие песен / Ф. К. Туйкин. — Уфа, 1912.

12. «Башкортостан», 1934, 16 ноябрь; 1936, 23 февраль; 1935, 27-29 декабря; 1938, 21 марта; «Красная Башкирия», 1939, 23 февраля и т.д.

13. Башкирское народное творчество. Советский период. Книга первая. Байты. Песни. Такмаки / Сост., авт. Вступ. Ст. и коммент. М. М. Сагитов и М. А. Мамбетов. Ответ. ред. Кирей Мэргэн. / М. М. Сагитов, М. А. Мамбетов. — Уфа: Башк. книж. изд-во, 1981. — 392 с. (на башк. яз.).

14. Башкирское народное творчество. Т. XVI: Песни. Книга вторая / Сост., авт. Вступ ст. и коммент. А. М. Хакимьянова. Ответ. Ред. Ф. А. Надршина. — Уфа: Китап, 2022. — 296 с. (на башк. яз.).

15. Фольклорный архив Башкирского государственного университета: электронное научное издание / под редакцией Б. В. Орехова, А. А. Галлямова. — Режим доступа: http://lcrph.bashedu.ru/editions/efolk.php?go=folk_id.79/

16. Экспедиционные материалы — 2003: Зилаирский район / Сост. Хусаинова Г. Р., Султангареева Р. А., Сальманова Л. К., Ахметшина Г. М., Юлдыбаева Г. В., Гайсина Ф. Ф., Файзуллин Т. И., Галиева Р. Р. Уфа, 2006; Экспедиционные материалы — 2004: Альшеевский район / Сост.: Хусаинова Г. Р., Султангареева Р. А., Юлдыбаева Г. В., Гайсина Ф. Ф. Уфа, 2006; Экспедиционные материалы — 2006: Борай районы / Сост. Хусаинова Г. Р., Султангареева Р. А., Ахметшина Г. М., Юлдыбаева Г. В., Гайсина Ф. Ф., Сальманов А. С. Уфа, 2008; Жемчужины земли давлекановской / Сост. Хакимьяно-

ва А. М., Мухаметгалин Р. Г. Ответ. ред. Ф. А. Надршина Уфа, 2008; Духовное наследие: фольклор Свердловского Башкортостана / Сост.: Надршина Ф. А., Хусаинова Г. Р., Юлдыбаева Г. В., Гайсина Ф. Ф. Ответ. ред. Надршина Ф. А.. Уфа, 2008; Духовное наследие самарский и саратовских башкир / Сост.: Султангареева Р. А., Юлдыбаева Г. В., Гайсина Ф. Ф., Сальманова Л. К., Батыршина Г. Р. Уфа, 2008; Экспедиционные материалы– 2005: Янаульский район / Сост.: Хусаинова Г. Р., Султангареева Р. А., Юлдыбаева Г. В., Сальманова Л. К., Хакимьянова А. М., Гайсина Ф. Ф., Якупова Г. Р. Уфа, 2009; Экспедиционные материалы — 2008: Балтачевский район / Сост.: Хусаинова Г. Р., Юлдыбаева Г. В., Хакимьянова А. М., Гайсина Ф. Ф., Зинурова Р. Р. Уфа, 2011; Экспедиционные материалы– 2009: Бурзянский район / Сост.: Хусаинова Г. Р., Юлдыбаева Г. В., Хакимьянова А. М. Уфа, 2011; Экспедиционные материалы– 2017: Стерлибашевский район / Сост. Юлдыбаева Г. В., Хакимьянова А. М., Гайсина Ф. Ф. Уфа, 2018. 352 с. и др.

17. Хакимьянова А. М. Лирические песни башкир. Поэтика. Концептосфера. / А. М. Хакимьянова. — Уфа: Китап, 2019. — 160 с.

18. Хакимьянова А. М. Гендерное исследование концептов 'Мужчина' и 'Женщина' в башкирских народных лирических песнях / А. М. Хакимьянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2015. — № 6 (48): в 2-х ч. — Ч. II. — С. 180-184.

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Хакимьянова А. М., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики

E-mail: aihakim@bk.ru

Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Khakimyanova A. M., Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher Department of Folklore Studies

E-mail: aihakim@bk.ru

О ГОДЕ СОЗДАНИЯ ЯЧЕЙКИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАК ВАЖНЕЙШЕМ МАРКЕРЕ СОСТОЯНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ СИЛ РЕГИОНА В 1920-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВА)

А. В. Хрусталёва

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

А. А. Гаврилова

Энгельсский промышленно-экономический колледж.

А. П. Горностаев

Поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Аннотация: в настоящей статье рассматривается процесс создания ячейки пролетарских писателей в Саратовской губернии. Дается оценка состояния литературного дела в регионе, а также анализ творчества саратовских писателей.

Ключевые слова: пролетарские писатели, Саратов, Л. И. Гумилевский, НЭП, САПП, Пролеткульт, литстудия, «Октябрь», пролеткультовцы.

Abstract: this article examines the process of creating a cell of proletarian writers in the Saratov province. An assessment is given of the state of literary affairs in the region, as well as an analysis of the creativity of Saratov writers.

Keywords: proletarian writers, Saratov, L. I. Gumilevsky, NEP, SAPP, Proletkult, literary studio, "October", Proletkult members References.

Характеризуя читателя 1920-х гг., Е. А. Добренко отмечал, что во всех читательских группах этого периода количественно доминирует молодежь: именно поколение читателей от 16 до 23 лет может быть определено как первая генерация уже собственно советских потребителей книгоиздательской продукции. Рабочая молодежь являлась «социально наиболее ценным читателем» [1, 54] и, разумеется, не могла проявить преемственность по отношению к дореволюционной интеллигенции ни в эстетических вкусах, ни в выборе предпочитаемого жанра книжной продукции. Молодым был не только пролетарский читатель, но и писатель, и редактор газеты, и даже цензор. Изучение фондов архива [2] привело к наблюдению, что средний возраст губернских редакторов газет и цензоров не превышал и тридцати лет. Учитывая неизбежную в этих условиях ориентацию книжного рынка и средств массовой информации именно на молодого читателя, мы бы хотели подчеркнуть огромную роль, которую играет конкретная дата образования ячейки пролетарских писателей в любом регионе 1920-х гг.

Так, чем позже в том или ином губернском городе возникает ячейка пролетарских писателей (например, в 1927 г.), тем весомее в ее составе может

оказаться доля авторов, не принимавших никакого участия в революционных событиях и сражениях Гражданской войны, не «бравших Перекоп», следовательно, значительно обделенных опытом по отношению к революционерам-«профессионалам» 1900 и более ранних годов рождения. Кроме того, полагаем, что в региональных ассоциациях пролетарских авторов, созданных после 1927 г. (в конце НЭПа), наблюдалось большее количество литературной продукции, имитирующей пролетарское содержание. Эту провинциальную особенность превращать пролетарское творчество в подделку отмечал еще В. П. Ставский [3]: «...довольно большое количество Ассоциаций просто состоят из юношей и девчат в пору полового возрастания, которые интересуются литературой. Какой литературой? Всякой литературой». Далее в приводимом документе Ставский заключал, что нет оснований вообще называть эти организации пролетарскими.

Поэтому разговор о региональных литературных объединениях должен предваряться анализом их социально-профессионального состава, чтобы мы могли отсеять молодежные «кружки по интересам» от организаций, представленных зрелыми людьми с подлинно пролетарской биографией. Ясно, что и среди «зрелых пролетариев» можно обнаружить лиц, по отношению к которым применялось определение «бывшие люди». Поэтому вопрос возраста

автора неразрывно связан и с вопросом о его социальном происхождении и трудовой биографии. Очевидно, что действительно пролетарское по своей сути творчество может родиться, во-первых, в регионе, где уже в достаточном объеме представлен рабочий класс; во-вторых, там, где этот класс уже накопил определенные литературные традиции.

Так, известно, что в Нижнем Новгороде из 100 человек, состоящих в писательской организации, рабочими было 10, и вряд ли стоит игнорировать тот факт, что низкое процентное содержание рабочих в ячейке имело те или иные последствия для литературного лица города. Все ячейки пролетарских писателей возникали, разумеется, при сходном базовом условии — наличии партийной инициативы, но определяющим фактором все-таки было творчество, а оно не могло рождаться без существующих традиций. Для творчества необходим личный опыт, позволяющий рассказать о времени и о себе.

В направлении исследования социально-профессионального состава городского населения уже проделана большая работа. Например, в изучении темы могут быть полезны сведения, собранные В. Б. Жиромской, которая определяла в свое время около 86% населения страны 1920-х гг. как крестьянское [4, 4]. Она указала, что, в целом промышленность в Поволжье была значительно менее развита, чем, например, в Туле. Таким образом, когда мы имеем дело с конкретным регионом, необходимо тщательно перепроверять количество рабочих в составе ячейки пролетарских писателей. Например, еще до революции в Царицыне проживало больше рабочих, чем в Саратове: так, в 1915 году их было около 40 тысяч [5, 29]. В Саратове же от максимальной точки 1920 г. (26 тысяч рабочих) на протяжении НЭПа их количество неуклонно сокращалось, и убыль достигла 30 с лишним процентов [6]. Логично поэтому, что для пролетарского писательского объединения в Царицыне возникли лучшие условия, и оно образовалось раньше, чем соответствующая организация в Саратове. Считаем, что в регионах с достаточными рабоче-литературными силами и развитой промышленностью (при условии ориентации ведущих литературных масс на пролетарские ценности) ассоциации появлялись с как можно меньшим отставанием по времени от даты создания МАПП (Московской ассоциации пролетарских писателей). В случае же Царицына — даже с опережением, так как Царицынское объединение возникло в 1921 году. Кроме того, полагаем, что лидеры региональных организаций специально пытались указать более ранний срок создания организации в целях повышения ее авторитетности и престижа, что мы и покажем в статье.

Таким образом, год создания ячейки пролетарских писателей (при документально подтвержденном наличии в регионе достаточного количества рабочих) является важнейшим показателем «витальных

сил» литературной жизни изучаемого города (или губернии). В том регионе, где собиралось определенное количество рабочих с желанием стать писателями, непременно находился и лидер, готовый задать профессиональный вектор этой деятельности. Появление организации только в 1928 г., например, практически всегда свидетельствует о недостаточности литературных сил, причины которой нужно тщательно выяснять.

Для иллюстрации этого положения обратимся к предыстории образования Саратовской ассоциации пролетарских писателей (САПП). Хронологически первым и не потерявшим к настоящему моменту значения библиографическим источником для изучения саратовского литературного процесса является указатель Р. С. Мандельштам [7]. Концептуальное осмысление было предпринято еще в 1930-е гг. под руководством профессора А. П. Скафтымова [8]. Саратовский литературный процесс стал объектом изучения в статье С. Рыженкова [9]. При всей содержательности этих работ в них нет подробного описания «отмирания» Пролеткульта и его замены САПП, как нет и указания на подлинные причины этого процесса. На этом мы остановимся далее.

Подробно различные стороны саратовской литературной жизни 1920-х гг. описаны в ряде работ [10; 11]. В целом уже показано, что в творчестве саратовских писателей начала 1920-х гг. центральное место занимает изображение рабочего как освободителя мира: «Только здоровая, светлая душа рабочего способна переварить духовное наследство буржуазии и выявить вселенское начало грядущей культуры. В душе рабочего растет потребность построить свою классовую культуру, где бы он мог сам, полно и ясно сохраняя чистоту души, выразить страстную жажду, счастья всемирного, победу труда, радость жизни... Творческие силы пролетариата еще слабы, не оформились, еще находятся в преодолении ценностей прошлого. Но ... когда потухнет фронт огня, вольются свободные, новые творцы — пролетариат будет иметь свое искусство, свою науку... Надо развить творческие начинания рабочего. И эти начинания берут на себя Пролеткульты... и эти начинающие силы послужат в будущем первой ступенью пролетарской культуры» [12, 6].

К настоящему моменту установлено, что литературная жизнь Саратова 1920-х гг. проходила на фоне постепенного вытеснения с литературной авансцены идеологии Пролеткульта (его теории об автономном от партии культурничестве) и внедрения идеологии Ассоциации пролетарских писателей, основанной на полном подчинении литературного дела партийному руководству [13]. Причем в обе организации (Пролеткульт, САПП) изначально входили одни и те же люди, поэтому конфликт между литературными силами состоял не столько в художественных ценностях или борьбе «старого» и «но-

вого», сколько в банальном присвоении имеющихся ресурсов для выживания. Победила сильнейшая форма организации (САПП), которая к тому моменту была наиболее приспособлена к изменившимся общественно-политическим условиям. В исследователю литературе показано, что упомянутое противостояние проходило в условиях остаточной демократичности литературного процесса (в виде относительной свободы профсоюзов при проведении литературных мероприятий и определенных послаблений для этноконфессиональных меньшинств) [14].

Установлено, что саратовская писательская организация к середине 1920-х гг. сильно выросла количественно и качественно и вела массовую работу в настоящем смысле этого слова. Так, за период 1926-1927 гг. было дано 34 литературных выступления с общим количеством посетителей 250 человек на каждом. Показано, что развитие организации шло, во многом, с опорой на внешние литературные силы: так, укреплению ее способствовал Г. Лелевич [15].

Выяснен и конкретный момент «смерти» Пролеткульта — это произошло в 1927 году. В последнем упоминании об организации в партийном отчете 28 июня сообщается, что организация объединяет исключительно студенчество. Буквально следующий по порядку в деле архивный документ содержит постановление «признать нецелесообразным обособление от САПП существующих студенческих организаций и принять меры к включению их в САПП [15, 384]. Ряд ценных наблюдений был сделан А. А. Гавриловой [10]. Но дополнительно ко всей проделанной работе стоит подчеркнуть, что сама дата основания Саратовской ассоциации была неоднократно фальсифицирована.

О состоянии литературного дела в Саратове дают представление два сборника Саратовского пролеткульта «Взмахи». Характеристика сборника содержится в работе «Губернская власть и словесность: Литература и журналистика Саратова 1920-х годов»: «Он выдержан в духе времени: желтая плохого качества бумага, весьма скромное художественное оформление — без иллюстраций и художественных заставок» [16, 22]. При этом авторы монографии обращают внимание, что обложка сборника оформлена художником Валентином Юстицким, направленным в 1918 году в Саратов А. В. Луначарским «создавать пролетарское искусство» [16, 22]. На страницах сборника публиковались А. Мядзелец, А. Мастерков, А. Строкова, С. Засько, А. Зирих, И. Кузнецов, А. Белов, К. Прокофьев, С. Полтавский и мн. др.

В 1921 году в Саратове начал издаваться журнал «Саррабис». Постоянными авторами были С. Полтавский, Н. Архангельский, Н. Вальдман, М. Зенкевич, Л. Гумилевский, А. Мухарева и пр. 15 января 1921 г. в Саратове была открыта «Литературная мастерская», где читались следующие предметы: (рук. М. А. Зенкевич) «Современная поэзия»; (рук. П. В. Орешин)

«Пролетарское творчество»; (рук. Л. И. Гумилевский) «Теория и техника прозы». Регулярно проходили практические занятия, чтение и разбор произведений студийцев, выпускались рукописные журналы и сборники. Фактически в литературной студии занимались 30-35 человек, главным образом учащиеся, рабочие и красноармейцы. Писательская молодежь, заброшенная волей судьбы в Саратов, активно продолжает в это время заниматься творческой работой: появляются новые книги М. Зенкевича, Л. Гумилевского, А. Скалдина; секция «ЛИТО» получила разрешение на использование сквера при Радищевском Музее для организации диспутов, лекций и альманахов «Живое слово» [17, 10].

О деятельности «Литературной мастерской» дают представление очерки «Гальванизация труп» С. Полтавского и «Искусство и ремесло» Л. Гумилевского, объединенные идеей отождествления искусства с ремеслом. «Никакой резкой, существенной границы между искусством и ремеслом провести нельзя, и лишь потому, что границ этих не существует... Произведения искусства, как и ремесленные, могут быть выполнены по заказу», — пишет С. Полтавский [18, 5]. Л. Гумилевский, в свою очередь, утверждает: «Творчества столько же в искусстве, сколько и в ремесле. Довольно искусства только в искусстве. Да здравствует искусство в ремесле» [19, 2]. Позже эта тема будет тщательно проработана им в художественных произведениях.

В ноябре 1922 г. начал издаваться журнал «Художественный Саратов», переименованный с 1923 г. в «Новый художественный Саратов» [20, 225]. Журнал имел множество рубрик, освещающих культурную жизнь города. На его страницах публиковались статьи по вопросам искусства и литературы, рецензии, хроники, рассказы, шаржи, карикатуры, стихи. Журнал стремился привить читателю хороший вкус, научить ценить подлинное в литературе [11, 119]. В журнале регулярно публиковались П. Скосырев, В. Бабушкин, А. Винокуров, Г. Левин, М. Зенкевич, Я. Трахтман, С. Полтавский.

Сквозной темой всех выпусков становится тема новой жизни и нового строя, культурного строительства, формирования нового мировоззрения. В статье «Жизнь зовет» третьего номера 1922 г. проф. Б. Соколов сравнивает сложившуюся реальность и новую жизнь не с «несущейся тройкой» Гоголя, не со «стальной конницей» Есенина, считая, что эти образы уже слабы для передачи существующей реальности послереволюционного периода. Проносающую эпоху Соколов сравнивает со «стальной птицей» — аэропланом, объясняя это бурным историческим развитием, революцией, диктующей новое восприятие действительности. «Что значит жить? Жить, значит — проявлять и осуществлять на деле высокое звание человека. Человек только тот, кто не отрывается от жизни, кто активно творит жизнь... Жить,

значит — творить!» [21, 3]. В статье содержится призыв к каждому быть создателем нового порядка, занимать активную позицию, быть участником в строительстве жизни.

18 декабря 1922 г. состоялся вечер Пролеткульта. В одной из заметок, опубликованной в «Художественном Саратове», отмечается, что среди присутствующих были исключительно рабочие разных цехов. «Конечно, интерес зала был повышен еще и потому, что на эстраде “свой”». Была отмечена не просто заинтересованность, а органическое вовлечение в процесс художественного творчества. Читались «Базар», «Башня» Гастева, в 3-м отделении шло «Восстание» Верхарна. В обзоре отмечается, что «Голоса певцов и декламаторов — свежи и сильны, но... не поставлены и звучат глухо и тускло... Чувствуется, что эта молодежь, темпераментная и крепкая, выработается и, если не все из них, многие займут не последнее место в рядах... работников искусства» [22, 8].

Общезвестно, что пролеткультисты отстаивали идею автономии своей организации. Из сопоставления источников становится ясно, что вышеперечисленные в статье авторы, входившие в Пролеткульт и принимавшие участие в «Литературной мастерской», были идеологическими конкурентами новых авторов, пришедших в Саратовскую АПП уже к «отмиранию» Пролеткульта. Дело в том, что ЦК РКП(б) с возрастающей подозрительностью относился не только к Пролеткульту, но вообще к росту организаций, настаивавших на своей автономии: «...Официальная власть имела все основания опасаться: созданный как внепартийная рабочая организация Пролеткульт был организован не хуже, чем любая политическая партия, за ним стояло реальное массовое пролетарское движение. 6 июня 1919 г. Коллегия Наркомпроса, отказавшись от признания автономии Пролеткульта, вынесла решение о создании Секции внешкольного образования, в состав которой Пролеткульт должен был входить наравне с другими отделами» [23, 44-45]. Поэтому САПП как ячейка пролетарских писателей должна была стать новой ступенью эволюции пролетарской культуры, вытесняющей идеологию автономного Пролеткульта.

По версии коллектива, работавшего под руководством А. П. Скафтымова [24], в 1923 г. в литературную студию Пролеткульта вступили молодые авторы Л. Борзов и Н. Иванов. При участии А. Курчакова они создали группу «Октябрь». Именно эти авторы осознанно противопоставляли свое пролетарское (реальное) творчество абстрактному (космическому) творчеству Пролеткульта. Главной темой молодых авторов стал быт рабочих: «...Произведения молодых пролетарских писателей характерны тем, что их появление ознаменовало собой в местных условиях наступление того нового периода пролетарской литературы, который связан с деятельностью организации пролетписателей «Октябрь» с ее новыми

творческими установками, противопоставленными установкам “Кузницы”» [24, 77].

Как мы только что видели, в зале в 1922 г. (одним годом ранее) находились преимущественно рабочие, следовательно, «свой». Активом в обеих организациях (САПП и Пролеткульт) были, разумеется, люди рабочих специальностей, имевшие хотя бы небольшой опыт фабричного труда. Где же проходила эта граница, разделявшая единомышленников и «чужих»? Очевидно, что первые летописцы истории САПП описывают судьбоносное появление Борзова и Иванова, а также создание группы «Октябрь» и ее борьбу с чуждыми пролетариату идеологическими установками, обнаруженными ими в «богемных» интеллигентских группировках, имея в виду только Гумилевского, Зенкевича и менее известных участников «Литературной мастерской», упомянутой нами ранее. Другого массового литературного объединения в Саратове того времени не было.

Вот как это преподносится в источнике: «Этим молодым писательским кадрам противостояли в Саратове... такие реакционно настроенные писатели, как Лев Гумилевский и др.» [24, 77]. Но нужно иметь в виду, что уже весной 1923 года Л. Гумилевский при содействии Б. Пильняка уехал из Саратова в Москву. Покинул город и М. Зенкевич. В первой половине 1923 года «Литературная мастерская» находилась в процессе расформирования, так что «борьба» двух начинающих писателей, пришедших в литературу по путевке комсомола, против «идейного противника» занимала не более нескольких месяцев. Более того, влияние Гумилевского, уже известного к тому времени не только саратовскому читателю (с 1916 г. он активно публиковался в столичных изданиях), с трудом можно сравнить с литературным «шумом», производимым Борзовым и Ивановым, не имевшими к тому времени ни одной напечатанной книги.

Борзов и Иванов — это просто рабочий «молодняк» с нулевым литературным опытом, а Гумилевский к тому времени был, в том числе, автором рассказа «В литейной», напечатанного М. Горьким в журнале «Просвещение» в 1914 г. Он печатался в «Русском богатстве», «Современном мире», «Современном слове» и других изданиях. Мотив «борьбы» действительно подчеркнут Курчаковым и в центральной печати: «До 1923 года (конца литературного сезона) почти вся литературная жизнь Саратова была сосредоточена в стенах литстудии Пролеткульта. В конце 1923 года организовалась группа пролетписательского молодняка, принявшая платформу и наименование московской группы пролетписателей “Октябрь”». Пролеткультисты, узнав о возникновении группы, начали намечать путь борьбы и литературного соревнования вокруг влияния и участия в местных литстраницах» [25, 103].

Как было сказано, конкурентов в лице Гумилевского и Зенкевича к концу 1923 г. в Саратове уже

не было. Стоит поставить под серьезное сомнение тот факт, что Гумилевский, приехавший в Саратов по путевке Пролеткульта, относившийся несколько неохотно к своей командировке в провинциальный город, намечал какую-либо серьезную «борьбу». Совершенно непонятно, зачем же автору, печатавшемуся в свое время по протекции Горького, следовательно, уже имеющему нужные социальные связи, «побеждать» провинциальных начинающих авторов, да еще и имеющих некоторые проблемы со стилем, как можно видеть, ознакомившись с их произведениями. С нашей точки зрения, мотив «борьбы» с врагом в лице авторов «Литературной мастерской» тщательно выписан в приводимом нами источнике с целью акцентирования Борзовым и Ивановым своего литературного авторитета. Конфликт, как уже было сказано, был, скорее всего, односторонним, а суть его состояла в том, что сапповцы хотели добиться улучшения редакционно-издательской инфраструктуры.

5 августа 1924 г. в № 174 газеты «Саратовские известия» было опубликовано сообщение об организации Саратовской ассоциации пролетарских писателей: «...Все силы пролетарской литературы должны быть сплочены, объединены, чтобы выдержать натиск буржуазно-мещанской сменовеховской литературы». Парадоксально, но в некоторых архивных источниках отложилась совершенно другая дата создания Саратовской АПП — 1923 г. [26]. Это явная фальсификация. Информацию в газетной хронике следует считать приоритетной и именно 1924 г. был годом создания САПП. Что же обусловило появление этой фальсификации? В свете всего сказанного выше приходится предположить, что как можно более раннее время возникновения в регионе организации пролетарских писателей было своеобразным «знаком качества» его литературных сил. В описанной нами саратовской ситуации архивное свидетельство о появлении САПП якобы в 1923 г. сигнализировало тому, до кого доносилась эта информация, о доминировании группы Борзова, Иванова и Курчакова по отношению к участникам Пролеткульта. Таким образом, изображался мнимый перехват молодежью инициативы у старшего поколения. Кроме того, так организации искусственно приписывался лишний «стаж», что заставляло ее выглядеть «по-настоящему» пролетарской, приближенной во времени к событиям 1917 года.

Если смотреть на события подобным образом, то мнимая «борьба» Курчакова и Иванова с Борзовым против Гумилевского и его «лагеря», а также приписывание организации лишнего года ее литературной биографии — явления одного порядка. Все это, по своей сути, попытка доминирования на литературном поле. Представляется, что такие попытки можно обнаружить и в других литературных орга-

низациях 1920-х гг. Нахождение подобных неточностей датировки еще станет объектом исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добренко Е. А. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. А. Добренко. — Академический проект, 1997.
2. ГАНИСО. — Ф. 27. — Оп. 4. — Д. 417.
3. ИМЛИ. — Ф. 40. — Оп. 1. — Д. 73.
4. Жиромская В. Б. Советский город в 1921-1925 гг.: проблемы социальной структуры / В. Б. Жиромская / отв. ред. Ю. А. Поляков; АН СССР. Ин-т истории СССР. — М.: Наука, 1988. — 166 с.
5. Царицын-Сталинград: Сборник-статей. Сталинград: Кн. изд-во, 1954. — 232 с.
6. Новинский В. Социальный и профессиональный состав населения гор. Саратова / В. Новинский // Нижнее Поволжье. — 1924. — № 1. — С. 82-85.
7. Рабоче-крестьянские писатели: библиографический указ. / сост. В. В. Львов-Рогачевский и Р. С. Мандельштам; Государственная академия художественных наук. ком. выставки рев. литературы. — М.; Л.: Моск. акц. изд. о-во, 1926.
8. Рабочая книга по литературе народов СССР для VII гр. ФЗС и III гр. ШКМ. — Саратов, 1932.
9. Рыженков С. Литературный регионализм: путь Саратова / С. Рыженков // НЛО. — 2000. — № 45. — С. 48-52.
10. Гаврилова А. А. Поэты «взмахов» или социальное творчество масс в литературе Поволжья в 20-х гг. XX века / А. А. Гаврилова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Том 14. — № 4.
11. Хрусталёва А. В. История саратовской ассоциации пролетарских писателей: от периода формирования к конфликту / А. В. Хрусталёва // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2023. — Т. 23. — № 2. — С. 159-165.
12. Взмахи. 2-й сборник Пролеткульта. — Саратов, 1920.
13. Хрусталёва А. В. О приоритете газеты «Саратовские известия» как первоисточника при установлении важнейших дат истории Саратовской ассоциации пролетарских писателей / А. В. Хрусталёва // Региональная пресса как исторический источник и культурно-политический феномен. Материалы историко-краеведческой конференции. — Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2024. — С. 175-183.
14. Хрусталёва А. В. Ассоциация пролетарских писателей в Саратове как провинциальный эпизод в истории ВАПП // Slavic Literatures. — Т. 146-148. -С. 121-145.
15. Хрусталёва А. В. Г. Лелевич в Саратове. Из хроники саратовской литературной жизни 1926-1928 гг. / А. В. Хрусталёва // Studia Litterarum. — 2021. — Т. 6. — № 3. — С. 380-393.
16. Губернская власть и словесность: Литература и журналистика Саратова 1920-х годов / Сарат. МИОН; под ред. Елиной Е. Г., Герасимовой Л. Е., Трубецковой Е. Г. — Са-

ратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. — 421, [7] с.

17. Саррабис. Орган культотдела Саратовского губернского отдела Всероссийского союза работников искусств. — 1921. — № 1 (август).

18. Саррабис. Орган культотдела Саратовского губернского отдела Всероссийского союза работников искусств. — 1921. — № 3 (октябрь).

19. Саррабис. Орган культотдела Саратовского губернского отдела Всероссийского союза работников искусств. — 1921. — № 2 (сентябрь).

20. Жуйкова А. Литературная жизнь Саратова первого октябрьского десятилетия / А. Жуйкова // Рожденные революцией. Сборник литературоведческих статей и очерков о писателях Поволжья / под ред. П. Бугаенко. — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1968. — С. 220-237.

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского Хрусталёва А. В., доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания

E-mail: tevlin1982@mail.ru

Энгельсский промышленно-экономический колледж Гаврилова А. А., кандидат филологических наук, преподаватель немецкого языка

E-mail: alla.gavrilova82@mail.ru

Горностаев А. П., независимый исследователь

E-mail: tamsacha2100@gmail.com

21. Художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник. — 1922. — № 3.

22. Художественный Саратов. Литературно-художественный и театральный еженедельник. — 1922. — № 4.

23. Лапина И. А. Пролеткульт и проект «социализации науки» / И. А. Лапина // Общество. Среда. Развитие. Научно-теоретический журнал. — 2011. — № 2(19). — С. 44-45.

24. Рабочая книга по литературе народов СССР для VII гр. ФЗС и III гр. ШКМ. — Саратов, 1932.

25. Курчавов А. Саратовская ассоциация пролетарских писателей / А. Курчавов // На литературном посту. — 1928. — № 20-21. — С. 103.

26. ГАНИСО. — Ф. 27. — Оп. 4. — Д. 794. — Л. 7.

*Chernyshevsky State University
Khrustaleva A. V., Doctor of Philology, Associate Professor, N.G.
E-mail: tevlin1982@mail.ru*

*Engels Industrial and Economic College
Gavrilova A. A., Candidate of Philology, Teacher of German
E-mail: alla.gavrilova82@mail.ru*

*Gornostaev A. P., independent researcher
E-mail: tamsacha2100@gmail.com*

НЕМЕЦКИЕ ГАСТРОЛИ «СИНЕЙ БЛУЗЫ»: МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ

А. А. Аллахвердова

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 23 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются гастроли советского агитационно-театрального коллектива «Синяя блуза» в Германии. Дается краткая историческая справка о создании «Синей блузы». Анализируются публикации о синеблузниках в немецких газетах *Berliner Tageblatt*, *Die Rote Fahne*.

Ключевые слова: «Синяя блуза», Борис Южанин, Альфред Керр, Эрвин Пискатор, *Berliner Tageblatt*, *Die Rote Fahne*.

Abstract: the article examines the tour of the Soviet propaganda and theater group “Sinaya Bluz” in Germany. A brief historical background on the creation of the “Sinaya Bluz” is given. Publications about “sinebluzniki” in German newspapers *Berliner Tageblatt* and *Die Rote Fahne* are analyzed.

Keywords: “Sinaya Bluz”, Boris Yuzhanin, Alfred Kerr, Erwin Piscator, *Berliner Tageblatt*, *Die Rote Fahne*.

Одним из самых действенных и доступных видов агитации в первые годы советской власти стала так называемая «живая газета», под которой понималось «политическое обозрение, объёмлющее важнейшие злобы политического и заводского дня». В рамках появившегося нового медийно-пропагандистского формата с помощью фельетона, райка, скетча или частушек выступающие на сцене самодеятельные и полупрофессиональные артисты сообщали зрителям актуальные политические, культурные и экономические новости. В связи с общей недостаточной грамотностью населения подобный вид агитационного воздействия был наиболее эффективным. Помимо всего прочего, формат «живой газеты» значительно сокращал затраты на бумагу, что было весьма кстати с учетом экономического кризиса в стране [1].

Основанный Борисом Южанином (Гуревич Борис Семёнович, 1896-1962) в 1923 г. агитационно-театральный коллектив «Синяя блуза» за короткий срок активной работы смог охватить почти все культурное пространство СССР. У синеблузников появилось свое периодическое издание с одноименным названием. В журнале «Синяя Блуза» публиковался материал, на основе которого ставились театральные постановки. Структура и верстка журнала была непостоянной, однако сам контент, будь то пьеса, фельетон или частушки, всегда соответствовал актуальной повестке. Во многом благодаря увлеченности и преданности делу руководителя коллектива синеблузники сделали «живую газету» своего рода «визитной карточкой» революционного театра [2, 38-41].

В июне 1927 г. было официально зарегистрировано более трехсот пятидесяти «живгазетных» кружков по всей стране. «Сама рожденная революцией, “Синяя

блуза» породила тысячи и тысячи последователей. По СССР к 1927 году в рабочий клубы и при красных уголках насчитывалось около семи тысяч кружков синеблузников (живых газет). Известность “Синей блузы” вышла далеко за пределы СССР. Во всех европейских странах имеются рабочие кружки, работающие по типу Московской “Синей блузы”» [3].

Особой популярностью синеблузники пользовались в Германии. Их деятельность привлекла внимание Германского комитета Международной рабочей помощи (Межрабпом), созданном в 1921 г. в ответ на призыв В. И. Ленина о помощи голодающим Советской России [4]. В июле 1927 г. Б. Южанин заключил договор об организации гастролей синеблузников в Веймарской республике. Инициатором поездки «Синей Блузы» стал один из основателей комитета, видный деятель Коминтерна Вильгельм Мюнценберг (1889-1940). Поездка была приурочена к десятилетию Октябрьской революции [5]. Труппа в составе четырнадцати человек выехал в Германию в начале октября 1927 г. В программу выступления были включены лучшие постановки синеблузников: «Советский быт» и «Оборона и строительство СССР», помимо этого на сцене «были отыграны» физкультурные номера и танцы народов Советского Союза. Первое выступление состоялось в Бреславле. Зрители были в восторге и после окончания выступления запели «Интернационал». В дальнейшем этот пролетарский гимн исполнялся после каждого спектакля «Синей блузы» в Германии.

В Берлине «Синяя блуза» выступала в театре крупнейшего немецкого театрального режиссера Эрвина Пискатора (1893-1966). Агитационная деятельность коллектива Б. Южанина идеально вписывалась в представление Пискатора о том, каким должно быть современное театральное искусство. Немецкий

режиссер одним из первых вводит в оборот словосочетание «политический театр», отодвигая на второй план эстетику и актерское мастерство, делая упор в своих спектаклях на острые проблемы современности на основе принципов документализма.

Один из ведущих театральных критиков Альфред Керр (1867-1948) во влиятельной столичной ежедневной газете *Berliner Tageblatt* («Берлинский еженедельник»), в которой он работал с 1919 г., провел параллели между символом «голубого цветка» из романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» и философией синеблузого движения. «Голубой цветок пахнул загадочно, но не подвинул вперед мир. “Синяя блуза” может это сделать» [3]. Подобное сравнение обусловлено тем, что Альфред Керр был прилежным учеником историка литературы Эриха Шмидта (1853-1913) и писателя Теодора Фонтане (1819-1898) и рассматривал театральную критику как вид литературной критики. Благодаря острому уму и саркастичной манере письма Керр на протяжении тридцати лет оставался одним из самых влиятельных немецких критиков, разделявших социал-демократические идеи. В 1933 г. критик открыто выступил против нацистской идеологии. Поэтому одно из первых имен, которое Йозеф Геббельс внес в список лиц, подлежащих выдворению из страны, было имя Альфреда Керра [7].

Помимо *Berliner Tageblatt* о гастролях синеблузников писала еще одна влиятельная немецкая газета *Die Rote Fahne* («Красное знамя»), созданное как орган «Союза Спартака» коммунистами Розой Люксембург (1871-1919) и Карлом Либкнехтом (1871-1919) в ноябре 1918 г.

Пресса Веймарской республики отражала непростую политическую ситуацию в стране. Свой печатный орган был у каждой партии. У коммунистов — газета *Die Rote Fahne*, у социал-демократов — *Berliner Tageblatt*, у национал-социалистов — *Völkischer Beobachter*. И каждая из них по-своему освещала зарубежные гастроли «Синей блузы», которые были продлены до декабря [8].

Коллектив «Синей блузы» собирал вырезки статей из немецких газет с описанием его выступлений, и по возвращению в СССР эти вырезки были дополнены публикациями из советской прессы и помещены в сборник «Синяя блуза. Альбом», увидевший свет в конце 1927 г.

Немецкий журналист, член «Союза Спартака» Отто Штейнике (1891-1943) в своей статье в *Die Rote Fahne* отмечал, что среди зрителей были абсолютно

разные люди от простых рабочих до буржуа и интеллигентов, однако всех одинаково восхищало выступление советского коллектива: «И никто из зрителей не мог удержаться, чтобы не выявить свое одобрение. Рабочих возбуждало классовое единство — они видели свою жизнь на сцене. Симпатизирующие интеллигенты были поражены “новизной”, “свежестью”, “непосредственностью»» [3].

После месяца гастролей по различным городам коллектив Б. Южанина дал 13 ноября заключительный концерт в Берлине для членов Межрабпома. В зале присутствовало 3500 человек, и каждый из них отправил приветственную телеграмму Совету народных комиссаров СССР.

Подводя итоги гастролей, их организатор, секретарь Межрабпома Георг Дюннингхаус (1893-1953), направил в декабре 1927 г. письмо в редакцию журнала «Синяя блуза», в котором подчеркивал значимость состоявшегося мероприятия: «Мы не хотим пропустить возможность сообщить Вам об успехе выступлений “Синей блузы” в Германии. “Синяя блуза” посредством нашей организации обслужила до 25 городов и промышленных центров. Выступление “Синей блузы” посетило до 150 000 зрителей. Во время выступлений все рабочие и коммунистические организации выказывали симпатию Вашей “Синей блузе”».

Положительные отклики на немецкие гастроли «Синей блузы» в советской и зарубежной прессе подтвердили высокий авторитет нового политического театра и актуальность предложенных зрителю постановок, как нельзя лучше соответствовавших духу своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уварова Е. Д. Эстрадный театр: Миниатюры, обзоры, мюзик-холлы (1917-1945) / Е. Д. Уварова. — М., 1983. 320
2. Аллахвердова А. А. «Живая газета» в контексте советской культуры в 1920-х гг. / А. А. Аллахвердова // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал. — Краснодар, 2023. — С. 38-41.
3. Синяя блуза. Альбом. — М., 1927.
4. Большая советская энциклопедия. — М., 1969-1986.
5. Синяя блуза. — М., 1927. — № 63-64.
6. Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 4. — М., 2009.
7. Майнеке Ф. У. Кафе на вулкане. Культурная жизнь Берлина между двумя войнами / Ф. У. Майнеке. — М., 2018.

ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет
Аллахвердова А. А., старший преподаватель кафедры
истории и правового регулирования массовых коммуникаций
E-mail: allvina1995@yandex.ru

Kuban State University
Allakhverdova A. A., Associated Professor of the Department
of History and Legal Regulation of Mass Communications
E-mail: allvina1995@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И НАУЧНАЯ ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ В РАЗДЕЛЕ «НОВОСТИ» НА САЙТАХ НАУЧНЫХ ИНСТИТУТОВ

В. Е. Беленко

Новосибирский государственный университет

Ю. С. Позднякова

*Новосибирский государственный университет,
Сибирское отделение Российской академии наук*

Поступила в редакцию 13 февраля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются коммуникативные стратегии раздела «Новости» на сайтах научных организаций под научно-методическим руководством СО РАН. Основное содержание разделов «Новости» составляют объявления для внутренней аудитории институтов. В тех случаях, когда на сайте публиковались материалы, которые популяризировали научную деятельность института, было выявлено три коммуникативных стратегии: перепечатки материалов СМИ об институте, аннотации научных статей в высокорейтинговых журналах, материалы, подготовленные сотрудниками пресс-служб.

Ключевые слова: научные коммуникации, сайты институтов, массмедиа, новости, новостная политика, медиатизация.

Abstract: the article discusses the communication strategies of the “News” section on the websites of scientific organizations under the scientific and methodological supervision of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The main content of the “News” consists of announcements for the internal audience of institutes. In cases where the website published materials that popularized the scientific activities of the institute, three communication strategies were identified: reprints of media materials about the institute, annotations of scientific articles in highly rated journals, materials prepared by the staff of the press services.

Keywords: scientific communications, websites of institutes, mass media, news, news policy, mediatization of science.

Введение. Сайт научной организации является уникальным инструментом коммуникации, который взаимодействует как с внешними, так и с внутренними аудиториями. «Наука встречно стремится предать медийной публичности результаты своей деятельности, облекая научное знание в релевантную для аудитории форму. Подобная заинтересованность науки в медийной презентации, которая прежде не была для нее столь характерна, отражает изменение общественного статуса науки» [1, 314].

Сайт может обладать функцией консолидации сотрудников института, информирования их о новостях организации, исследованиях, проводимых в разных подразделениях. Последнее может частично пересекаться с задачей популяризации науки.

Ряд исследований, посвященных сайтам научных организаций, опубликован сотрудниками Института социально-экономического развития территорий РАН [2-4]. П. Соловьев представил анализ сайтов Европейского центра ядерных исследований, Уппсальского университета и Шведской королевской академии наук [5]. Л. Пирумова и др. проанализировали

сайты учреждений аграрно-промышленного комплекса [6]. Различные форматы популяризации науки на сайтах 15 университетов выявили Е. Е. Медведева и В. Н. Азарова [7]. 38 сайтов научных институтов Новосибирска были рассмотрены в работах группы ученых из ГПНТБ СО РАН [8, 9, 10]. Авторы отметили, что у 29 организаций на сайтах представлены разделы, типа «СМИ о нас» [9, 143], и только у 6 — в новостных лентах сайтов встретились сообщения о статьях сотрудников института, опубликованных в престижных зарубежных и отечественных изданиях» [9, 143].

В ходе исследования, результаты которого мы представляем в данной статье, были проанализированы сайты 118 научных организаций. В ходе первичного знакомства с материалом выяснено: у одного института сайт отсутствует, ряд организаций в ходе реформы РАН 2013 г. объединены с другими организациями и представлены в интернете единым сайтом, организации медицинского профиля в некоторых случаях не имеют раздела «Новости» на сайте. Таким образом, итоговая выборка для анализа составила 103 сайта. Хронологические рамки — первое полугодие 2024 г.

Следует отметить, что новостной раздел не всегда «виден» на главной странице сайта. Например,

у Института геологии и минералогии СО РАН есть раздел «Новости геологии» (там за первое полугодие 2024 г. один материал), и раздел «В институте», где и публикуются искомые материалы. У Института химической биологии и фундаментальной медицины раздела «Новости» нет, однако на главной странице есть «Информационные события» (в том числе там содержатся публикации СМИ об институте), а среди других рубрик — «Мероприятия». Поэтому к анализу контента приходилось подходить гибко и вдумчиво, хотя все же у подавляющего большинства институтов рубрика «Новости» есть.

Коммуникативные стратегии раздела «Новости». В статье речь пойдет не о выработанном плане деятельности, не о том, что и как спланировано и какие процедуры выработки стратегии привели научную организацию к такому способу наполнения сайта, а лишь о том, что в итоге у них получилось. То есть это, по сути, не стратегия, а практика. Однако понятие «практика» имеет еще более сложное концептуальное наполнение в социальных науках [11], поэтому мы все же позволим себе остановиться на прижившемся в коммуникативистике выражении «коммуникативная стратегия» [см., напр., 12, 162]. По определению Ван Дейка, коммуникативная стратегия — «это характеристика когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последующих) действиях других участников коммуникации или о локальных контекстуальных ограничениях на собственные (последующие) действия» [13, 274].

В ходе анализа было выявлено четыре наиболее распространенные стратегии, которые можно встретить при наполнении раздела «Новости».

Основная, самая большая группа институтов под новостями понимает события внутренней жизни, это первая коммуникативная стратегия. «Новости» как исключительно «новое внутри института», «события нашей организации» встретились на сайтах 29 научных организаций. То есть для 29 институтов это моностратегия, и иного контента в «Новостях» нет. Чаще всего это информация о предстоящих семинарах, публичных выступлениях, работе диссертационных советов, поздравлениях с защитами и получением грантов, анонсах и программах конференций, некрологах, спортивных и культурных мероприятиях, обращениях руководства (например, предупреждения о телефонных мошенничествах) и конкурсах на замещение должностей. При этом есть организации, которые разделяют понятия «новости» и «объявления». Например, на сайте Института земной коры СО РАН: в разделе «Новости» есть подрубрики: «Конференции», «Совещания», «Новости института», «Публикации в СМИ», «Защиты диссертаций».

Вторая коммуникативная стратегия: публикация в новостях перепечаток или ссылок на материалы СМИ. Она может совмещаться с публикациями о внутренней жизни института. У 27 научных организаций встретилась подобная стратегия популяризации своей деятельности и способ поделиться с аудиторией своего сайта встроенностью сотрудников и тематик института в жизнь страны и региона. Например, Институт философии и права СО РАН приводит два интервью, данные сотрудниками радио «Вести ФМ». Институт физики ФИЦ КНЦ СО РАН пишет, что газета «Наш Красноярский край» побывала в лабораториях института, и дает ссылку на сайт газеты с опубликованным репортажем. Однако иногда определить материал как перепечатку можно лишь по косвенным признакам: например, материалы официального издания СО РАН перепечатывают полностью, подписывая автора материала, но не указывая издание, в котором он был опубликован.

Из 27 десять научных организаций приводят на своих сайтах материалы СМИ чаще, чем раз в месяц.

Третья коммуникативная стратегия заключается в том, чтобы представлять в разделе «Новости» опубликованную в авторитетном научном журнале статью сотрудников института, сопровождая ее аннотацией, а иногда и иллюстрациями, использованными в статье. Может сочетаться с первой и второй стратегией (внутренними новостями и перепечатками из СМИ). При этом в качестве новости выступает не факт публикации статьи, а полученные результаты, которые сайт таким образом доносит до широкой аудитории. Однако при этом они не разъясняются для неспециалистов и никак не комментируются. Такие новости периодически публикуют 15 научных организаций. В этом плане ситуация с 2019 г. не изменилась: «лишь небольшая часть организаций в лентах новостей популярно излагает суть своих исследований, указывает ссылки на персональные страницы ученых и их профили в базах данных научного цитирования, дает дополнительную информацию о статьях в изданиях СМИ и социальных сетях организации, а не просто констатирует факт выхода в свет научной работы» [9, 144].

Четвертая коммуникативная стратегия — самая трудоемкая для реализации — подготовка собственных материалов, популяризирующих научную работу института. Научные организации СО РАН, реализующие эту стратегию, можно поделить на две группы. К первой группе мы отнесли те, где эта работа проводится эпизодически: у них в первом полугодии 2024 г. выходило менее одного материала в месяц. В нее вошли 11 организаций. Ко второй группе мы отнесли те организации, которые публикуют более одного научно-популярного материала в месяц. Таких организаций получилось 14.

Встретилось еще несколько отдельных стратегий ведения раздела «Новости», значительно менее

распространенные: у пяти институтов этого раздела на сайте нет вообще, еще у четырех он в 2024 г. не ведется, еще у четырех на новостях нет дат, то есть невозможно соотнести, к какому периоду они относятся, один институт публикует в новостях только материалы подготовленные о нем пресс-службой другой организации (Томский научный центр). Два института акцентируют работу со школьниками, выкладывают ссылки на научно-популярные лекции.

Иногда на сайтах (отдельными рубриками, не в новостях) есть указание на иные формы популяризации. Два института имеют свои «лектории» на YouTube. Например, на сайте Института мерзлостоведения СО РАН есть раздел «Академический лекторий», где выложены ссылки на девять лекций (от 3 до 45 минут) и еще три фильма об институте. А у Института археологии и этнографии СО РАН в «Археолектории» за четыре года указано около тридцати записей, в том числе фильм «Игнашинская Слобода — назад в будущее» (17 минут), есть указание на семь музеев, в том числе виртуальных.

Сайты ряда научных организаций указывают коллаборацию со СМИ: выкладывают номера, дают ссылки на сайт (даже когда материалы в номере не касаются непосредственно института). Это такие издания, как «Лазер Информ (информационный бюллетень Лазерной ассоциации)», «Якутский мерзлостовед», «Колосс Сибири», «Академический проспект». Однако «Академический проспект» — газета Томского научного центра [более подробно см. 14] по составу материалов более городская, чем научно-популярная. На «Науку из первых рук» есть указание только на сайте Института археологии и этнографии СО РАН. На «Науку в Сибири» ссылаются, если опубликован материал о родной организации.

Сайт как площадка для популяризации научных достижений организации. Под популяризацией науки мы, вслед за Е. Е. Медведевой и В. Н. Азаровой [7, 107], будем понимать распространение информации о научных исследованиях и разработках для широкой аудитории в понятной и простой форме. «Понятие популяризации связано с обнаружением, распространением научных знаний, что ставит проблему взаимодействия субъектов научно-популярной коммуникации (ученых, журналистов и массового адресата)» [15, 404].

В целом, материалы, рассказывающие о научной работе организации для широкой аудитории, встречаются редко. В первом полугодии 2024 года 40 научных организаций вообще не публиковали такие материалы, 26 организаций делали это реже одного раза в месяц, и только 13 организаций публиковали их от одного до двух раз в месяц. В данном случае мы учли организации, которые полностью или частично реализуют третью и четвертую стратегию наполнения раздела «Новости». При том, что «пресса проявляет заметный интерес к новостям

на основе научных публикаций — среднее количество их перепечаток почти всегда выше, чем у других новостных сообщений» [10, 96]. Если говорить о научных центрах, объединяющих несколько институтов, то Омский аграрный научный центр публикует на сайте до 18 научно-популярных материалов в месяц, ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН» — около 9, Омский научный центр СО РАН и Томский НИМЦ РАН — около 4.

Более подробно мы бы хотели остановиться на институтах и научных центрах, реализующих четвертую коммуникативную стратегию, то есть о тех, кто сами готовит материалы для сайта, в которых рассказывается о важных результатах деятельности сотрудников института. Были рассмотрены организации из второй группы, реализующих эту стратегию институтов (публикации чаще одного раза в месяц). В данном случае сайт института выступает как квази-СМИ, рассказывающее о переднем крае науки в рамках своей тематики исследований.

В среднем от 0,9 до 2 материалов в месяц публикуют: Институт биофизики ФИЦ КНЦ СО РАН, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Институт земной коры СО РАН, Институт физики полупроводников СО РАН, Сибирский кольцевой источник фотонов, Новосибирский институт органической химии СО РАН (правда, в материалах нет указания авторства, однако и указания на перепечатку из СМИ тоже нет), Сибирский федеральный научный центр агробиотехнологий РАН (один из подразделов раздела «Медиа» — новости, из которых шесть за семь месяцев 2024 г. — развернутые материалы о различных достижениях организации, в некоторых есть комментарии специалистов; они представляют собой объемные, но не сложные для восприятия тексты), ФИЦ Институт катализа СО РАН (научно-популярные материалы подготовлены по итогам научных статей, конкурсов работ).

От 2 до 5 материалов в месяц выходит на сайте Красноярском НИИ сельского хозяйства ФИЦ КНЦ. За полгода на сайте опубликовано 32 научно-популярных заметки, из них восемь — дублирование материалов об институте с сайтов СМИ, а у пяти материалов есть указание на то, что они подготовлены при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ в рамках федерального проекта «Популяризация науки и технологий» (речь, видимо, идет о гранте, выигранном ФИЦ КНЦ СО РАН). На сайте ФИЦ Институт цитологии и генетики СО РАН есть отдельно раздел «Новости» и отдельно «Пресс-релизы». «Пресс-релизы» представлены информацией об исследованиях и разработках, подготовленные пресс-службой института, их можно отметить как научно-популярные материалы, реализована четвертая стратегия. «Новости» представляют собой совмещение первой и второй стратегий.

От 5 до 10 материалов в месяц публикует Институт ядерной физики СО РАН. В разделе «пресс-центр» есть три колонки: «Новости», «Наука в деталях» и «События». В первую попадают результаты исследований, во вторую — репортажи и интервью. В третьей колонке за первое полугодие 2024 г. были выложены анонсы двух пресс-конференций с информацией об аккредитации.

И наконец, более 10 материалов в месяц выходит у Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН. В разделе «Новости» этого института есть подразделы: «Все новости», «События», «Пресса о нас» (это раздел поддерживался до ноября 2022 г.), «Пресс-релизы». При этом события институтской жизни вынесены справа от новостей отдельной лентой. Пресс-релизы, а их с начала 2024 г. до 25 июля опубликовано 73, во многом совпадают с новостями. Мы можем отнести их к научно-популярным материалам в связи с тем, что заметки содержат разъяснения, комментарии, объяснение пользы для общества и так далее.

В своем исследовании мы отдельно остановились на научных центрах СО РАН. В связи с тем, что до реформы Академии наук в 2013 году они были объединяющими организациями для институтов соответствующих регионов (а некоторые, например, Красноярский, Якутский, Омский остались таковыми и после реформы) они выполняли интегрирующую коммуникационную функцию и могли сохранить ее и после реформы РАН.

Иркутский научный центр публикует в качестве новостей объявления, поздравления и анонсы мероприятий. За первое полугодие 2024 г. на сайте есть перепубликация только одного материала, который условно можно назвать научно-популярным: интервью и.о. директора ИНЦ журналу «Наука и жизнь».

Красноярский научный центр выпускает на своем сайте около девяти материалов в месяц, в которых рассказывается об исследованиях восьми входящих в него научных институтов. Многие материалы начинаются со слов «Красноярские ученые...», в них, помимо научной ценности полученных учеными результатов, приводятся комментарии, разъяснения, почему и кому это полезно и т.п. Это полноценная научная популяризация, использующая сайт центра как точку доступа к массовой аудитории. Кроме новостной ленты, на сайте ФИЦ КНЦ СО РАН есть раздел группы (службы) научных коммуникаций, в нем приведены научные новости о результатах исследований ученых Красноярского научного центра на сайтах «Открытая наука», «Наука в Сибири», выпуски программы «Что и как», выпуски программы «Популярная наука» на «7 канале».

То есть сотрудниками центра ведется целенаправленная работа не только по публикации научно-популярных материалов на сайте центра, но и работа со СМИ: «Вместе с нашей [...] службой научных

коммуникаций Красноярского научного центра СО РАН Анастасия Тамаровская, Мария Байкалова сыграли и успешно реализовали [...] проект Минобра на создание научно-популярного контента [...] Вместе с партнерскими СМИ (NewsLab.ru, «Наш Красноярский край. Главное», «Gornovosti. Красноярск», «Наука в Сибири», «Научная Россия / Scientific Russia») рассказывали жителям Красноярского края и всей страны про разработки красноярских исследователей и истории успеха молодых ученых», — пишет в своем предновогоднем посте руководитель службы Е. Задереев¹.

На сайте Омского научного центра есть раздел «Пресс-центр» со следующими подразделами: новости, мероприятия, конференции, фотогалерея. Новости посвящены различным заседаниям, семинарам, готовности научных сборников и т.п. Есть также раздел «Публикации в СМИ», который не ведется с февраля 2023 г.

Омский аграрный научный центр свою коммуникационную стратегию выстраивает через взаимодействие со СМИ, в которых и публикуются материалы о центре: в первом полугодии 2024 г. их выходило более 17 в месяц.

Сайт Томского научного центра функционирует скорее как городское СМИ. Там публикуется более девяти новостей в месяц: это и наука, и мероприятия для школьников и жителей, и ремонт дорог, и вопросы зонирования. В разделе «СМИ о нас» публикуется более 15 работ в месяц. Примерно 3-4 материала в месяц можно назвать научно-популярными, то есть в них есть не только результаты исследований, но и комментарии, пояснения. Основанием для публикаций становятся научные статьи, отчеты по грантам и даже лекции для школьников (например, о сибирских динозаврах).

Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН реализует как стратегию взаимодействия со СМИ, так и публикацию научно-популярных материалов на сайте. На сайте выкладывают около 10 материалов в месяц, которые СМИ публикуют о центре. Популяризация на сайте представлена материалами в формате карточек для социальных сетей, публицистическими портретными материалами, научно-популярными текстами на основе научных статей.

Якутский научный центр популяризацией на сайте почти не занимается: в месяц выходит примерно один материал.

Якутский научный центр комплексных медицинских проблем в большей степени реализует коммуникативную стратегию взаимодействия со СМИ: в среднем в месяц на сайте приводится один текст интервью или заметки, опубликованный в местных СМИ.

В тех случаях, когда на сайте публиковались материалы, которые популяризировали деятельность института и результаты исследований его сотрудни-

¹ https://vk.com/wall2455415_2820

ков, было выявлено три коммуникативных стратегии: 1) перепечатки материалов СМИ об институте, 2) аннотации научных статей в высокорейтинговых журналах, 3) материалы, подготовленные сотрудниками пресс-служб: корреспонденции с мероприятиями с разъяснением полученных результатов, пресс-релизы, адресованные журналистам, истории / интервью с интересными сотрудниками.

Подытоживая, отметим, что в ходе анализа выделены четыре основные стратегии ведения раздела «Новости» на сайтах научных организаций: публикации исключительно внутренних событий института (29 организаций); перепечатка материалов СМИ (27 организаций); аннотации научных статей без объяснения для широкой аудитории (15 организаций); создание собственных научно-популярных материалов (25 организаций). Большинство институтов использует несколько стратегий. Организации, создающие свои материалы, и таким образом, рассказывающие широкой аудитории о результатах своей работы, можно считать серьезными агентами массовых коммуникаций в области популяризации науки и научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рысакова П. И. Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде / П. И. Рысакова // Медиалингвистика. — 2022. — 9 (4). — С. 309-329.
2. Кабакова Е. А. Веб-сайт научно-исследовательского учреждения: наполнение, посетители, развитие / Е. А. Кабакова, В. С. Усков // Вопросы территориального развития. — 2014. — Вып. 3 (13). — С. 1-12.
3. Гулин К. А. Интернет-портал как средство популяризации деятельности научной организации / К. А. Гулин // Проблемы развития территории. — 2015. — Вып. 5 (79). — С. 52-65.
4. Третьякова О. В. Повышение посещаемости веб-сайтов научной организации и их продвижение в сети интернет / О. В. Третьякова, В. Н. Маковеев, В. Л. Чугреев // Социальное пространство. — 2016. — № 5 (07). — С. 1-19.
5. Соловьев П. Сайт научной организации как комплексный коммуникативный продукт / П. Соловьев // Наука и инновации. — 2014. — № 4 (134). — С. 29-31.
6. Пирумова Л. Анализ веб-сайтов научно-

исследовательских учреждений АПК / Л. Пирумова, А. Непочатых, С. Тимофеевская // Экономика сельского хозяйства России. — 2022. — № 8. — С. 36-42.

7. Медведева Е. Е. Популяризация науки на сайтах российских вузов: модели и форматы / Е. Е. Медведева, В. Н. Азарова // Вопросы журналистики. — 2021. — № 10. — С. 107-127

8. Юдина И. Г., Базылева Е. А. Информационно-аналитические услуги академической библиотеки на базе новостной научной информации // Библиотечное дело. — 2019. — Т. 68. — № 5. — С. 475-483.

9. Юдина И. Г., Базылева Е. А. К вопросу об отражении медиаинформации на сайтах академических учреждений Новосибирского научного центра / И. Г. Юдина, Е. А. Базылева // Коммуникативная культура: история и современность: Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. 1 ноября 2019 г. / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск — 2019. — С. 142-145.

10. Косяков Д. В. Научная коммуникация в средствах массовой информации на примере институтов Сибирского отделения РАН / Д. В. Косяков, И. Г. Юдина, З. В. Вахрамеева // Научные и технические библиотеки. — 2019. — № 9. — С. 83-101.

11. Волков В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин СПбГУ: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008. — 298 с.

12. Сковородников А. П. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») / А. П. Сковородников, Э. А. Королькова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3. — С. 160-172.

13. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. Ван Дейк // Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна Де Куртэнэ, 2000. — 308 с.

14. Булгакова О. В. Корпоративное издание как канал коммуникации и средство накопления репутационного капитала научной организации / О. В. Булгакова, П. П. Каминский // Вопросы журналистики. — 2023. — № 13. — С. 5-26.

15. Коняева Ю. М. К проблеме выявления речевых маркеров классификации научно-популярных медиатекстов / Ю. М. Коняева, В. К. Шифф // Медиалингвистика. — 2024. — 11 (4). — С. 402-432.

Новосибирский государственный университет

Беленко В. Е., заведующая кафедрой массовых коммуникаций

E-mail: viktoria_belenko@mail.ru

Новосибирский государственный университет, Сибирское отделение Российской академии наук

Позднякова Ю. С., старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций Гуманитарного института НГУ, начальник Управления по пропаганде и популяризации научных достижений СО РАН

E-mail: mostovichka@gmail.com

Novosibirsk State University

Belenko V. E., Head of the Department of Mass Communications

E-mail: viktoria_belenko@mail.ru

Novosibirsk State University, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Pozdnyakova J. S., Senior Lecturer of the Department of Mass Communications, Head of the Department for Propaganda and Popularization of Scientific Achievements of the SB RAS

E-mail: mostovichka@gmail.com

РОССИЙСКОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Д. М. Васильев, Н. В. Поплавская

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 22 января 2025 г.

Аннотация: целью работы является определение проблематики диссертационных исследований российских ученых на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, а также динамики защиты исследований в период с января 2018 г. по январь 2024 г. Актуальность работы заключается в необходимости наращивания не только практической, но и научно-исследовательской деятельности в области медиаобразования, вызванной возрастанием силы воздействия СМИ и СМК на аудиторию.

Ключевые слова: медиаобразование, медиаграмотность, медиапедагогика, педагогика, образование, наукометрия

Abstract: the purpose of the work is to identify the problems of dissertation research of Russian scientists for the degrees of candidate and doctor of sciences, as well as the dynamics of research defenses in the period from January 2018 to January 2024. The relevance of the work lies in the need to increase not only practical but also research activities in the field of media education, caused by the increasing power of the impact of media and mass media on the audience.

Keywords: media education, media literacy, media pedagogy, pedagogy, education, science, scientifocomentrics

С целью составления представления об актуальных для российских исследователей вопросах медиаобразования была проведена выборка, в которую вошли авторефераты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, относящиеся к проблематике медиаобразования и охватывающие разные аспекты этой сферы. Изученные диссертации были представлены к защите в период с января 2018 г. по январь 2024 г. и защищены в диссертационных советах российских образовательных организаций, а их авторефераты опубликованы на сайте Высшей аттестационной комиссии (ВАК) и сайтах ведущих организаций.

В 2008 г. А. В. Федоров в своем наукометрическом исследовании полагал, что количество работ, в разной степени посвященный проблематике медиаобразования и медиаграмотности со временем будет неизменно расти [1]. В 2019 г. Т. Б. Исакова представила результаты анализа количества диссертационных исследований по научной специальности 10.01.10 «Журналистика» в период с 2012 г. по апрель 2018 г. Согласно полученным данным, за указанный период к защите было представлено 473 диссертационных исследования, из которых с тематикой медиаобразования связаны лишь 9 работ [2].

По итогам поиска диссертационных исследований на сайте ВАК с указанием ключевых научных специальностей удалось установить, что за изучаемый

период к защите было представлено 148 работ, из них 126 — по научной специальности 10.01.10 «Журналистика» и 22 — по 5.9.9 «Медиакоммуникациям и журналистике».

Из 146 диссертационных исследований с тематикой медиаобразования связаны лишь шесть диссертаций (4% от общего числа).

Поиск по ключевым словам («медиа», «медиаобразование» и др.) позволил отобрать еще шесть диссертационных исследований, связанных с тематикой медиаобразования. Отобранные по ключевым словам исследования, выполненные в рамках иных научных специальностей.

Всего для анализа было отобрано 12 диссертационных исследований.

Отметим, что за рассматриваемый период наибольшее количество защит диссертационных исследований пришлось на 2023 г. — четыре работы. Три, две и три диссертации были защищены в 2022 г., 2019 г. и 2018 г. соответственно. Диссертационных исследований по тематике медиаобразования и представленных к защите в 2019 г. и 2020 г. на сайте ВАК найти не удалось.

Результаты, полученные Т. Б. Исаковой, не подтверждают слова А. В. Федорова о росте количества научных работ, посвященных проблематике медиаобразования. В нашем исследовании можно говорить о росте диссертационных исследований по теме медиаобразования в процентном соотношении (5,4% против 2% соответственно). Однако, важно отметить, что Т. Б. Исаковой были проанализированы ав-

торефераты только в рамках научной специальности 10.01.10 «Журналистика». Кроме того, автором был рассмотрен шестилетний период, в нашем же случае — пятилетний. Напомним, что, и в нашем ис-

следовании, и в работе Т. Б. Исаковой речь идет исключительно о диссертационных исследованиях и не касается иных научных трудов.

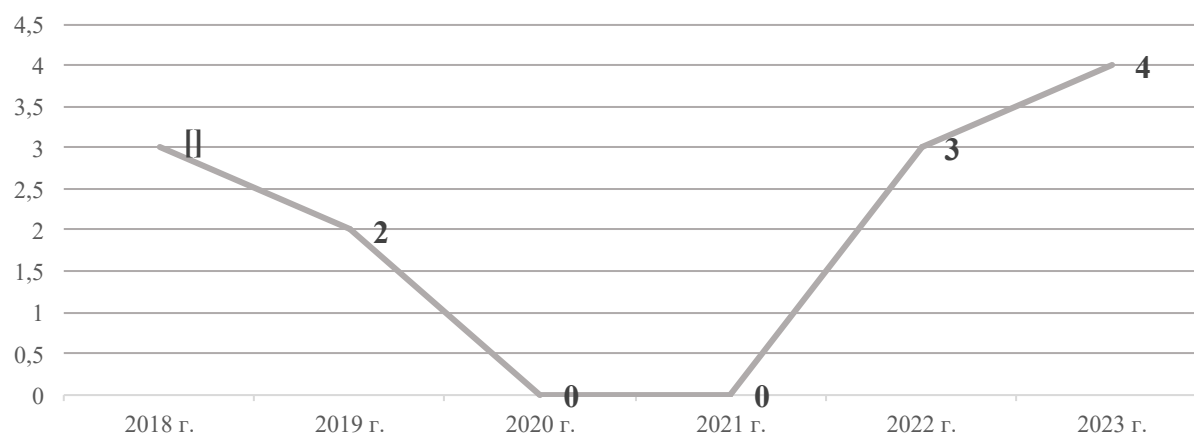

Диаграмма 1. Динамика количества защит диссертационных исследований по тематике медиаобразования с начала 2018 г. по начало 2024 г.

Работы А. В. Прохорова, А. Р. Марфициной и А. А. Геворгян посвящены студенческим СМИ и их роли в подготовке специалистов для конвергентной журналистики. По словам А. В. Прохорова, университетские медиа играют главную роль в процессе медиаобразования [3]. А. Р. Марфицына считает, что трансмедийный образовательный проект способен стать действенным инструментом по формированию у студентов универсальных профессиональных компетенций в процессе обучения [4]. По мнению А. А. Геворгян, внутривузовские СМИ требуют особого внимания, так как они находятся под сильным влиянием новых технологий. Исследователь считает, что вузы посредством собственных медиасред и внутривузовских СМИ должны обучать студентов фундаментальным представлениям о глобально открытой информационной цивилизации, управление которой базируется на знаниях законов природы, образования и медиа [5].

В исследовании Е. Л. Крыловой рассматривается важность медиаобразования в личностном, в том числе и патриотическом, воспитании студентов. Согласно работе, медиаобразование оказывает содействие в создании модели формирования патриотического сознания студентов [6].

М. М. Друкер и В. А. Хворова в своих диссертационных исследованиях рассматривают вопросы влияния медиа на формирование ценностных ориентиров молодежи. Согласно мнению М. М. Друкер, социальные сети несут риски и угрозы психологическому здоровью школьников и направлены на разрушение ценностных ориентаций и мировоззрения. Для профилактики и нейтрализации негативного воздействия и в целях продвижения традиционных ценностей необходимо активное обучение медиаграмотности и медиабезопасности [7]. В. А. Хворова

пишет о том, что медиапотребление современной молодежи отличается от предыдущих поколений в силу его непрерывности. Определяющим фактором в интеллектуальном, социальном и духовно-нравственном развитии молодежи становится медиасреда, из-за чего сегодня в обществе усиливается разрыв между старшими поколениями и молодежью. Это в свою очередь приводит к трансформации ценностных ориентиров.

С. С. Гамисония изучает формирование медиакомпетентности будущих учителей средствами смешанного обучения и выделяет следующие его условия: организация стимулирующей среды в ходе формирования медиакомпетентности будущих учителей; освоение основ педагогического дизайна студентами в процессе учебно-профессиональной деятельности; сотрудничество преподавателя и студентов; организация командной работы студентов в проектной деятельности [9].

С. В. Петрова исследует медиакомпетентность педагога гуманитарно-художественных дисциплин и указывает на то, что это динамическая система ценностей, личностных качеств, профессионально-личностного опыта, медиаобразовательных знаний, умений и способностей субъекта к осмыслению, анализу, созданию и творческой интерпретации образовательных и художественных медиатекстов в мультимедийной образовательной среде [10].

Е. С. Кыштымова считает, что психологическая медиакомпетентность выступает составляющей общей профессиональной компетентности специалистов по рекламе и связям с общественностью. Она определяет их готовность к созданию психологически эффективной медиапродукции и прогнозированию особенностей воздействия медиатекстов на потребителей [11].

Х. С. Абдулаева называет коммуникативную компетенность важнейшим направлением в профессиональной подготовке студентов, изучающих иностранные языки. Особую роль в этой подготовке автор отводит мультимедийным средствам. Они, по мнению автора, способствуют творческому решению профессионально-педагогических задач в условиях информатизации, массовой коммуникации и глобализации образования [12].

Согласно Е. С. Кильпеляйнен, современные стандарты российского журналистского образования отстают от стандартов цифровых конвергентных редакций и требуют модернизации. По мнению исследователя, конкурентоспособность журналиста на современном медиарынке определяется набором ключевых «гибких» компетенций [13].

Работа П. С. Котляр посвящена социальным предикатам новомедийного субъекта в дискурсе медиаграмотности. Автор пишет о том, что отношения между личностью и современным медиапространством «не экологичны», так как существует влияние со стороны концепции восприятия интернета как пространства анонимного взаимодействия. Поэтому медиаграмотность — это новый принцип коммуникационной культуры и возможный путь синхронизации субъекта как главного участника межличностного взаимодействия в новом медийном пространстве [14].

С целью систематизации полученной информации о проблематике изученных исследований было принято решение отобразить ее в виде диаграммы и соотнести с теориями медиаобразования, предлагаемыми А. В. Федоровым [15].

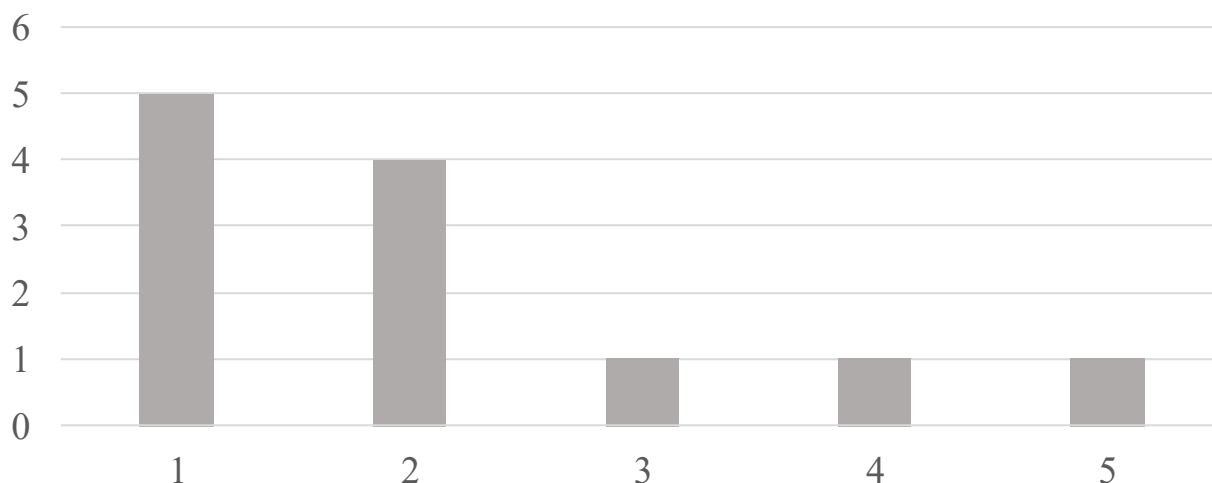

Диаграмма 2. Количество диссертационных исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, представленных к защите в диссертационных советах российских образовательных организаций в период с января 2018 г. по январь 2024 г., и их проблематика в соответствии с теориями медиаобразования А. В. Федорова [15].

Столбцы: 1. Теория медиаобразования как развития критического мышления; 2. «Практическая» теория медиаобразования; 3. Идеологическая теория медиаобразования; 4. «Протекционистская» теория медиаобразования; 5. Культурологическая теория медиаобразования.

Сегодня в силу высокой доступности средств создания и распространения информации количество ее источников достигло беспрецедентных масштабов, а качество значительно снизилось.

Снижение качества информации происходит сегодня из-за того, что автором и распространителем информационного продукта может стать любой человек, имеющий смартфон, компьютер и т.п. Зачастую, такой человек не обладает журналистским или иным профессиональным образованием и, соответственно, информация, которую он распространяет, может нести вред аудитории. Такая ситуация требует от аудитории критического отношения к информации, с которой она сталкивается в жизни, и умения анализировать, кто и с какой целью ее опубликовал.

То, что сегодня исследователи уделяют внимание

практической роли медиаобразования, мы связываем, с одной стороны, с необходимостью подготовки все большего количества высококвалифицированных кадров в сфере медиа, а с другой — с потребностью обучения аудитории качественным навыкам работы с информацией. Сегодня информация стала обладать довольно высокой силой воздействия и она может ложиться в основу не только личностной, но государственной безопасности. Это требует от общества как критического отношения, так и высококомпетентного подхода к информационно-медийному вопросу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров А. В. Медиаобразование: вчера и сегодня / А. В. Федоров. — М., 2009. — Режим доступа: <https://ifap.ru/library/book430.pdf> (дата обращения: 18.04.2024).

2. Исакова Т. Б. Освещение проблем медиаобразования в научных трудах. Часть 2. Научные исследования в области медиаобразования в России в период 2012-2018 гг. / Т. Б. Исакова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2019. — Т. 1, № 4. — С. 112-121. — Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_41404333_19328439.pdf (дата обращения: 17.04.2024).
3. Прохоров А. В. Уровневая модель медиауниверсума современного университета: автореф. дис. ... докт. филол. наук / А. В. Прохоров. — Воронеж, 2023. — Режим доступа: [https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=100072284](https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=100072284) (дата обращения: 30.03.2024).
4. Марфицына А. Р. Трансмедийный образовательный проект как инструмент формирования профессиональных компетенций журналиста в условиях цифровой интеграции университетских СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Р. Марфицына. — Воронеж, 2022. — Режим доступа: [https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=100063646](https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=100063646) (дата обращения: 15.03.2024).
5. Геворгян А. А. Молодежные внутривузовские СМИ как типологический, медиаобразовательный и медиакоммуникативный феномен в контексте развития эффективной медиасреды вуза: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Геворгян. — Воронеж, 2022. — Режим доступа: [https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=100063774](https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=100063774) (дата обращения: 21.04.2024).
6. Крылова Е. Л. Формирование патриотического сознания студентов вузов средствами медиавоспитания: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. Л. Крылова. — Самара, 2019. — Режим доступа: [https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=100046170](https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=100046170) (дата обращения: 22.03.2024).
7. Друкер М. М. Контент социальных медиа как фактор формирования ценностных ориентиров подростков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. М. Друкер. — Воронеж, 2022. — Режим доступа: http://www.science.vsu.ru/dissertations/10229/Автореферат_Друкер_М.М..pdf (дата обращения: 08.03.2024).
8. Хворова В. А. Медиапотребление современной молодежной аудитории: проблема формирования ценностных ориентиров: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Хворова. — Воронеж, 2023. — Режим доступа: [https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=100075585](https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=100075585) (дата обращения: 01.04.2024).
9. Гамисония С. С. Формирование медиакомпетентности будущих учителей средствами смешанного обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук / С. С. Гамисония. — Майкоп, 2023. — Режим доступа: [https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=100076592](https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=100076592) (дата обращения: 05.03.2024).
10. Петрова С. В. Формирование медиакомпетентности педагогов гуманитарно-художественных дисциплин в системе дополнительного профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук / С. В. Петрова. — Воронеж, 2018. — Режим доступа: [https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=100035996](https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=100035996) (дата обращения: 03.04.2024).
11. Кыштымова Е. С. Формирование психологической медиакомпетентности будущих специалистов в области рекламы и связей с общественностью: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е. С. Кыштымова. — Хабаровск, 2023. — Режим доступа: [https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=100074594](https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=100074594) (дата обращения: 24.04.2024).
12. Абдулаева Х. С. Формирование коммуникативной компетентности будущих бакалавров с использованием средств мультимедиа (профиль подготовки «Иностранный язык»): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Х. С. Абдулаева. — Махачкала, 2018. — Режим доступа: <https://disk.yandex.ru/i/DuncOXV03TkXTf> (дата обращения: 12.04.2024).
13. Кильпеляйнен Е. С. Трансформация профессиональных компетенций журналиста в период цифровизации медиапространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Кильпеляйнен. — М., 2019. — Режим доступа: [https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=100039220](https://vak.minobrnauki.gov.ru/az/server/php/filer_new.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=100039220) (дата обращения: 02.04.2024).
14. Котляр П. С. Социальные предикаты новомедийного субъекта в дискурсе медиаграмотности: автореф. дис. ... канд. философ. наук / П. С. Котляр. — Казань, 2018. — Режим доступа: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F_223053493/KotlyarPS_avtoreferat.pdf (дата обращения: 09.04.2024).
15. Федоров А. В. Медиаобразование и медиаграмотность / А. В. Федоров. — Таганрог, 2004. — Режим доступа: https://www.medigram.ru/netcat_files/108/110/h_eeb1101786a4523d0a2cdb2f01e962a0 (дата обращения: 10.04.2024).

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Васильев Д. М., аспирант
E-mail: vasilyev_dm@pfur.ru

Поплавская Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций
E-mail: poplavskaya_nv@pfur.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Vasilev D. M., Postgraduate Student
E-mail: vasilyev_dm@pfur.ru

Poplavskaya N. V., Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor of the Mass Communication Department
E-mail: poplavskaya_nv@pfur.ru

«УШЕДШИЕ В ВЕКА»: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ НЕКРОЛОГА (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛОВ ПРИРОДЫ И ОХОТЫ)

О. Ю. Васильева

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье впервые введенные в научное обозрение некрологи «памяти русских охотников», опубликованные на страницах дореволюционных журналов природы и охоты конца XIX — начала XX вв., анализируются в рамках лингвопрагматического подхода. В ходе исследования выявлены жанрообразующие параметры текстов (функционально значимые, диктумно-тематические, композиционно-структурные) и способы их репрезентации. В заключение сделаны выводы о жанровой природе, полифункциональности, языковой формульности текстов, предлагается собственно авторское определение некролога как особого речевого жанра.

Ключевые слова: некролог, институциональный дискурс, жанрообразующие параметры, интенциональная установка, полифункциональность, панегирическая традиция, языковая формульность.

Abstract: the article analyzes the obituaries of the “memory of Russian hunters” for the first time introduced into scientific review, published on the pages of pre-revolutionary nature and hunting magazines of the late XIX — early XX centuries within the framework of a linguopragmatic approach. The study revealed genre-forming parameters of texts (functionally significant, dictum-thematic, compositional-structural) and ways of their representation. Conclusions are drawn about the genre nature, polyphony, linguistic formularity of texts, and the authors’ definition of an obituary as a special speech genre is proposed.

Keywords: obituary, institutional discourse, genre-forming parameters, intentional attitude, multifunctionality, panegyric tradition, linguistic formularity.

Некролог входит в состав речевых высказываний, написанных «на память/в память», таких, как извещение о смерти, выражение соболезнования, надгробная речь, поминальный тост и др., и является жанром, который создается «только раз в жизни» [1, 32]. А главное — посвящен издревле волнующей человечество теме — «возможности говорить о смерти» [1, 20].

В современных гуманитарных науках отмечается многообразие подходов к исследованию некрологических текстов [2], которые реализуются в рамках литературно-творческого наследия [3; 4], в ракурсе журналистской интерпретации [5], в аспекте коммуникативно-дискурсивного анализа [6; 7; 8].

В коммуникативно-прагматическом отношении некролог является одним из жанров институционального дискурса, который в интерпретации российского лингвиста В. И. Карасика понимается как «коммуникация в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [9, 61]. В этом смысле некролог включен в сферу действия корпоративной культуры и адресован близким, коллегам, соратникам. По сути, в некрологе покойного характеризуют «как члена определенного профессионального сообщества...» [7, 55], а сам некролог как «выражение скорби коллектива целой организации» [7, 56].

Некролог имеет социокультурное значение, поскольку фиксирует прижизненные достижения выдающегося деятеля своего времени после его кончины. По справедливому замечанию С. Т. Пальчук и Т. Б. Маклаковой, «98% информации некролога — про жизнь. В нем только два предложения о том, где и в каком возрасте человек умер. А весь остальной текст — это трактовка жизни этого человека» [8, 165].

Всем этим требованиям отвечают зафиксированные в журнальной беллетристике дореволюционной эпохи некрологи. Эмпирической базой исследования послужили 14 текстов, извлеченных из журналов природы и охоты конца XIX — начала XX вв.: «Русский охотник» (1890-1895), «Дневник охотника» (1891-1893), «Псовая и Ружейная охота» (1894-1907), «Семья охотников» (1908-1914), «Природа и охота» (1878-1912). «Увековечиванию» [10, 1] удостоились преданные «привольной охоте» яркие представители охотничьего сообщества, чей жизненный и творческий путь пришелся на этот период. Среди них — «старый тип истинного страстного охотника» (Х. С. Зиммерлинг, Э. А. Новицкий), охотники-общественные деятели (А. Ф. Федоров), охотники-писатели (В. В. Де-Коннор, А. А. Черкасов), охотники-редакторы (Н. П. Ермолов, С. В. Озеров), охотники-редакторы-издатели (Г. Г. Мин). Выбранные источники представляют особую ценность: со-

держат неизвестные сведения и факты разносторонней деятельности охотников-профессионалов той поры.

Возникший интерес к так называемым «охотничьим» некрологам обусловлен неоднозначной их коммуникативно-жанровой природой. Они включают интенции разных дискурсивных практик, в соответствие с которыми реализуются функции этих текстов: информационная, панегирическая, аккумулятивная, функция «конструирования социальных смыслов» [1, 36], функция реконструирования образа умершего. Интерпретация некролога в рамках лингвистического жанроведения открывает новое его понимание и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования — выявить базовые жанрообразующие параметры рассматриваемых некрологов и способы их репрезентации. Методология, основанная на принципах лингвожанроведческого анализа, позволяет изучить функции и средства языкового воплощения жанрообразующих этих текстов.

Предметно-тематическое своеобразие некрологов соответствуют их интенциональной установке — увековечить имена и деяния значимых для охотничьей субкультуры людей, что подтверждают формулировки заголовков: «В память Александра Александровича Черкасова» [12, 358]; «Памяти Сергея Владимировича Озерова» [13, 619]; «Памяти охотника» [14, 324] (о Христиане Семеновиче Зиммерлинге); «Памяти друга» [15, 73] (о В. В. Де-Конноре). В заголовке некролога о Николае Петровиче Ермолове выражено отношение автора к герою: «В память незабвенного учителя» [16, 425]. Зафиксированы наименования некрологов, в которых обозначен вектор описания героя — «К портрету» [17, 246] (об Александре Михайловиче Ломовском).

Своеобразной преамбулой в иницирующей части текстов-некрологов следует считать стандартную информацию — это сообщение о кончине того или иного охотника с указанием даты смерти и ее причинах, которая, как правило, воспринимается членами охотничьего общества с огромнейшей скорбью и глубоким чувством сожаления. Эта часть структурно-текстовой организации жанра некролога имеет разные способы языкового воплощения:

1. Стандартно, при помощи базового перформативного глагола «скончался»: «5-го сего июня, в 9 часов утра, скончался в усадьбе «Лочкино», Тверской губернии, после продолжительной и тяжелой болезни, А. Ф. Федоров» [18, 211]; «9-го ноября скончался, 78 лет от роду, Георгий Георгиевич Мин, редактор-издатель первого охотничьего органа в России «Журнала Охоты» [19, 741]; «14 октября 1903 г. от паралича сердца скончался Сергей Владимирович Озеров...» [20, 620].

2. Метафорически, глаголами с переносным значением «не стало», «смерть вырвала», «покинул»:

«11 мая 1890 года его не стало!» [16, 425]; «...смерть, безжалостно вырвав из наших охотничьих рядов совсем еще бодрого и по годам не старого человека...» [14, 73]; «Поздним вечером 14-го октября он правил корректуры журнала; вдруг ему стало не по себе, а через минуту редакторский карандаш сжимала уж холодеющая рука... стремительно покинул он семью охотников» [13, 619].

3. Описательно, при помощи устоявшихся, формульных сочетаний, среди которых — «спешу сообщить», «не можем обойти молчанием», «не могу не выразить», «считаем священным долгом известить»: «Спешу сообщить о последовавшей кончине нашего собрата по страсти, Эмерика Александровича Новицкого...» [21, 55].

Строки сожаления об утрате, зачастую сопровождающиеся традиционной для русского языкового сознания формулой самоуничижения со стороны автора некролога, облечены в форму риторического вопроса: «Зачем приходится переживать сознание, что возле меня не стало человека, на братскую помощь которого я всегда мог рассчитывать?...» [22, 84]. Подобные размышления авторов некрологов с интенцией переживания инкрустированы и конструкциями с риторическими восклицаниями, как в некрологе о С. В. Озерове: «Больно и обидно, господа!... Нет сил выразить мою скорбь и печаль! Велика заслуга Сергея Владимировича! Тяжела потеря!» [23, 621]. В тексте об А. А. Черкасове находим: «Редает круг старых охотников-писателей!.. Немного уж их осталось, и известие о смерти одного из последних тяжело отзывается в душе истинных охотников. Кто их заменит?! Да и возможна ли в наше время эта замена?» [24, 281]. Важным и определяющим жанровым параметром композиционной структуры некролога стала информация о биографических данных того или иного ушедшего от нас представителя Охотничьего сообщества. Так, в некрологе об А. Ф. Федорове отмечены факты его профессионального роста: «Покойный состоял членом Московского Общества охоты (впоследствии почетным членом) с 15 марта 1874 г., директором — с 1878 г., и секретарем того же Общества — с 1879 г. В Императорском Обществе правильной охоты А. Ф. состоял долгое время сначала членом-любителем, а затем непременно членом и казначеем до самой своей кончины...» [18, 211]. Во многих текстах упомянуты достижения в сфере издательской деятельности: «В течение многих лет покойный неутомимо, с редкой энергией, всесторонним знанием охотничьего дела, работал в нашей литературе. Отдел собаководства на страницах «Псовой и ружейной Охоты» развит был до широких пределов благодаря его участию, которым он вносил много разнообразного, дельного и интересного материала...» [25, 73]. При характеристике заслуг С. В. Озерова важен такой факт: «Отдавая всей душой горячо любимому им делу, он сумел

поставить журнал, действительно, на высоту...» [13, 619]. О писателе-охотнике А. А. Черкасове читаем: «*Зап. Охот. Вост. Сиб.*» останутся настольной книгой для каждого охотника по прекрасному, поэтическому изложению охотничьей жизни...» [24, 281].

Неотъемлемой составляющей диктумной организации некролога можно считать и характеристику личностных качеств ушедших. О системе духовно-нравственных ценностей Н. П. Ермолова свидетельствуют следующие строки: «*Его советы — без лицемерия, его помощь — без задней мысли, его отзывчивость не покупная, его расположение, если вы его достойны, до конца дней...*» [16, 425]. А. Ф. Федоров предстает как «цельная натура»: «*Покойный был очень любим в среде своих товарищей-охотников и был ими уважаем. Оно и понятно: он был очень ровен в обхождении, обладал большим тактом, целеустремленностью и сердечностью...*» [18, 211]. Интерпретация духовно-нравственного портрета Георгия Георгиевича Мина строится с помощью антитезы, согласно которой этот писатель-охотник выглядит как истинный профессионал и яркая личность: «*Нельзя не сказать в заключение о прекрасных качествах покойного Георгия Георгиевича, как человека и как литератора. Враг всяких резкостей и замечательно воспитанный, добрый, честный и умный человек*» [19, 741]. Текстобразующими элементами в этой части некролога становятся языковые средства, позволяющие понять истоки плотного и плодотворного сотрудничества в среде охотников, которое, как оказалось, зиждется на принципах доверия, единения и товарищества, что, безусловно, сближает его с понятием единого целого, чему исторически в русском языковом сознании соответствует понятие *семьи*. Носители русского языка воспринимают слово *семья* и в переносном значении: «группа людей, объединенных общей деятельностью, общими интересами» [11]. Поэтому каждый из членов «охотничьего братства» воспринимает это профессиональное объединение как семейное сплочение. Лексико-семантическими маркерами, эксплицирующими идеи семейной близости, чувства товарищества, ассоциирующиеся с родственными (братскими) отношениями, можно считать такие описательные выражения, как «*семья охотников*», «*охотничье братство*», «*собратья по благородной страсти*», «*дорогой сотоварищ*», «*память нашего бывшего сотоварища*», «*добрый товарищ-охотник*». Гармония духовного и нравственного начала, восходящая к семейным ценностям, отчетливо прослеживается и в словообразовательных особенностях используемых авторами некрологов лексем (*собрать, сотоварищ, соратник*), поскольку большинство из них содержат префиксальный компонент — *со-*, который издревле в русском языке «при добавлении к существительным образует номинации со значением общего участия в чем-либо» [11].

Актуальны описательные наименования-перифразы, содержащие панегирические характеристики персонажей некрологов и подчеркивающие идею их столь успешного и беззаветного служения своему делу: «*истинный поклонник благородной страсти*» [21, 55]; «*беззаветно преданный своему делу работник*» [18, 211]; «*великий вождь последних, но преданных до последних дней славной русской охоты*» [16, 425]. Интересно метафорическое описание достоинств героев некрологов, где сила и мощь их таланта сравнивается с раскидистым деревом, как в тексте о Николае Григорьевиче Бунине: «*Это тело, столь слабое по виду, было мощным, раскидистым деревом по духу, и под ветвями его находили приют и духовную пищу все, кто алкал и жаждал, в ком только еще загоралась охотничья страсть...*» [22, 84]. Зафиксированы метафорические сопоставления героев некрологов с «певцом», «светочем», «маяком», согласно которым охотники-деятели ассоциируются с носителями высоких идей истины и просвещения: «*Замолк певец, никогда не изменившей своим песням, порвались струны, связывающие нас с добрым прошлым русской привольной охоты!...*» [22, 85]; «*Преждевременно угас тот яркий светоч, который много лет подряд блеснул как маяк, освещая путь блуждающим в тумане братьям...*» [20, 620]. Некоторые тексты включают обращение к читателям с просьбой почтить память скончавшегося охотника: «*С душевной и сердечной болью... редакция «Семьи охотников» предлагает читателям журнала почтить память нашего бывшего сотоварища и охотника-писателя скромным сооружением мраморной плиты или бронзовой доски к памятнику, сооружаемому семьей покойного в 1909 году*» [25, 73].

Финальная часть структурно-композиционной организации жанра некролога содержит риторически обусловленные языковые формулы, отсылающие к древней панегирической традиции. С одной стороны, это фразы с пожеланием мирного и вечного упокоения: «*Мир праху твоему, добрый товарищ-охотник и вполне хороший человек*» [18, 211]; «*Мир праху его! Это был истинный охотник, всей душой преданный охотничьей страсти*» [21, 55]. «*Бренному телу вечный покой! Имя Николая Григорьевича будет жить на Руси, пока не потухнет последняя искорка охотничьей страсти*» [22, 85]; «*Спи спокойно, бескорыстный труженик! Людская злоба не дойдет туда, где Истина, Свет и Вечность блистают для обиженных и оклеветанных!*» [21, 55]. С другой стороны, обращения к современникам и потомкам, которые являются связующими элементами между прошлым, настоящим и будущим. Например, «*Мы будем вспоминать тебя, как старый тип истинного страстного охотника*» [14, 324]; «*Увековечим память об учителе учреждением выставочного приза «Ермоловского»*» [16, 425].

В заключение следует констатировать, что в «охотничьих» некрологах доминирующим коммуникативно значимым параметром является их полифункциональность.

Информационная функция некролога проявляется уже в иницирующей части текста, где излагается извещение о кончине того или иного деятеля охотничьего сообщества с чувством глубокого сожаления, а значит, это событие предается огласке. Поэтому некролог — «любой посвященный умершему человеку публичный текст, связанный с ритуалом прощания» [2, 129].

Некролог заимствует черты древней панегирической традиции, которая, с одной стороны, проявляется в риторическом оформлении текста, с другой стороны, в своем прагматическом предназначении, поскольку он создается однажды и «по случаю». В некрологах сама идея одномоментна, требующая немедленного сообщения и скорейшего воплощения, ведь смерть — невосполнимая утрата. Так, и некрологи охотникам обусловлены темпорально-ситуативными условиями своего создания. Каждый текст указывает дату кончины охотника, его достоинства, определяет неоценимый вклад каждого. Как выясняется, эта информация не была доступна современникам.

Аккумулятивная функция закономерно вписывается в диктумное содержание некролога, потому что он адресован «широкому кругу лиц: <...> всем людям, которым доведется прочитать этот текст» [7, 59]. Эта функция некролога реализуется посредством формирования идеи о коллективной памяти, а не только о необходимости осознать утрату всеми членами той или иной социальной группы. В предлагаемых некрологах главная задача — явить миру славные имена охотников, чтобы их знали и помнили потомки.

Согласно функции «конструирования социальных смыслов» [1, 36], некролог, по мнению К. А. Опинко, «оказывается включен в сложную сеть социальных взаимодействий» [7, 56]. В анализируемых текстах авторы показывают отношение представителей тогдашнего охотничьего сообщества друг к другу, их стиль общения и уровень корпоративной культуры. Коммуникация в среде охотников той поры строилась на принципах единения, доверия, товарищества, братства и семейного сплочения, о чем свидетельствуют как обобщающие собирательные номинации, употребляемые в лексиконе охотников («*семья охотников*», «*охотничье братство*»), так и обращения, адресованные конкретным личностям («*собрат по благородной страсти*», «*дорогой сотоварищ*», «*добрый товарищ-охотник*», «*соратник*»).

Функция реконструирования образа умершего мотивирована яркой образно-выразительной составляющей диктумного содержания текста, что, безусловно, связывает некролог с литературной

традицией. Наименования-перифразы, метафорические сравнения, антитезы воплощают духовно-нравственный портрет конкретных образов охотников. Ю. М. Коняева справедливо считает, что «некролог является композиционной разновидностью речевого жанра «портрет» и отличается от других разновидностей характером эмотивности» [6, 451].

Лингвистическая характеристика текстовой структуры некрологов отличается наличием риторических фигур речи (риторических восклицаний, вопросов, обращений), употреблением экспрессивно-оценочных лексических компонентов, использованием языковой формульности (устоявшихся глагольных и субстантивированных сочетаний).

Подводя итоги, сформулируем собственное определение жанра с опорой на лингвопрагматическое его восприятие. Некролог — хронологически и ситуативно обусловленная жанровая речевая форма с ярко выраженной интенциональной установкой, репрезентирующей тему коллективной памяти, фиксацию не только самого факта смерти и необходимости выразить соболезнование, но и характеристику образа, прижизненных достоинств и вклада умершего в общее дело конкретной корпорации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Позднякова Ю. Р. Специфика перевода некролога как жанра институционального дискурса. Автореферат магистерской диссертации / Ю. Р. Позднякова. — Комсомольск-на-Амуре, 2024. — 72с.
2. Еремеева С. А. «Окно в культуру» и «зеркало социуму»: подходы к изучению некрологических текстов / С. А. Еремеева // Диалог со временем. — 2019. — Вып. 67. — С. 129-145.
3. Морозова А. Ю. Новый мир, новый человек, новая биография: революционный некролог как жанр агиографической литературы / А. Ю. Морозова // Идеи и идеалы. — 2020. — № 12 (2-2). — С. 333-350.
4. Надточий Е. Е. К истории становления жанра некролога в русской литературе: некрологи Н. М. Карамзина / Е. Е. Надточий // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 463. — С. 42-46.
5. Гордеева Е. Ю. Жанр некролога в истории русской журналистики (на примере библиографической периодики) / Е. Ю. Гордеева // Медиа в современном мире. Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (21-22 апреля 2022 г.) / отв. ред. А. А. Малышев. В 2 т. Т. 2. — СПб.: Медиапайп, 2022. — С. 17-18.
6. Коняева Ю. М. «Ушедшие в вечность»: речевая презентация творческой личности в некрологе / Ю. М. Коняева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2017. — Т. 14. — Вып. 3. — С. 443-454.
7. Опинко К. А. Прагматика некролога: позиция автора / К. А. Опинко // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2018. — № 9 (42). — С. 50-60.

8. Пальчук С. Т. Коммуникативно-прагматическая модель речевого жанра «Некролог» / С. Т. Пальчук, Т. Б. Макалова // Проблемы массовой коммуникации: новые подходы: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. — Казань: Бук, 2016. — С. 35-41.
9. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5-2.
10. Шмелева Т. В. Словесная составляющая увековечения как культурной практики / Т. В. Шмелева // Ученые записки Новгородского университета имени Ярослава Мудрого. — 2015. — № 4. — С. 1-5.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1999 [электронный ресурс].
- ИСТОЧНИКИ**
12. Яшерев П. В память А. А. Черкасова / П. Яшерев // Псовая и Ружейная охота. — 1895. — № 15. — С. 358-360.
13. Вербицкий Н. Памяти Сергея Владимировича Озерова / Н. Вербицкий // Псовая и Ружейная охота. — 1904. — № 47-48. — С. 619.
14. Чичагов А. Памяти охотника (О Х. С. Зиммерлинге) / А. Чичагов // Русский охотник. — 1895. — № 7. — С. 324.
15. Надеждин Е. Памяти друга (о В. В. Де-Конноре) / Е. Надеждин // Семья охотников. — 1908. — № 4. — С. 73-74.
16. Озеров С. В. Николай Петрович Ермолов. В память незабвенного учителя / С. В. Озеров // Псовая и Ружейная Охота. — 1894. — № 18. — С. 425.
17. Васюков С. А. М. Ломовский (К портрету) / С. Васюков // Русский охотник. — 1892. — № 16. — С. 246.
18. Федоров А. Ф. Некролог // Дневник охотника. — 1892. — № 26. — С. 211-212.
19. Урусов В. Георгий Георгиевич Мин / В. Урусов // Русский охотник. — 1896. — № 47. — С. 741.
20. Писарев А. Сергей Владимирович Озеров. Некролог / А. Писарев // Псовая и Ружейная Охота. — 1904. — № 47-48. — С. 620.
21. Фоминский М. Эмерик Александрович Новицкий. Некролог / М. Фоминский // Псовая и Ружейная охота. — 1894. — № 4. — С. 55.
22. Озеров С. В. Николай Григорьевич Бунин / С. В. Озеров // Псовая и Ружейная охота. — 1902. — № 48. — С. 84-85.
23. Оппоков И. Кончина и похороны С. В. Озерова / И. Оппоков // Псовая и Ружейная Охота. — 1904. — № 47-48. — С. 620-622.
24. Черкасов Александр Александрович. Некролог // Псовая и Ружейная охота. — 1894-195. — № 13. — С. 281.
25. Де-Коннор Валериан Валерианович. Некролог // Семья охотников. — 1908. — № 12. — С. 73.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Васильева О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций

E-mail: vasilyeva_oksa@mail.ru

Dostoevsky Omsk State University

Vasilyeva O. Yu., Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Literature and Document Communications

E-mail: vasilyeva_oksa@mail.ru

ТИПООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ БЛОГОВ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

О. М. Владимирова

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 30 октября 2024 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка выявить минимально необходимый и достаточный перечень типобразующих признаков блогов. За основу взята методика типологического исследования периодических изданий.

Ключевые слова: блогосфера, блоги, типология, типобразующие признаки, классификация, методология, медиакommunikации.

Abstract: the article attempts to identify the minimum necessary and sufficient list of type-forming features of blogs. The methodology of typological study of periodicals is taken as a basis.

Keywords: blogosphere, blogs, typology, type-forming features, classification, methodology, media communications.

Согласно данным Statista, в 2024 г. в мире более 5 млрд. человек пользуются социальными сетями, и, по прогнозам, эта цифра составит более 6 млрд. человек к 2028 г. [1]. О влиянии блогов говорит и статистика по расходам на рекламу и маркетинг: если в 2021 г. глобальные расходы компаний на соцсети составили около 116 млрд. долларов, то в 2023 г. они уже выросли до 269 млрд. долларов [2]. В данном исследовании под блогом понимается авторский продукт в формате онлайн-дневника в текстовой, визуальной или аудиовизуальной форме, размещенный на блог-платформах или в социальных медиа.

Вопросы типологии и систематизации медиа поднимались в работах многих исследователей общества, языка, журналистики, истории, технологий. Маршалл Маклюэн, продолжая исследования Гарольда Инниса [3], изучал влияние средств распространения информации на общество и сформулировал утверждение, что средство коммуникации само по себе является сообщением. Маклюэн выделял дописьменную культуру, письменно-печатную культуру и аудиовизуальные средства коммуникации [4, 31]. Британский социолог Джон Брукшир Томпсон, рассмотрев средства массовой информации с точки зрения герменевтики, оперировал такими понятиями, как «видимость», «идентичность» и «символизм». Актуальным до сих пор является его тезис, что никакие средства информации не могут быть по-настоящему массовыми, они работают лишь с небольшой аудиторией в собственной нише [5, 13]. Отчасти это продолжение идеи Элвина Тоффлера, который писал о демассификации и начале эры индивидуального общения. А сегодня мы это наблюдаем ежедневно, общаясь по телефону или в переписке в личных чатах.

Рассмотрим несколько базовых типологий СМИ, предложенных российскими учеными, и выявим основания для этих типологий.

Московские ученые выделяли несколько оснований для типологии СМИ, и одно из них — исторический контекст (например, с течением времени партийная пресса сменилась независимыми коммерческими изданиями, качественной и бульварной периодикой). Также они выделяли виды СМИ в зависимости от их географической принадлежности, информационного, экономического и социального статуса, а также по типу взаимодействия с политическими структурами, экономическими институтами и потребителями информации [6, 17].

Авторы учебника «Основы журналистской деятельности» предлагают свою версию системы средств массовой информации: это печатная пресса (газеты, журналы, еженедельники, дайджесты, бюллетени, календари), аудиовизуальные СМИ (радио, телевидение, документальное кино, видеовещание, телетекст), информационные службы (телеграфные агентства, рекламные бюро, пресс-службы, агентства по связям с общественностью, профессиональные клубы и ассоциации) [7, 87-88].

Историко-типологическое исследование советской периодической печати провел А. И. Акопов, выделив ее основные типобразующие признаки. Наиболее крупным делением средств информации он назвал деление на массовые и специальные. Массовые рассчитаны на широкую аудиторию, «для всех», специальные — на особого читателя, например научные или отраслевые издания. К периодике того времени автор относил: газеты, журналы, бюллетени, периодические сборники, радио, телевидение, киножурналистику, которые делил на печатные и аудиовизуальные СМИ [7, 99].

Со временем, в результате мультимедийной революции, появились новые медиа — сетевые, а также новая информационно-коммуникационная среда — блогосфера. То есть в процессе медиаэволюции произошёл процесс редукции некоторых видов средств массовой информации и упрощения всей системы СМИ. Исчезли бюллетени, дайджесты, календари, телетекст. Газеты и журналы сохранили деление по двум основным признакам: региональному и тематическому. Причем по тематическому признаку издания также представляют собой два крупных блока: массовые (для всех и обо всем) и специальные (на определенную тему, отраслевые).

Аудиовизуальные СМИ сильно приблизились по технологиям к цифровым медиа за счет появления онлайн-вещания. Сегодня телевидение выполняет свою информационную функцию не только с помощью традиционного телевещания, но и набирает просмотры на различных интернет-площадках, в том числе за счет мобильного трафика. Удобство потребителя диктует свои пути развития.

Однако за счет сетевой формы изданий и появления блогосферы информационный поток не уменьшился и не регрессировал, а напротив: сегодня, открыв социальные медиа, реципиент получает информацию об одном событии во всех возможных визуальных формах, из разных источников, с разной подачей и мнением. И зачастую для него нет разделения на профессиональную журналистику и блогосферу. Границы между всеми каналами информации стерты.

Прежде человек, открывая газету или включая телевизор, понимал, что перед ним труд журналистов — специально обученных, опытных людей, профессионалов, чью работу регламентирует законодательство и этический кодекс и контролирует вышестоящее руководство (начальник отдела, редактор, выпускающий редактор, учредитель). Сегодня, получая порцию новостей в интернете, человек уже с трудом распознает, что перед ним: блог средства массовой информации, где работают профессиональные журналисты, или блог отдельной личности или группы людей, которые создали информационный контент ради своих целей. Более того, неограниченные и неконтролируемые блогеры могут транслировать практически любой контент, и он может быть более привлекательным для аудитории за счет оперативности, откровенности и субъективности. Именно поэтому разработка классификации блогосферы является актуальной научной и практической задачей. Анализ типологических признаков каждого блога позволяет понимать главное: кто его автор и с какой целью создан блог, а также увидеть второстепенные признаки: какая аудитория находится под влиянием блога, как часто он обновляется, какие форматы использует и т.д.

При выявлении минимального набора типообразующих признаков блога возьмем за основу признаки СМИ. По Акопову, основные типообразующие признаки периодических печатных изданий располагаются в виде иерархической лестницы: верхние вытекают из нижних. Этот список можно представить так:

1. Тематика издания
2. Тип издания
 - Издающий орган
 - Читательская группа
 - Задачи и программа
3. Вид издания
 - Авторский состав
 - Внутренняя структура
 - Жанры
 - Оформление
4. Род издания
 - Периодичность
 - Объем (одного номера)
 - Тираж (разовый одного экземпляра)

Тематика издания является обособленным типообразующим признаком. Как все издания делятся на спортивные, кулинарные, научные, литературные, юмористические и т.д., так и блоги делятся по таким же тематикам, вплоть до самых узких тем.

Согласно опросу Фонда общественного мнения в сентябре 2023 г., самыми популярными темами блогов для россиян явились: юмор, здоровье и медицина, политика, кулинария и рецепты, психология, отношения, семья и дети, спорт и фитнес [9].

Первая ступень иерархии определяет кто, зачем и для кого создал это медиа. Например, СМИ по учредителю могут быть государственными, партийными, корпоративными, частными, созданными НКО. Или, например, по читательской группе СМИ делятся на издания по возрасту аудитории: детские, подростковые, молодежные, смешанные, для пенсионеров; по полу: женские, мужские, общие. Задачи издания тоже могут быть различные: информировать, анализировать, развлекать, учить, предоставлять площадку и т.д. Из первой ступени иерархии признаков вытекает то, что находится на следующей ступени и т.д. — в совокупности все эти признаки дают полное представление о том, какое издание перед нами.

Теперь разберем эти типологические признаки в отношении блогосферы и ее основного структурного элемента — блога.

Первый типологический признак — издающий орган. Как и в средствах массовой информации, в блогосфере инициатором создания (учредителем) блога может быть частное лицо или компания, организация. Как отдельный человек, любой желающий, может создать свой личный блог, так и любая организация (государственная, коммерческая, общественная) может создать свой корпоративный блог.

Второй признак — читательская группа или аудитория. При создании средства массовой информации учредитель четко определяет специфику своих читателей или зрителей как минимум по географическому и демографическому признаку или по их интересам. Например, газета «Коммерсантъ» издаётся «для людей, принимающих решения», в частности это 60% мужчин и 40% женщин в возрасте от 25 до 54 лет, с высшим образованием, являющиеся специалистами или руководителями и имеющими доход средний и выше среднего [10].

Особенностью блогосферы является то, что личные блоги могут создаваться не для какой-то конкретной аудитории, а для себя или для друзей и знакомых. Стоит вспомнить, что в основе блога — личные дневниковые записи. Поэтому, переходя к целям создания блога, можно отметить, что целью может быть ведение дневника о своей жизни для самого себя или для своих родных и знакомых (технически это позволяет делать закрытый аккаунт на многих площадках, в него нет открытого доступа всем желающим).

Также целью создания блога может стать желание стать популярным и монетизировать свой контент или привлечение внимания клиентов к своим услугам и профессиональной деятельности. Люди, уже обладающие популярностью (селебрити), часто создают блог для укрепления имиджа и общения со своими фанатами.

Согласно опросам, основная причина создания личного блога — это творческое самовыражение (24%). Также людей мотивирует стать блогерами возможность работать на себя (16%), передача своих знаний и популярность, признание (12%), шанс заработка через блогинг (12%) [11].

Что касается блогов компаний и организаций, то их аудитория обычно включает в себя три группы: *клиенты и партнеры; потенциальные клиенты и партнеры; случайные читатели*. То есть блог газеты «Коммерсантъ» в основном будут читать люди с теми же характеристиками, которые были описаны выше, но при этом аудитория может существенно расширяться за счет случайных читателей. Также отметим тот факт, что газета может как дублировать печатный контент в соцсети, так и добавлять уникальный, для более широкой аудитории.

Цели создания блогов компаний и организаций обычно включают в себя информирование клиентов и партнеров, их удержание и вовлечение, укрепление репутации, продажа товаров и услуг, а также дублирование в цифровой формат других форм, как в примере с блогами печатных и аудиовизуальных средств массовой информации.

Итак, первый блок типоблающих признаков блогов включает создателя блога, аудиторию, для которой он создается, и цель, которую преследует автор. Стоит отметить, что анализ первого блока признаков сразу помогает выявить личные блоги,

блоги селебрити, блоги коммерческих компаний, государственных учреждений, общественных организаций, блоги средств массовой информации и информационных агентств.

Вторая ступень типоблающих признаков включает в себя авторский состав, внутреннюю структуру, жанры и оформление, т.е. характеристики, которые вытекают из первого блока и описывают внутреннее устройство редакции. Для блога здесь имеют значение совсем другие характеристики. Исходя из личности блогера, его целей и аудитории, на втором этапе важно определиться с платформой размещения блога, их количеством и форматом (или форматами) контента.

Платформа размещения блога может быть собственной (свой сайт) или сторонняя. К сторонним относятся различные блог-платформы и социальные сети: YouTube, RuTube, Yappy, Habr, VC, Pinterest, «ВКонтакте», «Одноклассники», «Дзен», Telegram и др. Выбор платформы — ключевой для блога, поскольку от нее зависит и формат контента, и набор инструментов для работы с аудиторией, и возможности продвижения.

Платформы в блогосфере по формату делятся на видеохостинги (YouTube, RuTube), аудиохостинги (подкасты), текстовые («Живой журнал», Habr, VC), визуальные (Pinterest) и смешанные («ВКонтакте», «Одноклассники», «Дзен», Telegram).

По монетизации контента платформы бывают монетизированными (платят блогеру за контент, например, YouTube, «Дзен», «ВКонтакте», Yappy) и немонетизированными (не платят блогеру, например «Одноклассники», TenChat). Стоит отметить, что все медиаплощадки подходят для того, чтобы зарабатывать на них за счет контента. Здесь приведено разделение, касающееся особенностей самой платформы, которая платит популярным блогерам, достигшим определенных показателей.

Также платформы можно разделить на платформы с закрытыми аккаунтами («ВКонтакте», Boosty) и платформы без закрытых аккаунтов («Дзен», TikTok). Закрытые аккаунты позволяют блогерам ограничить круг своей аудитории или писать для себя.

Платформы бывают с лентой (стеной) новостей, которая выдает обновления на платформе по определенным алгоритмам («ВКонтакте», TikTok) и без ленты (Telegram, Boosty, YouTube).

Отдельно можно выделить платформы для коротких форматов: TikTok, Likee, VK Video (видео).

По количеству платформ блоги могут быть мультимедийными и мультиплатформными, т.е. блогер может размещать свой контент только на одной площадке или дублировать его сразу на нескольких. Также блогер может размещать разный контент на разных площадках, но под тем же именем или названием блога. Это зависит от выбранных форматов, например блогер может размещать текстовые по-

сты с фотографиями во «ВКонтакте», а для RuTube, TikTok и Yappy — записывать видеоролики.

Типообразующий признак «жанры» в разрезе блогосферы можно рассматривать как формат контента. Блогер может представить свой контент в разных форматах, таких как текст, фото, аудио, видео, графика, а также в различных вариациях сочетаний этих основных форматов. По способу размещения контент делится на прямые эфиры (стримы), непосредственные посты и отложенные публикации.

В целом второй блок типообразующих признаков демонстрирует большое разнообразие платформ и форматов для блогеров, которые не просто привнес в единую систему. Особой сложностью является динамичность их развития и сила взаимопроникновения. Стоит какой-то площадке предложить новый формат, как через время подобные решения появляются на других платформах. Таким образом, в блогосфере наблюдается процесс конвергенции, который, с одной стороны, еще больше сближает различные платформы, а с другой стороны, отделяет блоги от других форматов в медиaprостранстве.

Третий блок типообразующих признаков включает периодичность, объем (одного номера), тираж (разовый одного экземпляра). Это дополнительные признаки, которые позволяют размежевать издания по количественным характеристикам. Для блогов объем и тираж неприменимы ввиду их цифровой природы. Однако можно выделить другие количественные показатели.

Размер аудитории позволяет разделить блоги на такие группы: до 100 подписчиков (обычно личные, закрытые дневники), до 500 и до 1000 (растущие блоги), до 10 000 (наноблогеры), до 10 до 100 000 (микроблогеры), от 100 000 до 1 млн. (макроблогеры), свыше 1 млн. (мегаблогеры).

Периодичность является важным признаком для СМИ, поскольку это связано и с выстраиванием работы редакции, и с ожиданиями аудитории. В блогосфере предлагается рассматривать блоги с редким обновлением (1 раз в 2-3 месяца), регулярным (1 раз в месяц, неделю), частым (2-3 раза в неделю), ежедневным, нерегулярным (по мере появления контента). Несмотря на то, что ежедневно в мире публикуется 7 млн. постов в соцсетях, большая часть блогов являются нерегулярными или полностью заброшенными.

Вместо объема издания можно рассматривать понятие объема или глубины блога, которое включает в себя количество постов, доступных для просмотра. Понятие объема является важным для новых подписчиков, которые могут просматривать старые

посты блогера. В маркетинговой среде используется понятие «глубины просмотра», поэтому и для блогосферы применим термин «глубины блога». Под этим понимается, насколько глубоко подписчик может пройти в контент блога.

Также блоги можно разделить по длительности существования на новые, существующие до 1 года, от 1-3 лет, от 3-5 лет, от 5 до 8 лет, более 8 лет. Для блогеров показатель длительности существования блогов является значимым, однако этот показатель сильно коррелирует с периодичностью обновления и объемом.

Таким образом, в третий блок типообразующих признаков входят важные количественные характеристики блогов: периодичность, размер аудитории, длительность существования, объему (глубине).

ЛИТЕРАТУРА

5. Количество пользователей социальных сетей во всем мире с 2017 по 2028 гг. — Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users/> (дата обращения: 20.05.2024).
6. Реклама и маркетинг в социальных сетях по всему миру. — Режим доступа: <https://www.statista.com/topics/1538/social-media-marketing/#topicOverview> (дата обращения: 20.05.2024).
7. Иннис Г. Империя и коммуникации и другие работы / Г. Иннис. — М., 2024.
8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. — 2013.
9. Томпсон Дж. Б. Средства массовой информации и современность: социальная теория средств массовой информации / Б. Дж. Томпсон. — Стэнфорд, 1995.
10. Средства массовой информации современной России. — М., 2002.
11. Основы журналистской деятельности. — М., 2024.
12. Акопов А. И. Журналистика: научные работы, публицистика, очерки и зарисовки разных лет / А. И. Акопов. — Ростов-на-Дону, 2012.
13. Дзялошинский И. М. Концепция современного периодического издания / И. М. Дзялошинский, М. И. Дзялошинская. — М., 2023.
14. Блогерство. Отношения россиян к блогерам. — Режим доступа: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14926> (дата обращения: 27.05.2024).
15. Коммерсантъ. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4966189> (дата обращения: 27.05.2024).
16. Статистика блогов 2023: полный список из 47 фактов и статистики. — Режим доступа: <https://firstsiteguide.com/blogging-stats/> (дата обращения: 27.05.2024).

ЖУРНАЛИСТИКА В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ А. С. ЯЩЕНКО

С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 марта 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются место и роль журналистики в творческой судьбе деятеля русского зарубежья А. С. Ященко (1877-1934). Особое внимание обращается на его редакторский опыт в критико-библиографическом журнале «Русская книга» (1921; в 1922-1923 гг. — «Новая русская книга»). Подчеркивается, что Ященко удалось организационно объединить на страницах журнала рассеянных по разным странам мира русских писателей, журналистов, издателей.

Ключевые слова: журналистика, русское зарубежье, А. С. Ященко, «Русская книга», «Новая русская книга».

Abstract: the article deals with the place and role of journalism in the creative destiny of A. S. Yashchenko (1877-1934), a figure of the Russian Abroad. Special attention is paid to his editorial experience in the critical and bibliographical journal "Russian Book" (1921; in 1922-1923 — "New Russian Book"). It is underlined that Yashchenko managed to unite organisationally on the pages of the magazine Russian writers, journalists, publishers scattered in different countries of the world.

Keywords: journalism, Russian Abroad, A. S. Yashchenko, "Russian Book", "New Russian Book".

Видный деятель русского Берлина 1920-х гг., профессор международного права, литературный критик, библиограф Александр Семенович Ященко (1877-1934) внес серьезный вклад в развитие отечественной журналистики. В научной литературе, посвященной творческой биографии А. С. Ященко [1-3], уделено внимание прежде всего его библиографической деятельности. Его журналистский, редакторский опыт изучен недостаточно.

Получив юридическое образование в Московском университете в 1900 г., он удачно сочетал карьеру правоведа с литературно-критической деятельностью. Ященко преподавал в Московском, Юрьевском, Петербургском университетах, подготовил обширный труд «Русская библиография по философии и религии с начала письменности и до наших дней», который был частично напечатан в «Ученых записках Юрьевского университета» в 1915 г. При этом он активно публиковался в периодических изданиях «Век», «Русские ведомости». Многолетняя дружба связывала его с В. Брюсовым. Он был близок кругу петербургских литераторов, особенно А. Н. Толстому, А. М. Ремизову, А. А. Блоку, Г. И. Чулкову.

Во время революции Ященко примыкал к литераторам и философам, группировавшимся вокруг московского журнала «Народоправство». В 1917-1918 гг. он стал ординарным профессором Пермского университета. Весной 1919 г. прибыл в составе первой советской делегации в Берлин в качестве эксперта по международному праву. Возвращаться в Советскую Россию Ященко отказался.

Обосновавшись в столице Германии, он активно занимался публицистической работой: печатался в журналах «Жизнь», «Русский эмигрант», газетах «Голос России», «Накануне».

Также Ященко участвовал в работе берлинского «Дома искусств». Он был первым директором «Русских курсов заочного преподавания», организованных при берлинском отделении американского Христианского союза молодых людей (YMCA), одним из редакторов журнала «Вестник самообразования», выпускаемого курсами. Постепенно он стал авторитетным деятелем русского Берлина, поддерживая дружеские отношения с представителями самых разных политических и литературных кругов. Следует отметить, что Берлин в начале 1920-х гг. по праву считался столицей русского зарубежья и являлся главной площадкой для интенсивного культурного диалога эмиграции и Советской России.

Наиболее заметным вкладом А. С. Ященко в развитие отечественной журналистики стал созданный им в 1921 г. при крупнейшем русском книжном магазине «Москва» в Берлине ежемесячный критико-библиографический журнал «Русская книга». В 1922-1923 гг. журнал выходил в издательстве И. П. Ладыжникова под названием «Новая русская книга». Редактор видел цель издания в объединении сведений о русской литературно-издательской деятельности во всех странах мира. Он стремился «создать из "Русской книги" мост, соединяющий зарубежную и русскую печать» [4, 1], подчеркивал аполитичность журнала. «Для нас нет, в области книги, разделения на Советскую Россию и на эмиграцию. Русская книга, русская литература едины на обоих

берегах. И мы будем стремиться к тому, чтобы наш журнал получил доступ и в Россию. Для того, чтобы наилучшим образом достигнуть этой цели, мы будем оставаться вне всякой политической борьбы и вне каких бы то ни было политических партий» [5, 1], — утверждал Яценко в программном заявлении «От редакции».

Редактор смог организовать распространение журнала не только в зарубежье среди русских эмигрантов, но и в Советской России. «Русская книга», а затем «Новая русская книга» аккумулировали сведения о русской литературной жизни, книгоиздательской и журналистской деятельности. Источниками информации служили обширная переписка редактора А. С. Яценко с литераторами, издателями, журналистами, живущими как в эмиграции, так и в Советской России, а также материалы советских критико-библиографических журналов «Книга и революция», «Печать и революция», обзоры печати газеты «Правда».

Основные разделы журнала: «Общие статьи», «Критика и рецензии», «Хроника и разные заметки», «Писатели», «Пресса», «Книжная летопись». Отдельные статьи в журнале печатали Ю. И. Айхенвальд, Андрей Белый, Б. К. Зайцев, И. Ф. Наживин, М. А. Осоргин, Н. А. Оцуп, А. М. Ремизов, А. Н. Толстой, В. Ф. Ходасевич и др. Сотрудниками критического отдела являлись Р. Б. Гуль (он же был секретарем редакции), А. М. Дроздов, Г. В. Алексеев, Ю. В. Офросимов, Ф. В. Иванов, В. И. Лурье.

Особого внимания заслуживает раздел журнала «Писатели», который неизменно включал рубрику «Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов». Эту рубрику вел сам редактор, который тщательно собирал и публиковал ценные сведения биографического и творческого плана. Для читателей эта часть журнала служила незаменимым источником информации о перемещениях, работе и замыслах не только крупных, прославленных литераторов, но и второстепенных.

Например, в первом номере журнала за 1922 г. содержалась информация о М. Цветаевой, свидетельствующая о ее творческой активности: «Поэтесса, живет в Москве (Борисоглебский, 6, кв. 3). В скором времени в Берлине выходит ее книга стихов “Разлука” (изд. “Геликон”) и “Стихи к Блоку” (изд. “Огоньки”). В Москве выходит книга “Царь-девица”, “Последние похождения Казановы” (проза) и “Книга лирических стихов”» [6, 45]. В этом же номере журнала представлены сведения о трагической судьбе В. Адрианова: «Редактор “Сибирской жизни”, публицист и автор нескольких сочинений по сибиреведению, в первые годы революции вел в Сибирской областной думе и в печати энергичную кампанию против эсеров. В 1919 году выпустил брошюру “Периодическая печать в Сибири”. В 1920 году расстрелян большевиками в Томске» [6, 37].

Со второго номера «Новой русской книги» стараниями редактора вводилась рубрика «Писатели — о себе», которая существовала до конца 1922 г. Редакция уточняла задачи новой рубрики: «путем опроса русских писателей об их жизни за эти смутные годы и об их душевном состоянии выяснить подлинную картину психических и идейных течений в современной русской литературе» [7, 41]. В публикациях рубрики содержались ценные автобиографические сведения, а также хорошо было передано мироощущение литераторов, переживших революцию и Гражданскую войну. В журнале была опубликована 21 автобиография, среди авторов — Б. Пильняк, Е. И. Замятин, А. Н. Толстой, И. Г. Эренбург, С. А. Есенин, К. А. Федин, Н. М. Минский, В. В. Маяковский, Вас. И. Немирович-Данченко, Н. А. Оцуп.

Особого внимания заслуживает автобиография В. В. Маяковского (1922, № 9), которая создавалась для планировавшегося на родине, но так и не осуществленного четырехтомного собрания сочинений поэта. Написанная с присущей литератору самоиронией, она не только дает представление об основных этапах творческого пути Маяковского, но и демонстрирует живость его переживаний ключевых событий эпохи. О своем отношении к Октябрю 1917 г. поэт писал: «Принимать или не принимать. Такого вопроса для меня (и для других москвичей-футуристов) не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось. Начинают заседать» [8, 45].

Важное значение имел раздел «Пресса», представляющий, по задумке редактора, широкий спектр русскоязычных периодических изданий, выходивших в эмиграции и на родине. Почти до середины 1922 г. в журнале давались сведения только об изданиях русского зарубежья. В его части, озаглавленной «Периодическая печать в эмиграции», приводились сведения об открытии новых русскоязычных газет, журналов, о выпуске очередных номеров продолжающей выходить периодики, о закрытии изданий. Только в первом номере журнала за 1922 г. представлены сведения о 65 периодических изданиях, выходящих за пределами России — в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Бессарабии, Турции, Югославии, Чехословакии, Германии, Франции, Соединенных Штатах, Аргентине, Японии, Китае, Дальневосточной Республике. В последующих номерах журнала этот список неизменно дополнялся и корректировался. За период издания «Новой русской книги» «даны сведения о 443 газетах и журналах эмиграции» [9, 252]. Как правило, указывалась основная справочная информация: страна, название издания, его тип, периодичность, редактор, издатель, адрес. Вот как была представлена газета «Новая русская жизнь», выходившая в Финляндии: «Ежедневный орган русской освободительно-государственной мысли. Ред.-изд. Ю. А. Григорков. Helsingfors, Elisabetsgatan 29, lok. 2» [10, 46].

Наряду с краткими сведениями, в журнале представлены также и развернутые записи, в которых дается общая характеристика издания или его отдельного номера. Например, в сообщении «Новой русской книги» (1922, № 6) о журнале «Успехи медицины», выходящем в Берлине в 1922 г., указывались цель издания, его структура. Подчеркивалось, что в журнале принимают участие видные научные силы, как отечественные, так и иностранные.

Следует отметить, что А. С. Яценко, стремясь полноценно представить процесс развития русской прессы, знакомил читателей и с готовящимися проектами. Например, в первом номере журнала за 1922 г. сообщалось об издании в скором времени в Берлине «толстого» журнала «Путник» под редакцией М. Горького при участии А. Н. Толстого, А. М. Ремизова, И. С. Соколова-Микитова. Известно, что результатом подобной задумки стал журнал литературы и науки «Беседа», который выпускался в Берлине М. Горьким вместе с Б. В. Шкловским и В. Ф. Ходасевичем в 1923-1925 гг. (вышло 7 номеров).

С пятого номера журнала за 1922 г. в разделе «Пресса» появилась рубрика «Периодическая печать в Советской России», в материалах которой нашли отражение количественный рост изданий на родине, процесс дифференциации прессы, ее ориентация на различные категории читателей. Например, в первом номере за 1923 г. сообщалось о выпуске восьми новых изданий. Это еженедельный литературно-художественный журнал «Красная нива» под редакцией А. В. Луначарского и Ю. М. Стеклова, ежемесячный антирелигиозный журнал «Безбожник», ежемесячные журналы «Вопросы труда», «Гигиена труда», «Жизнь национальностей», журналы «Экономика, труд и техника», «Экономическое строительство», «Журнал и программы государственных академических театров».

При этом в указанном выпуске редакция упоминала о выходе свежих номеров уже существовавших журналов: «Под знаменем марксизма», «Известия ЦК РКП(б)», «Красная армия», «Журналист», «Народное хозяйство», «Военная мысль и революция», «Коммунистическое просвещение», «Красный интернационал профсоюзов», «Общественный врач», «Под знаменем марксизма», «Пролетарская революция», «На путях к новой школе», «Трудовая школа», «Архив клинической и экспериментальной медицины».

Иногда редакция, не ограничиваясь краткими сведениями, давала более подробную характеристику издания в целом или его отдельного номера. Например, в июльском номере журнала за 1922 г. сообщалось: «Начала выходить литературная и сатирическая „Газета для чтения“»; в вышедших 2 №№ помещены рассказы, фельетоны и стихи О. Л. Д'Ора, Ефима Зозули, Мих. Кольцова, Лидии Лесной, Виктора Юза, Михаила Пустынина, Н. Шебуева и др., а также рисунки и карикатуры художников Б. Автономовского, Б. Ефимова и М. Язвина» [11, 43]. Содер-

жались в издании и сведения о приостановке или закрытии органов печати на родине: «Временно приостановленная из-за отсутствия средств популярная газета Моск[овского] воен[ного] окр[уга] „Красный воин“, после трехмес[ячного] перерыва, начала выходить вновь, при поддержке Моск[овского] С. Р. Д.»; «В Харькове закрылась из-за отсутствия средств красноармейская газета „Красный боец“» [11, 44].

Отметим, что редактор А. С. Яценко был активным автором издания. Его перу принадлежат объемные статьи и обозрения. В обозрении «Литература за пять истекших лет», открывающем последний — сдвоенный — номер за 1922 г., А. Яценко предлагает свою периодизацию послереволюционной литературы. Первый этап — 1918 г., когда «вместо предполагаемого подъема народного творчества, какое-то оцепенение охватило русскую литературу. Пророческая поэма Блока „Двенадцать“ прозвучала одиноко» [12, 1]. Второй период — 1919-1920 гг., которые обозреватель считает временем «страшного падения, духовной тьмы и гробового молчания. <...>. Литературная пустыня. <...>. Рассеяние русских писателей, ученых, журналистов по всему свету. Зарождение русских издательств, книжных и газетных, за рубежом» [12, 1]. Третий период — 1921-1922 гг. — «постепенное восстание из мертвых». <...>. Воссоздание русской литературы за рубежом, возобновление литературной деятельности в России» [12, 1]. Отмечая географическое и политическое разделение русского общества на две части, на Советскую Россию и эмиграцию, он подчеркивает, что «в русской литературе глубокого разделения не произошло. Русская наука и русская литература, в сущности, остались едиными здесь и там» [12, 1-2].

В статье «Ненужные препятствия», опубликованной в выпуске «Новой русской книги», ставшем финальным в истории журнала (сдвоенный, № 5/6 за 1923 г.), редактор счел нужным еще раз повторить важную для программы издания мысль: «нельзя противопоставлять русских в Советской России и за рубежом друг другу, как два мира или два враждебных лагеря. <...> всякая русская (не политическая) деятельность, русская культурная работа, где бы она ни производилась, должна быть рассматриваема как общерусское дело» [13, 1].

Избегавший политических тем в редактируемом журнале, А. С. Яценко все же опубликовал во втором номере издания за 1923 г. цикл стихотворений о красном терроре в Крыму «Усобица» М. А. Волошина, нелегально переправленный автором через границу. Это было первое и единственное появление стихотворного текста (полностью, а не в виде цитат) в этом критико-библиографическом журнале. В нем также цитировалось письмо поэта: «Эти стихи лучше, чем всякие письма, дадут понятие, что делалось и что переживалось за эти годы. Они написаны с точностью документов» [14, 46]. Публикации

ей стихотворений Волошина, своего однокурсника по Московскому университету и давнего друга, редактор продемонстрировал иллюзорность установок на аполитичность издания.

Политическое размежевание русской эмиграции, инфляция в Германии, кризис русского литературного Берлина привели к закрытию журнала осенью 1923 г. После прекращения издания Яценко больше не занимался журналистской деятельностью. В Россию он так и не вернулся, не примкнул ни к одной общественной или литературной группе в эмиграции. С осени 1924 г. он поселился в Литве, где заведовал кафедрой международного права Каунасского университета. Здесь Яценко выпустил на литовском языке несколько работ по международному праву. В начале 1930-х гг. вернулся в Берлин. Умер Александр Семенович Яценко 10 июня 1934 г. в Берлине в возрасте 57 лет, хотя был, по словам Р. Гуля, «крепко сшитый, физически сильный <...> без всяких интеллигентских «вывихов»» [15].

Его отношение к родине хорошо проявляют строки из статьи «Русская книга после октябрьского переворота», опубликованной в первом номере журнала «Русская книга»: «И мы чувствуем, что мы — русские, русскими хотим остаться и русскими умереть, что бы ни случилось и куда бы нас ни загнала судьба. И наши дети пусть будут русскими, хотя бы им и пришлось жить вдали от России сто лет» [16, 5].

По мнению современных исследователей, «Русская книга» (затем «Новая русская книга»), созданная А. С. Яценко, служила «доказательством непрерывности культуры, ее существования в беспримерных условиях Гражданской войны и государственной смуты. Журнал Яценко принял на себя функцию организационного объединения рассеянных по разным уголкам земного шара литераторов, ученых, работников книги» [17, 18]. Материалы издания А. С. Яценко, имеющие большую фактографическую ценность, активно используются современными исследователями истории русской литературы, журналистики, книгоиздательского дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михеева Г. В. Яценко Александр Семенович / Г. В. Михеева // Библиотечная энциклопедия. — М., 2007. — С. 1214.

*Воронежский государственный университет
Гладышева С. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и литературы.
E-mail: svetglad@mail.ru*

2. Фокеев В. А. Яценко Александр Семенович / В. А. Фокеев // Библиографы: биобиблиогр. справочник. — М., 2010. — С. 315.

3. Цветкова С. Г. Роль интеллигенции русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. А. С. Яценко / С. Г. Цветкова // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусств. — 2008. — № 3. — С. 26-30.

4. [Яценко А. С.] От редакции // Новая русская книга. — 1922. — № 1. — С. 1.

5. [Яценко А. С.] От редакции // Русская книга. — 1921. — № 1. — С. 1.

6. [Яценко А. С.] Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918-1922 гг. // Новая русская книга. — 1922. — № 1. — С. 37-45.

7. [Б. п.] Писатели — о себе // Новая русская книга. — 1922. — № 5. — С. 41-43.

8. Маяковский В. В. Писатели — о себе / В. В. Маяковский // Новая русская книга. — 1922. — № 9. — С. 39-45.

9. Гуткина А. М. «Новая русская книга» / А. М. Гуткина // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918-1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. — М., 2000. — С. 250-253.

10. [Б. п.] Русские периодические издания за пределами Советской России в 1922 г. // Новая русская книга. — 1922. — № 1. — С. 46-48.

11. [Б. п.] Периодическая печать в Советской России // Новая русская книга. — 1922. — № 7. — С. 43-44.

12. Яценко А. С. Литература за пять истекших лет / А. С. Яценко // Новая русская книга. — 1922. — № 11/12. — С. 1-7.

13. Яценко А. С. Ненужные препятствия / А. С. Яценко // Новая русская книга. — 1923. — № 5/6. — С. 1-5.

14. Волошин М. А. Усобица: [Стихотворения] (Цикл о терроре 1920-21 гг.) / М. А. Волошин. // Новая русская книга. — 1923. — № 2. — С. 46-48.

15. Гуль Р. Я унес Россию / Р. Гуль. — Т. 1. Ч. 1. — Режим доступа: https://dk1868.ru/history/gul1_1.htm (дата обращения: 15.01.2025).

16. Яценко А. С. Русская книга после октябрьского переворота / А. С. Яценко // Русская книга. — 1921. — № 1. — С. 2-7.

17. Русский Берлин 1921-1923: по материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. — 2-е изд., испр. — Paris — М., 2003.

*Voronezh State University
Gladysheva S. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism and Literature Department
E-mail: svetglad@mail.ru*

МЕДИАКРИТИКА КАК РЕФЛЕКСИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

А. Л. Дмитриевский

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Поступила в редакцию 5 февраля 2024 г.

Аннотация: в рецензии рассматривается коллективная монография ученых Саратовского исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского «История медиакритики в России: очерки и материалы»¹, в которой представлена история отечественной медиакритики.

Ключевые слова: журналистика, социальный институт, медиакритика, литературная критика, эссеизм.

Abstract: the review examines a collective monograph by scientists of Saratov State Research University named after N. G. Chernyshevsky «The History of media Criticism in Russia: essays and materials», which presents the history of Russian media criticism.

Keywords: journalism, social institution, media criticism, literary criticism, essayism.

Рассматривая журналистику как социальный институт интеграции общества (наряду с экономикой, политикой и культурой — Т. Парсонс) и понимая под ее «общим методом» («способом самодвижения» — Г. В. Ф. Гегель) «оперативную массовую общественную рефлексию» (Ф. Муминов), невозможно игнорировать факт наличия у любой подобной системы (что обосновано синергетикой) наличия внутреннего «механизма», органа самоуправления — структуры, отвечающей за самосохранение и развитие «тела организма» (раз уж мы говорим о социуме — органической материи, живой ткани общества). Таковой, на наш взгляд, и выступает медиакритика относительно журналистики: если последняя является «волшебным зеркалом» для самопознания общества, то медиакритика — рефлексией для самой журналистики. И выступала таковой с самого момента возникновения «организованной коммуникации».

Вопрос возникновения журналистики достаточно спорный, и посему сошлемся на Г. В. Прутцкова, выделяющего три версии ее появления: привычно-официозную (логичную, но «парадоксальную»), связанную с появлением первых печатных газет (прессы) в начале XVII в. (Германия, 1609 г.); концепцию «протожурналистики» — ораторского искусства и религиозного проповедничества (Древняя Греция, V в. до. Р. Х.); и третью, устной коммуникации как коммуникации первых людей (Эдемский сад: Змей и Ева, Ева и Адам, Адам с Евой и Бог и т.д.). И что самое интересное, «медиакритика», как «критико-оценочное

познание медийного содержания» (А. П. Короченский), проявляет себя с самого момента возникновения человека. Как минимум по итогам, так сказать, «эдемских коммуникаций», признанных вредоносными в силу наличия в них «социально ущербных идей». Результат «медиакритического разбирательства» — изгнание из Рая и наказание участников смертностью. Если взять более реальный сценарий и более близкий нам по времени, то жесткой «медиакритике» подвергались первые реальные издания, газеты Цезаря (59 год до н.э.) «Акта сенатус» и «Акта диурна», за то, что сейчас называется «джинсой» — проплаченными (заказными) материалами. Более того, в результате «медиакритического казуса» (нелицеприятных отзывов об императоре Тиберии), в 15 году н.э. была закрыта газета «Акта сенатус», что есть первый в мире случай цензурного наказания прессы в результате все того же «критико-оценочного познания медийного содержания».

Таким образом, медиакритику как феномен нельзя назвать чем-то неизвестным человечеству. Иное дело, возникновение ее как молодой и активно развивающейся научной дисциплины. Любая полноценная научная дисциплина включает в себя генезис, анализ наличного состояния и перспективы (прогнозы) развития объекта исследования. То есть знания в данной конкретной области должны быть приведены в систему, структурированы. И вот тут и проявляется основная — весьма острая — проблема современной отечественной медиакритики: теоретических знаний, исследовательских имен и практического опыта накоплено достаточно, но ей необходима «сборка». Сегодня это наиболее актуальная для нее задача, серьезной попыткой подступить к которой и является рассматриваемая монография.

В этой связи автор предисловия «От редактора», профессор В. В. Прозоров пишет: «Ныне назрела

¹ История медиакритики в России: очерки и материалы: коллективная монография / В. В. Прозоров и др.; под редакцией В. В. Прозорова. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2019. — 350 с.

потребность в подведении промежуточных итогов систематических занятий, связанных с постепенно складывающимися пропедевтическими представлениями о важных страницах, этапах и характеристиках истории медиакритики в России». И далее фокусирует внимание на методологическом аспекте создания монографии: «В течение последних трех лет на кафедре общего литературоведения и журналистики СГУ работают две исследовательские группы: одна под началом профессора И. А. Книгина занимается преимущественно материалами истории возникновения и движения русской журналистской критики XIX в.; в центре внимания другой группы под руководством профессора Е. Г. Елиной — исторические процессы, связанные с драматически сложным развитием медиакритики в XX–XXI вв.».

Подобный — комплексный — подход, с разделением исследовательских «сфер влияния», видится не просто разумным, но стратегически наиболее перспективным: ведь в любой сфере познания волей-неволей формируются «группы по интересам», рождаются особо увлеченные исследователи, знающие предмет свой глубже, детальнее, «любвейнее» (в философском и преподавательском смысле слова) и потому способные не просто продвинуть его в науке, но и совершить масштабные теоретические обобщения. (Теплится надежда, что пора «многостаночников» в нашей образовательной среде пройдет, и вузовское бытие ученого войдет в сбалансированное и комфортное состояние «персональные исследования — преподавание».)

Рассмотрим структуру монографии, составленной из трех частей.

Глава первая «*К истории журналистской критики XIX — начала XX века*», написанная Ю. Н. Аникеевой, С. В. Артёменко, Т. А. Волконской, К. М. Захировым, И. А. Книгиным, Д. Л. Рясовым, заново открывает нам мир русской журналистики с точки зрения формирования медиакритических воззрений, берущих свое начало в живительном и поныне актуальном источнике отечественной литературной критики: богатстве ее творческих направлений, деятельности таких журналов, как «Вестник Европы», «Северная пчела», «Московский телеграф», «Московский вестник», «Русское богатство», опыте еженедельных иллюстрированных изданий.

Справедливо отмечается значительное влияние критики на общественную жизнь как во времена оны (литературные критики — властители дум читающей публики), так и в трансформированном эпохой виде и сегодня: с развитием сетевых и электронных информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) критика (а в нашем случае и медиакритика), уступив пьедестал иным выразителям «общественного мнения» (в частности, представителям массовой культуры), тем не менее оказывает существенное влияние на ход исторического

процесса в нашей стране, как бы «растворившись» во множестве разнообразных сфер общественно-публицистического бытия, но не потеряв былого влияния и мощи. И критика, и медиакритика обнаруживают себя в социально-культурном миссионерстве, в просветительском пафосе, стремлении говорить с аудиторией по душам, стремлении позитивно осмыслить профессиональную деятельность СМИ.

Аналогичное исследование, «Беллетристика глазами русских писателей», выполненное на кафедре журналистики и связей с общественностью ОГУ им. И. С. Тургенева, показало, что историческое наследие отечественных писателей и журналистов еще не освоено, содержит гигантский пласт идей и концепций, составляющих значительный корпус представлений о профессиональном (и что особенно важно — специфически русском) качестве журналистской творчески-преобразовательной деятельности. Можно констатировать: у нас много прекрасных медиакритиков-практиков, но далеко не все они способны к значительным теоретическим обобщениям.

Вторая глава «*Републикации*» (тесно связанная с первой), скрупулезно подготовленная и откомментированная профессором И. А. Книгиным, представляет собой хрестоматию, содержащую непосредственные критические тексты таких незаслуженно отодвинутых на второстепенные роли ярких журналистов, как М. Л. Песковский, А. К. Шелер-Михайлов, И. Ф. Василевский, К. П. Победоносцев, Н. К. Михайловский, Д. А. Коропчевский, С. Н. Кривенко, И. И. Ясинский. Обращение к аутентичным текстам эпохи дает не только понимание персонального видения авторами проблем литературной критики тех лет, но и позволяет получить эстетическое удовольствие от прочтения их статей — почувствовать, что называется, вкус эпохи, стиль, уловить личностные (человеческие) нотки. И расширить кругозор, разумеется. Кроме того, представленные тексты предусматривают широкое поле для дальнейших исторических изысканий: как точечных (творческая лаборатория того или иного журналиста), так и контекстных — тенденций и форм публицистики, отражающей веяния и тенденции общественного бытия имперской журналистики России того времени.

Глава третья «*К истории медиакритики XX–XXI веков*», пожалуй, самая «открытая» для обсуждения и дискуссий. Авторы: С. В. Артёменко, И. В. Бибина, А. Н. Болкунов, Л. С. Борисова, Е. Г. Елина, М. В. Ерохина, А. Н. Зорин, А. М. Ишмухамедова, Р. И. Павленко, А. В. Раева, А. А. Тишков, Ю. В. Урванцова, под руководством профессора Е. Г. Елиной, в отличие от предыдущих фрагментарно-точечных исследований, замкнулись (в хорошем смысле слова) на целую эпоху: от истоков большевизмской печати до бытия современной интернет-медиакритики. Понятно, не претендуя на исчерпанность темы.

И здесь, пожалуй, наиболее сложным вопросом является переоценка, переосмысление советского опыта медиакритики, который необходимо, как говорится, разложить по полочкам, тщательно взвесив и отшелушив от идеологических наслоений. Чтобы не повторилась ситуация с теорией журналистики, только-только начавшей складываться в единую систему к 80-м гг. XX в.: которая в результате «величайшей геополитической катастрофы XX века» (В. В. Путин) была отброшена целиком, отвергнута без каких-либо критических рефлексий. А вместе с водой был выплеснут и ребенок. Сегодня приходится мучительно искать собственное «лицо», разгребать огромное количество нанесенных с Запада доктрин и концепций («девестернизировать» отечественную «медиаологию»).

Можно сказать, используя общеметодологический подход, предполагающий в журналистской деятельности задачи прагматические и творческие, что советская медиакритика, выстроенная в рамках сталинской системы печати, носила в дальнейшем очевидно прагматический характер («цель — результат»). Особое внимание уделялось убеждению и пропаганде социалистических взглядов на мир, воспитанию «советского человека», советской общности. Это не всегда было плохо. Сегодня любая идеология запрещена конституционно (13-я статья, которую президенту не удалось отменить на последнем общероссийском референдуме), поэтому диктат партии сменился диктатом идей либерализма — и что из них вреднее для медиакритики, большой вопрос: диктат идей либо диктат капитала. Пока эта дилемма не решена.

Хотелось бы, чтобы в журналистике в целом и медиакритике в частности преобладали бы задачи творческие, скажем так, герменевтические, гуманитарные. И здесь нельзя не отметить (увы, профессиональная деформация) потенциал эссеизма, в лоне которого медиакритика могла бы обрести мощный источник творческой реализации. Развиваясь в рамках философско-антропологического подхода, эссеистика предоставляет автору широкий спектр жанровых возможностей: являясь сама по себе «свободным» жанром, она легко принимает

формы эссе-рецензии, эссе-обзора, эссеистического комментария и авторской колонки. С другой стороны, позиция частного мыслителя (эссе — экзистенциальная рефлексия автора) позволяет избежать «социального гипноза» — довлени глобальных концепций и систем (философских, социокультурных, религиозно-догматических). Потенциал эссеизма, как и медиакритики, еще не оценен по достоинству и не раскрыт, но, как субъективная диалектика, он носит сугубо гуманистический, человекоориентированный, экзистенциальный характер.

Учитывая значимость в жизни современного человека ИКТ, их бурное развитие и влияние, роль медиакритики, несомненно, возрастает с каждым днем и даже часом. И задача у нас, как теоретиков журналистики, всячески способствовать ее становлению, что, как хочется надеяться, приведет к повышению уровня и качества журналистики в целом, и — далее по цепочке — к адекватному и разумному развитию нашего общества. На этом долгом и тернистом пути сделан очередной трудный, но важный шаг: написана монография «История медиакритики России».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриевский А. Л. Беллетристика глазами русских писателей / А. Л. Дмитриевский // Былое и мы. Журналистика и литература в пространстве культуры. — Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2018. — 156 с.
2. Дмитриевский А. Л. Эссеистика как эвристическая стратегия: философско-методологический и творческий аспекты / А. Л. Дмитриевский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2019. — № 2. — С. 92-96.
3. Короченский А. П. Медиакритика в теории и практике журналистики / А. П. Короченский. — Ростов-на-Дону, 2003.
4. Прутцков Г. В. Введение в мировую журналистику. От Античности до конца XVIII века / Г. В. Прутцков. — М., 2010.
5. Тулупов В. В. Роль медиакритики в развитии медиакультуры современного общества / В. В. Тулупов // Проблемы массовой коммуникации. — Воронеж, 2019. — Ч. 2. — С. 40-42.

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

*Дмитриевский А. Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью
E-mail: dmitrovskiyal@ya.ru*

*I. S. Turgenev Oryol State University
Dmitrovsky A. L., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism and Public Relations Department
E-mail: dmitrovskiyal@ya.ru*

ОСОБЕННОСТИ ВОВЛЕКАЮЩЕГО КОНТЕНТА В БРЕНД-МЕДИА

М. Н. Ким, Е. М. Пак

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Поступила в редакцию 24 февраля 2025 г.

Аннотация: в статье рассмотрены основные подходы в создании вовлекающего контента в бренд-медиа с целью его вирусного продвижения в интернете. На основе комбинированного исследования (опроса журналистов и контент-анализа «Тинькофф-журнала») были выявлены ключевые элементы вовлекающего контента: интерактивный инструментарий публикаций, персонализированная информация, игровые форматы. При изучении данного вопроса были учтены не только технические, но и психологические составляющие в создании вовлекающего контента.

Ключевые слова: бренд-медиа, контент-маркетинг, вовлекающий контент, интерактив, персонализированная информация

Abstract: in the article the authors examine the main approaches to creating engaging content in brand media for the purpose of its viral promotion on the Internet. Based on a combined research (a survey of journalists and content analysis of «Tinkoff Magazine»), key elements of engaging content were identified: interactive publication tools, personalized information, and game formats. Studying this issue, the authors try to take into account not only technical but also psychological components in creating engaging content.

Keywords: brand media, content marketing, engaging content, interactive, personalized information.

В современных условиях бренд-медиа, сформировавшиеся в последнее десятилетие XXI в. [1], применяют в своей деятельности не только журналистские методы создания и распространения информации, но и инструменты маркетинга. Только в отличие от традиционной модели контент-маркетинга, суть которой состояла в управлении информацией о бренде [2], в бренд-медиа стали использовать новые технологии, которые при производстве контента ориентируются на ее вирусное распространение. Сегодня вопросы «вирусной коммуникации» становятся предметом изучения не только в маркетинге, но и в теории журналистики [3].

Кроме этого, многие бренд-медиа, как утверждают исследователи, стремятся сегодня к построению интеракционных и вовлекающих коммуникаций в социальных сетях [4].

Для традиционных СМИ модель **трансляционных** коммуникаций была наиболее распространенной, так как обмен информацией между участниками коммуникативного взаимодействия носил линейный и механистический характер. В качестве создателя информации в данном случае выступает коммуникатор, а реципиент — лишь как пассивный потребитель этих сведений.

Интеракционная модель коммуникации предполагает уже более деятельное участие людей в создании и распространении сведений. Поэтому характер коммуникации носит здесь нелинейный

и диалогический характер [5]. Здесь участники коммуникативного взаимодействия включаются в совместную деятельность по производству и распространению информации. Поэтому общение между ними носит живой характер, в ходе которого у людей вырабатывается общий взгляд на вещи, действия и решения. Однако, чтобы подобного рода интеракция состоялась, отправителю информации необходимо определенным образом воздействовать на получателя, чтобы тот не только активно включился в коммуникативное взаимодействие, но и начал сам продуцировать и воспроизводить определенные сведения. Так в бренд-медиа стали использовать технологию вовлекающего контента.

Сегодня данный термин не связан с научными исследованиями. Чаще всего данное понятие используется в публикациях в деловых изданиях, блогах, социальных сетях. Под данным термином понимают такие информационные послания (это может быть интересный пост, фотография, комментарий, история, видеоролик и т.п.), которые способны вызывать у людей определенные эмоциональные реакции и действия, то есть вовлечь людей в коммуникативное взаимодействие. С технической точки зрения создание вовлекающего контента, как подчеркивают исследователи, необходимо для его вирусного продвижения в социальных сетях [6].

Современные компьютерные алгоритмы настроены на отбор только тех материалов, которые имеют наибольшее количество лайков, комментариев и репостов. Все эти публикации используют

интерактивные элементы такие как опросы, голосования, задания, вызовы, призывы к действию и т.п., стимулирующие читателей к обсуждению в комментариях.

Информация, не пользующаяся читательским вниманием, автоматически исчезает, уступая место более интересному для пользователей контенту. Поэтому при создании вовлекающего контента тщательно изучают поисковые запросы людей, на которые реагируют алгоритмы социальных сетей. Впрочем, при создании вовлекающего контента учитывается не только ее техническая сторона, но и психологическая. Ведь для укрепления связи между медийным продуктом и аудиторией вовлекающий контент должен вызывать у людей определенные эмоциональные реакции: улыбку, одобрение, радость, восторг, удивление, волнение и даже гнев. В этом случае эмоции выступают как инструмент в удержании внимания аудитории.

Таким образом, именно за счет интеграции технических и психологических составляющих создается вовлекающий контент, способный определенным образом воздействовать на восприятие и поведение целевой аудитории.

Создание вовлекающего контента — целое искусство. И без знания ее ключевых элементов вряд можно достичь успеха в данном деле.

Что же это за элементы?

В ходе нашего комбинированного исследования мы провели, с одной стороны, опрос среди действующих сотрудников бренд-медиа¹, а с другой — контент-анализ одного из самых популярных бренд-изданий «Тинькофф-журнал». Данный подход позволил нам не только выявить и описать ключевые элементы вовлекающего контента, которые используются для привлечения, удержания и внимания аудитории, но и показать, какое текстовое исполнение они имеют в конкретном издании.

85 процентов опрошенных нами журналистов выделили в вовлекающем контенте — **интерактивность**. Интерактивные элементы в материале используются, по их мнению, не только для привлечения и удержания внимания пользователей, но и повышения вовлеченности пользователей к взаимодействию с контентом. В бренд-медиа данные параметры выявляются через количество лайков, комментариев к постам, репостов, реакций и т.д. Вот какое мнение высказал один из наших респондентов: «Алгоритмы легко считывают наиболее популярные среди пользователей материалы и показывают их чаще в ленте новостей. Таким образом, круг читателей в разы увеличивается». Данное высказывание подтверждается и контент-анализом «Тинькофф-журнала» («Т-Ж»).

¹ В онлайн-опросе участвовало более 20 журналистов за период с ноября 2024 г. по январь 2025 г.

Например, интерактивный инструмент публикации на сайте «Т-Ж» выражен кнопкой репоста на социальные платформы («Вконтакте», «Одноклассники», Pinterest, Twitter, Telegram), возможностью написать комментарий в специальном открытом окошке, которое идет сразу после основного повествования, или поставить лайк, а также пройти тестирование, опрос, голосование или поучаствовать в челлендже, поделиться своим чек-листом и др.

С помощью интерактивного опроса или квиза редакция может получить самые разнообразные сведения о пользователях, об их интересах и предпочтениях, а уже на этой основе сформировать персонализированные предложения для людей. Полученные данные позволяют более точно определить запросы людей на ту или иную информацию.

Не случайно 80 процентов опрошенных нами журналистов выделили в вовлекающем контенте наличие **персонализированной информации**, которая стала одной из ведущих трендов. Мы поинтересовались у опрошенных: «Чем привлекателен данный подход?». И вот какие суждения под данному поводу получили.

Во-первых, основным признаком такого персонализированного контента является — его релевантность, то есть полное соответствие информации конкретным интересам и потребностям той или иной группы потребителей.

Во-вторых, персонализированный контент всегда рассчитан для узкой специализированной аудитории, заинтересованной в получении только той информации, в которой она нуждается. Поэтому подобного рода материалы, по мнению наших респондентов, имеют большее воздействие на поведение людей. Считается, что такие сообщения обладают более высокой конверсией, так как по данному показателю можно легко определить количество людей, совершивших определенные целевые действия после знакомства с персонализированным контентом.

В-третьих, в отличие от других видов информации персонализированный контент всегда создается на базе комплексных сведений о потребителях. Сюда входят не только социо-демографические сведения: пол, возраст, профессия, регион проживания, но и поведенческие характеристики людей. К ним наши респонденты отнесли: поисковые запросы людей, количество просмотров тех или иных ресурсов и сайтов, и другое. На базе этих данных в дальнейшем создаются персонализированный контент.

Если обратиться к тематическим разделам «Тинькофф-журнала», то мы увидим, что редакция данного издания практикует в своей деятельности многопрофильный подход в работе с целевой аудиторией, который рассчитан не только на предоставление людям персонализированной информации, но и на обратную связь.

На сайте издания 32 тематические рубрики,

охватывающие все возможные сферы социальной жизни и интересы разновозрастного читателя (см. таблицу 1). Каждая тематическая рубрика содержит несколько подразбук, ориентированных одновременно и на получение экспертной информации, и на интерактив с подписчиками сайта (опросы с вопросами и вариантами ответов, тесты, челленджи,

чек-листы и пр.), и на сотворчество с редакцией «Т-Ж» (истории и статьи подписчиков).

Например, в рубрике «Правовая грамотность» есть тема «Читатели защищают свои права», «Истории об увольнении», «Разводы читателей» или подтема для экспертов «Юристы делятся своим опытом», «Судебные истории» и т.п.

Таблица 1

Название рубрики	Кол-во подразбук	Название рубрики	Кол-во подразбук
1. Инвестиции	11	16. Мозг	24
2. Путешествия	19	17. Потратить и сэкономить	11
3. Эмиграция	5	18. Курсы о жизни и деньгах	3
4. Дневники	4	19. Как зарабатывать больше	2
5. Россия	10	20. Берем под контроль сувои финансы	5
6. Недвижимость	22	21. Семья	21
7. Бизнес	11	22. Животные автомобилистам	10
8. Правовая грамотность	23	23. Автомобилисты	9
9. Спорт и фитнес	19	24. Технологии	6
10. Поп-культура	16	25. Интернет	11
11. Общество	6	26. Интерактив	10
12. Образование и хобби	20	27. Шорты	2
13. Еда	22	28. Списки	1
14. Обезопасить себя и близких	6	29. Подкасты и видео	11
Конференция «Деньги»	1	30. Реалити	13
15. Как быть здоровым	25	31. Сообщество	34

Как видим, персонализированный контент в «Тинькофф-журнале» рассчитан не только для удовлетворения самых разнообразных информационных запросов аудитории, но и служит людям инструментом по руководству к действию и решению самых разных жизненных и бизнес-вопросов.

75 процентов наших респондентов особое значение уделили игровым элементам в вовлекающем контенте. И это неудивительно. Ведь для удержания внимания аудитории именно игровое взаимодействие наиболее эффективно, так как пользователи охотно принимают участие в различного рода розыгрышах, викторинах, конкурсах и т.п., что говорит о высокой вовлеченности людей в игру. В ходе наших экспертных интервью были выявлены наиболее популярные типы игровых форматов, которые сегодня используются в бренд-медиа. К ним относятся: новостные игры, кроссворды, тесты, текстовые квесты, настольные игры, интерактивные видео, наконец, игры на основе AR-VR-технологий. В своей совокупности все эти игровые форматы нацелены на интерактивное взаимодействие с аудиторией, что крайне важно не только для привлечения, но и удержания внимания людей.

«Тинькофф-журнал» также использует игровой метод работы с читательской аудиторией. Таким образом, он позиционирует себя не только как экспертное издание, освещающее последние новости из сферы бизнеса, финансов, инвестиции и пр., но и как пространство для эмоциональной разрядки, где читатели могут развеяться, поделиться опытом, раскрыться творчески. В «Т-Ж» можно встретить

примеры классических игровых форматов:

«Кроссворд» («Про любовь», Кулинарно-изысканно», «Про жизнь на чужбине» и др.);

«Тесты» («Какая профессия будущего вам подходит?», «Какой вы предприниматель?», «Как у вас с самооценкой? и др.); «Викторины» («Что вы знаете об истории денег?», «Хорошо ли вы знаете человеческий организм?», «Угадайте страну по фотографии» и др.);

«Челлендж» («Книжный челлендж: цели на год», «Вставать раньше 7 утра», «Месяц без фастфуда» и др.).

Как видим, в своей совокупности все эти игровые форматы нацелены на интерактивное взаимодействие с аудиторией, что крайне важно не только для привлечения, но и удержания внимания людей.

Выводы: Таким образом, бренд-медиа, идя по пути построения интеракционных коммуникаций в социальных сетях, используют технологии вовлекающего контента. При создании такого контента учитывают не только технические, но и психологические составляющие. Эффективность вовлекающего контента выражается в следующем: во-первых, повышается вовлеченность пользователей к взаимодействию с контентом; во-вторых, информация становится более релевантной целевым запросам аудитории; в-третьих, достигается эффект индивидуального подхода к каждому пользователю, что делает характер коммуникативного взаимодействия между бренд-медиа и аудиторией более доверительным. Для достижения этих эффектов в вовлекающем контенте используют интерактивный

инструментарий публикаций, персонализированную информацию, игровые форматы, которые способствуют вирусному распространению информации.

ЛИТЕРАТУРА

32. Нигматуллина К. Р. Рынок бренд-медиа в России: определения, классификация, характеристики / К. Р. Нигматуллина, Н. А. Павлушкина // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика, 2022. — № 6. — Режим доступа: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2022/6/rynok-brend-media-v-rossii-opredeleniya-klassifikatsiya-kharakteristiki> (дата обращения: 24.02.25).

33. Киссейн Э. Основы контентной стратегии / Э. Киссейн. — М., 2012.

34. Старовойт М. В. Вирусная коммуникация как инструмент воздействия на потребительское поведение. Экс-

периментальное исследование / М. В. Старовойт // Вестник МГУ. Журналистика, 2014. — № 2. — С. 75-88.

35. Вертайм К. Цифровой маркетинг. Как увеличить продажи с помощью социальных сетей, блогов, вики-ресурсов, мобильных телефонов и других современных технологий? / К. Вертайм, Я. Фенвик. — М., 2010.

36. Горчакова Е. Ю. Интеракция как единица бренд-коммуникации / Е. Ю. Горчакова // Вестник ИГЛУ, 2013. — № 1. — С. 28-33. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktsiya-kak-edinita-brend-kommunikatsii> (дата обращения: 24.02.25).

37. Пучков Ю. А. Социальные сети как основная площадка для вирусного маркетинга / Ю. А. Пучков // Бизнес-образование в экономике знаний, 2015. — № 1 (1). — С. 104-106.

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Ким М. Н., доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики и медиакоммуникаций

E-mail: kim-mn@ranepa.ru

Пак Е. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций

E-mail: pak-em@ranepa.ru

The North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Maksim N. Kim, Professor of the Department of Journalism and Media Communications, Doctor of Philology

E-mail: kim-mn@ranepa.ru

Ekaterina M. Pak, Associate Professor of the Department of Journalism and Media Communications, Candidate of Philology Sciences

E-mail: pak-em@ranepa.ru

РАЗВИТИЕ «АЛЬ-ДЖАЗИРЫ» В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОТОКЕ

А. С. А. Аль Ктеишат

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 12 февраля 2025 г.

Аннотация: целью этой статьи является выявление возросшей роли «Аль-Джазиры» на региональной и международной арене посредством анализа освещенных ею политических событий и напряженности, произошедших внутри региона, которые оказали значительное влияние на его развитие.

Ключевые слова: «Аль-Джазира», информационные потоки, Глобальный Юг, Ближний Восток, СМИ.

Abstract: this article aims to identify the increased role of Al-Jazeera in regional and international affairs through policy events and tensions that have taken place within the region, which have had a significant impact on its development.

Keywords: Al-Jazeera, information flows, Global South, Middle East, media.

С момента запуска арабской «Аль-Джазиры» в 1996 г. в небольшом государстве Катар в регионе Персидского залива стало ясно, что этот телеканал придерживается высоких стандартов свободы. С момента своего создания он стремился отойти от традиционной модели, сложившейся в ближневосточном регионе, которая существует уже много десятилетий и известна жестким контролем со стороны режимов над большинством средств массовой информации. В настоящее время «Аль-Джазира» приобрел значительный политический вес и влияние на региональной и международной арене. Поддерживая демократические принципы и предоставляя каждому возможность выразить свое мнение, политические и интеллектуальные ориентации, независимо от того, являются ли они сторонниками или противниками тех или иных политических режимов региона, телеканал смог посредством такого профессионального журналистского подхода привлечь внимание многих арабских зрителей. «Аль-Джазира» широко освещала операцию «Лис пустыни», события в Афганистане, палестинскую интифад, вторжение в Ирак и др. В 2010-2011 гг. «арабская весна» охватила весь арабский мир, и «Аль-Джазира» уже традиционно круглосуточно освещала ее в прямом эфире.

Благодаря технологической и промышленной революции в области связи и информации западные страны смогли добиться большого прогресса в этой области, что дало им преимущество в контроле над информацией и новостями. Большая часть СМИ в настоящее время находится под контролем Запада. Сегодня между странами Севера и Юга существует информационный разрыв, который также усугубляется неравными потоками информации между ними. Причины такого глобального разделения на Север и Юг

лежат в сфере экономики и свободы печати. На протяжении многих десятилетий Север считался более развитым и передовым во многих отношениях, как в экономическом, так и политическом. Юг считается страдающим от многочисленных экономических проблем, повсеместной безработицы и политического недовольства, а также от цензуры и ограничений свободы журналистской деятельности со стороны правящих там режимов [1].

Кроме того, благодаря технологической революции, возможности международных спутниковых новостных станций контролировать процесс потока информации с Глобального Севера на Глобальный Юг расширились. Все это способствовало усилению дисбаланса в социальной и технологической составляющей среди этих народов мира. Модель зависимости приводит к негативным экономическим или социальным последствиям для стран третьего мира [2]. Мы стали свидетелями проявлений колониализма — культурного, интеллектуального, информационного. Но второе тысячелетие ознаменовалось появлением множества новых западных новостных каналов, важнейшим из которых является катарский канал «Аль-Джазира», что стало настоящим вызовом доминированию Запада над мировыми СМИ [3].

Спутниковая новостная станция «Аль-Джазира», финансируемая Катаром, богатой страной Персидского залива, с бюджетом в 150 миллионов долларов, представила арабскому миру новую концепцию средств массовой информации, близкую к людям и их проблемам. С момента своего создания телеканал работал над привлечением большого количества профессионалов СМИ, режиссеров, фотографов и технических специалистов из различных арабских стран, чтобы быть в курсе и освещать все важные события в регионе посредством непрерывного спутникового вещания днем и ночью. Благодаря сотруд-

никам с большим опытом журналистской работы, выходцам из известных международных новостных телеканалов, канал смог конкурировать с такими гигантами СМИ, как BBC и CNN [4].

Кроме того, канал с самого начала на многих форумах позиционировал себя как в значительной степени независимое средство массовой информации, по методам и приемам дискурса при освещении событий в ближневосточном регионе отличающееся от других арабских СМИ.

«Аль-Джазира» транслирует программы, которые в регионе считаются очень смелыми и могут быть даже запрещены на большинстве других арабских спутниковых телеканалов. Одной из наиболее известных таких программ является «Противоположное направление», которое начал вести телеведущий Фейсал Аль-Касим. Эта программа затрагивает очень деликатные темы, политические, экономические и другие. В ней принимают участие люди с разными точками зрения, независимо от их принадлежности и убеждений, которых часто считают оппозиционерами или противниками многих политических режимов в регионе [5], выражают свой голос против некоторых вопросов, связанных с коррупцией или несправедливостью в их странах. Телеканал запустил несколько слоганов, таких как «Голос безгласных», и его журналисты пользовались таким уровнем свободы, которым не пользовался ни один другой журналист каких-либо арабских спутниковых телеканалов.

«Аль-Джазира», начавшая вещание с одного арабоязычного телеканала, смогла за несколько лет превратиться в глобальную медиасеть, включающую множество языков, наиболее важными из которых, безусловно, являются арабский и английский. Таким образом она заявила, что способна бросить вызов гегемонии Запада в потоке глобальной информации и новостей. Благодаря широкому распространению «Аль-Джазиры» и постоянному увеличению числа ее зрителей со всего мира, она смогла выйти на глобальную медиаарену с незападной точкой зрения [6].

Западная гегемония сохраняла контроль над мировыми СМИ на протяжении многих лет, и наиболее важными из таких международных новостных телеканалов были CNN и BBC [7]. Мухаммад Хашеми считает, что рождение «Аль-Джазиры» разрушило гегемонию Запада над средствами массовой информации, которая на Ближнем Востоке была односторонней [8]. Войну в Персидском заливе арабские граждане могли смотреть только через CNN, что впоследствии послужило толчком к появлению ряда арабских телеканалов [9]. Например, «Аль-Джазира» смогла получить права на прямую трансляцию операции «Лис пустыни» и бомбардировку Ирака в декабре 1998 г. Многие западные новостные сети транслировали на своих экранах специальные репортажи «Аль-Джазиры» об этой операции, что привлекло

внимание многих арабских граждан и других иностранцев по всему миру. Нет сомнений в том, что это выдающееся освещение событий стало историческим поворотным моментом для телеканала [4].

После завершения операции «Лис пустыни» в 2000 г. началась вторая палестинская интифада (Интифада Аль-Акса), и, традиционно, телеканал смог обеспечить полное освещение событий этого восстания. Однако канал подвергся критике и обвинению в том, что опубликованные им видео и фотографии способствовали разжиганию гнева на арабских улицах [10]. Видео и фотографии, показывающие нападения Израиля на палестинские деревни и города, пробудили чувства «жаждущего новостей» арабского населения [11]. А один из сюжетов, который транслировала «Аль-Джазира» об убийстве мальчика, в которого несколько раз стреляли израильские силы, стало настоящим символом восстания [12].

После событий 11 сентября 2001 г. «Аль-Джазира» смогла транслировать эксклюзивные видеоролики Талибана, которые имели большой резонанс в мире. Это свидетельство того, что и CNN, и «Аль-Джазира» оказывают значительное влияние на международную политику посредством прямых трансляций важных международных событий. По данным сайта «Аль-Джазиры», канал смог транслировать видеозаписи Усамы бен Ладена всего через несколько часов после начала военной кампании в Афганистане [13]. Из-за трансляции видео Талибана канал получил множество серьезных замечаний и обвинений, например, в том, что он является «официальным представителем Аль-Каиды».

Из-за эксклюзивного освещения Аль-Джазирой войны в Афганистане многие международные новостные каналы стали опираться на ее репортажи, и такие международные СМИ, как CNN, BBC, Sky News даже ретранслировали эксклюзивные видео и фотографии «Аль-Джазиры» на своих экранах [14]. Это позволило арабскому телеканалу конкурировать с крупными спутниковыми медиаканалами. CNN платил «Аль-Джазире» двадцать тысяч долларов за минуту выступления Усамы бен Ладена [15], поскольку этот телеканал был единственным в Афганистане. Благодаря уникальному освещению событий «Аль-Джазиры» после террористических атак 11 сентября посещаемость веб-сайта канала увеличилась примерно с 700 000 просмотров страниц в день до около 1,2 миллиона просмотров страниц [16].

Кроме того, благодаря всестороннему освещению войны в Ираке в 2003 г. «Аль-Джазира» укрепила свои позиции в качестве одного из наиболее важных международных новостных каналов и начала переходить от регионального канала к глобальному. Канал работал над укреплением своей позиции в качестве первой медиасети стран Глобального Юга, способной бросить вызов монополии новостной журналистики, в которой доминировали западные СМИ [17].

Важность канала начала возрастать, когда в 2011 г. началась серия беспрецедентных восстаний и революций, произошедших на Ближнем Востоке и в Северной Африке, известная как «арабская весна». Канал смог объединить телевизионное освещение и социальные сети для трансляции событий, фотографий и видео восстаний и революций, охвативших регион, благодаря опыту и профессионализму своих журналистов. Благодаря столь всестороннему освещению каналом эти события приобрели региональный и международный масштаб, что дало демонстрантам большую мотивацию продолжать протестовать и требовать своих прав. Иорданская активистка Майсара Малас заявила, что «Аль-Джазира» была «медийной бригадой», которая так или иначе способствовала распространению этих протестов [18].

На протяжении всех арабских революций «Аль-Джазира» играла решающую роль в продвижении демократических преобразований и влиянии на протестные требования. Из-за таких проблем, как социальная несправедливость, экономический застой и безработица, арабские массы стремились к переменам. Протесты на Ближнем Востоке и в Северной Африке (MENA) усилились в результате поддержки «Аль-Джазирой» восстаний и освещения событий в Тунисе и других странах.

«Аль-Джазира» также подтвердила на своем веб-сайте точность выводов исследовательских организаций IPSOS и SIGMA, согласно которым их канал является наиболее просматриваемым каналом в регионе Ближнего Востока и Северной Африки по сравнению с другими СМИ [19]. Несмотря на разнообразие источников новостной информации для арабского зрителя, канал стал одним из важнейших ориентиров для арабского населения. На данный момент нет сомнений в том, что высокий авторитет и опыт являются одними из важнейших факторов, отличающих «Аль-Джазир» от других арабских спутниковых каналов [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ashwell D, Croucher S. M. Communication and the Global South. Oxford Research Encyclopedia of Communication, 2010.
2. Thussu D. K. International Communication: Continuity and Change. A Hodder Arnold Publication. London, 2006.
3. Thussu D. Transcultural Communication for a Polycentric World. Journal of Transcultural Communication. — 2021. — № 1 (1). — С. 20-36.
4. Eliades N. The Rise of Al Jazeera. Peace & Conflict

Monitor. — 2006. — № 3.

5. Abdulmajid A. Media Landscape in a Changing Middle East. In Extremism in the Digital Era Palgrave Macmillan Cham. — 2021. — № 1 (1). — С. 71-95.
6. Samuel-Azran T., Manor I. Empirical support for the Al-Jazeera Effect notion: Al-Jazeera's Twitter following. International Communication Gazette. 2023.
7. Palloshi S. The Influence of the CNN Effect and the Al Jazeera Effect on American Foreign Policy. Maltepe Üniversitesi İletişim Fakültesi Dergisi. — 2015. — № 2 (2). — С. 43-67.
8. Hashmi, M. A. Al Jazeera: A Reversal of Perspective. Kellogg-Medill Northwestern University. — 2011. — URL: https://kipdf.com/al-jazeera-a-reversal-of-perspective_5ac720ec1723dd339615056b.html (дата обращения: 04.04.2024).
9. El-Bendary M. Watching the War against Iraq through Pan-Arab Satellite TV. Pacific Journalism Review. — 2003. — № 9 (1). — С. 26-31.
10. Al-Mutafy M. R. Al Jazeera and The Second Intifada: War, Media and Public Opinion. LAP LAMBERT Academic Publishing. — 2006.
11. Zayani M. Al Jazeera Phenomenon. London: Pluto Press. London. — 2005.
12. Miles H. Al-Jazeera: how Arab TV news challenged the world. Abacus. London. — 2006.
13. A decade of growth. Al Jazeera. — URL: <https://www.aljazeera.com/news/2006/11/1/a-decade-of-growth> (дата обращения: 01.05.2024).
14. Abdelmoula E. Al-Jazeera's democratizing role and the rise of Arab public sphere. University of Exeter. Exeter. — 2006.
15. Mahroum M., Abu Eid Y. The Impact of Al-Jazeera Satellite News network [On the International News Flow A Meta — Analysis Study. Al-Manarah. — 2017. — № 23 (3). — С. 589-603.
16. Al-Jenaibi B. The Competition Between Al-Jazeera's Arab News Diversity and US Channels: Content Analysis of Iraq War. Canadian Social Science. — 2010. — № 6(4). — С 81-96.
17. Wessler H., Adolphsen M. Contra-flow from the Arab world? How Arab television coverage of the 2003 Iraq war was used and framed on Western international news channels. Media, Culture & Society. — 2008. — № 30 (4). — С 439-461.
18. Zayed D. Al Jazeera TV makes waves with Tunisia coverage. Reuters. 21 Jan 2011. — URL: <https://www.reuters.com/article/uk-tunisia-jazeera-idUKTRE70K25N20110121> (дата обращения: 01.05.2024).
19. Researchers confirm Al Jazeera viewership. Al Jazeera. — URL: <https://www.aljazeera.com/news/2013/6/4/researchers-confirm-al-jazeera-viewership> (дата обращения: 01.05.2024).
20. Al-zaidi M. The al-Jazeera Channel: Breaking Taboos in the Arabic Media Space. Dar al-Tali'ah. Beirut. — 2003.

Аль Ктеишат А. С. А., кандидат политических наук,
кафедра теории и истории журналистики, Российский
университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: ahmad_qteishat@hotmail.com

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Al-Qteishat A. S. A., Postgraduate Student in Political Science,
Department of Theory and History of Journalism
E-mail: ahmad_qteishat@hotmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ В ЗАГОЛОВКАХ ПРЕССЫ

Т. П. Куранова, П. А. Тепленева

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Поступила в редакцию 20 января 2025 г.

Аннотация: в статье анализируются структурно-семантические модификации фразеологических единиц в заголовках прессы на примере печатных изданий «Аргументы и факты», «Правда». Особое внимание уделяется таким способам трансформации устойчивых сочетаний, как замена компонента, расширение структуры, эллипсис.

Ключевые слова: структурно-семантические трансформации ФЕ, замена компонента, расширение структуры, эллипсис, смешанная трансформация.

Abstract: the article analyzes the structural and semantic modifications of phraseological units in the headlines of the press using the example of the print media "Argumenty I Fakty", "Pravda". Special attention is paid to such methods of transformation of stable combinations as component replacement, structure expansion, and ellipsis.

Keywords: structural and semantic transformations of FE, component replacement, structure expansion, ellipsis, mixed transformation.

По определению И. Ф. Гайнановой, **фразеологическая трансформация** как языковое явление представляет собой «совокупность приемов, основанных на целенаправленном видоизменении стабильной структуры и традиционной семантики фразеологических единиц» [1, 156]. Целью трансформации фразеологических единиц может быть создание более яркой или эффективной формулировки, придание тексту новизны или оригинальности, игра слов [2-3].

А. А. Gladkova указывает на то, что такие трансформации также могут использоваться для адаптации фразеологизмов под конкретный контекст или для передачи специфических оттенков смысла. В результате трансформации фразеологической единицы может возникать новое выражение или пословица, которая сочетает в себе элементы оригинального выражения и новые элементы, специфичные для контекста использования. Трансформации фразеологических единиц позволяют обогащать язык, делая его более разнообразным и выразительным [4, 2]. Цель работы — выявить специфику употребления окказиональных фразеологизмов в газетном заголовке. Материалом для исследования послужила выборка фразеологических единиц из печатных изданий федерального уровня «Аргументы и факты» и «Правда», насчитывающая 100 единиц. Языковой материал датирован 2024 г.

Были выявлены многочисленные примеры фоносемантической, фонетико-морфологической и лексико-семантической замены одного из компонентов другим. По словам Е. В. Покровской, фонетические и морфологические трансформации как вид языковой игры в газетном заголовке ведут к изменению слова и его семантики [5, 59].

1. Замена компонента. Основанная на фонетической языковой игре трансформация фразеологизма позволяет журналистам без труда вызвать в сознании читателя отклик на знакомое сочетание. Так, часто используемое в быту выражение «пар костей не ломит» о безвредности тепла не теряет своей семы, но при этом получает новое преломление при мене всего одного звука: «Пар гостей не ломит» [АиФ, № 4, 2024, с. 13].

Привлекает внимание заголовков «Укол повести» [АиФ, № 4, 2024, с. 35], в котором угадывается фразеологизм «укол совести» со значением чувства вины. В статье проводятся аналогии и находятся коренные различия между сюжетами и героями произведений А. Гайдара и В. Цоя. Авторы статьи находят примечательным, что оба деятеля искусства были склонны к романтизации и воспеванию справедливости, собственного достоинства и прямого действия.

Фразеологизм «час пробил» со значением 'настало время, пришла пора для чего-либо' [6] путем замены компонента преобразуется в сходное по звучанию выражение «ФАС пробил» [АиФ, № 5, 2024, с. 8]. Статья рассказывает о том, что ФАС обратила внимание на маркетплейсы. Очевидна созвучность заголовка статьи «Уголь зрения» [АиФ, № 6, 2024, с. 31] и исходного фразеологизма «угол зрения» — 'определенный взгляд на те или иные явления' (книжн.) [6]]. С помощью незамысловатой трансформации автор играет со значением фразеологизма, не отказываясь от него в полной мере, но добавляя намек, связанный с контекстом статьи — предложением Д. И. Менделеева приступить к индустриализации страны посредством развития промышленности. В данных заголовках в полной мере реализуется *смыслообразующая* функция трансформированных ФЕ.

На фонетической языковой игре также построена трансформация выражения «тихий ужас» в заголовке статьи «Стих и ужас» [АиФ, № 8, 2024, с. 44], автор которой узнает мнение поэта-песенника Михаила Шаброва о современном состоянии музыкальной индустрии. Уже из заголовка становится ясно, что многие современные тексты песен навевают «тихий ужас» на людей, сведуших в данной области. Трудности подготовки к Международному женскому дню стали темой публикации «Тюльпан или пропал» [АиФ, № 10, 2024, с. 13]. Журналист прибегает к трансформации известной фраземы «пан или пропал» со значением 'или добиться всего желаемого, или все потерять' [7]. Исходная сема становится менее очевидной, однако все еще имеет место, показывая, что при проблемах в подготовке самых популярных цветов к празднику цветочная индустрия лишится огромных объемов прибыли.

Мартовский Всемирный фестиваль молодежи обзревается в публикации со звучным, броским заголовком «Предстать пред Сочи» [АиФ, № 10, 2024, с. 33]. Приезд в российский город гостей из-за рубежа воспринимается автором статьи с теплотой, и журналист делится своим субъективным настроением с читателями, используя лексическую трансформацию как прием для создания привлекательного заголовка. Фразеологизм «предстать пред очи» со значением 'являться, появляться перед кем-либо' [6], структурно изменяется и в обновленном виде содержит информацию о месте событий — городе Сочи.

Совсем другой экспрессивной окраской характеризуется выражение «Разбедерить экраны» [АиФ, № 10, 2024, с. 38]. Под «говорящим» заголовком опубликовано интервью с Никитой Михалковым о киноиндустрии — российской и мировой, — ее перспективах и лишениях (*экспрессивно-стилистическая функция*). Новый компонент «экраны» во фраземе «бедерить рану» позволяет автору статьи наметить тематический план публикации. Помимо этого, первоначальное значение фразеологизма 'касаться того, что причиняло кому-либо страдания, душевную боль' [6], сохраняя свою актуальность в контексте разговора об «обеднении» индустрии, приобретает и новые семантические оттенки (реализация *смыслообразующей функции*). Лексема «разбедерить» предстает и в переносном значении «обсудить, оценить».

В иную тематическую сферу переносит читателя газетный заголовок «Быть в курсе раздела» [АиФ, № 9, 2024, с. 32]. Автор трансформирует выражение «быть в курсе [дела]», означающее 'осведомленность человека в чем-либо' [8]. Преобразование фразеологизма служит сугубо для утверждения конкретной речевой ситуации: раздела имущества в результате развода. Автор статьи делится информацией о ответственности брачных договоров и приводит ответы адвокатов на многие проблемные вопросы. В следующем газетном заголовке каламбурному обыгры-

ванию подвергаются омоформы: «Воспрянувшие духами» [АиФ, № 10, 2024, с. 26] — творческое переложение фразеологизма «воспрянуть духом» со значением 'ощутить подъем душевных сил' [6]. Автор статьи о падении цен на парфюм в условиях санкций добивается иронического эффекта, производимого заголовком, с помощью фоносемантической замены одной из составляющих ФЕ (*комическая функция*).

Среди анализируемых примеров заголовков были выявлены случаи использования **лексикосемантической замены**.

«Дракон в мешке» [АиФ, № 1-2, 2024, с. 14] — лексическая трансформация выражения «кот в мешке» ('неизвестно что, сколько и какого качества' (разг. шутл.) [6]). Подбирая заголовок для статьи-интервью с экономистом Антоном Табаком о том, как сохранить свои сбережения в условиях непредсказуемого роста цен и нестабильного курса рубля, журналист намеренно заменяет компонент исходного фразеологизма на название другого, более опасного и неожиданного в своем появлении животного. В данной модификации видится особое внимание к реализации *оценочно-экспрессивной* и *экспрессивно-стилистической функций*, позволяющим сделать заголовки яркими и броскими.

Статья о тенденциях в балетном искусстве в СССР и в наше время опубликована под емким заголовком «Не покладая ног» [АиФ, № 1-2, 2024, с. 14]. С помощью замены одного из компонентов фразеологизма «не покладая рук» ('не переставая, без устали, усердно' [6]) актуализируются новые семантические поля (*смыслообразующая функция*).

«Трудовой кодекс не писан» [Правда, № 51, 2024, с. 1] — лексическая трансформация фразеологизма «закон не писан» ('кто-либо не считается с обязательными правилами, нормами поведения' [6]) с помощью замены обобщающего слова «закон» названием конкретного кодекса российского законодательства. Статья знакомит читателей с результатами статистического исследования на тему злоупотребления властью со стороны работодателей. Такая трансформация устойчивого словосочетания позволяет автору статьи привлечь определенную категорию читателей, заинтересованных в событиях в сфере труда.

Историческое переосмысление событий русско-японской войны 1904-1905 гг. с точки зрения современного русского человека, знакомого с последствиями данных событий, выпущено под заголовком «С высоты поражения» [АиФ, № 6, 2024, с. 31]. Трансформация фразеологизма «с высоты птичьего полета» помогла автору статьи творчески осмыслить значение устойчивого сочетания: 'с большой высоты' [6] в данном случае означает взгляд с «высоты опыта и знаний».

Интересен заголовок «Мастера на все винтики» [АиФ, № 9, 2024, с. 13], предваряющий статью об объемах работы, выполняемой в столице роботами. Автор

неслучайно заменяет «руки» мастера на «винтики», закрепляя выражение за конкретным контекстом.

2. Расширение ФЕ путем введения добавочных компонентов также реализуется в газетных заголовках довольно часто, обеспечивая знакомым фраземам новое семантическое звучание и служа задаче интеллектуализации текстов.

Фразеологизм «делать ставку» (‘ориентироваться на кого-либо или на что-либо в целях осуществления, достижения чего-либо’ (высок.) [6]) расширяется за счет введения оценочного наречия «важно» в заголовке публикации «Важно делать ставку на молодежь» [Правда, № 37, 2024, с. 3]. С помощью преобразования устойчивого сочетания автор стремится выразить поддержку молодым рабочим в заметке об успехах трудовой практики студентов на заводе «Могилевстроймаш». Тем самым журналист создает определенное настроение у аудитории, реализуя в заголовке *оценочно-экспрессивную* функцию.

Всегда актуальный вопрос инфляции и ее влияния на внутреннюю экономику страны рассматривается в статье «Инфляция как альфа и омега роста?» [Правда, № 39, 2024, с. 2]. Прибегая к приему расширения фразеологизма «альфа и омега» (‘начало и конец чего-либо’, ‘самое главное, основное в чем-либо’ [6]), автор статьи указывает на неоднозначность взглядов экономистов на данную проблему. В статье сообщается о взглядах Центробанка и ведущих политиков России на денежно-кредитную политику страны, при которой инфляция зачастую не только сигнализирует об экономических проблемах, но и становится неким толчком к развитию. Журналист не только закрепляет фразему за конкретной ситуацией, но и превращает ее в проблемный вопрос. Таким образом, заголовок становится более диалогичным, словно читателю предлагается тоже поразмыслить над предложенной информацией и найти собственный ответ.

«Ловили за хвост диверсанта» [Правда, № 40, 2024, с. 2] — расширение фразеологизма «ловить за хвост» («поймать за хвост») со значением ‘стремиться получить, добыть что-либо трудно дающееся’ [Правда, № 40, 2024, с. 2]. Творческая история журналиста с оттенком сатиры повествует о том, как директор орской стройфирмы искал логичное объяснение непрочности и прорыву дамбы и пришел к выводу, что виной тому — мыши. Стремясь обличить обман, автор статьи не только прибегает к особому типу публикации, напоминая сказку, но и умело подбирает заголовок. Высокий уровень иронии в заголовке и в тексте самой статьи обеспечивает активность *комической* функции, вызывая улыбку и смех читателя. Журналист использует прием расширения устойчивого словосочетания за счет ввода лексемы «диверсант», прямо отсылающей читателя к теме публикации (*смыслообразующая* функция). Помимо этого, в контексте данной статьи возможно

говорить и о буквализации значения фразеологизма, так как речь идет о мышах.

Фразеологизм «водить за нос» (‘обманывать, вводить в заблуждение’ [6]) теряет свое первоначальное значение при трансформации и отчасти подвергается буквализации: статья «Водят нас за нос» [АиФ, № 7, 2024, с. 40] рассказывает о влиянии запахов и обоняния на жизнь человека в целом и на его эмоциональное состояние.

За ироничным, на первый взгляд, заголовком «Куда лед тронулся» [АиФ, № 8, 2024, с. 8] кроется статья о всемирных проблемах экологии и возможностях борьбы с глобальным потеплением. Хоккеист Вячеслав Фетисов делится с журналистами своими мыслями по данному вопросу, отмечая, что в первую очередь потепление заметно по движению ледников — отсюда и уместное расширение фразеологизма «лед тронулся» (‘положено начало чему-либо ожидаемому’ (экспрес.) [6]). Преобразование не только связывает выражение с контекстом, но и служит его буквализации.

Публикация об успешной борьбе дворников со снегопадами увидела свет под звучным заголовком «Положив снег на лопатки» [АиФ, № 8, 2024, с. 15]. Фразеологизм «положить на лопатки» становится буквальным, не теряя при этом своего исходного значения: ‘успешно, решительно побеждать в споре, в соревновании, в каком-либо деле’ [6]. Обновление фразеологической единицы в данном заголовке способствует созданию дополнительной образности и выразительности.

3. Смешанная трансформация. Довольно активно журналисты используют прием *смешанной трансформации*, используя в работе с фразеологизмом сразу несколько способов его модификации. Данное решение позволяет автору по-новому выразить мысль, представить устойчивое выражение в «новом», необычном значении, наполнив его различными смысловыми и экспрессивными оттенками.

Привлекает внимание заголовок «В ритме польки с Германией» [АиФ, № 4, 2024, с. 29]. В статье автор рассуждает о неоднозначности «Декларации о неприменении силы», заключенной между Германией и Польшей в 1934 г., и обращается к исторической справке. Для того чтобы название публикации звучало броско, провокационно и привлекало как можно больше внимания, выполняя *аттрактивную* функцию, журналист использует сочетание приемов для преобразования фразеологизма «в ритме вальса». Исходное значение фразеологизма — ‘очень быстро, энергично’ (жарг., мол., шутил.) [8]. Так, в замене компонента «вальс» на считающуюся одним из народных танцев в Германии и Польше «польку» наблюдается *лексическая трансформация*. К тому же налицо *языковая игра*, основанная на созвучии слов «полька» и «Польша» и позволяющая судить об одном из «героев» статьи. С помощью расширения фра-

зеологизма автор вводит и второе «действующее лицо» — Германию.

4. Такой вид трансформации, как **эллипсис (усечение фразеологизма)**, в рассмотренных заголовках используется исключительно в сочетании с другими способами преобразований (заменой, расширением, буквализацией).

Интересен заголовок статьи о перспективах экономического сотрудничества со странами Африки «За блинным рублем» [АиФ, № 4, 2024, с. 28]. Активно реализуется аттрактивная функция индивидуально-авторского преобразования: непривычный компонент в ФЕ сразу привлекает читательское внимание, активизируя фоновые знания о фразеологизме. Название образовано путем сочетания фонетической замены компонента и усечения исходного фразеологизма «гнаться за длинным рублем» ('стремиться найти работу с высокой оплатой, независимо от того, нравится ли она' (прост. неодобр.) [6]). В данном случае преобразование фразеологизма, не меняя исходного значения, дополнительно приобретает юмористический оттенок, отсылая к шутке в содержании статьи (*комическая функция*).

Непозволительное безразличное отношение к одиноким пожилым людям, чьи смерти порой обнаруживаются лишь годы спустя, осуждается в статье под названием «Не в курсе тела» [АиФ, № 8, 2024, с. 37]. Автор трансформирует выражение «быть в курсе [дела]», означающее 'осведомленность человека в чем-либо' [8], конкретизируя заголовок так, чтобы он соответствовал тематике статьи.

Следует отметить, что чаще всего авторы подвергают усечению глагольные формы и используют данный прием в случаях, когда в центре внимания находится не какое-либо конкретное активное действие, а событие как факт. По этой причине эллипсис наиболее употребим в заголовках статей о результатах каких-либо встреч, бесед и исследований. При работе с новостными публикациями журналисты, как правило, избегают отказа от глагольных форм и используют эллипсис крайне редко.

Проведенный анализ структурно-семантических модификаций фразеологических единиц в газетных заголовках позволил выявить наиболее частотные приемы преобразований фразеологизмов. Наиболее продуктивными способами трансформации в пе-

чатных изданиях «Аргументы и факты», «Правда» являются замена компонента (45%), расширение структуры фразеологизма (30%), эллипсис (7%) и смешанная трансформация (18%).

Проведенный анализ подтвердил, что с помощью этих приемов реализуются установки, делающие газетный заголовок прагматически интенсивным: «привлечение внимания, эмоциональное воздействие, оценка, поддержание контакта с читателем, побуждение к действию» [5, 62].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайнанова И. Ф. Трансформация фразеологических единиц в современных газетных текстах / И. Ф. Гайнанова // Вестник ЮУрГПУ. — 2008. — № 10. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-frazeologicheskikh-edinit-v-sovremennyh-gazetnyh-tekstah> (дата обращения: 20.12.2024).
2. Вайрах Ю. В. Структурно-семантические модификации фразеологических единиц в медиатексте / Ю. В. Вайрах, А. В. Казорина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 3 (69): в 3-х ч. Ч. 1. — С. 62-64.
3. Михейкина С. Г. Когда газетный заголовок — каламбур / С. Г. Михейкина // Русская речь. — 2008. — № 4. — С. 68-72.
4. Гладкова А. А. Этнические СМИ в условиях цифровой среды: итоги экспертного опроса / А. А. Гладкова, Ю. А. Мкртычева // Медиальманах. — 2021. — № 3 (104). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-smi-v-usloviyah-tsifrovoy-sredy-itogi-ekspertnogo-oprosa> (дата обращения: 16.04.2024).
5. Покровская Е. В. Языковая игра в газетном тексте / Е. В. Покровская // Русская речь. — 2006. — № 6. — С. 58-62.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка. — М., 2008. — Режим доступа: <https://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: 06.03.2024).
7. Справочник по фразеологии // Редакция портала «Грамота.ру». — Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii> (дата обращения: 20.12.2024).
8. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М., 2007. — Режим доступа: <https://my-dict.ru/dic/bolshoy-slovar-russkih-pogovorok/371643-golubaya-mechta/> (дата обращения: 07.03.2024).

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Куранова Т. П., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

Тепленева П. А., магистрант кафедры русского языка

E-mail: polinatepleneva@mail.ru

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

Kuranova T. P., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

E-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

Tepleneva P. A., Master's Student of the Russian Language Department

E-mail: polinatepleneva@mail.ru

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ВОСПРИЯТИЕ РЕКЛАМЫ ВИДЕОИГР В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Линь Цзиньтао

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 17 февраля 2025 г.

Аннотация: исследование посвящено анализу роли культурных стереотипов в восприятии рекламы видеоигр в различных культурных контекстах. Применяя подход, включающий контент-анализ и социологические опросы, автор выявляет особенности использования стереотипов в рекламных материалах и их влияние на аудиторию, предлагая рекомендации для маркетологов по созданию эффективных рекламных стратегий.

Ключевые слова: видеоигры, реклама, культурные стереотипы, межкультурная коммуникация, адаптация, восприятие.

Abstract: the study focuses on analyzing the role of cultural stereotypes in the perception of video game advertising across different cultural contexts. Utilizing a comprehensive methodological approach, including content analysis and sociological surveys, the research identifies the specific use of stereotypes in advertising materials and their impact on audiences, providing recommendations for marketers on creating effective advertising strategies.

Keywords: video games, advertising, cultural stereotypes, intercultural communication, adaptation, perception.

Игры являются важной частью социальной коммуникации, состоящей из разных пластов информации, циркулирующих в обществе, приоритетность пластов была различна в разные исторические эпохи [1], но игры могли сохранять эти базовые пласты информации в течение нескольких веков. Современная индустрия видеоигр представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся сфер глобальной экономики, которая демонстрирует устойчивый рост как в масштабах потребительского рынка, так и в технологическом развитии. В условиях усиления конкуренции производители видеоигр активно используют рекламные инструменты для привлечения новой аудитории, увеличения лояльности существующих пользователей и повышения общей узнаваемости бренда [2]. Однако реклама в игровой индустрии выполняет не только функции продвижения отдельных продуктов, но и формирует восприятие культурных особенностей, заложенных в видеоиграх. В этом процессе ключевую роль играют культурные стереотипы, которые нередко становятся инструментом для создания эмоциональной связи с аудиторией [3]. При этом их влияние на восприятие рекламных сообщений может быть как положительным, способствующим росту интереса, так и отрицательным, вызывающим отторжение в зависимости от культурного контекста. Такой амбивалентный характер воздействия делает изучение роли культурных стереотипов в рекламе видеоигр особенно актуальным.

Культурные стереотипы играют ключевую роль в коммуникации, поскольку они облегчают процесс восприятия и интерпретации информации, предоставляя аудитории готовые когнитивные схемы. Однако их использование в медиапродуктах, включая рекламу, может приводить как к позитивным, так и к негативным эффектам. С одной стороны, стереотипы позволяют мгновенно активировать культурно обусловленные образы, повышая узнаваемость и эмоциональную привлекательность сообщений. С другой стороны, чрезмерное упрощение и стереотипизация могут исказить восприятие, усиливать предвзятость и вызывать неоднозначные реакции аудитории, особенно в межкультурных коммуникациях [4-5].

Теоретическое осмысление феномена стереотипов восходит к работам американского социолога У. Липпмана, который определял стереотипы как «образы в голове», упрощающие сложные явления для облегчения их восприятия [4]. В российской научной традиции значительный вклад в изучение стереотипов внес Ю. М. Лотман, который акцентировал внимание на роли культуры как системы знаков и символов, формирующих коллективное восприятие [5]. Китайский философ и культуролог Ф. Сяотун также отмечал важность понимания уникальных «моделей мышления» каждой культуры, подчеркивая их влияние на межкультурную коммуникацию [6]. Эти подходы акцентируют внимание на двойственном характере стереотипов: они одновременно упрощают взаимодействие и создают барьеры для глубокого понимания.

Теории межкультурной коммуникации, разработанные Г. Хофстеде и Э. Халлом, служат важным инструментом для анализа различий в восприятии рекламы. Г. Хофстеде выделил ключевые параметры, определяющие национальные культуры, такие как уровень индивидуализма, дистанция власти, избегание неопределенности и ориентация на долгосрочные или краткосрочные цели [7]. Согласно его исследованиям, китайская культура отличается высоким уровнем коллективизма и уважением к иерархии, что находит отражение в рекламных сюжетах, акцентирующих внимание на семейных ценностях и гармонии. Российская культура, демонстрирующая сочетание элементов коллективизма и индивидуализма, более склонна к использованию эмоционально насыщенных образов, часто с элементами юмора и повествования [8].

Э. Халл, в свою очередь, ввел понятия высококонтекстуальных и низкоконтекстуальных культур. В высококонтекстуальных культурах, таких как китайская, основное значение имеют символизм, визуальные образы и культурные архетипы [9]. В низкоконтекстуальных культурах, к которым частично относится Россия, ключевую роль играет текстовая информация, четко выраженные идеи и прагматичный подход. Например, в китайской рекламе видеоигр часто используются элементы традиционной культуры, такие как образы драконов, лотосов или архитектурные мотивы, создающие ассоциацию с национальной идентичностью [10]. Российская реклама может делать упор на сюжетность, юмор и повседневные образы из реальной жизни.

Реклама как медиапродукт представляет собой сложный феномен, сочетающий когнитивные и эмоциональные аспекты. Она не только передает информацию о продукте, но и формирует эмоциональную связь с аудиторией, что особенно важно в рекламе видеоигр, где значительная часть контента строится на создании захватывающих и фантазийных миров. В этом контексте культурные стереотипы играют двоякую роль: они могут как усиливать идентификацию аудитории с рекламным посланием, так и снижать его эффективность при некорректной интерпретации культурных особенностей.

С учетом вышесказанного использование стереотипов в рекламе видеоигр требует глубокого понимания культурных кодов и ценностей целевой аудитории. Российские ученые, в частности В. В. Прозоров, акцентируют внимание на адаптации международных рекламных посланий к культурным реалиям российского потребителя [11]. Л. Н. Федотова подчеркивает, что игры, как один из видов массовой коммуникации, играют значимую роль в развитии человеческого цивилизации [1].

Реклама видеоигр, как один из наиболее динамично развивающихся сегментов современной медиакommunikации, активно использует национальные

и культурные мотивы для формирования эмоциональной связи с аудиторией. Использование культурных стереотипов в рекламных кампаниях позволяет производителям видеоигр акцентировать внимание на культурных кодах, понятных и близких определенной аудитории. Однако этот подход требует глубокого понимания особенностей культурных контекстов, так как неправильное использование стереотипов может привести к негативным реакциям.

Например, рекламная кампания видеоигры *Assassin's Creed: China Chronicles* использовала традиционные китайские культурные мотивы, такие как изображения пагод, элементы каллиграфии и национальные символы, что помогло привлечь внимание китайской аудитории. Эта же кампания вызвала критику за поверхностное представление китайской истории, что подчеркивает риск однобокого использования культурных стереотипов. В противоположность этому, игра *Ghost of Tsushima*, основанная на японских исторических мотивах, получила высокую оценку за тщательное воспроизведение культурных и исторических деталей, что обеспечило ей успех на глобальном рынке, включая японский.

Стереотипы, связанные с игровыми жанрами, играют важную роль в восприятии рекламы видеоигр. Например, жанр фэнтези традиционно ассоциируется с западноевропейскими мотивами, включая рыцарей, замки и магию. Рекламная кампания игры *World of Warcraft* активно использовала эти элементы, что позволило найти отклик у аудитории, воспитанной на западной мифологии. Однако на рынках Восточной Азии этот подход требует адаптации, так как локальная аудитория больше ценит мифологические образы, основанные на собственной культурной традиции. Примером успешной адаптации является игра *Genshin Impact*, которая, оставаясь в рамках жанра фэнтези, интегрирует элементы китайской мифологии и эстетики, обеспечивая ей широкую популярность как на китайском, так и на международных рынках.

Этнические и гендерные стереотипы в рекламе видеоигр остаются одной из наиболее дискуссионных тем. Например, рекламные материалы игр в жанре боевиков, как правило, воспроизводят образы героев-мужчин, что подчеркивает гендерный дисбаланс. Кампания игры *Call of Duty: Modern Warfare* иллюстрирует этот подход, акцентируя внимание на мужских персонажах и военной тематике. Тем не менее современные тенденции указывают на необходимость изменения таких подходов. Например, игра *The Last of Us Part II* получила признание за отход от традиционных гендерных стереотипов, включая сильных женских персонажей, что нашло отражение и в рекламной кампании, ориентированной на широкий спектр аудитории.

Важно отметить, что в условиях глобализации рекламные кампании видеоигр все чаще сталкива-

ются с необходимостью адаптации к мультикультурной аудитории. Например, использование этнических мотивов в рекламе игры *Street Fighter V* продемонстрировало важность баланса между уважением к культурным особенностям и их гиперболизацией. В одной из рекламных кампаний персонаж из Индии был изображен с элементами национального костюма и традиционными танцевальными движениями, что вызвало критику за стереотипизацию индийской культуры.

Таким образом, использование культурных стереотипов может быть как мощным инструментом привлечения внимания аудитории, так и источником рисков, связанных с межкультурными различиями. Эффективное использование культурных мотивов требует не только глубокого понимания культурного контекста, но и учета современных тенденций, направленных на деконструкцию устаревших этнических и гендерных стереотипов.

Межкультурные различия оказывают значительное влияние на восприятие рекламных кампаний, в том числе в такой глобальной индустрии, как видеоигры. В странах Восточной Азии, таких как Китай, Япония и Южная Корея, реклама видеоигр часто делает акцент на коллективных ценностях, семейной гармонии и культурных архетипах. Например, успешная рекламная кампания игры *Honor of Kings* (Китай) активно использовала элементы традиционной китайской культуры (образы древних героев, символика императорских династий и музыкальное сопровождение в стиле гуциня). Такая стратегия вызвала широкий отклик у аудитории, усилив ассоциацию между игрой и национальной идентичностью. В то же время кампания игры *Battlefield* на азиатском рынке потерпела неудачу, поскольку не смогла адаптировать свою милитаристскую тему к культурному контексту, который часто избегает прямых конфликтов и насилия в публичной сфере.

В Европе рекламные кампании видеоигр ориентированы на индивидуализм, творчество и эмоциональную вовлеченность. Например, успешная польская реклама *The Witcher 3: Wild Hunt* использовала богатую европейскую мифологию, сложный сюжет и акцент на персонализации игрового опыта, что позволило ей завоевать популярность на западноевропейском рынке. Однако попытка рекламной адаптации японской игры *Persona 5* для европейской аудитории оказалась менее успешной. Сложные символы японской культуры и акцент на школьную жизнь оказались трудными для восприятия европейских игроков, которые предпочитают более универсальные сюжеты.

На рынках Северной Америки реклама видеоигр часто акцентирует внимание на индивидуальных достижениях, соревновательности и новаторстве. Успех таких игр, как *Fortnite*, объясняется их способностью соединить увлекательный игровой процесс

с активным вовлечением аудитории через социальные сети и интеграцию поп-культурных элементов. В рекламной кампании *Fortnite* использовано сотрудничество с мировыми звездами (Трэвис Скотт, Ариана Гранде), что усилило привлекательность игры для североамериканской аудитории. Однако реклама игры *Genshin Impact*, ориентированная на западный рынок, вначале столкнулась с трудностями из-за недостаточного внимания к особенностям американской культуры, что было исправлено позже за счет усиления акцента на свободу, на персонализацию.

Сравнение успешных и неудачных рекламных стратегий подчеркивает важность адаптации рекламных кампаний к культурным особенностям. Например, реклама игры *World of Warcraft* оказалась успешной как на восточных, так и на западных рынках благодаря сочетанию универсальной фэнтезийной тематики и локализации рекламных материалов. В Китае кампания использовала образы, близкие китайской мифологии, в то время как в Европе и Америке упор делался на динамичность игрового процесса и соревновательный аспект.

Напротив, рекламная кампания игры *Overwatch* 2, несмотря на глобальный успех первой части, показала снижение интереса в Европе и Азии. Основной причиной стал недостаток локализации рекламных сообщений: универсальный подход, использованный разработчиками, не учел культурные различия. Например, в Азии игроки ожидали большего внимания к визуальной эстетике и символизму, тогда как европейская аудитория критиковала недостаток новизны и акцента на уникальности персонажей.

Межкультурные различия в восприятии рекламы видеоигр требуют не только учета культурных кодов и ценностей, но и гибкости в подходах к локализации. Успешные рекламные кампании демонстрируют способность интегрировать универсальные элементы с культурно-специфической адаптацией, что позволяет привлекать аудиторию в разных регионах мира. Для глобальных кампаний важно разрабатывать стратегии, способные учитывать эти различия, минимизируя риск негативного восприятия и повышая эффективность рекламных посланий.

В заключение сформулируем некоторые практические рекомендации по разработке рекламы видеоигр.

Универсальные рекламные послания должны фокусироваться на базовых ценностях, таких как свобода, творчество и вовлеченность, которые находят отклик у большинства игроков. Например, успешная реклама *The Legend of Zelda: Breath of the Wild* использовала универсальную тему приключений и свободы, что обеспечило игре успех на мировом уровне. Однако для достижения эффективности универсальность рекламных посланий должна быть подкреплена культурной адаптацией, чтобы избежать неоднозначного восприятия в разных регионах.

Культурные стереотипы играют важную роль в создании эмоциональной связи между игрой и аудиторией. Если они используются корректно, это усиливает привлекательность рекламного сообщения. Например, в Китае реклама Honor of Kings успешно использовала национальные мотивы, такие как образы древних героев и традиционные музыкальные элементы, что способствовало восприятию игры как части национальной идентичности. Однако ошибки в использовании стереотипов могут вызвать негативную реакцию. Так, в рекламе игры Resident Evil 5 неудачные образы африканской культуры подверглись критике за стереотипизацию, что подчеркивает необходимость анализа рисков при использовании культурных символов.

Еще одним важным аспектом является адаптация визуального и текстового контента к различным рынкам. Визуальный контент для высококонтекстуальных культур Восточной Азии должен быть насыщен символизмом и культурными элементами (использование традиционных цветов и визуальных отсылок к национальной истории). Например, китайский рынок положительно воспринял использование красного и золотого цветов в рекламных материалах, что ассоциируется с удачей и процветанием. В то же время для западных рынков (США и Европа) акцент делается на минимализм, динамику и инновационность. Реклама Cyberpunk 2077, ориентированная на западные страны, подчеркнула высокотехнологичный стиль и элементы антиутопии, что соответствовало культурным предпочтениям аудитории.

Текстовый контент также требует тщательной адаптации. Лингвистические и культурные различия играют ключевую роль в восприятии рекламных материалов. Например, юмор, используемый в рекламных кампаниях, может быть эффективным в одной культуре и совершенно непонятным в другой. Кампания игры Borderlands, ориентированная на североамериканскую аудиторию, успешно использовала саркастический юмор и ироничные слоганы, но для азиатского рынка такие элементы потребовали доработки.

Таким образом, разработка рекламы видеоигр должна быть основана на комплексном подходе, который учитывает как универсальные ценности, так и культурные особенности аудитории. Гибкость в стратегии и внимание к межкультурным различиям позволят минимизировать риски, связанные с негативным восприятием, и повысить эффективность рекламных кампаний. Интеграция локальных экспертов, проведение маркетинговых исследований и разработка инклюзивного контента обеспе-

чат не только коммерческий успех, но и укрепление репутации бренда среди глобальной аудитории.

Анализ роли культурных стереотипов в восприятии рекламы видеоигр подтвердил их значительное влияние на эффективность рекламных кампаний. Стереотипы, являясь мощным инструментом коммуникации, способны усиливать эмоциональную связь с аудиторией, активируя знакомые культурные коды и образы. Однако их некорректное или чрезмерное использование может привести к искажению восприятия и вызвать негативную реакцию. Проведенное исследование подчеркивает важность учета культурных особенностей при разработке рекламы, особенно в условиях глобального рынка. Межкультурные различия требуют гибкого подхода, который сочетает универсальные ценности с адаптацией под специфические потребности целевой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотова Л. Н. Социология массовых коммуникаций: теория и практика / Л. Н. Федотова. — М., 2014.
2. Герчик Ю. В. Роль видеоигр в формировании имиджа России внутри страны и за рубежом / Ю. В. Герчик // Власть. — 2024. — Т. 32. — № 3. — С. 107-111.
3. Федотова Л. Н. Роль медиакоммуникаций в формировании символического капитала места / Л. Н. Федотова // Международный журнал исследований культуры. — 2017. — № 2 (27). — С. 65-76.
4. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман. — М., 2023.
5. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. — М., 1992.
6. Zhou K. X. From the Soil: The Foundations of Chinese Society. A Translation of Fei Xiaotong's 'Xiaotong Zhongguo' / K. X. Zhou // Social Forces. — 1995. — № 3. — С. 1156-1158.
7. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations / G. Hofstede // International Journal of Cross Cultural Management. — 2001. — С. 447-456.
8. Красильникова О. С. Модели межкультурной коммуникации: теоретический и практический аспекты / О. С. Красильникова // Таврический научный обозреватель. — 2016. — № 11-1 (16). — С. 122-124.
9. Hall E. T. Beyond Culture / E. T. Hall. — Garden City, 1976.
10. Тянь К. Коммуникативные характеристики современной рекламы Китайской Народной Республики / К. Тянь // Научные исследования и разработки: новое и актуальное: материалы конференции. — 2021. — С. 824-837.
11. Прозоров В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву / В. В. Прозоров. — Саратов, 2004.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Линь Цзиньтао, аспирант

E-mail: hang.tsui@yandex.com

Lomonosov Moscow State University

Lin Jintao, Postgraduate Student

E-mail: hang.tsui@yandex.com

МЕДИАКЛАСС КАК НОВАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА: ОСНОВНЫЕ МЕТОДИКИ И ПОДХОДЫ

К. В. Марчан, Е. В. Опарина

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 28 января 2025 г.

Аннотация: в статье дается описание одной из форм организации учебного процесса школьного медиаобразования. В современном образовательном пространстве существует актуальный запрос на разработку новых методик и подходов, особенно в части формирования специфических навыков по программам ранней профориентации школьников. Одним из таких направлений является достаточно молодой проект по развитию компетенций в сфере журналистики и медиакоммуникаций — медиакласс.

Ключевые слова: медиаобразование, медиакласс, медиасреда, медиакомпетенции, медианавыки, медиакоммуникации.

Abstract: the article describes one of the forms of organization of the educational process of school media education. In the modern educational space, there is an urgent demand for the development of new methods and approaches, especially in terms of the formation of specific skills in early career guidance programs for schoolchildren. One of these areas is a fairly young project for the development of competencies in the field of journalism and media communications — mediaclass.

Keywords: media education, media class, media environment, media companies, media skills, media communications.

Медиакласс — это специализированный контур подготовки, в процессе которого школьники получают знания и умения в области медиа. Сегодня такие профильные классы представляют собой инновационную форму организации учебного процесса, в котором сочетаются как элементы традиционного обучения, так и современные технологии, что позволяет нам говорить о них как о важном и эффективном инструменте в системе общего медиаобразования [1]. В рамках проекта используются разнообразные методики и технологии с целью стимулирования активного взаимодействия учащихся с медиаинструментарием, развития их творческого потенциала и приобретения практических навыков в медиасфере.

Обучение в медиаклассах проводится в различных форматах и пространствах, включая школьные кабинеты, лекционные аудитории, студии и медиацентры. Это могут быть практические занятия с использованием специального технического оборудования, исследования по разным направлениям профессиональной деятельности и прикладные проекты под руководством наставников.

В обязательном порядке школьники участвуют в мастер-классах и лекционных семинарах, которые проводят как ведущие медиаспециалисты (практикующие журналисты, теле- и радиоведущие), так и студенты профильных факультетов. Кроме того, учащиеся посещают фото-, теле- и радиостудии, редакции, где применяют полученные знания на прак-

тике. Также в рамках проекта существует обратная связь между учащимися медиаклассов из разных школ: возможно посещение занятий других педагогов и обмен опытом, так называемая программа обмена; участие в общегородских и федеральных конкурсах, фестивалях и других мероприятиях для школьников по тематике медиа, что способствует поддержанию интереса и в какой-то степени развитию целого комьюнити медиаклассников.

Обучение в медиаклассах осуществляется с применением современных образовательных форматов, таких как группы переменного состава, микрогруппы, дистанционная форма обучения.

Рассмотрим некоторые из методов, которые активно применяются на занятиях в медиаклассах:

Проектная деятельность — создание реальных медиапродуктов в различных формах и жанрах, а также планирование и организация собственной работы по сбору и обработке материала и другие активные формы работы.

Кейс-метод — анализ реальных ситуаций из медиаиндустрии, разработка решений и стратегий.

Ролевые игры — симуляция реального процесса производства информации: учащиеся берут на себя роли журналиста, редактора, оператора, продюсера и т.п., что помогает им применять знания в практических ситуациях.

Работа в малых группах — опыт сотрудничества и обмена идеями в небольших мобильных группах; решение задач по созданию медиапродукта в коллективном формате.

Использование мультимедиа — работа с современными техническими средствами для создания медиапродуктов.

Интерактивные лекции и онлайн-платформы — лекции с экспертами отрасли, а также онлайн-ресурсы для обмена опытом и обратной связи.

Экскурсии и практики в медиаорганизациях — посещение медиаорганизаций (редакции, телевизионные студии, радиостанции, издательства, типографии и т.д.) для погружения в профессиональную среду.

Самостоятельные исследования и проекты — подготовка и проведение самостоятельных исследований и создание оригинальных проектов, как итог — представление результатов в виде медиапродуктов, презентаций, в том числе на медиакурсах и фестивалях для школьников.

Рефлексия и обратная связь — формирование умения анализировать свою работу, определять учебные потребности, осознавать собственный прогресс или выявлять причины неудач, а также получать обратную связь от профессионалов, педагогов и сверстников для улучшения своих навыков и результатов.

В целом занятия в медиаклассах направлены на создание стимулирующей и интерактивной образовательной среды, способствующей развитию комплексных медианавыков учащихся, что является одним из ключевых факторов подготовки будущих специалистов. Сегодня некоторые школы развивают собственные медиacentры, чье обеспечение оборудованием порой не уступает в качестве отдельным редакциям и студиям.

Нужно сказать, что учебные планы школьных медиаклассов предусматривают изучение на углубленном уровне таких учебных предметов, как «Русский язык», «Литература», «Иностранный язык», а также освоение двух обязательных практико-ориентированных элективных курсов «Журналистика» и «Технологии медиапроизводства». Изучение гуманитарных предметов позволяет учащимся развивать способность критического анализа текстов, улучшать навыки письма и устной речи, а также более глубоко понимать литературные произведения и события общественной жизни и определять их значение в контексте культуры и социума. В свою очередь, овладение иностранным языком позволяет учащимся расширить коммуникативные возможности, получить доступ к международным источникам информации и контенту, а также успешно взаимодействовать с иностранными партнерами и аудиторией. Отдельного внимания заслуживают практико-ориентированные элективные курсы «Журналистика» и «Технологии медиапроизводства», которые предоставляют учащимся возможность ознакомиться с основными принципами и методами работы в медиаиндустрии,

приобрести практические навыки в создании и редактировании контента, освоить основные инструменты и технологии медиапроизводства [2].

Помимо обязательных курсов, программы специализированных классов могут включать и дополнительные элективные курсы, такие как «Мультимедийная журналистика», «Реклама и маркетинг в медиа», «Социальные медиа и личный брендинг» и др. Включение дополнительных дисциплин может предоставить учащимся больше возможностей для выбора и гибкости в обучении в соответствии с их интересами и потребностями в медиаобласти. Конкретные курсы и их количество могут различаться в разных школах с учетом направленности обучения в медиаклассах.

В рамках проекта дополнительное образование и внеурочная деятельность реализуются совместно с вузами-партнерами. Это позволяет расширить практическое содержание общеобразовательной программы и обеспечить доступ учащихся к материально-технологической базе вузов. Сотрудничество с вузами-партнерами предполагает организацию мастер-классов, лекций и практических занятий, которые проводят медиаспециалисты и преподаватели высшей школы; а также практику студентов факультетов журналистики в школах и подключение их к учебному процессу. Учащиеся получают возможность познакомиться с актуальными методами и современными технологиями в области медиаиндустрии, а также применить полученные знания на практике. Такое партнерство с вузами обеспечивает учащимся более глубокое и практическое понимание принципов деятельности медиаиндустрии, а также подготавливает их к дальнейшему обучению в сфере медиа и коммуникаций [3].

Сегодня медиаклассы представляют собой эффективную форму работы внутри школы. Именно то обстоятельство, что первоначальное знакомство с медиа происходит уже на базе общеобразовательных учреждений, дает повод заявить о переходе к качественно новому уровню подготовки медийно-грамотной аудитории. Здесь мы можем говорить как о новом поколении специалистов в области медиа, так и развитии у школьников критического мышления, творческого подхода к решению профессиональных задач. Интеграция медиаклассов в учебный процесс открывает новые возможности для ребенка и целенаправленно готовит его к жизни в условиях информационного общества и стремительно развивающихся коммуникаций. Таким образом, медиаклассы сегодня становятся отправной точкой медиаобразования, ведь о необходимости развивать его «как часть концепции обучения в течение всей жизни человека» писал известный исследователь А. В. Федоров [4, 67].

Портрет выпускника проекта «Медиакласс в московской школе» представлен в табл. 1.

Таблица 1

Критерии	Описание
Профессиональные навыки и знания	Выпускник обладает глубокими знаниями в области медиаиндустрии, журналистики, медиапроизводства и смежных областей. Владеет навыками работы с современными инструментами и техническим оборудованием.
Креативность и творческий потенциал	Выпускник проявляет творческий подход к работе, способен генерировать оригинальные идеи, находить нестандартные решения и проявлять инновационный подход в сфере медиа.
Аналитический и критический мыслительный подход	Выпускник обладает умением анализировать информацию, критически мыслить, оценивать достоверность медиаконтента, а также применять критический подход к процессу создания медиапроектов.
Научная грамотность и культура речи	Выпускник обладает отличными навыками письменной и устной речи, владеет грамотным и стилистически правильным языком. Способен выступать перед аудиторией и представлять свои идеи с использованием различных медиаформатов.
Коммуникативные навыки	Выпускник обладает отличными коммуникативными навыками, умеет эффективно взаимодействовать с коллегами, общаться с аудиторией и устанавливать контакты с различными стейкхолдерами. Способен работать в команде и сотрудничать с различными специалистами.
Информационная грамотность	Выпускник обладает навыками критической оценки информации, умеет работать с различными источниками, анализировать информацию, а также применять эти навыки для создания качественного медиаконтента.
Культурная грамотность	Выпускник способен анализировать и интерпретировать различные медиаформаты, произведения искусства и медиаконтент, создавать медиапроекты с учетом эстетических и этических принципов и ценностей.
Профессиональная самореализация и гражданская позиция	Выпускник обладает стремлением к профессиональному развитию, способен адаптироваться к изменяющимся требованиям медиаиндустрии и имеет гражданскую позицию. Он готов работать над собственным профессиональным ростом, участвовать в проектах и исследованиях, принимать ответственность за свои действия и сознательно использовать свои медианавыки для формирования позитивных изменений в обществе.
Предпринимательские навыки	Выпускник обладает предпринимательским мышлением и способен применять его в медиасфере. Может инициировать и осуществлять собственные медиапроекты, работать над созданием своего бренда и монетизировать его.
Толерантность и межкультурная компетентность	Выпускник уважает и ценит разнообразие культур, умеет работать в мультикультурной среде, проявляет толерантность и умение учиться и взаимодействовать с людьми разных культур и мировоззрений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко Е. А. Шаги в медиасреде: о внедрении интегрированного медиаобразования / Е. А. Бондаренко, С. И. Гудилина // Медиа. Информация. Коммуникация. — 2016. — № 19. — Режим доступа: https://mic.org.ru/vyp/19-nomer-2016/shagi-v-mediasrede-o-vnedrenii-integrirovannogo-mediaobrazovaniya/?sphrase_id=116539 (дата обращения: 16.01.2025).
2. Медиакласс в московской школе. — Режим до-

ступа: <https://profil.mos.ru/media/> (дата обращения: 21.01.2025).

3. Баканов Р. В. Профориентационная работа в Высшей школе журналистики и медиакоммуникаций КФУ: опыт, идеи, перспективы / Р. В. Баканов // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 1 (31). — С. 12-24.
4. Федоров А. В. Медиаобразование и медиаграмотность / А. В. Федоров. — Таганрог: Кучма, 2004. — 340 с.

Московский педагогический государственный университет

Марчан К. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций им. В. А. Славиной

E-mail: kv.marchan@mpgu.su

Опарина Е. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций им. В. А. Славиной

E-mail: ev.oparina@mpgu.su

Moscow Pedagogical State University

Marchan K. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Media Communications Department of named after V. A. Slavina

E-mail: kv.marchan@mpgu.su

Oparina E. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Media Communications Department of named after V. A. Slavina

E-mail: ev.oparina@mpgu.su

ОТКРЫТИЕ НОВЫХ МИРОВ В ПРОШЛОМ: «ОБРАЗЫ ИТАЛИИ» П. П. МУРАТОВА

Н. Д. Мельник

Поступила в редакцию 5 мая 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается подготовка к изданию книги П. П. Муратова (1881–1950) «Образы Италии» и выпуск ее московским издательством «Научное слово» в 1911–1912 гг. и в Берлине в 1924 г. Автор повествует об одном из наиболее значимых произведений русской литературы, созданных в жанре «итальянских впечатлений» и послуживших источником вдохновения для авторов, писавших в дальнейшем об итальянском искусстве.

Ключевые слова: П. П. Муратов, искусствовед, «Образы Италии», главная тема, прошлое страны, великая книга о любви, обязательное чтение.

Abstract: the article discusses the preparation for publication of the book by P. P. Muratov (1881–1950) «Images of Italy» and its release by the Moscow publishing house «Scientific Word» in 1911–1912 and in Berlin in 1924. The author narrates about one of the most significant works of Russian literature created in the genre of «Italian impressions» and served as a source of inspiration for authors who later wrote about Italian art.

Keywords: P. P. Muratov, art critic, «Images of Italy», the main topic, the country's past, the great book of love, required reading.

Период конца XIX — начала XX вв., вплоть до 1914 г., когда разразилась Первая мировая война, был в Российской империи эпохой столь блестящих достижений в ряде наук, культуре, искусстве, что его по праву называют «Серебряным веком» или «Русским Ренессансом». «Всплеск творческой активности коснулся политики, философии и других наук, небывалый подъем царил и во всех видах искусства». Редакционно-издательская деятельность журнала «Мир искусства» (1899–1904) «вызывала к жизни целый ряд новых художественных направлений. Возникло созвездие новых журналов по искусству — «Весы», «Художественные сокровища России», «Золотое руно» и «Аполлон» — журнал, публиковавший произведения всех талантливых поэтов и писателей новых направлений символизма и акмеизма, а также статьи и заметки о ведущих художниках» [1, 452].

Характерной особенностью лучших литературно-художественных журналов рассматриваемого периода было, во-первых, то, что их создатели привлекали к сотрудничеству выдающихся деятелей культуры, уже завоевавших авторитет и признание у критиков и любителей искусства, а также «открывали» новые таланты, давая возможность заявить о себе в полный голос молодым творческим личностям; во-вторых, руководители большинства этих изданий не ограничивались редакционно-публицистической, иллюстративной и оформительской деятельностью. Общими усилиями они разными способами расширяли границы знаний своих читателей: «их деятельность сопровождалась проведением имев-

ших громкий успех выставок, большой лекционной просветительской работой, устройством публичных чтений» [2, 99–100], литературных и музыкальных вечеров, участием в театральных постановках, успешным книгоизданием. Появлялись и самостоятельные издательства, преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге. Благодаря этому на полках книжных магазинов всегда можно было найти вызывавшие интерес у читателей новинки литературы просветительской направленности.

Одним из тех, чей писательский и искусствоведческий талант был открыт в эпоху Серебряного века, был Павел Павлович Муратов (1881–1950). В историю русской культуры и публицистики он вошел, прежде всего, как глубокий знаток и пропагандист итальянского искусства. Но произошло это не сразу.

Выходец из семьи военного врача, в ранней юности он воспитывался в кадетском корпусе, а после его окончания поступил в Санкт-Петербургский институт путей сообщения. Как вспоминал Муратов впоследствии, осенью 1904 г., после окончания института, началась его служба артиллерийским офицером: «Зимой оказался я последовательно канониром, бомбардиром и фейерверкером. На погонах моих скрещенные пушки с гранатой и цифры 3 обозначали третью гренадерскую артиллерийскую бригаду... Я был откомандирован в Москву и обучался артиллерийскому делу на Ходынке» [3].

В это же время молодой офицер познакомился с Борисом Зайцевым, ставшим его верным другом на долгие годы. В 1951 г., вспоминая об их знакомстве, Зайцев писал, что тот уже тогда ходил «политераторски, а не по-военному, левое плечо свисало, и вообще по всему облику мало походил на “фронт-

вика". Нечто весьма располагающее и своеобразное сразу в нем чувствовалось... Первое из известных мне увлечений Муратова было военное дело... В 1904 году писал он вместе с братом в московских газетах: он о морской войне, брат о сухопутной...» [4, 172–173].

Первым же серьезным литературным опытом Муратова стала статья «Искусство и революция» [5], опубликованная в еженедельном журнале «Полярная звезда» (1905–1906), выходившем под редакцией П. Б. Струве (1870–1944). Через несколько месяцев военная служба начинающего литератора подошла к концу [3], положив начало судьбе публициста и искусствоведа.

П. Муратов становится помощником библиотекаря Московского университета, а несколько позже — помощником хранителя отдела изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея [6, 432]. Близость к искусству, глубокий интерес к нему находит у молодого исследователя отражение в статьях, опубликованных в журналах «Перевал» (1906–1907), «Золотое руно» (1906–1909), «Весы» (1904–1909).

Уже в 1906 г. Муратов — известный художественный критик. «Интересы его в это время — современная русская живопись: “передвижники”... В. Э. Борисов-Мусатов, “Мир искусства”». Тогда же у него появилась «тяга к “культурологическим” обобщениям». Он писал, как свидетельствует М. Дунаев в книге «Борисов-Мусатов»: «Может быть, недалеко уже то время, когда эти годы, годы Серова, Коровина, Врубеля, Сомова, Якунчиковой и Мусатова, будут называться лучезарной эпохой русской живописи» [7, 159]. А через два года, в 1908 г., в жизни исследователя произошло знаменательное событие: он впервые посетил Италию. П. Муратов писал, что эта страна «принадлежит к великим темам, не устающим привлекать мысль и воображение различных людей и сменяющихся поколений. Это целый мир, и каждый, кто вступает в него, проходит в нем отдельной дорогой» [8, 7].

Эта далекая, казалось бы, от России страна, стала для автора живым напоминанием о русской культуре. И это закономерно: здесь пролегли к началу XX века реальные и духовные пути ряда выдающихся отечественных писателей — от Н. В. Гоголя до Д. С. Мережковского.

Любили и прославляли Италию на своих полотнах, получивших мировое признание, и многие русские художники. Лучшие из выпускников Императорской академии художеств, окончившие курс с Большой золотой медалью, получали денежное пособие (пенсии) для дополнительного совершенствования мастерства. Одним из самых знаменитых выпускников академии первой половины XIX в. был К. П. Брюллов, удостоенный в 1822 г. Большой золотой медали по классу исторической живописи и как следствие этого — пенсионерской поездки за грани-

цу [9, 393]. Брюллов выбрал Италию, где создал ряд картин, получивших широкое признание критиков и любителей искусства. Самой же знаменитой его работой стало полотно «Последний день Помпеи» (1830–1833), на котором художник изобразил трагедию, произошедшую в древности в результате извержения вулкана Везувий.

Путешествие же в Италию П. Муратова — последователя прославленных деятелей русской культуры, длилось примерно год. За это не столь уж и продолжительное время для детального изучения страны с великой культурой, он посетил, помимо небольших городков и деревень, Венецию, Верону, Виченцу, Болонью, Феррару, Флоренцию, Пистую, Пизу, Пра-то, Лукку, Сан Джиминьяно, Ассизи, Сиену, Орвьето, Парму, Перуджу, Бергамо, Брешию, Мантую, Милан, Неаполь. Кроме того, объездил практически всю Сицилию и уделил пристальное внимание изучению художественных сокровищ Рима. И чем больше исследователь узнавал о пленившей его стране, тем обширнее становился у него список мест, обязательных, как он считал, к посещению.

Передвигаться по Италии Муратову приходилось разными способами: иногда, как он впоследствии описывал, даже на крестьянской телеге с сеном, запряженной мулом. К тому же, неутомимость в посещении все новых мест, порой в глубинке страны, требовала от путешественника определенного мужества: ведь он мог не только заблудиться в безлюдной местности, среди поражающих красотой, но заброшенных вилл, встретиться с лихими людьми. И все же стремление познакомиться с памятниками культуры прошлого было сильнее осторожности: искусствовед понимал, что его поездка в Италию может оказаться единственной в жизни. Поэтому, узнав на постоялом дворе о каком-то малоизвестном месте, не указанном в путеводителях, но заслуживающим, по его мнению внимания, или увидев вдали очертания древних развалин, он без всяких сомнений устремлялся туда.

Вернувшись же в Россию, П. Муратов начал систематизировать свои итальянские впечатления. Весь 1909 г. он работал над первым томом своей книги, ставшей самой известной из его работ, — «Образы Италии», предисловие к которой датировано им мартом 1910 г. В нем автор четко обозначил главную тему своего труда — прошлое страны: «Италия с особенной силой пробуждает в душе каждого способность воспоминаний. Дни, прожитые там, не исчезают бесследно, и прошлое отдельного существования выступает отчетливее на фоне неумирающего и великого прошлого...» Исследователь уверен, что в этом прошлом «больше жизни, настоящей вечной жизни, чем в итальянской современности. Она не внушает вражды, мешающей верить в будущее итальянского народа, сохранившего многие прекрасные черты. Но, думается, душа этого народа полнее

и вернее выражена в его старом искусстве, в судьбе его исторических героев и в его религиозной древней связи с картинами окружающей природы» [8, 1].

Так, на основе путевых заметок молодого исследователя, глубоко проникшегося путешествием по дорогам Италии и ощутившего причастность к ее великой истории, наполнившей его собственную жизнь новым смыслом, родилась великая книга о любви. «Любови к познанию и постижению, к людям прошлого и настоящего, к миру во всем его восхитительном несовершенстве, суть которого в гармонии и всепобеждающей красоте» [10, 42].

Труд искусствоведа (пока еще I том), выпущенный в свет московским издательством «Научное слово», известен, прежде всего, публикацией работ крупных ученых, быстро приобрел широкую популярность. С одной стороны, она была обусловлена тем, что автор обращался к трудам по истории итальянского искусства ряда западноевропейских искусствоведов. Он писал об этом в предисловии к первому изданию своей книги: «...у английских писателей мне не только пришлось учиться Италии, но и учиться писать об Италии. Высокие примеры Дж. А. Симондса и Уолтера Патера были у меня всегда перед глазами» [8, 15]. С другой стороны, взяв на вооружение их новации в области формы, композиции, стиля, русский искусствовед, творчески переработав их, привнес в свой текст много нового: «...стиль Муратова отличается от стиля английской эстетической критики своей страстностью и солнечным энтузиазмом» [11, 87].

Друг П. Муратова, Б. Зайцев, объясняя причину большого, непререкаемого успеха «Образов Италии», писал: «В русской литературе нет ничего им равного по артистичности переживания Италии, по знаниям и изяществу исполнения» [4, 174]. В 1912 г. вышел в том же издательстве II том «Образов Италии» [12], имевший не меньший успех у читающей публики и критиков. Второе издание книги — исправленное и дополненное, увидело свет в 1912–1913 гг. Автором и издательством планировалось, что третий том войдет в третье издание 1917 г. Но война и революция внесли свои коррективы: в это время был опубликован только первый том. В окончательной трехтомной редакции книга П. Муратова вышла в Берлине в 1924 г. [13]. В России же, в постсоветский период, полное издание «Образов Италии» впервые было осуществлено только в 1993–1994 гг. [14].

Обращение автора исследования прежде всего к прошлому Италии свидетельствует о его приверженности Ренессансу как к идеалу социального устройства, утерянного в глубине веков. Под его пером итальянские города начала XX в. выступают лишь призраками того, какими они были в далеком прошлом: «Нынешняя Венеция — только призрак былой жизни, и вечный праздник на Пьяцце — только пир чужих людей на покинутом хозяевами месте. Преж-

няя Венеция жива лишь в дошедших до нас произведениях ее художников» [8, 21].

Соответственно, знакомясь с современным П. Муратову городом, мысленно он перемещается в ауру художественных полотен одного из основателей венецианской школы живописи Джованни Беллини (ок. 1430/1433–1516), Витторе Карпаччо (ок. 1465–1525/1526), Джорджоне (Джорджо Барбарелли ди Кастельфранко; 1477/1478–1510), Тинторетто (Якопо Робусти; ок. 1519–1594), Тициана Вечеллио (1488/1490–1576), Веронезе (Паоло Кальяри; 1528–1588). Прошлое, запечатленное в произведениях великих мастеров, очаровывает искусствоведа: «Во всяком воспоминании есть благодарность, есть убаюкивающее очарование. Прошлое одевается убором, сотканном из тончайшей душевной пряжи. Оно является воображению в особой игре света и тени, после которой слишком будничным и скучным кажется изучение его при дневном свете книжной истории» [8, 34].

Обращаясь мысленно к XVII в. в Италии и описывая его в своей книге, П. Муратов подчеркивает, что в ту пору здесь, строго говоря, существовало «одно всенародное и полное жизни искусство, — комедия масок. Она воплощала в себе весь художественный дар божественно одаренного народа... Даже в такую эпоху холодной и скучной парадности, как XVII в., Италия сумела найти противоядие и сумела нарушить его молчаливую пышность пестротой и путаницей диалогов, ужимок, дурачеств, — трескотней и хохотом народной комедии...» [8, 45].

Говоря же о XVIII в. в Венеции, автор «Образов Италии» подчеркивает, что жизнь здесь была в это время вечным праздником. Помимо семи театров и многочисленных кафе, где веселилась нарядная публика, характерной его чертой оставалась все та же маска. В то время она стала «почти что государственным учреждением, одним из последних созданий этого утратившего всякий серьезный смысл государства. С первого воскресенья в октябре и до Рождества, с 6-го января и до первого дня поста, в день св. Марка, в праздник Вознесения, в день выборов дожа и других должностных лиц каждому из венецианцев было позволено носить маску. В эти дни открыты театры, это карнавал, и он длится, таким образом, полгода» [8, 39]. Именно маска, вместе со свечой и зеркалом, формирует, по мысли П. Муратова, образ Венеции XVIII в.

К тому же, XVIII в. в Италии для П. Муратова — еще и эпоха Казановы, описанию жизни которого он уделяет большое внимание. Подробно рассказывает он читателям и о быте, нравах того времени, в том числе в небольших итальянских городках. Так, повествуя о своем путешествии в Киоджо, исследователь отмечает: «В каждом итальянском городке существовал тогда непременно кружок молодых и наклонных к литературе людей, который устраи-

вал свои шуточные заседания. Там, между блюдами макарон произносились стихи на “макароническом” языке, то есть на местном наречии, изо всех сил испорченном латинскими окончаниями и перемешанном подлинно латинскими словами и всякого рода непристойностями и нелепостями...» Автор «Образов Италии» подчеркивает, что «в Италии “макароническая” поэзия возникла давно, может быть как сатира на гуманистов. Но держалась она чрезвычайно долго, всегда была популярна и, следовательно, была в характере народа» [8, 87].

Описывая «старинный и хмурый» город Падую, П. Муратов отмечает, что в нем есть «два величайших памятника светлой поры итальянского искусства. Это — фрески Мантеньи в церкви Эремитани и фрески Джотто в небольшой церковке, расположенной на месте арены древнего амфитеатра». По мнению исследователя, каждый, «кто едет в Италию и, следовательно, любит искусство (кто не любит искусства, тому нечего делать в Италии), обязан видеть эти фрески, особенно фрески Джотто. Итальянская живопись родилась от Джотто» [8, 93]. Анализируя произведения и художественный метод этого живописца, автор резюмирует: «Старинное прозвание Джотто “отцом итальянской живописи” остается в полной силе и теперь. Джотто не только до конца исчерпал художественные возможности своей эпохи, но и последующие эпохи в искусстве были возможны только благодаря тому, что было сделано Джотто» [8, 98].

Путешествуя из Венеции во Флоренцию, П. Муратов остановился в Ферраре. Описывая этот небольшой город, автор «Образов Италии» определяет его похожим на «кладбище... Феррара — один из умерших городов Италии...» Она умолкла, «и молчание нигде не является таким торжественным знаменем смерти, как в этом городе, где столько поэтов слагало свои песни». Искусствовед напоминает, что история этого места непосредственно связана с «историей последнего поэта Возрождения, Торквато Тассо» [8, 107–108].

Вспоминает искусствовед и художников Феррары, выделяя среди них Доссо Досси, в каждом произведении которого «виден особенный темперамент и... чувствуется привлекательное воображение» [8, 115–116].

В Болонье же, как считает П. Муратов, можно отдохнуть от посещений музеев и храмов. Она привлекает другим: легкостью и весельем. Это город тучных житниц и виноградников, дающих прославленное вино. Но все это мирно соседствует с «ученостью» — благодаря древнему университету. Путешественник подчеркивает, что за восемь столетий он «успел удивительно слиться с жизнью города. В XVII в. он сделался рассадником бесчисленных местных “академий”. В XVIII в., таком падком на всякую ученость, университетские люди придавали особый оттенок

местному обществу» [8, 119–120]. Современный же исследователю путешественник вряд ли, как он считает, может судить, сохранило или нет общество Болоньи хотя бы часть былой прелести. Несомненно же то, что интеллигентность в этом городе присутствует отчетливее, чем в других итальянских городах. Такова, как представляется Муратову, сила традиции.

Равенну начала XX в. П. Муратов не считает мертвым городом, ведь она — центр зажиточной земледельческой области. Тем трагичнее, подчеркивает он, судьба ее великих памятников, которых от первых веков христианства сохранилось немного. «Другие погибли в междоусобиях Средневековья и войнах Ренессанса или в разрушительных переделках архитекторов XVIII столетия, более опасного для памятников древности, чем самые варварские эпохи» [8, 133].

Посетив Флоренцию, П. Муратов приходит к выводу, что она мало похожа на город, описанный когда-то Данте Алигьери: «За шестьсот лет не переменились в ней лишь Сан Джованни, лишь этот мост “Рубаконтэ” или “алле Грацие”, да еще высокие темные стены францисканской церкви Санта Кроче. За мостом и вокруг церкви все стало другим, все говорит о новых столетиях и новых людях... И все-таки сердце подсказывает, что эта Флоренция, та самая Флоренция Данте, святыня, за которую он мог положить свою душу, суровую и нежную» [8, 146].

Писатель подчеркивает, что Флоренция «была колыбелью кватроченто и его саркофагом». Последующие же века европейской истории «растаяли в лучах единственного века, который поглотил всю ее энергию... Кватроченто до сих пор остается настоящей жизненной стихией Флоренции» [8, 153–154].

Описывая Пистойю в Тоскане, исследователь упоминает, что она находится недалеко от Флоренции. И хотя этот город, в отличие от истинных жемчужин итальянского искусства, не очень богат живописью, именно здесь восходит «заря великих искусств XIV века, — искусства, родившегося от Джотто, и искусства, созданного скульпторами из Пизы» [8, 217].

Сама же Пиза, прежде всего старая ее часть, внушила искусствоведа благоговейное удивление, потому что, как он пишет, «до сих пор цела площадь на окраине города, где стоят созданные ее гением собор, Баптистерий, наклонная башня и Кампо Санто». Это единственная в своем роде площадь в Италии. Да и во всем мире «трудно встретить теперь место, где могла бы так чувствоваться, как здесь, прелесть мрамора». Эта площадь кажется истинным чудом, «настолько непонятен нам теперь длительный прилив художественных сил, великой гордости и высшей энергии, пережитой когда-то пизанцами» [8, 218–219].

Самым же светлым и наиболее дорогим из итальянских воспоминаний стала для П. Муратова, по его собственному признанию, Сиена. В этом городе «соединяется все то, что заставляет сердце биться силь-

нее при слове Италия, — святая древность, цветущее искусство, речь Данте в устах народа, чувство воздуха, чувство насыщенной тонкими силами земли... В Сиене слилось все это с единственной в своем роде стройностью и гармонией» [8, 238]. Именно в Сиене, уверяет читателя автор, странник, влюбленный в прошлое, найдет осуществление своей мечты.

Во втором томе «Образов Италии», повествующем о Риме, Неаполе и Сицилии, особое внимание уделено автором итальянской столице. Ей П. Муратовым посвящены восемь глав: «Чувство Рима», «Античное», «Христианский Рим», «Мелоццо да Форли», «Высокое Возрождение», «Барокко», «Пиранези», «Римская Кампанья». В. Н. Гращенков, подготовивший первое в постсоветской России трехтомное издание «Образов Италии», оценил их как «самые захватывающие страницы второго тома... Они выше всяких похвал» [15, 304].

Следует отметить, что в отличие от глав, посвященных другим городам, которым предшествуют эпиграфы, взятые автором из литературных произведений, «римские» главы предваряет девиз Джузеппе Гарибальди «Roma o morte», под которым он совершил в 1862 и 1867 гг. два неудачных похода на Рим. Поэтому данный эпиграф можно рассматривать как свидетельство о коренных изменениях в жизни города, непосредственно связанных с политическими событиями, а также как интерес автора не только к истории Рима, но и к современным ему здесь событиям.

Включение Рима в состав Королевства Италия навсегда изменило как политический, так и культурный, прежде всего архитектурный облик города. В нем развернулось строительство новых кварталов, что повлекло за собой варварское разрушение многих старинных зданий, аристократических вилл. «Истребление этой своеобразной черты увенчалось в 1886 г. разрушением Виллы Людовизи, самой прекрасной из римских вилл, снесенной с лица земли ради того, чтобы очистить место для квартала, совершенно безликого на смятенный взгляд итальянской и европейской художественной интеллигенции» [11, 91–92].

Как и многие соотечественники П. Муратова, верные романтическому канону и ищущие в Вечном городе следы великого прошлого, искусствоведом обескураживают постигшие Рим изменения. Но все же, исследуя квартал за кварталом итальянской столицы, изучая ее памятники, он испытывает счастье, в котором, по его собственному признанию, «есть что-то похожее на счастье быть молодым — ждать с трепетом каждого нового дня, засыпать с улыбкой, думая о завтра, верить в неистраченное богатство жизни, быть расточительным в своей радости, потому что всюду вокруг бьют ее неиссякаемые источники» [16, 18].

Так, исследуя прошлое Италии, открывая в нем

новые миры, П. Муратов подчеркивает, что душа ее народа жива, и она — не только в картинах старых мастеров, в шедеврах скульптуры, великолепии дворцов и карнавальных шествиях. Общее впечатление, сложившееся у искусствоведа от многочисленных и многогранных образов этой страны — именно ее жизнь и нетленная душа: «Ценой неизбежных ломок и перемен нынешняя Италия приобретает свое право жить настоящим. Ощущение ее вечной жизненной стихии — вот то, что составляет истинный смысл итальянского путешествия. Венеция и Рим — не музеи и не театральные декорации, не кладбища эпох и не архивы человечества. Латинская столица ждет новых вселенских предназначений; лагунный город не перестает отправлять корабли всюду, где однажды поднял в знак владычества лапу мраморный лев Сан Марко» [17, 428].

Любовь к Италии, талантливо переданная *словом*, в значительной степени способствовала тому, что книга П. Муратова сразу же после издания стала практически обязательным чтением для интеллигентной публики. В дневнике А. А. Блока за 23 января 1912 г. есть такие строки: «Вчера на ночь — увлекательное чтение книги Муратова» [18, 110]. Такую же характеристику дал «Образам Италии» К. А. Сомов [19, 282]. И. А. Бунин же, совершивший в начале 1914 г. путешествие в Италию, представил в своих воспоминаниях ироничный диалог с образами книги П. Муратова: «Вчера из Неаполя ездил в Салерно... Ночевали в древнем монастырском здании — там теперь гостиница. Чудесная лунная ночь. Необыкновенно хорошо, только никаких муратовских сатиров» [20, 66].

Став одним из наиболее значимых произведений русской литературы, созданных в жанре «итальянских впечатлений» и великим художественным памятником Серебряного века, «Образы Италии» П. П. Муратова послужили источником вдохновения для ряда отечественных авторов, в дальнейшем писавших об итальянском искусстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Масси С. Земля Жар-птицы: Краса бывлой России / С. Масси. — СПб., 2000.
2. Жирков Г. В. Золотой век журналистики России: История русской журналистики 1900–1914 годов / Г. В. Жирков. — СПб., 2011.
3. Муратов П. П. Москва в декабре 1905 года / П. П. Муратов // Возрождение. — Париж, 1930. — № 2005. — 28 ноября.
4. Зайцев Б. К. П. П. Муратов // Б. К. Зайцев // Дни. — М.-Париж, 1995.
5. Муратов П. Искусство и революция / П. Муратов // Полярная звезда. — 1906. — № 7. — 27 янв.
6. Толмачев В. Муратов П. П. / В. Толмачев // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь. — М., 1997.

7. Дунаев М. Борисов-Мусатов / М. Дунаев.— М., 1993.
8. Муратов П. П. Образы Италии: Венеция; Путь к Флоренции; Флоренция; Города Тосканы / П. П. Муратов.— М., 1911.— Т. I.
9. Брюлло и Брюлловы / Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 3. Бетанкур — Бякстер.— СПб., 1908.
10. Колпашникова Д. Роль и значение книги Павла Муратова «Образы Италии» для становления и развития русского искусствознания. О любовании, любопытстве и любви / Д. Колпашникова // «Образы Италии» П. П. Муратова: Сборник эссе.— М., 2018.
11. Giuliani R. «Сердечные излияния» П. П. Муратова: Рим начала XX века в образах Италии / R. Giuliani // Modernités russes.— 2016.— Р. 85–100.— Режим доступа: www.persee.fr (дата обращения: 03.05.2024).
12. Муратов П. П. Образы Италии: Рим; Неаполь; Сицилия. / П. П. Муратов.— М., 1912.— Т. II.
13. Муратов П. Образы Италии / П. Муратов.— Берлин, 1924.— Т. 1–3.
14. Вздорнов Г. И. Павел Павлович Муратов / Г. И. Вздорнов // Возвращение Муратова. От «Образов Италии» до «Истории кавказских войн» / П. П. Муратов.— М.— С. 23–35.
15. Муратов П. П. Образы Италии / П. П. Муратов.— М., 1993.— Т. II.
16. Муратов П. П. Образы Италии / П. П. Муратов.— М., 2008.— Т. II.
17. Муратов П. П. Образы Италии / П. П. Муратов.— М., 2008.— Т. III.
18. Блок А. А. Дневник / А. А. Блок.— М., 1989.
19. Сомов К. А. Письма. Дневники. Суждения современников / К. А. Сомов.— М.: Искусство, 1979.
20. Бунин И. А. Лишь слову жизнь дана... / И. А. Бунин.— М., 1990.

Мельник Н. Д., кандидат филологических наук
E-mail: melnik.natalija2017@yandex.ru

Melnik N. D., Candidate of Philology
E-mail: melnik.natalija2017@yandex.ru

ГЕОГРАФИЯ НОВОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ МАССМЕДИА СЕРБИИ В 2013-2023 ГГ.

А. А. Мулина

Московский государственный университет

Поступила в редакцию 1 марта 2025 г.

Аннотация: в статье анализируется география новостей трех крупных национальных массмедиа Республики Сербии. На основе мониторинга онлайн-версий газет *Politika*, *Blic* и *Kurir* за 2013-2023 гг. автор анализирует медийное пространство указанных изданий и предпринимает попытку определить место Балканского региона в нем. Выделяется стабильное соотношение количества материалов о странах региона к общему числу отобранных материалов. Автор приходит к выводу, что в новостном пространстве Сербии среди стран Балканского региона наиболее часто встречаются материалы о Боснии и Герцеговине, Черногории и Хорватии, а темы публикаций совпадают с внешнеполитическими задачами, указанными в ряде официальных документов Республики Сербии.

Ключевые слова: медиагеография, Балканы, региональная политика, регион, Сербия.

Abstract: the article analyzes the geography of news from three major national media outlets in the Republic of Serbia. Based on monitoring the online versions of the newspapers *Politika*, *Blic* and *Kurir* for 2013-2023, the author analyzes the media space of these publications and attempts to determine the place of the Balkan region in it. A stable ratio of the number of materials about the countries of the region to the total number of selected materials is highlighted. The author comes to the conclusion that in the Serbian news space, among the countries of the Balkan region, materials about Bosnia and Herzegovina, Montenegro and Croatia are most often found, and the topics of publications coincide with the foreign policy objectives indicated in a number of official documents of the Republic of Serbia.

Keywords: *mediageography, The Balkans, regional policy, region, Serbia.*

Введение. Республика Сербия занимает особое положение среди стран региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Являясь многолетним кандидатом в члены Европейского Союза, Сербия продолжает выстраивать собственную внешнеполитическую линию, иногда идущую вразрез с официальной позицией ЕС. Среди последних крупных решений страны особенно выделяется отказ от введения санкций против России в связи с событиями февраля 2022 г. Одним из ведущих векторов развития внешней политики Республики Сербии, согласно ряду опубликованных правительством страны документов [1], является укрепление ее положения в регионе. Страна выступает с инициативами по налаживанию тесного регионального сотрудничества (Открытые Балканы и пр.), предпринимает попытки сохранить в исторической памяти трагические для всего Балканского полуострова события конца XX в., а также активно поддерживает сербскоязычные диаспоры не только на Балканах, но и по всему миру.

С точки зрения медиагеографического подхода к изучению СМИ и пространства «массмедиа разного уровня формируют соответствующий пространственный контекст. <...> этот мир включает в себя... регион или территорию, на которой они (аудито-

рия — прим. авт.) живут» [2]. Посредством публикуемой в массмедиа информации у аудитории моделируется представление о регионе. В отличие от фактического, медийное пространство региона может содержать большее или меньшее количество стран, каждая из которых обладает устойчивыми и узнаваемыми образами положительной, негативной или нейтральной окраски.

Исследование медиапространства позволяет выявить набор подобных образов для каждой из стран региона. Цель данной статьи — определить уровень присутствия стран региона в географии новостей национальных массмедиа Республики Сербии, а также исследовать контекст, в котором соседи по региону упоминаются чаще всего.

Методика исследования. Для создания наиболее полной картины географии новостей национальных массмедиа Сербии автор обратился к онлайн-версиям трех крупных изданий страны: *Blic*, *Kurir* и *Politika*. Выбор массмедиа был связан с их популярностью среди населения страны. Сайты массовых газет *Blic* и *Kurir* традиционно занимают первые строчки различных рейтингов посещаемости новостных сайтов. Качественная газета *Politika* является самой старой как на территории современной Сербии и пользуется высоким уровнем доверия среди населения [3].

Первым этапом исследования стал отбор материалов из указанных изданий, который осуществлялся с помощью поисковых инструментов Google, а также внутренних архивов массмедиа, опубликованных на официальных сайтах изданий. За весь период мониторинга (2013-2023 гг.) было выбрано по одному месяцу для осуществления выборки. Критерием определения времени мониторинга стало отсутствие крупных международных событий (эскалации конфликтов, выборы в США и пр.), способных исказить результаты выборки.

Для анализа было отобрано более 8,5 тысяч материалов на международную тематику из разделов

«Мир», «Регион», «Экономика», «Политика». Статьи иных разделов, например, «Спорт», рассматривались только в случае, если публикации были посвящены целой стране, а не определенному человеку. На втором этапе исследования, используя медиагеографический подход, широко описанный в ряде работ [4], автор прибегнул к ранговому анализу и выстроил рейтинг стран по частоте упоминания в национальных массмедиа Сербии. Результат анализа представлен в виде карты (Рис. 1), на которой отмечены страны, постоянно присутствующие в новостном пространстве страны.

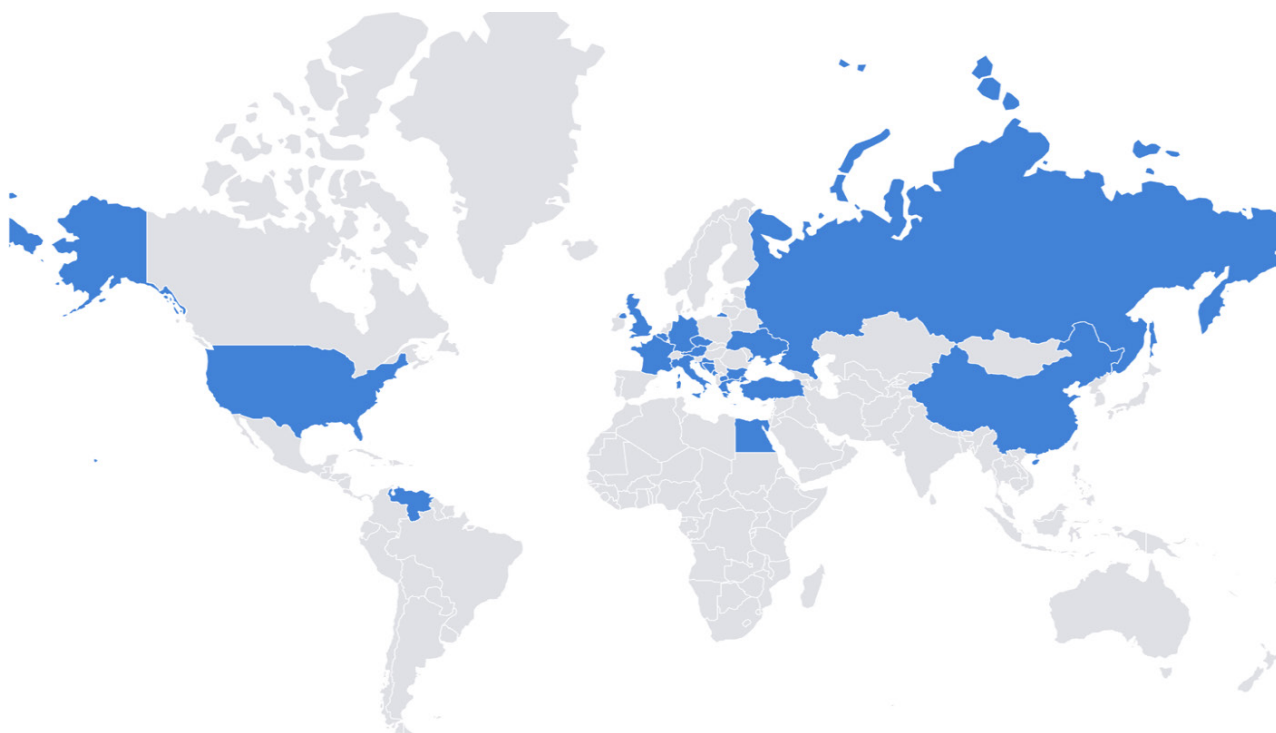

Рисунок 1. Карта мира¹ на основе материалов сербских массмедиа в период с 2013 по 2023 гг.

Результаты. Демонстрация полученных в виде карты данных (рис. 1) позволяет представить примерное медийное пространство изучаемых массмедиа. Чаще всего в новостном пространстве за весь период мониторинга появлялись Россия и США (совокупно 1253 и 1142 материала соответственно), далее в порядке убывания располагаются соседи по региону — Босния и Герцеговина (640 материалов), Черногория (536 материалов) и Хорватия (498 материалов). В 2022-2023 гг. зафиксировано многократное увеличение количества материалов об Украине, что связано с началом специальной военной операции. До 2022 г. подобные «всплески» интереса были

зафиксированы в 2014 (18 материалов) и 2018 гг. (10 материалов). Указанные результаты позволяют сделать вывод, что большая часть публикаций об Украине связана с российско-украинскими отношениями.

В новостном пространстве Сербии также постоянно присутствуют страны Западной Европы, традиционные центры принятия решений Европейского Союза. Стоит обратить внимание на полное отсутствие государств Северной Европы и части стран Центральной Европы. Два материка — Африка и Южная Америка — представлены только двумя странами с относительно небольшим количеством материалов: Египтом и Венесуэлой (49 и 66 материалов соответственно).

Для определения места Балканского региона на медийной карте мира национальных массмедиа Сербии автор распределил отобранные публикации на две группы. В первую вошли материалы о стра-

¹ На всех карте даны границы государств по состоянию на 2014 г., т.е. до проведения референдума на полуострове Крым, в результате которого Крым и Севастополь вошли в состав Российской Федерации.

нах вне балканского региона, во вторую — материалы о странах бывшей Югославии и Албании². Так как сравнение абсолютного количества публикаций в каждой из групп не позволяет выявить тенденции в соотношении региональных и мировых новостей

в сербских массмедиа, был составлен график с процентным соотношением региональных и внерегиональных публикаций к общему числу отобранных материалов (рис. 2):

Рисунок 2. Процентное соотношение региональных и мировых новостей к общему числу отобранных материалов в национальных массмедиа Сербии в 2013–2023 гг.

Относительное количество региональных новостей составляет от 20% до 30% от общего числа материалов на протяжении всего периода мониторинга. Наименьший показатель — 17,5% — отмечается в 2014 г., когда большая часть отобранных статей (75 из 332) была посвящена темам, связанным с Россией. Так как мониторинг массмедиа в 2014 г. осуществлялся в ноябре 2014 г., автор исключает вероятность искажения результатов из-за событий, связанных с возвращением Крыма в состав России. Напротив, материалы из массовых изданий Kurir и Blic освещают преимущественно события внутри страны или же служат для поддержания положительного образа В. В. Путина.

В 2019–2020 гг. зафиксирован наибольший показатель по соотношению региональных и внерегиональных публикаций в массмедиа Сербии (30%), что можно было бы связать с проблемой распространения коронавирусной инфекции в регионе и повышенному вниманию к соответствующим показателям — росту количества заболевших и др. Тем не менее, анализ отобранных материалов показал, что в 2019 г. и 2020 г., а также и в последующие периоды мониторинга, круг освещаемых журналистами тем значительно шире. Особое внимание уделяется пробле-

мам национальной идентичности в ряде балканских стран. Так, в контексте новостной повестки о Черногории в 2020 г. подавляющее число материалов (65 из 124) относится к предвыборной гонке в стране. Неоднократно приводятся слова действовавшего на тот момент президента страны Мило Джукановича, который назвал оппозиционные силы «пехотой великосербского национализма». Массовое издание Kurir, подводя итог выборам в Черногории, сравнило победу оппозиции с падением Берлинской стены³.

Анализ публикаций о странах Балканского региона в национальных массмедиа Республики Сербии позволил выделить три государства с высоким уровнем присутствия в новостном пространстве страны: Хорватию, Боснию и Герцеговину и Черногорию. Наиболее хаотичным можно назвать освещение событий в Хорватии, так как на протяжении всего периода мониторинга оказалось возможным выделить только несколько ярких политических событий, оказавшихся в фокусе внимания журналистов: выборы в стране, а также скандал с «реставрацией фашизма». Остальные публикации посвящены криминальной хронике, спортивным играм и другим событиям, не связанным с тематикой данного исследования.

² Стоит отметить, что не существует единого списка стран, составляющих Балканский полуостров. Под «балканским регионом» автор подразумевает страны бывшей Югославии — Сербию, Хорватию, Черногорию, Республику Северную Македонию, Словению, Боснию и Герцеговину, а также Албанию. Другие страны, считающиеся частично балканскими — например, Турция или Венгрия, — в данной работе не рассматриваются.

³ До сих пор вопрос национальной идентичности жителей Черногории является важным в контексте сербской региональной политики. Последние результаты переписи населения (2023 г.) выявили, что чуть больше 40% жителей считают себя черногорцами, в то время как около 30% относят себя к сербам. За 12 лет рост количества сербского населения составил около 5–7%. Результаты переписи на протяжении года были недоступны широкой общественности.

Круг тем, освещаемых сербскими журналистами, соотносится с теми задачами, которые сформулированы в официальных документах Республики Сербии, определяющих стратегию развития внешней политики страны. Например, одним из приоритетных направлений внешнеполитического вектора Сербии является защита сербских диаспор в регионе. Как уже было указано выше, значительная часть публикаций о Черногории посвящена особенностям политики государства в отношении к сербскому населению страны. В 2023 г. центральной темой статей стали результаты переписи населения, которые были опубликованы правительством Черногории в сокращенном варианте — без указания этнической принадлежности.

Тема защиты сербского населения также часто поднимается в новостях о Боснии и Герцеговине. В национальных медиа Сербии большое внимание уделяется освещению событий в Республике Сербской. Например, центральной выступает тема запрета празднования Дня РС. Введение ограничений рассматривается журналистами не как легитимное решение правительства страны, а как действие, подрывающее доверие сербского населения к суду.

Кроме того, в новостном пространстве страны постоянно присутствуют темы, связанные с влиянием ЕС и НАТО в регионе. Трансляция новостей о Словении и Хорватии демонстрирует политику Европейского союза по отношению к странам «периферии», поэтому наиболее часто в статьях подобного толка освещаются «болезненные» для Сербии темы: проблемы национальных меньшинств, защиты собственного суверенитета, несамостоятельность в области миграционной политики и пр. Тем не менее, политика ЕС не расценивается однозначно, в публикациях прослеживается нейтральная позиция авторов.

Напротив, деятельность НАТО в регионе в большинстве освещается с негативных позиций. В центре внимания журналистов оказывается не уже знакомая всей сербской общественности линия отношений Хорватия–НАТО⁴, а более остро воспринимающийся трек Черногория–НАТО. В материа-

лах 2016–2017 гг. больше трети были посвящены теме вступления Черногории в НАТО. Некоторые статьи раскрывали стоимость пребывания в альянсе, но главной темой в апреле 2017 г. стало празднование годовщины основания НАТО в Черногории, а также реакции общественности на стремление государства присоединиться к альянсу.

Заключение. Балканский регион постоянно присутствует в новостном пространстве национальных медиа Сербии, уступая по уровню присутствия двум крупным международным игрокам — России и США. Среди стран Балканского полуострова можно выделить трех ментальных соседей Сербии: Боснию и Герцеговину, Хорватию и Черногорию.

Анализ отобранных при мониторинге публикаций позволяет сделать вывод, что при отборе информационных поводов действует определенная логика, связанная с представлениями граждан Сербии о стране-соседе. Так, наибольшее внимание в контексте Боснии и Герцеговины и Черногории уделяется проблемам сербского населения, проживающего на территории государств, вопросам национальной и религиозной идентичности. Подобные темы не поднимаются при освещении событий в Хорватии, в то время как центральными становятся вопросы реставрации прошлого, освещения событий конца XX в., а также политические проблемы, связанные с положением страны в Европейском союзе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zakon o Dijaspori. — Режим доступа: https://www.dijaspora.gov.rs/files/Zakon_o_dijaspori.pdf (дата обращения: 1 марта 2025 г.).
2. Якова Т. С. Медиагеография / Т. С. Якова, М. М. Янглева. — М., 2019.
3. Недељковић М. Трансформација штампаних медија у Републици Србији у дигиталном добу: дис. док. полит. наук / М. Недељковић — Београд, 2020.
4. Янглева М. М. Опыты политической медиагеографии / М. М. Янглева. — М., 2024

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Мулина А. А., аспирант кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики

E-mail: bogdanovich-arina@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

Mulina Arina A., Postgraduate Student of the Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism

E-mail: bogdanovich-arina@mail.ru

⁴ Хорватия сыграла важную роль в Югославском конфликте конца XX в., открыв воздушное пространство для сил НАТО, несмотря на отсутствие согласования военной интервенции с ООН.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. В. ПУТИНА

Д. М. Мухамадиева, А. А. Соколова, Г. К. Чаукерова

*Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище
им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова*

Поступила в редакцию 26 февраля 2025 г.

Аннотация: статья посвящена языковым особенностям речи президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина на параде в честь победы советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне. Определена структура выступлений и основные языковые средства, используемые в речи президента. Выделены лексические, морфологические и синтаксические средства воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: речь президента, языковые особенности, структура выступлений, парад в честь Великой Победы.

Abstract: the article is devoted to the linguistic features of the speech of the President of the Russian Federation Vladimir Vladimirovich Putin at the parade in honor of the victory of the Soviet people over Nazi Germany in the Great Patriotic War. The structure of speeches and the main language tools used in the president's speech are defined. Lexical, morphological and syntactic means of influencing the audience are highlighted.

Keywords: the President's speech, language features, the structure of speeches, the parade in honor of the Great Victory.

Речи президентов осуществляются на различных государственных мероприятиях. Обязательными они являются и на парадах многих стран мира, в том числе и в России.

В Советском Союзе первый Парад Победы прошел 24 июня 1945 г. на Красной площади [1, 8-10]. Ежегодно парады стали проводиться 9 мая только с 1995 г. уже в Российской Федерации. Военные парады в Российской Федерации проводятся для празднования Великой Победы Красной армии и советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне (ВОВ). Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин произносит поздравительную речь после объезда строя пеших расчетов.

В. В. Путин давно признан талантливым оратором современности. Его выступления убедительны и влиятельны как на внутренней, так и на международной арене. Его публичные выступления вызывают интерес многих исследователей: И. В. Ивановой, Т. И. Перовской, М. Перотто, К. Т. Самотесовой и др. [2-5].

Мы проанализировали три речи президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина на парадах 9 мая в честь Дня Победы с 2022 г. по 2024 г. [6-8].

Выбор материала обусловлен тем, что празднование Дня Победы в эти годы пришлось на время проведения специальной военной операции

(СВО). Особые условия, в которых пришлось произносить речь, накладывало на президента особую ответственность.

Поздравительная речь имеет определенную структуру и всегда начинается с этикетных и оценочных выражений.

Президент обращается ко всем категориям населения, особо выделяя всех военнослужащих:

Уважаемые граждане России! Дорогие ветераны! Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины, мичманы и прапорщики! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы! [6]

В 2023 г. к обычному обращению добавляется новая категория военнослужащих — участники СВО:

Бойцы и командиры — участники специальной военной операции [7].

В 2024 г. появляются уже первые герои специальной военной операции, и это не могло не отразиться в речи президента:

Бойцы, командиры, фронтовики — герои специальной военной операции! [8].

Впервые слово *фронтовики* приобретает новый смысл, так как имеет новый ассоциативный фон: не ветераны Великой Отечественной войны, а люди, прошедшие бои в зоне СВО.

Следующая часть поздравительной речи — характеристика праздника, с которым говорящий поздравляет окружающих. Обязательным приемом при этом является использование эпитетов (*священный, беспримерный, непокоренный, доблестный, народный, ратный, трудовой*):

Защита Родины, когда решалась ее судьба, всегда была **священной**. <...> 9 мая 1945 года навеки вписано в мировую историю как триумф нашего единого советского народа, его сплоченности и духовной мощи, **беспримерного подвига на фронте и в тылу**. <...>. Мы гордимся **непокоренным, доблестным** поколением победителей <...> [6].

Поздравляю вас с Днем Победы — с нашим самым главным, подлинно **народным, священным** праздником! [8]

Оценочная лексика, имеющая высокую стилистическую окраску, придает речи возвышенность и торжественность.

Неотъемлемой частью характеристики праздника является употребление ряда однородных членов — перечисление людей, причастных к празднику. Подчеркиваются родственные связи и связь поколений (**отцы, деды, прадеды, внуки, правнуки**):

В этот день в нескончаемом потоке «Бессмертного полка» — **дети, внуки и правнуки** героев Великой Отечественной [6].

С праздником — в честь наших **отцов, дедов и прадедов**, которые прославили и обессмертили свои имена, отстояв Отечество. Ценой неизмеримого мужества и огромных жертв спасли человечество от нацизма [7].

Мы чествуем наших **отцов и дедов, прадедов**. Они защитили родную землю и сокрушили нацизм, освободили народы Европы, достигли вершин **ратной и трудовой** доблести [8].

Образность и выразительность речи добавляют фразеологизмы (**хранить память, вписать в историю, память не меркнет**). Также подчеркивается единение народа:

9 мая 1945 года навеки **вписано в мировую историю** как триумф нашего единого советского народа, его **сплоченности** и духовной мощи, беспримерного подвига на фронте и в тылу.

День Победы близок и дорог **каждому из нас**. В России **нет семьи**, которую бы не опалила Великая Отечественная война. **Память о ней не меркнет** [6].

В 2022 г. впервые проводится аналогия мест боев в Великой Отечественной войне с Донбассом. Для этого используются топонимы — собственные названия отдельных географических мест, перечисляются значимые битвы времен ВОВ:

С такими чувствами подлинного патриотизма поднимались за Отечество ополченцы Минина и Пожарского, шли в атаку на Бородинском поле, бились с врагом **под Москвой и Ленинградом, Киевом и Минском, Сталинградом и Курском, Севастополем и Харьковом**.

Так и сейчас, в эти дни вы сражаетесь за наших людей **на Донбассе**. За безопасность нашей Родины — России [6].

Упоминание топонима Донбасс в одном ряду со знаковыми местами боев Великой Отечествен-

ной войны усиливает важность этой территории. В целом они характеризуют Советский Союз как огромную сплоченную страну.

В последние три года впервые появилась новая часть в структуре поздравительных речей президента: противопоставление политических сил России и стран НАТО, их ценностей, традиций, приоритетов. Яркие языковые средства помогают подчеркнуть это противопоставление. Создается два различных образа: образ России и образ противоборствующей стороны:

Россия призывала Запад к **честному диалогу**, к поиску **разумных, компромиссных решений**, к учету интересов друг друга. — Страны НАТО не захотели нас услышать.

Россия всегда выступала за создание системы **равной и неделимой безопасности**. — Опасность росла с каждым днем [6].

Как и абсолютное большинство людей на планете, мы хотим видеть будущее **мирным, свободным и стабильным**. — Считаем, что любая идеология превосходства по своей природе **отвратительна, преступна и смертоносна** [6].

Но мы **другая страна**. У России **другой** характер. Мы никогда не откажемся от любви к Родине, от веры и **традиционных ценностей**, от обычаев предков, от уважения ко всем народам и культурам. — А на Западе эти тысячелетние ценности, судя по всему, решили отменить. Такая **нравственная деградация** стала основой циничных фальсификаций [6].

Лексические повторы усиливают убедительность речи, уверенность президента в своих словах и в своей правоте:

И мы это видели. <...> **Повторю, мы видели**, как разворачивается военная инфраструктура, как начали работать сотни зарубежных советников, шли регулярные поставки самого современного оружия из стран НАТО [6].

Очевидность политической ситуации в мире подчеркивается регулярным употреблением глагола **видим**:

Мы видим, как в ряде стран безжалостно и хладнокровно разрушают мемориалы советским воинам, сносят памятники великим полководцам, создают настоящий культ нацистов и их пособников, а память о подлинных героях пытаются стереть и оболгать [7].

Повторяется и слово **реванизм**:

Такое надругательство над подвигом и жертвами победившего поколения — это тоже преступление, откровенный **реванизм**... [7].

Реванизм, издевательство над историей, стремление оправдать нынешних последователей нацистов — это часть общей политики западных элит... [8].

В 2022 г. необходимо было так сформулировать свою позицию, чтобы ни у кого не осталось сомне-

ний в ее правильности. Ряды однородных определений в купе с фразеологизмом **дать отпор** помогают создать цельное, уверенное высказывание:

*Россия **дала** упреждающий **отпор** агрессии. Это было **вынужденное, своевременное и единственно правильное** решение. Решение **суверенной, сильной, самостоятельной** страны* [6].

Парцеллированная часть в приведенном примере начинается с лексического повтора. Слово **решение**, использованное дважды (на стыке основного высказывания и парцеллята), показывает уверенность президента в том, что начало СВО было осознанным, взвешенным и необходимым.

Основная часть обращения президента традиционно посвящена славным страницам истории Великой Отечественной войны.

Использование антропонимов играет ключевую роль в создании исторической картины прошлого:

*Сегодня ополченцы Донбасса вместе с бойцами Армии России сражаются на своей земле, где разили врага дружинники Святослава и **Владимира Мономаха**, солдаты **Румянцева и Потемкина, Суворова и Брусилова**, где насмерть стояли герои Великой Отечественной войны — **Николай Ватутин, Сидор Ковпак, Людмила Павличенко*** [6].

*Мы с вами стоим на Красной площади, на земле, которая помнит дружинников **Юрия Долгорукого и Дмитрия Донского**, ополченцев **Минина и Пожарского**, воинов **Петра Великого и Кутузова**, парады 1941 и 1945 годов* [7].

Собственные имена людей отражают, фиксируют и сохраняют определенную культурно-национальную специфику и историческую информацию. В семантике большинства антропонимов есть коннотативный культурный компонент, который транслирует информацию о культуре и истории народа.

Излюбленный стилистический прием в речи президента — анафора. Повторение книжного, высокого фразеологизма **склонять / склонить голову перед кем-л.** в значении “относиться с почтением к кому-либо; преклоняться перед кем-либо” [9] подчеркивает важность и значимость повторяемых элементов, что усиливает эмоциональное воздействие:

*Сегодня мы **склоняем головы** перед светлой памятью всех, чью жизнь отняла Великая Отечественная война, перед памятью **сынов, дочерей, отцов, матерей, дедов, мужей, жен, братьев, сестер, родных, друзей**.*

*Мы **склоняем головы** перед памятью мучеников Одессы, заживо сожженных в Доме профсоюзов в мае 2014 года. Перед памятью **стариков, женщин и детей** Донбасса, **мирных жителей**, которые погибли от безжалостных обстрелов, варварских ударов неонацистов.*

*Мы **склоняем головы** перед нашими боевыми товарищами, которые **пали смертью храбрых** в праведном бою — за Россию* [6].

*Сегодня мы **склоняем головы** перед светлой памятью всех, чью жизнь отняла Великая Отечественная война. Перед памятью **сыновей, дочерей, отцов, матерей, дедов, прадедов, мужей, жен, братьев, сестер, родных, друзей**.*

Склоняем головы перед ушедшими от нас ветеранами Великой Отечественной войны. *Перед памятью мирных жителей, погибших от варварских обстрелов и терактов неонацистов. **Перед нашими боевыми товарищами**, павшими в борьбе с неонацизмом, в праведном бою за Россию.* [8].

Как видно из примеров, родственные связи и связь поколений снова подчеркиваются рядом однородных членов. Парцелляция как стилистический прием придает речи интонационную экспрессию (*Перед памятью... Перед нашими боевыми товарищами...*).

Еще одна неотъемлемая часть любой поздравительной речи президента на Параде Победы — это слова благодарности союзникам:

*Мы **читим** всех воинов союзнических армий — **американцев, англичан, французов** — участников Сопротивления, отважных солдат и партизан **Китая** — всех, кто разгромил нацизм и милитаризм* [6].

Отдаем должное участникам Сопротивления, которые отважно сражались с нацизмом, бойцам союзнических армий **США, Великобритании**, других государств. *Помним и **читим** подвиг воинов **Китая** в битве с японским милитаризмом* [7].

*Мы **читим** отвагу всех воинов антигитлеровской коалиции, участников Сопротивления, подпольщиков, партизан, мужество народа **Китая**, сражавшегося за свою независимость против агрессии милитаристской Японии* [8].

Из примеров видно, что для этого используют этнонимы (**американцы, англичане, французы**) и топонимы (**США, Великобритания, Китай**). Самым частотным глаголом в этой части обращения оказался глагол **читать** в значении “испытывать и проявлять уважение, почтение к кому-либо или к чему-либо” [9]. Лексический повтор подчеркивает степень уважения к союзникам и благодарности им за помощь. Фразеологизм **отдавать / отдать должное** кому-л. в значении “оценивать кого-либо или что-либо в полной мере, по достоинству” делает слова благодарности более весомыми.

Заключительная часть речей президента в честь Дня Победы всегда изобилует призывами и девизами, в которых формулируются патриотические ориентиры и ценности:

Преданность Отчизне — главная ценность, надежная опора независимости России! [6]

Нет в мире ничего сильнее нашей любви к Родине! [7]

Мы идем вперед, опираясь на наши вековые традиции, и уверены, что вместе обеспечим свободное, безопасное будущее России, нашего единого народа! [7]

Как видим, синтаксическая структура предложений может быть различной.

Заключительные фразы речей президента имеют форму тоста:

Слава нашим доблестным Вооруженным Силам! За Россию! За Победу! Ура! [6]

За Россию! За наши доблестные Вооруженные Силы! За Победу! Ура! [7]

Слава доблестным Вооруженным Силам! За Россию! За Победу! Ура! [8]

Формула тоста с предлогом ЗА в русском языке предполагает использование винительного падежа (аккузатива) и постановку предлога ЗА в начале тоста. Объединяют эти фразы три составляющих: *Вооруженные силы, Россия и Победа*. Междометие *УРА* традиционно выражает восклицание, воодушевление и восторг.

Следует отметить, что такая форма завершения речи характерна только для последних трех лет. До начала специальной военной операции все речи президента Российской Федерации заканчивались только поздравлением с праздником: *«С праздником вас! С Днем Великой Победы! Ура!»* [10-12]. Такие различия объясняются современной политической ситуацией, в условиях которой необходима новая победа, одержать которую могут вооруженные силы страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парад Победы: список литературы / Курганская областная универсальная научная библиотека имени А. К. Югова, Информационно-библиографический отдел; составитель О. В. Кулагина. — Курган, 2020.

2. Иванова И. В. Лексико-стилистические параметры публичной речи В. Путина (на материале сопоставительного анализа пресс-конференций В. Путина для российских и иностранных журналистов как жанрового новообразования интервью) / И. В. Иванова // Альманах современной науки и образования. — Тамбов, 2007. — № 3 (3): в 3-х ч.

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище Кутузова училище им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

Мухамадиева Д. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: diana455104@mail.ru

Соколова А. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: asok19@yandex.ru

Чаукерова Г. К., кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка

E-mail: chaukerova@bk.ru

Ч. III. — С. 84-87.

3. Перовская Т. И. Лексические особенности речи политика (на материале Послания Президента страны В. В. Путина Федеральному собранию) / Т. И. Перовская // Русский язык: человек, культура, коммуникация. — Екатеринбург, 2014. — С. 47-53.

4. Перотто М. Коммуникативный анализ выступлений В. В. Путина / М. Перотто // Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). Volume 8, Issue II, July 2023. — С. 33-52.

5. Самотесова К. Т. Средства воздействия в политической речи (на примере речи президента Российской Федерации В. В. Путина) / К. Т. Самотесова // Материалы Международной научно-практической конференции в рамках IV Международного научно-образовательного форума «Человек, семья и общество: история и перспективы развития». — Красноярск, 2015. — С. 304-309.

6. Выступление Президента России на военном параде. 09.05.2022 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2025).

7. Выступление Президента России на военном параде. 09.05.2023. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2025).

8. Выступление Президента России на военном параде. 09.05.2024. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2025).

9. Академик. Словари и Энциклопедии. — Режим доступа: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 14.02.2025).

10. Выступление Президента России В. В. Путина на военном параде по случаю 74-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, Москва, 9 мая 2019 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2025).

11. Выступление на церемонии возложения цветов к Могиле Неизвестного Солдата 9 мая 2020 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2025).

12. Выступление Президента России на военном параде 9 мая 2021 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2025).

Tyumen Higher Military Engineering Command the Order of Kutuzov School named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov

Muhamadiev D. M., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

E-mail: diana455104@mail.ru

Sokolova A. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

E-mail: asok19@yandex.ru

Chaukerova G. K., Candidate of Philology, Head of the Russian Language Department

E-mail: chaukerova@bk.ru

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-СМИ В ОСВЕЩЕНИИ СКАНДАЛОВ С МЕДИЙНЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ

М. А. Ничеговская

Северо-Кавказский федеральный университет

Поступила в редакцию 25 октября 2024 г.

Аннотация: в статье анализируется освещение интернет-СМИ lenta.ru и gazeta.ru скандала вокруг высказываний Регины Тодоренко о домашнем насилии. Особое внимание уделено влиянию публикаций на репутацию медийной личности и формированию общественного мнения в контексте культуры отмены.

Ключевые слова: культура отмены, социальные сети, новые медиа, интернет-СМИ, медийная личность, буллинг.

Abstract: the article analyzes the coverage of the Internet media lenta.ru and gazeta.ru the scandal surrounding Regina Todorenco's statements about domestic violence. Special attention is paid to the impact of publications on the reputation of a media personality and the formation of public opinion in the context of the culture of cancellation.

Keywords: cancellation culture, social networks, new media, online media, media personality, bullying.

В настоящее время в формировании общественного мнения ключевую роль играют социальные сети, представляющие собой площадку для возможности высказаться по любому вопросу: будь то политика, социальная справедливость или, например, жизнь медийных личностей. Благодаря этому пользователи социальных сетей могут мгновенно делиться своими оценками и комментариями, достигая широкой аудитории.

При этом социальные сети создают среду, где любое мнение может быть подвергнуто критике или одобрению со стороны множества других пользователей, а сами комментаторы «оправдывают» свои негативные мнения тем, что если человек находится в инфополе, является медийной личностью, то пользователи имеют права высказываться о нем так, как считают нужным. Именно в такой среде возник термин «культура отмены».

Культура отмены (cancel culture) как социально-культурный феномен вошла в обиход во второй половине 2010-х гг., став актуальным и достаточно распространенным инструментом манипуляций общественным мнением. Зародившись, получив массовое применение и доказав высокую разрушительную эффективность в США и Европе, культура отмены стала распространяться на другие регионы мира, включая Россию [1, 164].

В настоящее время в научной литературе до сих пор не выработано единое определение данного термина, но если опираться на оксфордский словарь английского языка, то слово «кэнсиллинг» означает «практику исключения кого-то из общественной и профессиональной жизни за слова или действия, с которыми не согласны другие».

Данный феномен возник благодаря слиянию двух факторов: широкого доступа к информации через социальные сети и усиления рефлексии общества над вопросами социальной справедливости и этики. Так, с помощью новых медиа пользователи могут объединяться в группы, осуждая поступки публичного человека и призывая его к ответственности, что, в свою очередь, как правило, затем вызывает отмену рекламных контрактов с «виновником», лишение его премий и наград, социального статуса и даже привлечение к уголовной ответственности.

В настоящее время исследователи выделяют четыре характерных особенности культуры отмены.

Первая — преимущественное использование публичных массовых новых медиа, в первую очередь социальных сетей на основе компьютерно-телекоммуникационной инфраструктуры (главным образом интернета).

Вторая особенность культуры отмены — создание видимости спонтанного, самопроизвольного характера действий ради сокрытия центров и механизмов управления такими информационными кампаниями.

Третья особенность — «безликость» участников, отсутствие ярких лидеров, «анонимизация», использование подставных и фейковых аккаунтов, за которыми трудно найти настоящих организаторов, заказчиков и выгодоприобретателей проводимых информационных кампаний.

Четвертая — вынесение оценок, вердиктов и «приведение приговора в исполнение» по «неписаным правилам», отсутствие формализации напояющих криминальные «понятия» [1, 164-165].

Формирование культуры отмены возникло вместе с движением #MeToo против кинопродюссера

Харви Вайнштейна, обвиненного в насилии десятилетиями знаменитых актрис. В нашей стране яркими примером культуры отмены является скандал с телеведущей, певицей и блогером Региной Тодоренко; развитие данного скандала удобно анализировать с помощью интернет-СМИ lenta.ru и gazeta.ru.

Согласно системе аналитики социальных сетей и СМИ «Медиадиагностика», gazeta.ru занимает 3-е место, а lenta.ru — 4-е место, что свидетельствует о значимости и авторитетности данных интернет-изданий [2].

Все началось с того, что 23 апреля 2020 г. Регина Тодоренко дала интервью каналу PeopleTalk на платформе YouTube, в котором высказалась о домашнем насилии: «Твой муж тебя бьет, а почему, ты не задумывалась? А что ты сделала, для того, чтобы он тебя не бил? Что ты сделала для того, чтобы он тебя не ударил?»

Реакция пользователей была моментальной: женщину засыпали осуждениями, многие из которых принадлежали «жертвам домашнего насилия», как себя идентифицировали сами комментаторы.

Пользователи стали писать комментарии из ряда: «Регина, посмотрим, когда ты окажешься рядом с пьяным неадекватным мужем, который распускает руки, а возле тебя только твой маленький сын, который испуганно смотрит на происходящее и плачет».

Интернет-СМИ gazeta.ru уже на следующее утро, 24 апреля 2020 г., опубликовало заметку «Тодоренко осудили за оправдание домашнего насилия».

Далее в течение следующего дня по данной теме на сайте вышло семь заметок, разница выхода по времени между некоторыми из них составляла всего 25 минут. Было понятно, что новость стала резонансной.

В данных публикациях были приведены комментарии известных людей, столкнувшихся в свое время с домашним насилием (певица Валерия) и выступивших против применения домашнего насилия в обществе (депутат Государственной думы и общественный деятель Оксана Пушкина).

Интересно, что обе женщины попросили общественность не осуждать Регину Тодоренко, так как она позже в своем блоге извинилась за свои слова, объяснив это тем, что «не так выразилась и не разобралась в вопросе».

В то же время певица Анна Седокова и актриса Агата Муцениеце осудили Тодоренко за ее слова.

Вечером того же дня уже была опубликована заметка «Glamour лишил Регину Тодоренко звания “Женщина года” после скандального эфира».

А ночью 26 апреля 2020 г. появился материал, в котором были даны комментарии главного редактора журнала Glamour Иланы Эрднеевой по поводу того, почему издание лишило телеведущую Регину Тодоренко звания «Женщина года». Эрднеева объяснила такой поступок тем, что «журнал не го-

тов вернуть звание ведущей, так как позиция Тодоренко была довольно последовательной, несмотря на какие-то не очень точные формулировки». Также она добавила, что все-таки журнал «против какой-либо травли, буллинга и попыток вычеркнуть человека из общества» [3].

26 апреля была опубликована заметка «Не знала о масштабах проблемы»: Регина Тодоренко стала активисткой против домашнего насилия, в которой говорилось, что теперь Тодоренко сделала свою социальную сеть площадкой для высказывания жертв домашнего насилия.

27 и 28 апреля вышло пять заметок на данную тему, в которых речь шла об аннулированном контракте компании Pepsi с Тодоренко и поддержке ее некоторыми знаменитостей: журналиста Ксении Собчак, певицы Риты Дакоты, телеведущего Ивана Урганта, «призывающих не подвергать травле человека, который ошибся в своем мнении».

29 апреля в gazeta.ru появилась заметка «После критики жертв домашнего насилия Тодоренко снят о них кино».

Анализируя ход событий через призму публикаций мы можем выявить, что Тодоренко, столкнувшись с культурой отмены и практически буллингом пользователей социальной сети, буквально за четыре дня выбирает позицию «покаяния» за свои слова и совершает созидательные поступки по отношению к жертвам домашнего насилия.

В течение следующих двух дней на сайте появляются публикации о муже Регины Тодоренко — Владе Топалове, который также пожаловался в социальных сетях, что устал от буллинга в свою сторону, он предложил забыть о скандале и «двигаться дальше».

3 мая gazeta.ru опубликовала материал «Тодоренко выпустила фильм о домашнем насилии». После данной публикации шумиха со скандалом с ней начинает постепенно затихать, и это заметно по времени выхода заметок на сайте.

Так, следующий материал появляется уже спустя 10 дней: «Вытащил пистолет»: Тодоренко рассказала об отношениях с тираном».

20 мая появляется заметка «Тодоренко отдала награду “Женщина года” лишившейся кистей рук Грачевой», которая является своеобразным завершением освещения скандала с Региной Тодоренко, так как в дальнейшем о ней за год было насчитано еще 15 публикаций, не связанных с данным событием.

14 июня gazeta.ru посвящает ей заметку с провокационным заголовком «А что она сделала? Регине Тодоренко — 30», где коротко приводит факты из ее биографии, сделав акцент на достижениях, в конце упомянув о скандале, связанном с ней, не давая никакого оценочного суждения.

21 июня на сайте появляется информация, что с телеканалом «Пятница» Тодоренко продолжает сотрудничать и скоро будет вести передачу, далее

на сайте *gazeta.ru* в течение года можно встретить информацию о том, в каких проектах она будет участвовать, как она «получила травму», «уехала отдыхать». Все, что касалось скандала, перестает быть актуальным. Безусловно, порицание Тодоренко длилось бы гораздо дольше, если бы она так быстро не среагировала на сложившуюся кризисную ситуацию с собственным именем и репутацией.

Скандал с Тодоренко в *lenta.ru* освящается практически идентично, но максимальное количество материалов (пять за сутки) по данной тематике выходит 28 апреля. Кроме того, издание реагирует на данное событие позже на один день, в отличие от *gazeta.ru*.

Данное интернет-СМИ приводит комментарии тех же известных людей, что и *gazeta.ru*, но здесь появляются еще и другие знаменитости: ведущий Дмитрий Шепелев, блогер Виктория Боня, которые призывают общественность прекратить буллинг Регины Тодоренко.

Кроме того, в публикации «Адвокат объяснила травлю Тодоренко из-за слов о домашнем насилии» приведено мнение адвоката Мари Давтян. Она объясняет реакцию общественности на слова Тодоренко, назвав случай телеведущей «редким примером того, что публичный человек в состоянии признать свою ошибку» [4].

Также на портале *lenta.ru* 27 апреля вышла заметка «Rampers отказался от работы с Тодоренко из-за слов о домашнем насилии» о прекращении сотрудничества торговой марки Rampers с Тодоренко. Данной информации в *gazeta.ru* не было.

Но если говорить, например, о фильме о домашнем насилии, который сняла Тодоренко, то данный инфоповод больше рассматривала *gazeta.ru*, посвятив этому событию четыре публикации, в отличие от *lenta.ru*, посвятившей одну.

Интернет-издание *lenta.ru* 12 мая опубликовало заметку «Тодоренко сделала крупнейшее пожертвование для пострадавших от домашнего насилия», в которой речь идет о том, что телеведущая пожертвовала 2 миллиона центру помощи.

В отличие от *gazeta.ru*, на сайте *lenta.ru* 29 июля 2020 г. была заметка «Тодоренко нашла работу на Украине после скандала из-за домашнего насилия», несмотря на то, что ведущая в это время продолжает участвовать в проектах на российском телевидении.

Тем не менее *lenta.ru* освящала скандал с Тодоренко практически в два раза реже: событию посвящено 15 публикаций. Интернет-СМИ *gazeta.ru*

выпустила 26 заметок, пик публикаций пришелся на 25 апреля, спустя два дня после выхода скандального интервью. В этот день на сайте было опубликовано семь материалов на данную тему.

В издании *lenta.ru* больше всего публикаций вышло 28 апреля, спустя пять дней после выхода интервью.

В целом активное освещение скандала в обоих СМИ длилось не более 10 дней, а затем резко пошло на спад.

Таким образом, оба интернет-СМИ достаточно оперативно реагировали на скандал, привлекая внимание к различным аспектам ситуации. Оба СМИ приводили комментарии известных людей, и в целом их оценочные суждения были схожи.

Однако *gazeta.ru* более активно освещала скандал, публикуя значительно больше материалов, особенно в первые дни после инцидента. Это подчеркивает стремление данного СМИ к подробному и оперативному информированию аудитории, что усилило эффект культуры отмены в данном контексте.

Интернет-СМИ *lenta.ru*, в свою очередь, было менее активно, публикуя меньше материалов и с некоторой задержкой. Тем не менее *lenta.ru* привнесла дополнительные детали, такие как упоминание о расторжении контракта с Rampers, освещение работы Тодоренко на Украине после скандала, а также внесение ею пожертвований, что демонстрирует это как попытку разнообразить освещение ситуации.

Таким образом, обе платформы сыграли значительную роль в распространении информации и формировании общественного мнения в контексте культуры отмены, однако *gazeta.ru* сделала это более активно и всесторонне, в то время как *lenta.ru* дополнила картину более разнообразными аспектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Былевский П. Г. Феноменологический анализ явления «культура отмены» / П. Г. Былевский, Е. П. Цацкина // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 2 (857). — 2022. — С. 162-168.
2. Топ-10 российских СМИ — август 2024 // Медиа-логия. — 2024. — Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/> (дата обращения: 05.10.2024).
3. Главред Glamour объяснила лишение Тодоренко звания «Женщины года». — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/culture/news/2020/04/25/n_14341255.shtml (дата обращения: 10.10.2024).
4. Адвокат объяснила травлю Тодоренко из-за слов о домашнем насилии. — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2020/04/28/advokat/> (дата обращения: 10.10.2024).

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПОМОЩЬ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н. С. Смотров

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 марта 2025 г.

Аннотация: В статье рассматриваются положительные и негативные аспекты внедрения генеративного ИИ в научную коммуникацию.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, научная коммуникация, автоматизация контента, достоверность информации, этика ИИ, дезинформация, мультимодальность.

Abstract: The article discusses the positive and negative aspects of the introduction of generative AI in scientific communication.

Keywords: generative artificial intelligence, scientific communication, content automation, information validity, AI ethics, misinformation, multimodality.

Введение. За последние несколько лет платформы типа ChatGPT, YandexGPT, DeepSeek, Qwen2.5-Max, Clod или Midjourney перешли из категории технологических новинок в разряд рабочих инструментов для ученых, журналистов, популяризаторов науки и в целом широкой общественности [1]. Исходя из ряда различных исследований, уже сегодня ИИ используют для подготовки публикаций, литературных обзоров, переводов текстов и т.д. [2]. Однако этот технологический бум напоминает ситуацию с появлением интернета или с внедрением Wikipedia в 2000-х: удобство доступа к информации соседствует с рисками поверхностного восприятия знаний. Научная коммуникация переживает изменения. С ростом цифровых платформ, взрывом информационного потока и изменяющимися моделями потребления знаний старые методы научного взаимодействия с обществом сталкиваются с различными вызовами. И вот на сцену выходит генеративный искусственный интеллект (ИИ), предлагая новые инструменты, способные преобразить научную коммуникацию.

Преимущества генеративного ИИ. Действительно, ИИ уже сегодня кардинально изменяет подход к распространению научных знаний, делая их доступнее [3]. Очевидным, главным преимуществом следует выделить автоматизацию некоторых рутинных процессов при создании того или иного контента. Если ранее на написание научно-популярных статей или адаптацию сложных исследований для широкой общественности уходило достаточно много времени, то теперь алгоритмы ИИ способны за секунду сформулировать объяснения, переводить термины со сложного языка на более понятный язык и даже генерировать иллюстрации и видео. Можно также персонализировать информацию, т.е. запра-

шивать один и тот же материал, но для разной аудитории. Специалист может попросить сгенерировать детальный аналитический, глубокий разбор того или иного исследования, а школьник может потребовать доступное метафорическое или визуальное объяснение сложных понятий.

Кроме того, ИИ открывает двери к диалоговой модели коммуникации. Вместо традиционного одностороннего распространения информации, пользователи могут взаимодействовать с ИИ, уточнять вопросы, получать разъяснения прямо онлайн.

Дополнительным, скажем так, преимуществом может выступать преодоление языковых барьеров. Мы прекрасно знаем, что перевод научных статей и/или лекций, семинаров и так далее это давно не невероятная технология. Но однако современные алгоритмы и технологии ИИ позволяют не только мгновенно сделать перевод, но и адаптировать терминологию к культурному контексту, обеспечивая более точное понимание информации.

Нельзя не отметить и развитие мультимодальности. Современные ИИ могут не только работать с текстами, но и визуализировать данные [4]. Инфографика, анимационные или реалистичные ролики, интерактивные симуляции — все это становится доступным благодаря ИИ. Это особенно полезно в тех областях, где, очевидно, визуализация играет важную роль, например в астрофизике, биологии или в медицине в целом.

Конечно же, следует отметить самое главное преимущество: генеративный ИИ может обрабатывать огромные объемы различной, в том числе и научной информации, помогая пользователям находить полезные статьи, выявлять пробелы в текущих знаниях и даже предлагать возможные направления для будущих исследований. ИИ также может рецензировать и проверять тексты, находя различные ошибки, неточности и потенциальный плагиат [5].

Риски и ограничения. Несмотря на очевидные преимущества, описанные выше, ИИ генерирует и некоторые проблемы. Алгоритмы генеративных ИИ способны создавать убедительные, но фактически неверные тексты, которые могут вводить в заблуждение не только типичного потребителя, но и специалистов в той или иной области. Эти ошибки, попадая в материалы и статьи в интернете, распространяются, тем самым усиливая дезинформацию и создавая иллюзию достоверности. Достоверность, очевидно, еще одна сохраняющаяся проблема ИИ. При работе с ними важно всегда держать в голове, что ИИ не обладает критическим анализом/мышлением, а его ответы строятся на статистических закономерностях. Проверенные научные данные ИИ мало интересуют, исходя из запроса пользователя. Это, естественно, делает пользователя уязвимым к распространению псевдонаучных идей, которые могут выглядеть убедительно, не имея при этом под собой реальной основы.

Описанные выше проблемы неизбежно приводят к общей проблеме этики и авторства. Кому вообще принадлежат созданные ИИ-материалы? Может ли ИИ быть полноценным соавтором работ? Как оценивать оригинальность контента, если его делает не человек, а алгоритм? Неизбежно эти вопросы требуют четкой регламентации, чтобы избежать размазывания границ между человеческими и машинным творчеством.

Можно еще выделить более глобальную проблему на уровне технологических корпораций, в руках которых и находятся эти самые генеративные ИИ. Очевидно, что рынок ИИ сегодня стремится к монополизации данных и знаний. И уже сегодня нельзя получить ответы, даже в рамках исследования, потому что у алгоритмов ИИ есть ограничения. Например, американские ИИ не позволят пользователю рассуждать на тему расовой теории, высокой наркотической зависимости граждан США, штурма Капитолия и т.д., а китайские — не позволят рассказать о событиях на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Причем независимо от того, каких политических взглядов и каких интересов придерживается пользователь. Информация уже сегодня регулируется коммерческими и политическими интересами, а не научной объективностью. Соответственно, ИИ легко подменяет научный метод. В классической науке, как нам известно, каждое утверждение требует доказательной базы, проверки гипотез и многократного подтверждения. ИИ же часто предлагает наиболее упрощенные ответы, не отражающие всей сложности научного процесса. Очевидно, это провоцирует значительное снижение критического мышления среди тех

пользователей, которые подвержены формированию поверхностного понимания науки. Исходя из этого, генеративный ИИ может представлять потенциальную угрозу в сфере манипуляций и дезинформации. С его помощью можно создавать невероятно убедительные, но ложные научные новости и знания, которые злоумышленники могут использовать для влияния на общественное мнение. Это открывает новые, невероятные возможности для злоупотреблений в политике, бизнесе и СМИ (или медиа в общем).

Генеративный ИИ — это мощный инструмент сегодня. Он способен как обогатить, так и усложнить научную коммуникацию [6]. Он предлагает новые горизонты, но также ставит перед нами фундаментальные вопросы. Как сохранить научную достоверность? Кто контролирует все знания? Какова ценность и будущее такого научного дискурса? Истина, возможно, останется где-то на границе между возможностями и ограничениями этих технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инбал Кляйн-Авраам Как разобраться в генеративном ИИ исследователю научных коммуникаций? Концептуальная основа в контексте критического взаимодействия с научной информацией / Инбал Кляйн-Авраам и др. // Научная коммуникация. — 2024. — № 23 (06).
2. Метэг Д. #AISCICOMM24. Обсуждаем роль (генеративного) искусственного интеллекта для научных исследований и практики научной коммуникации / Д. Метэг // Научная коммуникация. — 2024. — № 23 (05).
3. Марковиц Дэвид М. Наука, написанная генеративным ИИ, воспринимается как менее интеллектуальная, но более достоверная, чем наука, написанная людьми / Дэвид М. Марковиц. — Режим доступа: <https://synthical.com/article/From-Complexity-to-Clarity%3A-How-AI-Enhances-Perceptions-of-Scientists-and-the-Public's-Understanding-of-Science-053856bb-0051-4844-9386-53649f51ec7c/ru> (дата обращения: 06.03.2025).
4. Кэ Эр Чжан. Инструментарий визуальной научной коммуникации: удовлетворение потребности в обучении визуальной научной коммуникации в рамках бакалавриата в области естественных наук / Чжан Кэ Эр, Дженкинсон Джоди // Наука об образовании. — 2024. — № 14 (3).
5. Шефер М. Пресловутый GPT: научная коммуникация в век искусственного интеллекта. / М. Шефер // Научная коммуникация. — 2023. — № 22 (02).
6. Боброва В. Ю. Генеративный искусственный интеллект на службе у ученых: практики и ограничения / В. Ю. Боброва // Искусственный интеллект: междисциплинарный анализ. Международный ежегодник «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов». — Новосибирск. — 2024. — № 10 (40).

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Нгуен Минь Туан

Военный университет культуры и искусства

Поступила в редакцию 7 марта 2025 г.

Аннотация: в статье представляются основные характеристики жанров вьетнамской журналистики, особенно с учетом влияния на ее формирование советско-российской школы журналистики. В статье также представлены некоторые современные тенденции развития жанров журналистики во Вьетнаме.

Ключевые слова: вьетнамская журналистика, журналистские жанры, тенденции развития

Abstract: the article presents the main characteristics of the genres of Vietnamese journalism, especially taking into account the influence of the Soviet-Russian school of journalism on its formation. The article also presents some current trends in the development of journalism genres in Vietnam.

Keywords: Vietnamese journalism, journalistic genres, development trends

Введение. В России в теории публицистики особое место занимают исследования журналистских жанров активно исследуется и развивается. В России журналистские жанры были тщательно изучены и структурированы в работах В. Д. Пельта, Е. П. Прохорова, Е. И. Пронина, М. И. Шостак, А. А. Тертычного, Л. Е. Кройчика, В. В. Смирнова, А. А. Грабельникова, М. Н. Кима, М. М. Лукиной, А. В. Колесниченко и др.

В западных странах этой проблематике посвящены труды таких исследователей как Ч. Скэнлан, М. Халлер, З. Вайшенберг, Ф. Рено, К. Сторкал, А. Хофманн. Во Вьетнаме, начиная с периода Дой Мой (1986) и до настоящего времени, исследования по вопросам жанров проводили Дук Зунг, Та Нгок Тан, Чан Куанг, Динь Ван Хыонг, Чан Тхе Пхьет, Нгуен Ван Зынг, Нгуен Тхи Чыонг Занг и др.

В действующем Законе о прессе, принятом Национальным собранием Социалистической Республики Вьетнам в 2016 году, отмечено: «Пресса — это информационные продукты о событиях и проблемах общественной жизни, выраженный в письменной форме, изображениях и звуках, создаваемый, периодически публикуемый, распространяемый и передаваемый общественности посредством различных форм печатных, аудио-, визуальных и электронных СМИ». Закон о прессе также определяет журналистское произведение как «наименьшую составную единицу журналистской продукции, имеющую самостоятельное содержание и законченную структуру, включая новости тексты, выраженные в письменной форме, звуке или изображениях» [1, 5-6]. Понятно, что жанры в данном документе рассмотрены в самом общем плане, сами же журналисты уделяют им много внимания, особенно таким, как расследование, коммен-

тарий, статья, репортаж. Публикации в этих жанрах нередко вызывают большой интерес у демонстрируют профессионализм авторов и достойная репутация издания.

Особенности жанров журналистики во Вьетнаме. История вьетнамской журналистики началась в 1865 г. с появления «Зиа Динь Бао» (*Gia Định Báo*) — первой вьетнамской газеты, которая прошла множество этапов своего развития. Еще одной важной вехой стало событие, произошедшее 21 июня 1925 г., когда газета «Тхань Ниен» (*Thanh Niên*), основанная лидером Вьетнама Нгуен Ай Куоком (будущий Хо Ши Мин), выпустила свой первый номер, положив начало вьетнамской революционной прессе. То есть журналистские жанры во Вьетнаме стали формироваться еще до Августовской революции 1945 г., когда вьетнамская революционная пресса действовала в тайной и полупубличной форме. Первый и единственный курс по подготовке журналистов в Школе журналистики имени Хюинь Тхук Ханга состоялся в 1949 г. (провинция Тхай Нгуен, Северный Вьетнам). В сохранившихся документах есть конкретное упоминание о занятиях по жанрам журналистики [2, 72-76]. Так, журналисты Чуонг Чинь, Во Нгуен Зиап, Куанг Дам читали лекции о статье и комментарии, о военных репортажах и очерках, о переводе; писатели Ту Мо и Нгуен Туан представляли сатирические жанры, романы и т.д. Тогда начала складываться система жанров журналистики, наблюдались такие явления, как диффузия жанров, смешение жанров журналистики и беллетристики.

В Директиве Центрального секретариата Коммунистической партии Вьетнама от 15 ноября 1965 г. указывалось: «В печати нашей страны выделяются три основных тематических жанра: новостной жанр (включающий заметку, информационные тексты,

репортаж и т.д.); аналитический жанр (в том числе статья, рецензия и т.д.); образный жанр (в том числе эссе, очерк и др.)» [3, 250-251]. По словам Дук Зунга, «эта концепция заложила базовую основу для метода “трехразделения” в общей системе жанров прессы» [4]. Метод разделения и идентификации групп журналистских жанров обсуждался и в последующие годы, хотя большинство специалистов согласны с разделением жанровой системы вьетнамской прессы на три основные характерные группы: первая транслирует новости; вторая объясняет, анализирует и комментирует; третья демонстрирует точку зрения и чувства журналиста посредством авторского письма, представляющего собой нечто среднее между журналистикой и литературой. До сих пор существуют различия в названиях этих групп, однако преобладает общее согласие специалистов относительно характеристик, ролей и методов передачи информации каждой конкретной группы.

Согласно исследованию Нгуен Ван Зынг (Академия журналистики и пропаганды), развитие жанров журналистики во Вьетнаме направлено на удовлетворение «потребностей общества в информации, коммуникации, а также психологии восприятия медиапродуктов; это связано с квалификацией и условиями труда журналистов, отвечает за развитие науки и техники (прежде всего средств связи), национальной культуры, способствует диалогу между странами, а также самими журналистами — как в регионах, так и в мировом масштабе» [5, 11]. По мнению профессора Та Нгок Тана (Национальная политическая академия имени Хо Ши Мина), жанры журналистики во Вьетнаме формируются и развиваются, в основном, в двух ключевых направлениях: во-первых, это разветвление и формирование производных жанров для удовлетворения все более разнообразных информационных потребностей общества; во-вторых, это принятие других элементов национальной культуры для повышения информационной емкости и привлекательности медиапродукции [6]. В настоящее время выдвинуто множество концепций и подходов к жанрам журналистики. В результате определения критериев классификации и оценки журналистских жанров выявляется множество различных взглядов и точек зрения.

Группа авторов в составе Динь Ван Хыонг, Зыонг Суан Шон (2011) и ряда других исследователей, включая автора настоящей статьи, придерживаются единой точки зрения о разделении журналистских жанров на три основные группы:

— **информационные жанры:** включают в себя новости, интервью, репортажи и т.д. Соответственно, одним из ключевых требований к жанрам этой группы является высокий уровень их актуальности: они должны сообщать, освещать и оперативно отражать события, факты, которые только что произошли, происходят или должны произойти в общественной

жизни. Преобладающим признаком информационных жанров является их информирующий характер;

— **политические жанры:** включают в себя статьи, комментарии, расследования, критические материалы и т.д. Особенностью этой группы является анализ, оценка и комментирование определенных вопросов на основе систематизации фактов, событий, явлений и процессов в соответствии с определенными намерениями и целями. Эти жанры убеждают аудиторию, помогая ей понять правду с помощью аргументов, доказательств и рассуждений. Преобладающим признаком этой группы жанров является аргументационное и оценочное информирование о событиях и проблемах;

— **художественно-политические жанры:** включают в себя очерки, зарисовки, фельетоны, журналистские рассказы и т.д. Характерной чертой этой группы является сочетание документальных элементов (реальные события и персонажи, теоретические аспекты и т.д.) с элементами художественной литературы (авторский язык, образы, эмоции, стилистические приемы и т.д.) для создания ярких, глубоких, гибких и привлекательных для аудитории произведений. Преобладающим признаком этой группы жанров является информирование о событиях и проблемах с использованием аргументации и художественных приемов.

Это вариант классификации журналистских жанров, который в настоящее время принят и широко распространен в средствах массовой информации, медиаобразовании и среди исследователей журналистики и коммуникаций Вьетнама.

В системе вьетнамской прессы устоялась и другая классификация жанров журналистики. Существует мнение о разделении журналистских жанров на 4 группы: 1) группа жанров, ориентированных на сообщение (в том числе новость, репортаж, расследование); 2) группа жанров, ориентированных на комментирование (в том числе статья, комментарий, полемика); 3) группа жанров, ориентированных на образное сообщение (в том числе очерк, фотография, рассказ, эссе); 4) группа жанров, ориентированных на документальное восприятие (в том числе документы, отчеты, статистика, речи). Кроме того, предлагается разделять журналистские жанры на 2 группы: информационные жанры и дискуссионные жанры. В этом случае задачей информационных жанров является предоставление событийной информации, способной выразить эмоции и впечатления автора. Дискуссионные жанры в основном предполагают комментарии, оценки и критику, основанные на событиях, которые произошли, происходят или произойдут; в то же время допускается выражение в дискуссионных жанрах своих взглядов, точек зрения, позиций поддержки или несогласия. Такое разделение жанров предполагает уточнение элементов «факт» и «мнение» в журналистских произ-

ведениях. События объективны, а мнения авторов субъективны. Разделение жанров на информационные и дискуссионные имеет много общего с концепцией жанрового разделения в западной журналистике, в которой преобладают два основных жанра: новости (news) и мнение/комментарий (opinion, commentary).

За последние два десятилетия бурное развитие электронных медиа подтвердило их лидирующую позицию в современной системе средств массовой информации. Помимо основных характеристик, таких как гипертекстуальность, мультимедийность и интерактивность, электронные СМИ также отличаются непрерывностью. Это способствует максимально быстрой и непрерывной передаче аудитории актуальной информации. В результате электронные СМИ постепенно сформировали у читателей привычку к быстрому и поверхностному чтению. Исходя из этих особенностей, вьетнамские средства массовой информации и журналисты часто отдают предпочтение информационным жанрам. Жанры, относящиеся к информационной группе (такие как заметка, отчет, репортаж, фоторепортаж и т.д.), стали распространенными, составив преобладающую долю журналистских материалов в СМИ — от общегосударственных до местных. Однако, с другой стороны, в условиях конкуренции со стороны социальных сетей (таких как Facebook¹, Zalo, YouTube) во Вьетнаме и во всем мире, электронные СМИ утратили свое преимущество в скорости распространения новостей; в то же время появление большого количества электронных медиа и новых средств массовой информации привело к перенасыщению информации в онлайн-пространстве. Теперь аудитория хочет получать аналитическую, оценочную, интерпретационную и подробную информацию о проблемах и явлениях в обществе. Соответственно, аналитические, общественно-политические жанры, такие как статья, комментарий, журналистское расследование и т.д., пользуются сегодня особым вниманием и большим спросом у читателей. Материалы, относящиеся к аналитическим, политическим жанрам, всегда находятся в центре внимания каждого выпуска СМИ, являются ожидаемыми у читателей и считаются вершиной журналистского мастерства. В частности, после XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама в 2021 г. все профессиональное сообщество вьетнамской революционной журналистики активно участвует в конкурсах на написание аналитических текстов о защите идеологических основ партии и борьбе с ошибочными и враждебными взглядами. Эта кампания оказала глубокое влияние на сознание и мышление вьетнамских журналистов, происходит постепенный переход от быстрой подачи новостей к глубокому, аналитическому и оценочно-

му информированию. Тем самым постепенно утверждается лидирующая роль аналитических жанров. В целом, в СМИ Вьетнама продолжают преобладать **информационные** жанры, но политические жанры являются ведущими и наиболее востребованными у читателей.

Следует сказать о традициях советско-российской школы журналистики, которые применительно к системе журналистских жанров, категориальному аппарату, выработке терминологии частично наследованы во Вьетнаме. Влияние осуществлялось, например, через команду советских экспертов — преподавателей и исследователей с факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, таких как Е. И. Пронин и Е. В. Крук, которые обучали и развивали журналистов Вьетнама в начале 1980-х годов [4]. Также внесли свой вклад вьетнамские специалисты по журналистике, обучавшиеся в Советском Союзе и в России в 1970-1990-х гг. и позднее — в их числе Та Нгок Тан, Нгуен Ван Зынг, Фам Минь Шон, Динь Ван Хыонг, Зыонг Суан Шон, Ле Тхань Бинь и др. Кроме того, в начале 2000-х годов многие издания по журналистике и жанрам журналистики, написанные известными российскими авторами, представлявшими МГУ, РУДН, были переведены и изданы во Вьетнаме. До сих пор книги и специализированные источники по жанрам журналистики используются для изучения и исследования в учебных заведениях по журналистике и коммуникациям, а также применяются на практике во многих престижных СМИ Вьетнама.

Тенденции развития жанров журналистики во Вьетнаме. Быстрое развитие журналистики в цифровую эпоху за последнее десятилетие изменило общепринятые взгляды и представления об основных характеристиках журналистики. Есть мнение, что необходимо переосмыслить фундаментальные вопросы журналистики, в том числе модернизировать основные понятия («журналистика», «журналистское произведение», «журналистский жанр») особого социального института, оказывающего глубокое влияние на современное общество.

С развитием электронных СМИ появились новые журналистские продукты, несущие отпечаток информационных технологий и технологий визуализации. Сюда относятся мультимедийные произведения (e-magazine, longread, mega-story), «цифровые шедевры» (infographics, фото 360°, видео виртуальной реальности и т.д.). Эти журналистские продукты были положительно восприняты аудиторией и стали привлекательными элементами, создающими бренд для средств массовой информации. Существуют разные точки зрения, разногласия относительно названий и определений этих «цифровых шедевров». Некоторые считают, что это новые произведения эпохи цифровой журналистики, которые могут быть

¹ Является запрещенным на территории РФ

включены в систему современных журналистских жанров. Классификация этих журналистских произведений основана главным образом на особенностях их содержания и формы, а также на анализе некоторых факторов в профессиональной деятельности и творчестве авторов.

Другое мнение заключается в том, что вышеупомянутые «цифровые шедевры» являются отдельными журналистскими продуктами, которые не следует рассматривать как обычные журналистские произведения, и не следует искусственно классифицировать их по ранее установленным журналистским жанрам (информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры), а следует определить их как новые формы цифровой журналистики. Кроме того, существует точка зрения, что новые «цифровые шедевры» журналистики размыли границы журналистского произведения и журналистского жанра. Вместо этого можно использовать определение «информационный продукт», а не «журналистское произведение».

Выделим несколько тенденций развития журналистских жанров во Вьетнаме.

Первая тенденция заключается в непрерывной эволюции журналистских жанров с целью соответствия требованиям приема и передачи информации аудитории. В частности, в эпоху цифровой журналистики и на фоне кризиса таких традиционных жанров журналистики, как письмо, фельетон, зарисовка, во вьетнамской прессе появляются новые жанры: longread, e-magazine, фото 360° и др.);

Вторая тенденция заключается в диффузии жанров и гибридизации разных групп журналистских жанров. В современных политических жанрах (комментарий, статья и т.д.) умело используются художественные приемы, которые обычно относят к группе художественно-политических жанров. В расширенных новостях и сводках новостей, относящихся к группе информационных жанров, присутствуют элементы, насыщенные аналитикой и аргументацией, как в группе политических жанров. Бурное развитие электронных СМИ за последнее десятилетие привело к тому, что многие популярные жанры, такие как репортаж, интервью, расследование, комментарий и др., используются вперемешку и скрещиваются друг с другом; элементы содержания, формы, средств выражения, техник и методов разных жанров взаимодействуют и сосуществуют друг с другом.

Третья тенденция заключается в интеграции нескольких журналистских жанров в одном произведе-

нии, что приводит к стремлению размыть границы между группами журналистских жанров. «Цифровые шедевры» современных электронных медиа являются типичным примером этой тенденции. Легко заметить и принять тот факт, что статья в форме e-magazine имеет несколько модулей контента, каждый из которых имеет различную форму представления и использует разные жанры. Статья в форме longread («длинная история») может интегрировать разные формы контента — интервью с персонажем, комментарии и оценки автора, а также сопутствующую информацию, представленную в мультимедийном формате, что является распространенным явлением в современной журналистике и соответствует потребностям аудитории.

Что касается развития в направлении размытия границ категории «журналистский жанр» в эпоху цифровой журналистики, то в каждом «цифровом шедевре» автор может интегрировать множество различных жанров. Типичным примером является продукт longread («длинная история»), в котором одновременно могут проявляться элементы различных жанров — новостей, интервью, репортажа, комментария и т.д. Все это «упаковано» в форму longread. Сам по себе этот жанр вписывается в общую концепцию СМИ Вьетнама, и это можно считать предпосылками для процесса размывания границ между журналистскими жанрами в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон о прессе 2016 года. — Ханой, 2016 (на вьетнамском языке).
2. Музей прессы Вьетнама. Школа журналистики Хюинь Тхук Ханга. — Ханой, 2020 (на вьетнамском языке).
3. Учебник журналистики. Т. II. — Ханой, 1977 (на вьетнамском языке).
4. Дук Зунг. Определение системы прессы в нашей стране / Дук Зунг. — Молодая волна. — 2013. — 6 марта. — Режим доступа: <https://songtre.com.vn/nhan-dien-he-thong-the-loai-bao-chi-o-nuoc-ta-p3463.html> (дата обращения: 15 июля 2024) (на вьетнамском языке).
5. Нгуен Ван Зынг. Журналистские произведения / Нгуен Ван Зынг и др. Т. 2. — Ханой, 2006 (на вьетнамском языке).
6. Та Нгок Тан. Обсуждение проблем классификации журналистских произведений / Та Нгок Тан // Журнал журналистики и пропаганды. — 2005. — № 6. — Режим доступа: <https://lyluanchinhtrivatrueythong.vn/lai-ban-ve-van-de-phan-loai-tac-pham-bao-chi-p24672.html> (дата обращения: 15 июля 2024) (на вьетнамском языке).

Военный университет культуры и искусства
Нгуен Минь Туан, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики
E-mail: minhluannguyen2014@gmail.com

Military University of Culture and Arts
Nguyen Minh Tuan, Candidate of Philology, Lecturer of the Journalism Department
E-mail: minhluannguyen2014@gmail.com

«КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ»: БРОДСКИЙ — ДОВЛАТОВ — ГОВОРУХИН

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается полемика, связанная со стихотворением И. Бродского «Конец прекрасной эпохи», написанном в 1969 г., название которого было использовано сначала С. Довлатовым для рецензии 1986 г. в журнале «Грани», созданной на основе его передачи на радио «Свобода», а затем для фильма С. Говорухина, вышедшего на экраны в 2015 г.

Ключевые слова: «Конец прекрасной эпохи», И. Бродский, С. Довлатов, С. Говорухин.

Abstract: the article examines the controversy associated with the poem by I. Brodsky "The End of a Beautiful Era", written in 1969, the title of which was first used by S. Dovlatov for a 1986 review in the magazine "Grani", written on the basis of his broadcast on Radio Liberty, and then for the film by S. Govorukhin, released on screens in 2015.

Keywords: "The end of the Beautiful epoch", I. Brodsky, S. Dovlatov, S. Govorukhin.

Да, всё начиналось в далёком 1969 году, когда Иосиф Бродский в один из сумрачных декабрьских дней написал стихотворение под таким названием. О значении, которое сам поэт придавал этому произведению, можно судить хотя бы по факту, что позднее оно вошло в его сборник, более того — одноименный. Интерпретаторы утверждают, что в этом стихотворении отражен негативный взгляд человека, постоянно подчеркивающего свою чужеродность, на советскую действительность. Это «грустный край», царство иллюзий с кривыми зеркалами, из которого автору, видящему всё в черном свете, не убежать, поскольку «карту Европы украли агенты властей». Городской пейзаж настолько тосклив, что даже фонари, размноженные в лужах, лишь создают эффект изобилия, а сам автор, обреченный на немощь и прижизненное небытие, подобен рыбе в море, которая знает цену свободе... [1-2].

Почти через двадцать лет Сергей Довлатов берет это название для рецензии на книгу профессорско-славистов Марка Альтшуллера и Елены Дрыжаковой «Путь отречения» с подзаголовком «Русская литература 1953-1968». Он пишет, что об этом пятидесятилетия у одних «сохранилось в памяти ощущение нарастающего праздника и своего рода "культурной революции", другие восприняли оттепель как эпоху манипулирования на грани дозволенной правды и в рамках не столько смягчившейся, сколько растерявшейся и одряхлевшей цензуры» [3, 174]. Понятно, что рецензент относит себя к «другим», хотя и делает вывод, что «в литературоведении наметились две опасные крайности при оценке культурных явлений послесталинской эпохи. Если советские историки литературы вообще не замечают специфики

хрущевской оттепели, изображая развитие нашей литературы как единый и гармоничный процесс от Фадеева и Эренбурга до Белова и Приставкина, то эмигрантские филологи порою склонны вообще отказывать кому бы то ни было из официальных советских поэтов и прозаиков — Евтушенко, Вознесенскому, Абрамову или Трифонову — в крупице творческого дарования, рисуя их исключительно — лицемерами, конформистами и трубадурами режима, то есть, в конечном счете, как это ни парадоксально, совпадая до некоторой степени во взглядах с казенным советским литературоведением» [3, 175].

Интересно что означенные «две опасные крайности» проявились еще через тридцать лет, в кинокритике по поводу фильма Станислава Говорухина с таким же названием — «Конец прекрасной эпохи», снятом по мотивам произведений Сергея Довлатова: одни приветствовали «первую полноценную экранизацию» новелл писателя [4], другие клеймили «весьма поверхностную, бездушную и механическую попытку» перенести довлатовскую тонкую ироничную прозу на экран. При детальном рассмотрении откликов заметно, что мнения рецензентов сталкиваются не столько в эстетическом, сколько в политическом поле, т.е. продолжается давний спор «белых» и «красных», либералов и традиционалистов, наконец, славянофилов и западников [5-9].

Между тем уже в своем довольно пространным интервью журналу «Огонек» после премьеры фильма режиссер объяснил свое отношение и ко времени, которое в СССР называли «оттепелью», и к позиции художника, так или иначе вовлекаемого в общественно-политическую жизнь его страны и мира. Приведем отрывок из этой беседы:

«— Многие зрители восприняли ваш фильм, с его названием «Конец прекрасной эпохи», как иносказание

про сегодняшний день. Вроде про советскую власть, но и на нашу жизнь нынче похоже.

— Нет, я такой задачи не ставил. Я хотел снять фильм о том времени, где все плохо, люди врут, говорят не то, что думают, но при этом, чтобы зрителям захотелось бы туда.

— Как в анекдоте: «как хорошо мы плохо жили». Очевидно, что то время вы вспоминаете с большой симпатией, оно вам кажется более человечным, индивидуальным, теплым, несмотря ни на что...

— Я прочел вчера «Жизнь советской девушки» Татьяны Москвиной (один из фаворитов литературной премии «Нацбест». — «О»), у нее как раз там много рассуждений на эту тему. Да, «как хорошо мы плохо жили». Лучше и не скажешь.

— Вы в свое время были известны как яркий критик советского режима. Вы, будучи любимым народом режиссером, мобилизовали народ на борьбу с советской властью. Сейчас вы в этом раскаиваетесь?

— Так закончил свой жизненный путь самый страшный критик советской власти Александр Зиновьев или такой русский писатель, как Владимир Максимов, уж страшнее его романа «Семь дней творения» трудно что-либо придумать. Зиновьев верно сказал: «Целили в коммунизм, а попали в Россию». Я критиковал советскую власть, но то, что возникло на ее месте, несопоставимо хуже. Вместо несправедливого государства, где справедливость только на словах, сделать криминальное государство, где есть только власть силы и денег, — это преступление.

— Но вы же были одним из участников этого процесса.

— Революцию делают романтики, а плодами ее пользуются негодяи. Так всю жизнь было. Вспомните Французскую революцию. Историю просто надо знать» [10].

На вопрос об изменении взглядов режиссер сослался на мнение Л. Н. Толстого, сказавшего в свое время, что человек должен менять убеждения, стремиться к лучшим. «Он растет, общество меняется, круг его познаний становится шире. Если при всем при этом человек не меняется, то он называется ретроградом» [10].

Интервьюер наверняка имела в виду самый неоднозначный художественно-документальный фильм С. Говорухина «Так жить нельзя», вышедший в 1990 г., от которого автор через четыре года, по сути, отказался, сняв картину «Великая криминальная революция», так и не показанную по российскому телевидению. Думается, здесь необходимо пояснить отличие сугубо художественного произведения от произведения публицистического. Художники, более свободные в выражении своих мыслей и чувств, следуют завету А. С. Пушкина, сказавшего: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствуя пло-

ды любимых дум, / Не требуя наград за подвиг благородный. / Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд...». Если в документальных лентах режиссер Говорухин, показывая сначала глубокий кризис общества и государства, а затем тех, кто оказался у власти в 1991 году, «хамелеонов, перекусившихся в демократов, и ставших грабить страну», прибегал к прямым обвинениям, к дидактике, которая зрителем принималась, то снятым в конце 1990-х гг. «Ворошиловским стрелком» он не назиданием, а художественными методами ставил, по сути, диагноз власти, подспудно приводя зрителя к выводу, что эта власть неспособна защитить народ от криминала, и людям приходится самим защищать себя [11]. Как очеркистику не следует считать второразрядной литературой¹, так не следует пренебрежительно относиться к кинодокументалистике, которая по-своему пишет историю современности и которая по мере накопления фактов и свидетельств может отрицать себя прошлую, как, например, ученый может отказаться от своей какое-то время успешно работавшей теории в пользу нового открытия.

Что же касается крайних оценок последнего фильма выдающегося советского кинорежиссера и государственного деятеля Станислава Сергеевича Говорухина, то присоединимся к мнению, что «...в конце концов, это кино Говорухина, и ему виднее, что снимать, о ком, зачем и для кого.

Другое дело, что кому-то ответы на эти вопросы могут показаться не столь очевидными. «Конец прекрасной эпохи» — это меланхоличная, светлая, ностальгическая и наивная драма... <...> Конечно, происходящее на экране, особенно то, что касается журналистики, — очень актуально. Но кого этим можно удивить? В России, как говорится, за двадцать лет меняется все, а за двести лет — сами знаете» [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ стихотворения «Конец прекрасной эпохи» Иосифа Бродского. — URL: <http://litcult.ru/lyrics.analiz/1534> (дата обращения 9.04.25).
2. И. Бродский, «Конец прекрасной эпохи», анализ стихотворения. — URL: https://300.ya.ru/v_rTnpbivx (дата обращения 9.04.25).
3. Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы: филологическая проза / С. Довлатов. — СПб., 2023.

¹ В беллетристике и публицистике как в особых родах литературы, возникших и развивающихся по собственным творческим законам, есть свои мастера, свои вершины, свои достижения. Хотя в истории нашей литературы было немало тех, кто успешно совмещал эти две ипостаси: в 18 веке (Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов), в 19 веке (В. Г. Белинский, С. Т. Аксаков, А. И. Герцен, В. А. Гиляровский), в 20 веке (М. Е. Кольцов, И. Г. Эренбург, К. М. Симонов, А. А. Аграновский, В. М. Песков) и мн. др.

4. Чем уникален фильм «Конец прекрасной эпохи». — URL: <https://www.1tv.ru/movies/statyi/chem-unikalen-film-konec-prekrasnoy-epohi> (дата обращения 9.04.25).

5. Ухов Е. Конец прекрасной эпохи. — URL: <https://www.film.ru/articles/sss-r-kotoryu-my-poteryali> <https://www.1tv.ru/movies/statyi/chem-unikalen-film-konec-prekrasnoy-epohi> (дата обращения 9.04.25).

6. _arlekin_ «Конец прекрасной эпохи» реж. Станислав Говорухин / _arlekin_. — URL: <https://users.livejournal.com/-arlekin-/3324145.html> (дата обращения 9.04.25).

7. Вязанцев М. Компромисс Говорухина: рецензия на фильм «Конец прекрасной эпохи» / М. Вязанцев. — URL: <https://zn.asu.ru/index.php/2024/kompromiss-govoruhina-recenziya-na-film-konec-prekrasnoj-epohi/> (дата обращения 9.04.25).

8. Гудим-Левкович Г. Конец прекрасной эпохи. О фильме «по мотивам» Довлатова / Г. Гудим-Левкович. —

URL: <https://proza.ru/2019/04/26/36> (дата обращения 9.04.25).

9. Афанасьев С «Конец прекрасной эпохи»: экранизация Довлатова на грани фолла / С. Афанасьев. — URL: <https://realnoevremya.ru/articles/15771> (дата обращения 9.04.25).

10. Солнцева А. «Я знаю лучше вас, что происходит» / А. Солнцева. — URL: <https://realnoevremya.ru/articles/15771> (дата обращения 9.04.25).

11. «Так жить нельзя»: о чем нам говорил Станислав Говорухин. — URL: https://dzen.ru/a/YTEgRbkW_1h4M_N3 (дата обращения 9.04.25).

12. Литовченко А. «Конец прекрасной эпохи»: после смерти начинается история / А. Литовченко. — URL https://rg.ru/2015/10/02/konets-site.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения 9.04.25).

Воронежский государственный университет

*В. В. Тулупов, профессор факультета журналистики,
vltul@mail.ru*

Voronezh State University

*V. V. Tulupov, Professor of the Faculty of Journalism,
vltul@mail.ru*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ВЬЕТНАМЕ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ НА ТЕКУЩЕМ ЭТАПЕ

Данг Тхи Тхан

Независимый исследователь, Санкт-Петербург

Поступила в редакцию 31 октября 2024 г.

Аннотация: цифровая трансформация является неотъемлемой тенденцией, происходящей в настоящее время во всех сферах жизни, включая средства массовой информации. В данной статье будет проведен анализ некоторых вызовов, стоящих перед стратегией цифровой трансформации вьетнамской журналистики с точки зрения читателя. В статье будут использованы методы обзорного анализа литературы и социологического исследования с небольшим опросом (183 студента института социальных и гуманитарных наук Ханойского государственного университета).

Ключевые слова: СМИ Вьетнама, цифровая трансформация журналистики, стратегии цифровизации, аудитория.

Abstract: digital transformation is an integral trend currently taking place in all areas of life, including media. This article will analyze some challenges facing the digital transformation strategy of Vietnamese journalism from the reader's perspective. The paper will use the methods of literature review analysis and sociological research with a small survey (183 students from the Institute of Social Sciences and Humanities at Hanoi State University).

Keywords: media in Vietnam, digital transformation of journalism, digitalization strategies, audience.

Введение. В современной научной литературе разъясняется суть цифровизации массмедиа: «Цифровая трансформация в области журналистики и средств массовой информации прежде всего заключается в использовании цифровых инструментов и технологических решений для обновления моделей, методов работы, производства и распространения контента с целью оптимизации организационных моделей деятельности журналистских учреждений» [1, 120] Вьетнамский профессор, доктор Ву Ван Ха в своей статье «Журналистика и средства массовой информации в условиях цифровой трансформации» отметил как значительные преимущества, так и определенные трудности, с которыми сталкивается вьетнамская пресса [2, 15]. В частности, трудности связаны с восприятием, ресурсами для инвестиций, количеством и качеством человеческих ресурсов для процесса цифровой трансформации в области журналистики и средств массовой информации, а также необходимостью формализовать взгляды и стратегии в конкретные правила для деятельности цифровой трансформации.

На форуме «Цифровая трансформация для лучшего обслуживания читателей» председатель Вьетнамского союза журналистов, главный редактор газеты Nhân Dân Лэ Куок Минь отметил: «Цифровая трансформация — это путь всей страны, и журналистика не может оставаться в стороне от этого тренда. В условиях цифровой эпохи с множеством измене-

ний в технологиях в целом, изменениями в технологиях журналистики, изменением поведения читателей и зрителей, у нас нет другого выбора, кроме как активно переходить к цифровым технологиям. Цифровая трансформация — это не только вопрос технологии, но и вопрос человека, мышления» [3].

Актуальность проблематики цифровизации журналистики побуждает рассмотреть связанные с этим процессом вызовы, стоящие перед Вьетнамом, а также открывающиеся в этом плане перспективы и возможности. Важным событием в этой области является подписание 3 июня 2020 г. Премьер-министром правительства Вьетнама решения № 719, утверждающего «Программу цифровой трансформации до 2025 года с ориентацией на 2030 год». Основная цель данной программы заключается в достижении двойной задачи: развитии цифрового правительства, цифровой экономики и цифрового общества, а также формировании конкурентоспособных цифровых компаний, способных успешно функционировать на глобальном уровне.

В этой статье мы хотели бы подчеркнуть некоторые возможности и вызовы стратегии цифровой трансформации вьетнамской прессы, включая аспект коммуникации с аудиторией, основываясь на небольшом опросе среди 183 студентов института социальных наук и гуманитарных наук Ханойского государственного университета.

Дискуссия. Развитие технологий и значительный рост числа пользователей интернета во Вьетнаме являются шансом для цифровой трансформа-

ции вьетнамской прессы. 19 ноября 1997 г. интернет был официально предоставлен гражданам страны; однако доступ к услугам осуществлялся через фиксированные телефонные линии с ограниченной скоростью подключения. В 2003 г. на рынке появилось широкополосное соединение ADSL (MegaVNN). В 2009 г. была запущена оптоволоконная сеть FTTH, что значительно увеличило скорость интернет-соединения по сравнению с ADSL. Это также стало временем открытия сети 3G компанией VinaPhone, что положило начало эпохе бурного роста мобильного интернета во Вьетнаме. С 2010 г. интернет во Вьетнаме сделал значительные шаги вперед, наблюдается тенденция перехода от медных кабелей к оптоволоконным. В 2016 г. услуги 4G были официально внедрены во Вьетнаме. В 2020 г. услуги 5G были протестированы в Хошимине и Ханое. В настоящее время три оператора связи Viettel, MobiFone и VinaPhone тестируют 5G в определенном масштабе. Развитие технологий значительно увеличило количество пользователей интернета во Вьетнаме. Если в 2000 г. лишь 0,25%

населения использовало интернет, то через 20 лет эта цифра выросла до 73,2% населения. Согласно отчету Digital 2022 от WeAreSocial и Hootsuite, Вьетнам входит в число 20 стран с наибольшим количеством пользователей интернета в мире, с 72,1 миллиона пользователей (что составляет 73,2% населения), что на 4,9% больше по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. [4].

Мы провели небольшой опрос среди 183 студентов института социальных наук и гуманитарных наук Ханойского государственного университета в возрасте от 18 до 22 лет. Результаты показали, что только 25,1% студентов используют интернет менее 6 часов в день, 35% опрошенных студентов тратят 6-7 часов ежедневно, 31,1% студентов уделяют 8-9 часов, а 8,7% студентов используют интернет более 10 часов в день. Таким образом, 75% молодежи в рамках опроса используют интернет более 6 часов в день, что создает очень благоприятные условия для рынка цифровой прессы.

Рис. 1. Время использования интернета студентами института социальных наук и гуманитарных наук Ханойского государственного университета (%)

Однако наряду с этим существуют и вызовы для стратегии цифровой трансформации журналистики во Вьетнаме с точки зрения читателя.

1. В настоящее время наблюдается изменение в привычках использования источников массовой информации среди молодежи. Социальные сети являются наиболее предпочтительным информационным ресурсом для студентов, согласно опросу автора на факультете социальных наук и гуманитарных наук Национального университета Ханоя. Когда студентов спрашивали: «Какое средство массовой информации вы предпочитаете использовать и почему?», большинство опрошенных ответило, что это социальные сети: «поскольку они обновляются постоянно и быстро», «из-за более высокой интерактивности пу-

бликаций, что позволяет читателям получить больше точек зрения на проблему», «из-за удобства использования, возможности подключения и одновременного обновления информации и развлечений», «в эпоху цифровых технологий социальные сети развиваются с известными платформами и разнообразным контентом, который удобно использовать как для обучения, так и для развлечения или заботы о здоровье, а также для общения с друзьями со всего мира», и так далее. Таким образом, это действительно представляет собой вызов для журналистов, которые должны конкурировать с социальными сетями. Основные цели использования социальных сетей молодежью заключаются в развлечении (96,2%), получении информации (95,6%), обучении (89,6%) и общении (88,5%).

Рис. 2. Цели использования социальных сетей студентами института социальных наук и гуманитарных наук Ханойского государственного университета (%)

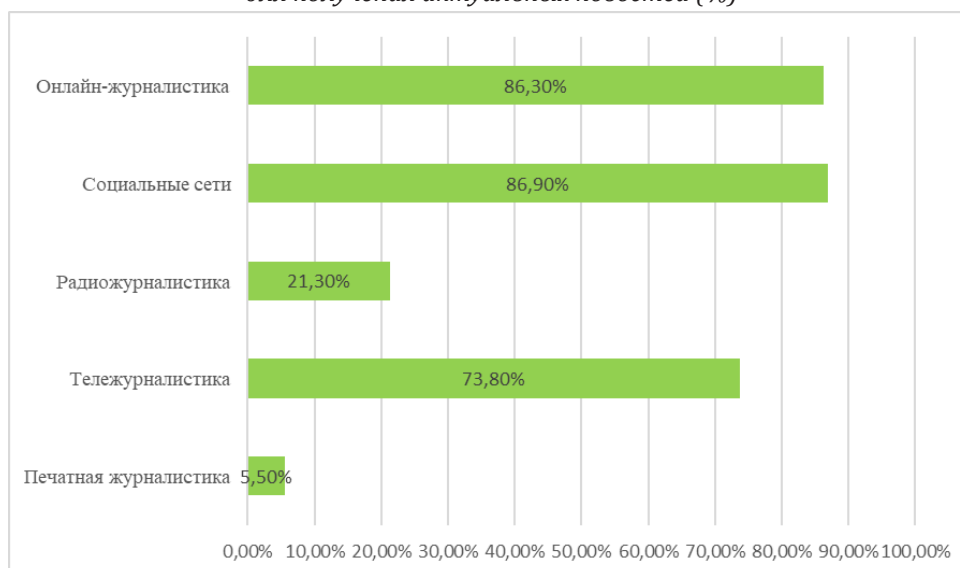
Таким образом, социальные сети превосходили традиционные средства массовой информации, такие как печатные издания, телевидение, радио и электронные газеты, став наиболее распространённым каналом получения актуальных новостей среди студентов.

Согласно опросу автора, наиболее популярной социальной сетью среди студентов факультета социальных наук и гуманитарных наук Национального университета Ханоя является *Facebook* (99,5%)*, затем идёт *YouTube* (84,7%), *Instagram** (77,6%), *Zalo*

(70,5%), *TikTok* (63,4%) и другие сети, такие как *Lotus*, *Viber*, *WhatsApp* и т.д. (13,7%). Несмотря на то, что *TikTok* — это новая социальная сеть, она быстро развилась и стала довольно популярной среди молодежи.

Хотя здесь выборка ещё мала (183 студента), она случайна и недостаточно репрезентативна, однако она наглядно демонстрирует характерное изменение в медиа- и развлекательной деятельности молодежи во Вьетнаме в настоящее время.

Рис. 3. Средства массовой информации, которые студенты используют для получения актуальных новостей (%)

Всего 5,5 % из 183 опрошенных студентов получают актуальные новости через печатные издания, а 21,3% студентов — через радио. В то вре-

мя как 73,8% студентов получают новости через телевидение, 86,3% — через электронные газеты и 86,9% — через социальные сети. Электронные газеты и социальные сети являются наиболее предпочтительными для студентов из-за быстрой скорости обновления информации и высокой интерактивно-

¹ * Таким значком в статье отмечены ресурсы, защищенные в РФ.

сти. Это также представляет собой вызов для журналистов во Вьетнаме в аспекте коммуникации с аудиторией.

Обращает на себя внимание и кадровая проблема. Роль высококвалифицированных технологических человеческих ресурсов в цифровой трансформации имеет решающее значение, однако во Вьетнаме наблюдается их заметный дефицит, заметно тормозящий процесс цифровизации журналистики «Что касается информационных технологий, в 2020 г. во Вьетнаме не хватало 400,000 сотрудников, а в 2021 г. это число достигло около 500,000» [4]. Для успешной цифровой трансформации необходимы не только высококвалифицированные журналисты и редакторы, но и новые технологические знания. Это создает трудности в подготовке кадров в области журналистики в университетах Вьетнама, а также представляет собой вызов для журналистов в ответ на потребности цифровой трансформации.

Цифровая трансформация является необходимостью для вьетнамской журналистики. Ее внедрение требует политической решимости и стратегических инициатив. На XIII Национальном съезде Компартии Вьетнама было подчеркнуто: «Необходимо обновить мышление развития, изменить методы работы, образ жизни, активизировать реформу структуры, применять научно-технический прогресс и инновации; решительно осуществлять цифровую трансформацию, строить цифровую экономику и цифровое общество» [4]. Министерство информации и связи разработало программу поддержки цифровой трансформации для журналистских учреждений, в рамках которой предлагается три платформы для помощи журналистским учреждениям в цифровой трансформации: 1) платформа управления электронными редакциями, позволяющая создать современную редакционную среду, перевести все журналистские операции в цифровую среду; 2) платформа анализа информации и общественного мнения в социальных сетях, помогающая журналистским учреждениям оперативно отслеживать информацию и общественное мнение; 3) платформа поддержки защиты от атак и экстренного реагирования для журналистских учреждений, направленная на защиту деятель-

ности в цифровой среде. Всё это открывает хорошие перспективы для цифровизации журналистики, но пока в полной мере не реализовано на практике.

Заключение. В условиях стремительного развития цифровых технологий и активного проникновения Интернета, журналистика во Вьетнаме переживает значительные преобразования. Цифровая трансформация открывает широкий спектр возможностей для журналистов, позволяя оперативно реагировать на события, использовать новые мультимедийные форматы и развивать взаимодействия с аудиторией. Вместе с тем, эти изменения ставят перед отраслью немало вызовов, среди которых выделяются необходимость адаптации к быстро изменяющимся технологиям, обеспечение информационной безопасности и защита прав на интеллектуальную собственность. Несмотря на существующие трудности, вьетнамская журналистика, понимая общественные настроения, осознавая потребности в человеческих ресурсах, учитывая технологии и законодательные аспекты, сможет преобразовать свои идеи и стратегии в конкретные правила и процедуры для цифровой трансформации. Безусловно, вьетнамская журналистика сможет преодолеть все трудности и стать частью течения цифровой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

2. Документы XIII Национального съезда Коммунистической партии Вьетнама. — Ханой, 2021. — № 1. — С. 120-121 (на вьет. яз.).
3. Ву В. Х. Журналистика и коммуникация в тренде цифровой трансформации» / Ву В. Х. // Электронная пропаганда. — 2021. — № 1. — С. 15-20 (на вьет. яз.).
4. Буй Б. Ф. Цифровая трансформация в журналистике — это не просто вопрос технологий / Буй Б. Ф. — Режим доступа: <https://baochinhphu.vn/chuyen-doi-so-trong-bao-chi-khong-chi-la-van-de-cong-nghe-102220414154016908.htm> (дата обращения: 10.10.2024) (на вьет. яз.).
5. Хоанг Х. Й. Недостаток высококачественных технологических человеческих ресурсов для цифровой трансформации / Хоанг Х. Й. — Режим доступа: <https://baotintuc.vn/kinh-te/thieu-nguon-nhan-luc-cong-nghe-chat-luong-caodap-ung-chuyen-doi-so-20210424081909818.htm> (дата обращения: 10.10.2024) (на вьет. яз.).

Данг Тхи Тхан, независимый исследователь, выпускница аспирантуры Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: dangthithan247@gmail.com

Dang Thi Than, independent researcher, graduate of the postgraduate program at St. Petersburg State University

E-mail: dangthithan247@gmail.com

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ МЕДИАСРЕДЕ

Чжан Янин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 20 февраля 2025 г.

Аннотация: В данной статье автор показывает актуальность изучения формирования общественного мнения средствами медиа на примере Китая в контексте перехода цивилизации от индустриальной эпохи к цифровой.

Ключевые слова: общественное мнение, Китай, социальные сети, СМИ, медиа, журналистика, цифровая эпоха, пропаганда, цензура

Abstract: In this article, the author shows the relevance of studying the formation of public opinion by means of the media using the example of China in the context of the transition of civilization from the industrial era to the digital one.

Keywords: public opinion, China, social networks, mass media, media, journalism, digital age, propaganda, censorship

Научное изучение феномена «общественное мнение» и его формирования средствами медиа в наши дни перешло на новый этап в связи с глобальным переходом от индустриальной эпохи к эпохе цифровой: «Глобальная трансформация социального сдвига в обществе, спровоцированного его переходом от индустриальной стадии к стадии информационно-коммуникативной среды, непосредственно связан с качественной лиминальностью в обществе и, как следствие, общественном мнении. Данные условия предопределяют объективную необходимость исследования общественного мнения, его роли и влияния СМИ» [1, 1]. Они способны запускать и контролировать социальные процессы огромных масштабов, что влияет на культуру, геополитику, а также, как показала пандемия, определяет эффективность реагирования населения и правительственных служб на чрезвычайные ситуации в различных сферах.

Стоит сказать, что в гуманитаристике отсутствует общепринятое определение понятия «общественное мнение». В самом общем смысле под общественным мнением понимают выражение устойчивого согласия в обществе или в отдельных группах населения относительно важных вопросов или событий текущей социально-политической жизни. «Общественное мнение — это совокупность индивидуальных взглядов, установок и убеждений по определенной теме, выраженных значительной частью сообщества. Некоторые ученые рассматривают совокупность как синтез взглядов всего общества или его определенной части; другие считают ее набором множества различных или противоположных взглядов» [2].

Политологи и историки склонны подчеркивать роль общественного мнения в управлении государством и политике, уделяя особое внимание его влиянию на формирование государственной политики. Действительно, некоторые политологи считают общественное мнение эквивалентом национальной воли. Однако в таком ограниченном смысле в любой момент времени может существовать только одно общественное мнение по какому-либо вопросу. Социологи, напротив, обычно рассматривают общественное мнение как результат социального взаимодействия и коммуникации. Согласно этой точке зрения, не может быть общественного мнения по какому-либо вопросу, если представители общественности не общаются друг с другом. Даже если их индивидуальные мнения изначально очень похожи, их убеждения не будут составлять общественное мнение до тех пор, пока они не будут переданы другим в той или иной форме.

Почти все исследователи общественного мнения, независимо от того, как они его определяют, сходятся во мнении, что для того, чтобы явление можно было считать общественным мнением, должны быть соблюдены как минимум четыре условия: (1) должна существовать проблема, (2) должно быть значительное число людей, выражающих свое мнение по этому вопросу, (3) по крайней мере некоторые из этих мнений должны отражать своего рода консенсус, и (4) этот консенсус должен прямо или косвенно оказывать влияние.

В понимании того, что такое «общественное мнение», необходимо учитывать субъективно-эмоциональную ее составляющую: «Мнение — это субъективная форма отражения объективной реальности. Его природа оценочно-ценностная и оно

субъективно-объективно обусловлено. Общественное мнение следует понимать как мнения, суждения, оценки по тому или иному поводу, распространенные в социальных общностях. Мнения основываются на эмоционально-чувственно окрашенных представлениях» [3, 75]. Важная роль эмоционально-субъективного компонента обуславливает как положительные, так и проблемные аспекты формирования общественного мнения.

С понятием общественное мнение связаны такие важные феномены, как социальный контроль, массовая коммуникация, а также легитимизация господства. Примечательно, что в наши дни изучение общественного мнения предполагает не только анализ массовых настроений, но также и выявление связей между мнениями различных групп в контексте настроений социального целого.

В эпоху бурного развития интернета сами по себе механизмы формирования общественного мнения сохранили свою классическую структуру, однако была увеличена скорость протекания данного процесса. Для нас важно, что с приходом цифровой эпохи появились проблемы ослабления цензуры и по-новому встал вопрос о контроле за информационными потоками. Это необходимо учитывать при сравнительном анализе китайских и западных медиа, которые определяют общественное мнение значительного количества людей.

Социальные сети в Китае не первый год могут оказывать большое давление на режим, чтобы он реагировал. Уже по состоянию на 2017 г. исследователи свидетельствовали о следующем. Например, после взрыва в Тяньцзине президент Си Цзиньпин призвал к срочным общенациональным проверкам опасных химических веществ и анализу безопасности на рабочих местах, а премьер-министр Ли Кэцян посетил место происшествия, чтобы изучить ситуацию. Бывший вице-мэр Тяньцзиня Ян Дунлян, в то время член Центрального комитета Коммунистической партии Китая и директор Государственного управления по охране труда, был уволен за «серьезные нарушения дисциплины и закона».

В определенной степени китайское государство допускает и даже активно поощряет онлайн-обсуждение общественных вопросов. Китайские государственные служащие используют онлайн-обсуждение как средство получения обратной связи по поводу политики и целей правительства, а также для мониторинга и контроля действий местных чиновников. Китайское государство активно создает и продвигает общественные дискуссионные форумы, на которых оно приглашает граждан оставлять отзывы и вносить предложения по политике. Тот, кто не следит пристально за китайской интернет-сценой, может быть очень удивлен, узнав о некоторых комментариях, которые разрешено публиковать и которые затрагивают широкий спектр тем, вклю-

чая коррупцию на местах, окружающую среду или финансовую политику.

В то же время государство создает структуры, которые служат «подушкой безопасности», чтобы контролировать содержание дискуссий и при необходимости направлять их в русло, поддерживающее цели и политику авторитарных правителей. Китай создал обширную систему слежки и манипулирования в интернете.

Большинство социальных сетей предназначены для других целей, а не для политических дискуссий. Однако на практике многие пользователи используют цифровые технологии для обмена новостями, публикации политических сообщений и комментариев по вопросам, имеющим отношение к государственной политике. Хотя большинство ученых, скорее всего, согласятся с тем, что внимание к новостям не является участием как таковым, политические дискуссии или разговоры занимают своего рода «серую» зону [4].

Общественное мнение в Китае претерпело изменения в связи с пандемией COVID-19 и эскалацией геополитической напряженности. Существующие исследования касательно формирования общественного мнения китайцев в сложных ситуациях показывают, что влияние государственной пропаганды на общественное мнение в Китае неоднозначно. Анализируя данные онлайн-опроса, проведенного на начальном этапе пандемии COVID-19 в начале 2020 г., исследователи пришли к выводу, что китайская общественность положительно реагировала на пропаганду, продвигавшую лидерство Си Цзиньпина, когда эти сообщения включали текст и изображения, на которых Си Цзиньпин проявлял сочувствие во время своего визита в Ухань. Однако, когда текстовая пропаганда фокусировалась на знакомых сюжетах, таких как лидерство Си Цзиньпина, международное восхваление опыта Китая в борьбе с вирусом, усилия Китая по отправке медицинской помощи в другие страны и похвала медицинским работникам, это было в значительной степени неэффективно в изменении политических взглядов. Эти результаты свидетельствуют о том, что визуальные компоненты, вызывающие эмоциональный отклик солидарности, могут повысить благосклонность правительства в общественном мнении. В то же время пропагандистские нарративы, которые не затрагивают важные вопросы о национальном кризисе, в том числе о его масштабах и причинах, как правило, неэффективны в плане убеждения общественности [5].

Понимание того, как онлайн-пропаганда формирует общественное мнение, особенно с учетом растущей популярности социальных сетей как источников новостей, а также возможностей социальных сетей для таргетинга, повторения и формирования аудитории, имеет решающее значение для понимания того, как влияние и манипулирование проявляются в современной политике. Однако это непростая за-

дача из-за сложности выделения какого-либо конкретного аккаунта или публикации в качестве фактора, формирующего мнение.

Мы наблюдаем долгосрочное формирование аудитории с помощью таргетированной рекламы, которая изначально была направлена на продвижение контента, ориентированного на общие позитивные культурные истории. В начале 2020 г. эта деятельность стала включать в себя продвижение статей, связанных с COVID-19. Контент, связанный с COVID-19, эволюционировал, перейдя от общих позитивных сюжетов к искаженному представлению событий и распространению теорий заговора. Анализ англоязычных государственных СМИ в Китае по состоянию на 2020 г. демонстрирует использование трех повторяющихся паттернов поведения: значительная часть освещения сосредоточена на позитивных историях, нарративы корректируются задним числом, а для распространения сообщений используется реклама [6].

Итак, изучение общественного мнения в контексте современного развития медиа на примере Китая является особенно актуальным по причине уникальности соотношения уровня цивилизационного развития и довольно жесткого информационного контроля со стороны государственной власти КПК. Анализ китайского опыта позволяет ученым глубже проанализировать общественное мнение как социальный, политический и культурный феномен, учитывая, что данное понятие находится на стыке различных наук. Китай демонстрирует, как составляющие общественного мнения в консервативно-коллективистском контексте формируют как положительные, так и проблемные аспекты в социальных процессах.

Общественное мнение в Китае может быть довольно разнообразным из-за огромного разнообразия мнений, взглядов и идей среди населения этой страны. Тем не менее, есть определенные темы, на которые многие китайцы могут сходиться в своих взглядах, такие как поддержка действий правительства в экономике, национальной безопасности и рост роли Китая на мировой арене.

В то же время есть также критика правительства и его политики, особенно в отношении прав человека, свободы слова и политических прав китайских граждан. Некоторые китайцы могут выражать недовольство неравенством, коррупцией и другими социальными проблемами в стране.

Общественное мнение может также сильно зависеть от того, как информация представлена в государственных СМИ и других источниках информа-

ции, контролируемых правительством. Но в целом, общественное мнение в Китае может быть осложнено тем, что многие люди могут столкнуться с цензурой, ограничениями свободы слова и другими препятствиями для свободного выражения своих идей.

Влияние китайского государства на общественное мнение китайцев является значительным и часто негативно влияет на свободу слова и выражения мнения. В Китае действует жесткий контроль над СМИ, интернетом и социальными сетями, что приводит к цензуре и ограничению доступа к определенной информации для граждан.

Китайское государство также активно использует пропаганду и манипуляции информацией для формирования определенного общественного мнения и поддержки своих политических целей. В частности, оно часто поддерживает националистические настроения среди населения, чтобы укрепить свою власть и легитимность. Однако в последние годы наблюдается рост самосознания и активизация общественного мнения в Китае, что вызывает опасения у властей и приводит к усилению репрессий и контроля со стороны государства. Несмотря на это, китайцы все больше проявляют интерес к политическим и социальным вопросам и стремятся к большей свободе выражения своего мнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаврова А. В. Особенности исследований формирования общественного мнения и влияния СМИ в современной информационно-коммуникативной среде / А. В. Лаврова // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). — 2018. — № 3. — С. 1-9.
2. Davison W. P. Public opinion / W. P. Davison // Britannica. — URL: <https://www.britannica.com/topic/public-opinion> (дата обращения 20.02.25).
3. Зубарев Д. Ю. Общественное мнение: дискуссии о дефиниции / Д. Ю. Зубарев // Армия и общество. — 2014. — № 3 (40). — С. 75-80.
4. Stockmann D., Luo T. Which Social Media Facilitate Online Public Opinion in China? / D. Stockmann, T. Luo // Problems of Post-Communism. — 2017. — № 64 (3-4). — P. 189-202.
5. Chen D. How Propaganda Affects Public Opinion in China: Evidence from the First Phase of the COVID-19 Pandemic / D. Chen // Asian Studies Review. — 2023. — P. 1-20.
6. McGinty M., Gyenes N. Pandemics & propaganda: How Chinese state media creates and propagates CCP coronavirus narratives / M. McGinty, N. Gyenes. — URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/pandemics-propaganda-how-chinese-state-media-creates-and-propagates-ccp-coronavirus-narratives/> (дата обращения 20.02.25).

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КИТАЕ (2004-2024 ГГ.)

Чэнь Сяотин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 20 марта 2025 г.

Аннотация: в статье представлены результаты библиометрического анализа 309 публикаций по демографической коммуникации в Китае (2004-2024 гг.), выполненного с помощью программы CiteSpace. Цель работы — выявить этапные особенности и тенденции развития данной научной сферы. На основе количественных характеристик публикаций, методов исследований и тематических всплесков выделены три основных этапа ее развития и обозначены четыре ключевых исследовательских направления.

Ключевые слова: демографическая коммуникация; демографический вопрос Китая; CiteSpace; библиометрический обзор; Китай

Abstract: this article presents the results of a bibliometric analysis of 309 publications related to demographic communication in China from 2004 to 2024, conducted using CiteSpace software. The study aims to identify the stage-by-stage features and trends within this research field. Based on publication metrics, methodological approaches, and topic surges, three main developmental stages and four core research directions were identified.

Keywords: demographic communication; China's demographic issue; CiteSpace; bibliometric review; China

Актуальность исследования обусловлена тем, что большинство современных работ по демографическим проблемам сосредоточены на политических, экономических и социологических аспектах, тогда как роль медиа в распространении демографической политики и формировании общественного мнения [1, 116-130; 2, 95-109] остается недостаточно изученной. Как показывают исследования [3, 299-335], СМИ часто упрощают дискурс: под влиянием мальтузианских теорий население сводится к бинарной оппозиции «ресурс vs угроза» [4, 101-119], игнорируя сложность социальных факторов. Подобные алармистские нарративы, благодаря простой логике, легче воспринимаются аудиторией. На фоне рекордно низкой рождаемости в Китае и международного внимания к демографической политике в исследовании с помощью визуального анализа выявлены ключевые характеристики и перспективы демографической коммуникации.

Концепция «демографической коммуникации» (Population Communication) изначально развивалась в рамках пропаганды планирования семьи. ООН [5, 5] определила ее как «планомерное взаимодействие для изменения репродуктивного поведения». Расширенная трактовка в обзоре «Синтез опыта демографической коммуникации» [6, 85] включила публичные инициативы и медийные стратегии. Ким [7, 3] рассматривал термин как комплекс мер — от информационно-образовательных кампаний до обмена данными. По мнению Чжан Ханьсяня, в Китае этот подход способствует распространению демографической культуры, выходя за рамки тради-

ционной пропаганды планирования семьи [8, 49-51]. К 2024 г. исследования Ся Вэйбо [9, 99-108] показали эволюцию от анализа факторов рождаемости к активному воздействию на репродуктивные установки через медиа, что отражает интеграцию коммуникационных и демографических наук.

Для выявления этапных особенностей и тенденций развития данной научной сферы мы провели наукометрический анализ публикаций за период 2004-2024 гг. с использованием CiteSpace (6.3.R3) и Excel. CiteSpace — специализированное программное обеспечение для библиометрического анализа, позволяющее визуализировать сети цитирования. Поисковые запросы проводились в CNKI — крупнейшей научной базе данных Китая, по ключевым словам, связанным с демографической коммуникацией. В итоге собрано 309 релевантных научных публикаций в качестве эмпирического материала. Методология включала статистическую обработку данных в Excel и наукометрический анализ в CiteSpace. Для комплексного изучения динамики публикаций (см. график 1), статистики исследовательских методов (см. график 2) и временных всплесков ключевых слов (см. рис. 1) была выявлена этапные характеристики данной исследовательской области.

Поисковый период (2004-2010): начальный этап характеризуется малым числом публикаций (до 5 в год), сосредоточенных на пропаганде планирования семьи. Преобладающим методом был контент-анализ медийного освещения демографической политики. Ключевые концепты этого периода — «планирование семьи» и «освещение политики» — заложили фундамент исследовательского направления.

График 1. Тенденция количества публикаций (2004-2024 гг., 309 статей)

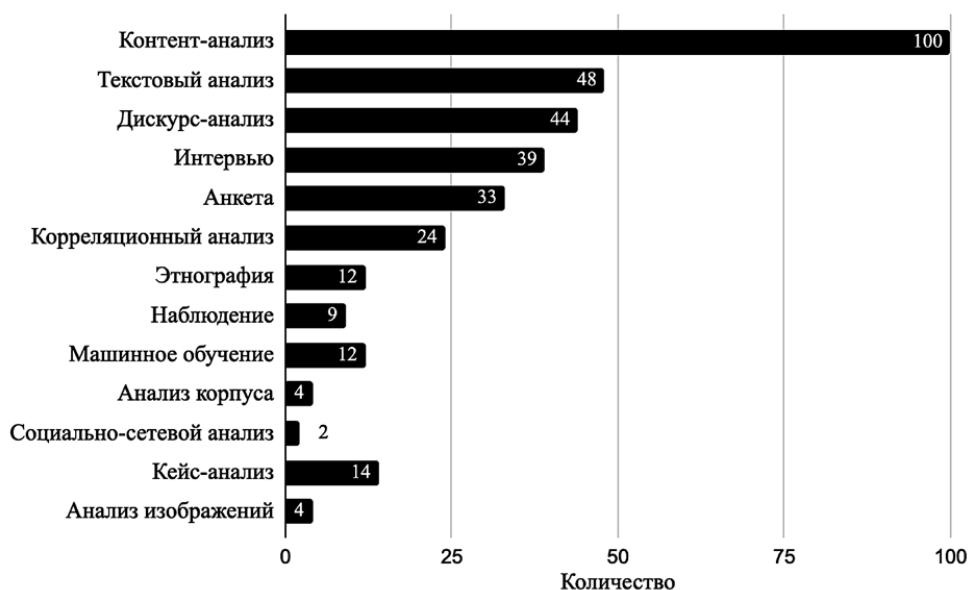
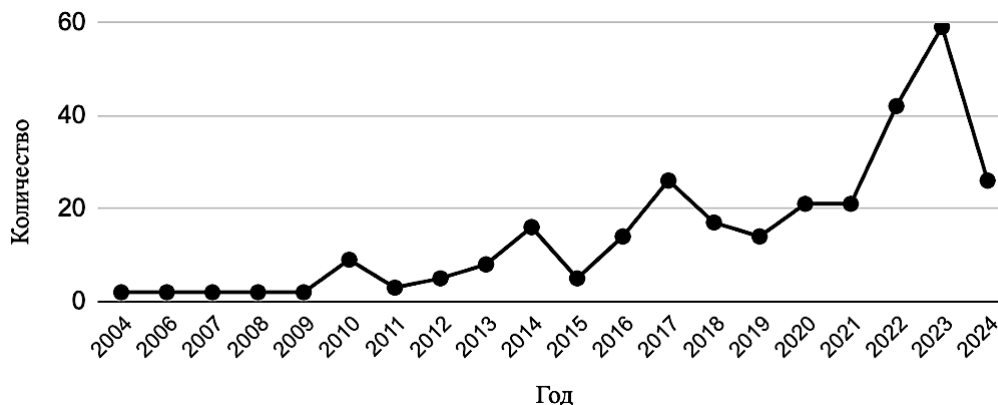

График 2. Основные методы исследования

	Keywords	Year	Strength	Begin	End	2004 - 2024
Эффект коммуникации	传播效果	2012	1.17	2012	2014	
Новостные репортажи	新闻报道	2014	1.32	2014	2017	
Традиционные СМИ	传统媒体	2014	1.32	2014	2017	
Освещения политики	政策报道	2014	1.14	2014	2015	
Политика двух детей	全面二孩	2016	3.48	2016	2019	
Политика двух детей	二孩政策	2016	1.58	2016	2017	
Фрейминг освещения	报道框架	2017	1.3	2019	2021	
Медиаобраз	媒介形象	2017	1.47	2020	2021	
Страх перед деторождением	恐育	2020	1.27	2020	2022	
Планирование семьи	计划生育	2007	1.17	2020	2021	
Политика трех детей	三孩政策	2021	2.11	2021	2024	
Репродуктивные установки	生育意愿	2022	3.78	2022	2024	
Политика рождаемости	生育政策	2022	2.72	2022	2024	
Основные СМИ	主流媒体	2022	2.08	2022	2024	
Теория фрейминга	框架理论	2013	1.22	2022	2024	

Рис 1. Карта всплесков ключевых слов

Период расширения (2011-2020): с введением политики двух детей тематический спектр исследований охватил вопросы эффективности пространения политических решений и реакции общественного мнения в социальных сетях. Наблюдается стабильный рост публикаций с явным пиком в 2017-2018 гг. Методологический арсенал обогатился дискурс-анализом и текстовым анализом. Высокие показатели цитирования получили работы по «всеобщей политике двух детей» (3.48), «новостным репортажам» и «распространению политики». Социальные медиа утвердились как значимый коммуникационный канал.

Период зрелости (2021-2024): исследования вышли на уровень комплексного многофакторного анализа, включая восприятие политики и репродуктивные намерения населения. Отмечен значительный рост публикаций с максимумом в 2023 г. В методологии наметилась тенденция к использованию сентимент-анализа и машинного обучения, хотя их доля остается небольшой. Наиболее цитируемыми стали работы по «политике трех детей» (2.11), «основным СМИ» и «репродуктивным установкам», последние демонстрируют наивысший индекс цитирования этого периода (3.78).

Кластерный анализ ключевых слов 309 статей позволил выделить четыре основных исследовательских направления:

Категория I. Модели распространения демографической политики (#0 планирование семьи, #1 всеобщая политика двух детей, #3 государственная политика). Исследования этого кластера анализируют взаимодействие между правительством, СМИ и обществом в процессе реализации демографических инициатив. Выявлены три коммуникационные модели: «правительственное руководство», «медийное лидерство» и «двунаправленное взаимодействие». Отмечается эволюция от односторонней политической пропаганды к консультативным формам коммуникации, при сохранении дисбаланса между участниками процесса, что иногда приводит к конфликтным интерпретациям. Ключевой задачей остается совершенствование коммуникационных стратегий для повышения общественного принятия демографических мер.

Категория II. Медиафреймы и освещение политики (#2 контент-анализ, #7 фреймы репортажей, #6 медиаобраз). Кластер сфокусирован на анализе медийного фрейминга демографических вопросов и его влиянии на общественное восприятие. Теоретическую основу составляют концепции фрейминга и установления повестки дня, а методологическую — контент-анализ, текстовый и дискурс-анализ. С развитием внешнеполитической коммуникации Китая часть исследований переориентировалась на анализ освещения демографической политики в западных (преимущественно американских и британ-

ских) СМИ. Хотя такие работы составляют только 7% от общего числа, их значимость возрастает.

Категория III. Социальные медиа и общественное восприятие рождаемости (#9 социальные медиа, #3 государственная политика). Этот кластер изучает влияние цифровых платформ на репродуктивные установки. Исследования реакции на политику трех детей демонстрируют сдержанный общественный отклик, а активное взаимодействие с контентом социальных медиа может усиливать «репродуктивную тревожность». Методологическую основу составляют теория планируемого поведения и концепция восприятия риска. В последние годы традиционные методы (контент-анализ, сетевой анализ) дополняются технологиями машинного обучения для автоматизации анализа текстов и общественных настроений.

Категория IV. Гендер и репродуктивные права (#8 гендер, #5 феминизм). Кластер фокусируется на гендерных аспектах демографической политики, уделяя внимание недостаточному представительству женских голосов в дискурсе, формам медийной стигматизации и влиянию материнской тревожности на репродуктивные решения. Исследования отражают возрастающую роль феминистской критики в анализе демографической коммуникации.

Итак, с помощью библиометрического анализа мы выявили основные тенденции и ограничения современных исследований: дискурс в социальных медиа становится ведущим направлением, а методы анализа данных постепенно внедряются, однако исследования традиционных СМИ все еще во многом опираются на классический контент-анализ. В отличие от этого, использование передовых технологий, таких как машинное обучение, позволяет избежать субъективности традиционных методов, но системные исследования демографической коммуникации в интернет-СМИ по-прежнему редки. Кроме того, явно недостаточно межстрановых сравнительных исследований, особенно за пределами китайского контекста. Учитывая влияние проблем населения, как и таких международных вопросов, как экология и энергетика, на имидж страны, данное исследование считает необходимым в будущем усилить исследования представления проблем населения Китая в международных медиа, сочетая традиционный анализ дискурса с методами вычислительной лингвистики, чтобы более полно понять демографические вопросы через призму массовых коммуникаций, а не ограничиваться лишь эмпирическим анализом демографических показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарков Ф. И. Проблемы коммуникации между властью, обществом и СМИ в сфере демографического развития России / Ф. И. Шарков, А. В. Понедельков, К. В. Кудряшов // Коммуникология. — 2021. — Т. 9. — № 3. —

С. 116-130.

2. Саитова Д. Г. Институт СМИ в контексте реализации демографической политики России: региональный опыт / Д. Г. Саитова, М. С. Бахтина // Демографические исследования. — 2022. — Т. 2, № 4. — С. 95-109.

3. Messerschmidt R. "Garbled Demography" or "Demographization of the Social"? Historical Social Research. — 2014. — Vol. 39 (1) — P. 299-335.

4. Etzemüller T. The population discourse: a transnational matrix; the case of Germany and Sweden. Historical Social Research / T. Etzemüller, 2011. — Vol. 36 (2) — P. 101-119.

5. Kar S. B. Communication Research in Family Planning; an Analytical Framework / S. B. Kar, D. M. Demangone, B. B. Kar // Population Communication: Technical Documentation. Paris:

UNESCO. — 1975. — P. 5.

6. Glattbach J. Public Information and Mass Media in Population Communication Programs. The East-West Communication Institute / J. Glattbach, 1977. — P. 85.

7. Kim J. Rethinking Population Communication / J. Kim // Asia-Pacific Population Journal. — 1988. — Vol. 3(4). — P. 3.

8. Чжан Х. О демографической коммуникации в контексте научного прогресса / Х. Чжан // Современная коммуникация. — 2009. — № 1. — С. 49-51.

9. Ся В. Вопросы и теоретические направления в столетнем исследовании демографической коммуникации с международной точки зрения / В. Ся, Г. Янь, Ж. Ван // Журнал Цзилинского педагогического университета. — 2024. — № 5. — С. 99-108.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Чэнь Сяотин, аспирант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета

E-mail: chenxiaoting888@mail.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Chen Xiaoting, Postgraduate Student of Department of Mass Communications, Faculty of Philology

E-mail: chenxiaoting888@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ОСВЕЩЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМЫ В РЕШЕНИЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ЖАЛОБАМ НА ПРЕССУ

Е. В. Шишпаренок

*Высшая школа журналистики и медиапроизводства,
Институт филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций,
Иркутский государственный университет (ИФИЯМ ИГУ)*

Поступила в редакцию 26 февраля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается опыт Общественной Коллегии по жалобам на прессу по решению информационных споров, связанных с религией. Анализ спорных текстов (передач), заключений экспертов и решений Коллегии выявляет также два подхода к формированию системы профессионально-этических норм журналиста, затрагивающего религиозную тематику.

Ключевые слова: западная и российская системы ценностей, религия, новые религиозные движения (НРД), этика журналиста, Общественная коллегия по жалобам на прессу, секта.

Abstract: the article examines the experience of the Public Press Complaints Board in resolving information disputes related to religion. The analysis of controversial texts (broadcasts), expert opinions and decisions of the Board also reveals two approaches to the formation of a system of professional and ethical standards of a journalist dealing with religious issues.

Keywords: Western and Russian value systems, religion, new religious movements, ethics of a journalist, Public Press Complaints Board, sect.

Религия является не только частью личной жизни, но и частью культуры и традиции. В условиях глобализации ее защита становится особенно актуальной в силу того, что в XXI в. уже не идеологические, а именно культурные различия определяют границы основных конфликтов между государствами. «С окончанием холодной войны, — как отмечал С. Хантингтон, — подходит к концу и западная фаза развития международной политики. В центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями» [1]. Британский социолог Б. Тернер также признает, что во многих обществах «либеральная модель секуляризации больше не работает», а религия становится главным фактором этнической идентичности [2]. Журналист-международник А. Пар предлагает говорить о том, что Россия живет сегодня в христианском мире, а Запад — в «постхристианском» [3]. Автор не углубляется в историческое различие, но подчеркивает современное разное восприятие религии: более упрощенное в Европе и консервативное — в России.

Если учитывать исторический контекст, то нужно отталкиваться от раскола христианства в 1054 г. Причины раскола были как религиозные, так и политические, но главное в том, что католическая религия стала развиваться по пути динамического догматизма, то есть допускала при определенных условиях появление новых догм. Православие прямо отвергло такой путь, утверждая, что все содержа-

ние веры присутствовало в Церкви с самого начала. Эти принципиальные позиции предопределили более медленный процесс изменения, консервативный характер православия, и более динамичный — католичества, которое легче допускает перемены и быстрее отвечает на все ускоряющиеся изменения общества. В первом случае религия задает допустимые морально-этические рамки, в границах которых оказывается человек. Во втором — человек диктует свои требования и заставляет религию меняться, соответствовать им.

Реформация в Европе утвердила еще более гибкий вариант религии, отвечающий духу капиталистического общества. Протестантизм существенно ослабил авторитет Церкви, сблизил человека и Бога, открыл путь к развитию личной духовности, отрефлексированной веры, не нуждающейся в традиционной культовой практике. В Новом свете протестантизм как обновленная свободная религия реализовал концепцию произвольного толкования и модификации, разбившись на множество отдельных сект и объединений. Б. Тернер предлагает термин «новая духовность», «консьюмеристская религия», свойственная коммерческому миру, в котором «движущей силой экономики является потребление» [2].

С. А. Бурцев пишет, что в зрелом протестантизме воплощается идея «безрелигиозного христианства», происходит «сакрализация хозяйственной и предпринимательской деятельности». Негативным последствием демократизации религии в западном

обществе исследователь называет произвольное толкование моральных норм и деградацию системы ценностей. Автор справедливо отмечает, что конкретные элементы либеральной концепции отношения к религии, будучи перенесены на российскую почву глобальным информационным потоком, не могут на этой чужеродной почве прижиться, потому что не обладают исторической и культурной общностью и полнотой. Исследователь опирается на теорию А. Тойнби, который считает, что «элементы культуры, вполне безвредные и даже благотворные на родной почве, могут оказаться опасными и разрушительными в чужом социальном контексте». «В условиях современной России, — пишет С. А. Бурцев, — наблюдается разрушительная работа западных ценностей, оторванных от породившей их культуры» [4].

Т. Б. Рябова и Д. О. Рябов отмечают, что основной тенденцией развития политики российской идентичности последних лет становится «позиционирование ее как неЕвропы» [5]. В. В. Гончаров и В. В. Шапин формулируют три модели развития человека по западному образцу, которые не принимаются российским обществом: модель «человека потребляющего», «человека глобального» (не приобщенного к национальным культурным ценностям) и «человека новой морали» (на связанного с традиционной системой норм) [6].

В противопоставление западным ценностям исследователи называют присущие российскому менталитету «обостренное чувство социальной справедливости, обращенность к вопросам о правде, о новом справедливом обществе, антииндивидуализм, стремление к всеединству» [7]; «необходимость помнить о духовном смысле жизни, заботиться о благе ближнего; восприятие материального благополучия как испытания и ответственности; необходимость заботы о человеке труда» [8]. Те же ориентиры выражены в Стратегии национальной безопасности России за 2021 год» [9].

В основе российской культуры лежит православие, которое скрепило государство в эпоху, когда религия играла ключевую, цементирующую роль в любом обществе. Религиозная традиция, характерная для восточнохристианских народов, утверждала такие ценности как коллективизм, взаимовыручка, отношение к богатству как результату везения, а не труда, помощь бедным. Е. С. Балабанова именно с религиозной традицией связывает особенности «российской экономической ментальности» (коммунальная производственная среда, доминирование справедливости над прибылью, сильная роль государства, специфические отношения собственности) [10].

Сформированные религией, эти ценности стали частью культуры, которая не разрушилась и в секулярную эпоху. В советский атеистический пери-

од нашей истории религиозная система ценностей была заменена идеологией, соответствующей тому культурному коду, который сложился к этому времени. Коммунистическая доктрина была не прерыванием ценностной траектории, а заменой ее содержания при сохранении констант: превалирование коллективного над индивидуальным, стремление к справедливости, ведущая роль государства в распределении собственности и процессах модернизации общества.

Сегодня мы живем в постсекулярную эпоху, «религия в целом возрождается, а секуляризация имеет свои пределы» [11]. Происходит актуализация религии как главного фактора этнической самоидентификации. В России православие занимает свое утраченное некогда место, становится одним из компонентов выражения национальной идеи в условиях противостояния концепции глобального мира.

Анализ решений Общественной Коллегии по жалобам на прессу. С 2005 г. существования Общественная коллегия по жалобам на прессу рассмотрела 247 информационных споров. Двадцать три из них касаются религиозной тематики: 5 — православия, 1 — ислама, 1 — буддизма, 16 — новых религиозных движений (Свидетели Иеговы — *запрещена в РФ*, саентологическая церковь¹, баптисты, евангельские христиане и пр.).

В основном жалобы на журналистов исходят от представителей новых религиозных движений. Заявители отмечают тенденциозность по отношению к НРД, пристрастную позицию журналиста, использование языка вражды и, как следствие, разжигание религиозной нетерпимости в обществе.

Девятнадцать спорных материалов сначала оценивались экспертом, затем Коллегией. Поскольку претензии заявителей к большинству материалов, связанных с НРД, похожи, можно выделить противоположные позиции экспертов С. К. Шайхитдиновой и К. Назаретян (в трех материалах отсутствует заключение эксперта и один рассматривался Г. В. Лазутиной).

Ключевым оказался вопрос о том, имеет ли право журналист выражать свою точку зрения в материале о НРД, или он обязан оставаться беспристрастным? Закон о СМИ дает право журналисту излагать в материалах «свои личные суждения и оценки» (п. 9 ст. 47 «Права журналиста»), кроме «проведения предвыборной агитации», журналист также обязан уважать права, законные интересы, честь и достоинство граждан и организаций (п. 10. ст. 49 «Обязанности журналиста» [12]). Эксперт К. Назаретян полагает, что с этической точки зрения автор материала на религиозную тему должен оставаться беспристрастным, «временно забыть о собственных религиозных взглядах (отношении к религии)

¹ Запрещена в РФ.

и освещать события из-за условной завесы неведения, допуская свою гипотетическую принадлежность к любому религиозному течению (любое свое отношение к религии)» [13].

Делая обзор моделей освещения религиозной тематики в западных странах, К. Назаретян ссылается на опыт британского медиарегулятора Офком (Office of Communication). Пункт 5.9. Кодекса вещания Офком говорит о том, что ведущие могут выражать свою точку зрения, при условии, что другие позиции также представлены в материале. Эксперт отмечает, что в большинстве рассматриваемых в Коллегии передач журналисты выражают свою, но не представляют другие точки зрения. В случаях, когда разные позиции представлены в программе, принцип беспристрастности нарушается тем, что представителям НРД «задаются вопросы, которые призваны продемонстрировать их неправоту». Например, в программе «Вести» последователей Свидетелей Иеговы спрашивали о том, почему у них существует запрет на переливание крови [14].

Другой взгляд на ситуацию представлен в заключениях С. К. Шайхитдиновой. Во-первых, эксперт полагает неуместным рассмотрение вопроса о нарушении профессиональной этики в материалах, говорящих об организациях, деятельность которых запрещена судом РФ («Свидетели Иеговы признаны судом экстремистской организацией в апреле 2017, но споры о материалах, касающихся данного НРД, рассматривались Коллегией до 2020 г., последнее — № 216 в реестре решений от 10.09.2020).

Во-вторых, исходя из тезиса о том, что «журналистика изоморфна обществу», С. К. Шайхитдинова рассматривает позицию недоверия, с которой журналисты относятся к НРД, выражением интересов массовой российской аудитории. Поэтому выражение личного отношения ведущего к религиозному движению (если оно не имеет оскорбительной, унижающей честь и достоинство других людей формы) оправдано и этически приемлемо. Кроме того, отмечает эксперт в одном из заключений: «конструирование представлений об «изъянах» в ее (ТВ-программе — Е.Ш.) социально значимой информационной продукции в пользу сомнительных групповых интересов, которые ставятся выше общественных, может рассматриваться как воспрепятствование журналистской деятельности» [15].

Члены Коллегии в Решениях чаще всего не согласны с позицией С. К. Шайхитдиновой. В частности, они полагают, что, несмотря на допустимость выражения мнения журналиста в любой авторской программе, должны соблюдаться стандарты, характерные для ТВ-журналистики федерального уровня. «Охота на ведьм» не превращает пропаганду в заменитель серьезной журналистики, тем более расследовательской» [16].

К. Назаретян фиксирует нарушение принципа

объективности: «недостатки крупных мировых религий нередко замалчиваются, в то время как недостатки НРД, наоборот, разбираются максимально критически» [17]. Второй эксперт обращает внимание на то, что граждане, которые считают себя пострадавшими от деятельности НРД, «имеют несравненно более ограниченные возможности презентации своих проблем и нужд, чем любая организация <...> через тиражные издания, рекламные компании, проповеди и другие институциональные формы выхода на массовую аудиторию». С. К. Шайхитдинова предлагает рассматривать ток-шоу как специфический формат и не применять к нему критериев информационной журналистики. Принцип правдивости в ток-шоу реализуется через «документальность настроения» участников, которые рассказывают о своем негативном опыте взаимодействия с религиозными организациями [18]. Коллегия не согласна с таким подходом, настаивает на принципе «дать слово другой стороне» и предлагает маркировать ТВ-продукты, отличные от журналистского формата, соответственно: «пропаганда, агитация, черный пиар» [19].

Значительная часть жалоб связана с использованием термина «секта». Признавая, что термины «секта» и «сектант» в силу сложившихся в обществе представлений несут безусловно негативную смысловую нагрузку, Коллегия не рекомендует журналистам их использовать, поскольку это может оскорбить чувства верующих.

В этом моменте судебная практика и опыт этического регулятора противоречат. В законодательстве РФ не существует понятия «секта». В 2012 г. Московский городской суд подтвердил, что если кто-то называет организацию сектой или гражданина — сектантом, то этим он «высказывает свое личное оценочное суждение (мнение, убеждение), а не заявляет о сектантстве как о факте, который можно проверить на истинность» [20]. Поскольку форма выражения мнения в данном случае не имеет оскорбительного, неприличного характера, она не может трактоваться как ущемляющая честь и достоинство, а также чувства верующих. Члены коллегии пришли к выводу, что эксплуатация негативного, «бытового» значения слова «секта» в публичном пространстве нежелательна, поскольку ущемляет право на свободу совести адептов НРД.

Эксперт К. Назаретян предлагает, говоря о деятельности НРД, четко проводить грань между социально опасными явлениями и личным пространством. Общественно опасными она предлагает называть, например, «избиение, задержание, заперти, отказ от медицинской помощи». Но такие факты как «уход из семьи, трата денег на книги» — рассматривать как факт личной жизни и, соответственно, попытку журналистов обратить на это внимание — как вмешательство в частную жизнь [21]. Нарушени-

ем этики К. Назаретян считает следующим образом выраженное мнение ведущего ток-шоу А. Шейнина: «Ребят, у кого кризис и проблемы — вот храм православный, вот мечеть, вот синагога — со своими кризисами ведь есть куда пойти». Эксперт полагает, что здесь журналист берет на себя на роль наставника по отношению к аудитории, подобная позиция «стимулирует конфронтацию между последователями мировых религий и НРД» [21]. К таким же спорным, на наш взгляд, фактам относится требование к журналистам не называть правонарушением то, что в приходе мормонов во Владивостоке обнаружили детскую порнографию, поскольку «речь идет не о решении суда, а пока только о полицейской проверке» [22].

Показательным, на наш взгляд, является информационный спор по поводу жалобы на публикацию интернет-издания «Сноб». В материале «Дорога к храму» К. Собчак и Д. Красовский «примеряют» религии, рассуждают о том, какую им лучше выбрать. Посещают храмы, мечеть, синагоги, беседуют с представителями разных религий. Свое амплуа они обозначают как «два шута», «тетка в клоунской бороде» и «мужик в сарафане». Материал сопровождают фотографии авторов на фоне храма в костюмах монахов и священников. Знакомясь с исламом, они берут интервью у имама Шамиля Аляутдинова в таком же шутовском, провокационном стиле.

С. К. Шайхитдинова назвала данный материал «разрушающим идеологические основания традиционной культуры». «Дискурс с соответствующим смысловым содержанием представляет собой социальный и символический капитал, работающий на интересы глобального бизнеса» [23], — пишет автор.

Данный спор рассматривался не центральной, а региональной Казанской Коллегией. Ее решение сводилось к тому, что прямого оскорбления верующих нет, но текст провокационный, монологический по характеру, не допускающий других точек зрения, кроме авторской. Стилистика «троллинга», «стеба» как манипулятивных приемов называется неприемлемой при освещении темы религии [24].

Этот информационный спор, на наш взгляд, обнаруживает характерную для российского мировоззрения границу между свободой слова и защитой религии. В западных демократиях свобода выражения личного мнения в данном случае важнее. Человек имеет право все подвергать сомнению, остракизму, все общественные сферы, в том числе религию и ее представителей. В России религия играет более весомую роль в жизни общества. Провокационное освещение темы опасно ростом социальной напряженности и конфликтов. Российские право и этика журналистики настаивают на уважительном отношении к собеседнику, к Другому. Форма выражения личного мнения не должна переходить

этой черты: нельзя троллить, высмеивать верующих. С ними можно спорить, но оставаясь в рамках уважительного диалога. Абсолютная свобода мнения для журналистики неприемлема, она ограничивается социальной ответственностью профессии, задачей не разжечь конфликт, а, наоборот, перевести его в рамки дискуссии, искать компромисс.

Заключение. Современное медиапространство характеризуется сложностью, высокой скоростью развития, перенасыщенностью информацией. Процессы секуляризации и десекуляризации общественной жизни происходят сегодня одновременно, поляризуя и радикализуя отношения между новацией и традицией. В странах Запада религия подчинена диктату практически неограниченной свободы, включая свободу эксперимента над природой человека и его психикой. Такая скорость перемен и смелость экспериментов не характерна традиционным обществам. В России также меняется отношение к религии, как и сама религия, но меняются они не в главном и не так радикально.

На примере деятельности Общественной Коллегии по жалобам на прессу можно увидеть противостояние западной и российской системы ценностей на трех уровнях. Во-первых, большинство рассматриваемых спорных текстов касаются практики НРД, это характеризует недоверие к ним со стороны общества. В основе большинства текстов или передач — конкретные истории людей, пострадавших от деятельности религиозных организаций. Во-вторых, показательна позиция журналистов в спорных материалах: они тоже относятся к НРД с подозрением, хотя нередко выражают свою позицию излишне тенденциозно. Наконец, в-третьих, на уровне экспертов и членов Коллегии мы видим два противоположных подхода к этически верной и профессиональной позиции журналиста. Первый подход, представленный в заключениях С. К. Шайхитдиновой, базируется на том, что журналисты, выражая недоверие НРД, защищают права людей, пострадавших от их деятельности и озвучивают запрос большинства населения о проверке деятельности отдельных религиозных организаций. Журналист при этом не должен смешивать мнения и факты, использовать манипулятивные приемы и язык вражды, но он вправе выражать свое личное отношение к предмету спора, использовать эмоционально окрашенную лексику.

Второй подход, выраженный экспертом К. Назаретян и поддержанный Коллегией, признает в рассматриваемых случаях за журналистами полный комплекс этических и профессиональных нарушений, характеризуя результат их работы как некачественные пропагандистские продукты, направленные на разжигание религиозной розни в обществе.

На наш взгляд, эти два подхода демонстрируют западный и российский взгляд на сущность религии. Западный подход базируется на поддержании рели-

гиозного разнообразия и защите прав религиозных меньшинств. Чем больше религиозных объединений в обществе, тем меньше вероятность превалирования интересов религиозного большинства. Человек меняется быстро и имеет право изменять религию, подстраивая ее под нужды своего времени. Речь идет о концепции динамического догматизма, о которой мы говорили в начале статьи.

Российский подход, напротив, традиционно связан с тезисом о минимальном характере изменений религиозных догматов и превалировании нравственного императива. В этом плане западные новые религиозные движения являются исторически чуждыми, несвойственными нашей культуре, поэтому встречают естественные критiku и недоверие. Религия не может и не должна меняться быстро, в угоду требованиям нового понимания человеческой свободы. Любая традиционная монотеистическая религия пользуется в России большим доверием и уважением, чем НРД. Религия — прежде всего традиция и преемственность исторического знания.

Разное понимание сущности религии сформировало разные системы морально-этических ценностей западной и российской культуры. Как следствие, отличаются и представление об этической норме в журналистике. М. В. Хруль пишет, — «из тезиса о том, что наивысшим уровнем для совокупного суждения в области нравственности является не человечество в целом и даже не общество в целом, а ценностно гомогенная общность, логически вытекает принципиальное препятствие к созданию так называемой всеобщей, или глобальной, журналистской этики» [25]. Этика профессии является отражением культурной аксиоматики общества, она не может иметь глобальный характер.

Оценивая работы российских журналистов с точки зрения европейских профессионально-этических норм, Общественная Коллегия находит полный и почти идентичный комплекс нарушений во всех делах, связанных с деятельностью НРД. При этом сами журналисты и руководители СМИ, к которым выдвигаются претензии, как правило, отказываются от сотрудничества и не участвуют в споре. Формулируя представление о профессионально-этической норме, Коллегия оказывается лишенной каналов продвижения этого стандарта в журналистское сообщество.

Существенная часть замечаний Коллегии оказывается обоснованной: недопустимо использовать съемку скрытой камерой во время богослужения (если речь не идет о раскрытии серьезных правонарушений), искажать цитаты², выдавать гипотезы

за факты, пользоваться непроверенными данными; необходимо давать допустимый максимум информации об анонимных источниках. Такой же минимальный набор нарушений, как правило, фиксирует и С. К. Шайхитдинова в своих заключениях. Но требования Коллегии идут дальше и предписывают журналистам занимать максимально беспристрастную позицию по отношению к НРД, не использовать такие термины-проявления языка вражды как «секта», «псевдопророк», «псевдомормоны», «адепты», «вербовка» и т.п. Исходя из тезиса о том, что российский телезритель не имеет устойчивых навыков фактчекинга, Коллегия призывает журналистов более отстраненно относиться к деятельности НРД и предоставлять аудитории самостоятельно выносить суждения о них, не навязывая свою точку зрения подчеркнутой эмоциональностью. От журналистов ожидают ценностно нейтральной позиции медиатора, который безоценочно транслирует ту или иную систему взглядов.

Коллегия оказывается в вакууме: она формирует такой подход к профессионально-этической норме при освещении религии, который в своих крайних проявлениях (абсолютная беспристрастность журналиста, стремление дать слово защитникам НРД, избегание негативно окрашенной лексики) не реализуется в российской журналистике.

Из рассмотренных нами двадцати трех дел журналисты только в шести случаях согласились принять участие в дискуссии и отстаивать свою позицию. Эти споры касаются материалов о православии, буддизме и только один из них — о Церкви Евангельских христиан-баптистов. Во всех спорах, связанных с православием, Коллегия не обнаружила признаков разжигания розни или оскорбления чувств верующих (кроме упомянутого нами материала журнала «Сноб», который рассматривался Казанской коллегией). Во всех случаях, связанных с НРД, были установлены признаки разжигания розни или существенного нарушения этических норм.

В качестве вывода напрашиваются два варианта: либо российские журналисты осознанно игнорируют этический стандарт, принятый в нашем обществе, при освещении религиозных тем, либо, что более вероятно, данный стандарт является попыткой внедрить в российскую культуру чуждое ей понимание и восприятие религии и религиозной свободы. На наш взгляд, речь идет как раз о несовместимости моральной аксиоматики российской и западной ценностных систем, истоком и фундаментом которых является разное понимание сути религии и ее роли в обществе.

«Эта вселенная с давних пор искала новые способы порабощения. Что ж, у нас здесь есть новые способы порабощения. Давайте проследим, чтобы никого не сделали рабом» [26].

² Один из участников ток-шоу «Прямой эфир» привел цитату из трудов основателя саентологии Л. Рона Хаббарда: «мы нашли новые способы превратить людей в рабов». Коллегия приводит неискаженный вариант цитаты:

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М., 2003. — Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/politologiya/huntington-stolk_civil-a.htm (дата обращения: 11.01.2025).
2. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе / Б. Тернер // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2012. — № 2 (30). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-v-postsekulyarnom-obschestve> (дата обращения: 22.11.2024).
3. Пар А. Россия — Запад. Кто кого? / А. Пар. — М., 2016.
4. Бурцев С. А. Современная Россия и система ценностей западной цивилизации / С. А. Бурцев // Сервис+, 2010. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-rossiya-i-sistema-tsennostey-zapadnoy-tsivilizatsii> (дата обращения: 13.12.2024).
5. Рябова Т. Б. Семейные и религиозные ценности как ресурс «Мягкой силы» России: дискуссии в современных российских и западных СМИ / Т. Б. Рябова, Д. О. Рябов // Женщина в российском обществе, 2017. — № 3 (84). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-i-religioznye-tsennosti-kak-resurs-myagkoy-sily-rossii-diskussii-v-sovremennyh-rossiyskih-i-zapadnyh-smi> (дата обращения: 13.12.2024).
6. Гончаров В. В. Межрелигиозные конфликты в 21 веке: социально-философский анализ / В. В. Гончаров, В. В. Шалин // Конфликтология / nota bene, 2017. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhreligioznye-konflikty-v-21-veke-sotsialno-filosofskiy-analiz> (дата обращения: 18.12.2024).
7. Костина А. В. Общество потребления и ценности российской цивилизации // Знание. Костина Анна Владимировна Общество потребления и ценности российской цивилизации / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение, 2016. — № 4. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-potrebleniya-i-tsennosti-rossiyskoj-tsivilizatsii> (дата обращения 18.12.2024).
8. Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» / С. Ю. Глазьев. — М., 2011. — С. 497-500.
9. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 14.12.2023).
10. Балабанова Е. С. Особенности российской экономической ментальности / Е. С. Балабанова // Мир России. Социология. Этнология, 2001. — № 3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rossiyskoj-ekonomicheskoy-mentalnosti-1> (дата обращения: 16.01.2024).
11. Сова С. А. Религия в современном обществе / С. А. Сова, Б. Э. Кулакова // Евразийский Союз Ученых, 2014. — № 8-7. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 29.11.2024).
12. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации». — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/?ysclid=m7lalnabkq220238908 (дата обращения: 14.12.2023).
13. Жалоба на «Расследование Эдуарда Петрова» телеканала «Россия 24» — Мнение эксперта. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/6223-zhaloba-na-rassledovanie-eduarda-petrova-telekanala-rossiya-24?start=3> (дата обращения: 29.11.2024).
14. Жалоба на программу «Вести» из-за сюжета о Свидетелях Иеговы — Мнение эксперта. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/4993-zhaloba-na-programmu-vesti-iz-za-syuzheta-o-svidetelyakh-iegovykh?start=6> (дата обращения: 29.11.2024).
15. Жалоба на репортажи «Потрошители душ» Пятого канала — Мнение эксперта. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/5598-zhaloba-na-reportazhi-potroshiteli-dush-telekanala-sankt-peterburg?start=6> (дата обращения: 29.11.2024).
16. Жалоба на репортажи «Потрошители душ» Пятого канала — Мнение эксперта. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/postupivshie-zhaloby/6223-zhaloba-na-rassledovanie-eduarda-petrova-telekanala-rossiya-24?start=4> (дата обращения: 29.11.2024).
17. Жалоба на программу Первого канала «Время покажет» — Мнение эксперта. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/5849-zhaloba-na-programmu-pervogo-kanala-vremya-pokazhet?start=3> (дата обращения: 29.11.2024).
18. Жалоба на телепрограмму «Вести Хабаровск» из-за сюжета о саентологии — Мнение эксперта. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/2093-zhaloba-na-telekanal-vesti-khabarovsk-iz-za-syuzheta-o-saentologii?start=4> (дата обращения: 29.11.2024).
19. Жалоба на телепрограмму «Вести Хабаровск» из-за сюжета о саентологии — Решение Коллегии. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/2093-zhaloba-na-telekanal-vesti-khabarovsk-iz-za-syuzheta-o-saentologii?start=7> (дата обращения: 29.11.2024).
20. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 августа 2012 г. по делу № 11-15098. — Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/d7ca4362-35c0-4603-95d8-67245a24ac88> (дата обращения: 27.01.2024).
21. Жалоба на программу Первого канала «Время покажет». — Мнение эксперта. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/5849-zhaloba-na-programmu-pervogo-kanala-vremya-pokazhet?start=3> (дата обращения: 27.01.2024).

22. Жалоба Церкви Иисуса Христа Святых последних дней на Пятый канал. — Мнение эксперта. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/5824-zhaloba-na-reportazh-ryatogo-kanala-o-tserkvi-iisusa-khrista-svyatykh-poslednikh-dnej?start=3> (дата обращения: 27.01.2024)

23. Жалоба на статью «Собчак & Красовский: Дорога к храму» на сайте «Сноб». — Мнение эксперта. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/snyatyie-s-rassmotreniya-zhaloby/4850-zhaloba-na-statyu-sobchak-krasovskij-doroga-k-khramu-na-sajte-snob?start=6> (дата обращения 27.01.2024)

24. Жалоба на статью «Собчак & Красовский: Дорога к храму» на сайте «Сноб». — Решение Казанской коллегии. — Режим доступа: [https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/snyatyie-s-rassmotreniya-](https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/snyatyie-s-rassmotreniya-zhaloby/4850-zhaloba-na-statyu-sobchak-krasovskij-doroga-k-khramu-na-sajte-snob?start=8)

[zhaloby/4850-zhaloba-na-statyu-sobchak-krasovskij-doroga-k-khramu-na-sajte-snob?start=8](https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/snyatyie-s-rassmotreniya-zhaloby/4850-zhaloba-na-statyu-sobchak-krasovskij-doroga-k-khramu-na-sajte-snob?start=8) (дата обращения 27.01.2024)

25. Хруль В. М. Религиозный этос как фактор регулирования журналистской деятельности: теоретические предпосылки и практические препятствия / В. М. Хруль // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 2010. — № 5. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-etos-kak-faktor-regulirovaniya-zhurnalistskoy-deyatelnosti-teoreticheskie-predposylki-i-prakticheskie-prepyatstviya> (дата обращения: 15.01.2025).

26. Жалоба на ток-шоу «Прямой эфир», выпуск «Злые духи украинского майдана». — Решение Коллегии. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/index.php/praktika/rassmotrennye-zhaloby/4195-zhaloba-na-tok-shou-pryamoj-efir-vypusk-zlye-dukhi-ukrainskogo-majdana?showall=&start=7> (дата обращения: 15.01.2025).

*Высшая школа журналистики и медиапроизводства
Институт филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций*

*Иркутский государственный университет (ИФИЯМ ИГУ)
Шишпаренок Е. В., кандидат филологических наук, доцент
E-mail: irk-lena@yandex.ru*

Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications

*Irkutsk State University
Shishparonok E. V., Postgraduate Student of Philology,
Associate Professor
E-mail: irk-lena@yandex.ru*

ПРАВИЛА

для авторов серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник Воронежского государственного университета»

Серия «Филология. Журналистика» журнала «Вестник ВГУ» включена в список ВАК при Минобрнауки российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Статьи проходят редакционное рецензирование и в случае положительной рецензии — научное и контрольное редактирование. В случае рекомендации статьи к опубликованию автору высылается лицензионный договор (все подписанные страницы договора сканируются и высылаются в редакцию).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал выходит **4 раза в год**

Почтовый адрес: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а, уч. корп. № 6 ВГУ, факультет журналистики, к. 103, редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика».

Контактный телефон:

+7 (473) 266-17-50, 274-52-71

Контактный e-mail: tam1008@yandex.ru,

vlvtul@mail.ru

Полные статьи принимаются объемом до 10 страниц формата А4 рукописи. Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата А4, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr). Информационная графика — черно-белая.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через

запятую дается указание на страницы — [1, 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, 5; 2, 75]).

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавляется **ЛИТЕРАТУРА** (прописные буквы); оформляется в соответствии с *ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись*. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать **сноски**.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru) текст статьи, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, иллюстрации и подписи к ним (бумажный экземпляр, присланный по почте, или файлы текста и иллюстраций, а также сканы каждой из страниц).

Время рассмотрения, рецензирования и опубликования статей зависит от объема редакционного портфеля, формируемого из статей, рекомендованных к печати. Поэтому редакция не отвечает на вопросы типа «Как скоро может быть опубликована статья? Сколько времени занимает рассмотрение и рецензирование статьи? В течение какого срока автор получит номер журнала со статьей после его выхода?»

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром журнала, поэтому **желательна подписка** на журнал. Подписной индекс — 51174 в объединенном каталоге «Пресса России».

Редколлегия

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК ...

(узнать в библиографическом отделе библиотеки)

ОБРАЗЫ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Е. В. Бавыкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 июля 2021 г.

Аннотация: целью данного исследования является представление состава языковых средств, объективирующих космическое пространство в научно-фантастических произведениях, и описание семантики этих единиц. Источниками для исследования послужили произведения русских авторов и немецких фантастов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, космическое пространство, прямые номинации, косвенные номинации, индивидуально-авторские номинации.

Abstract: the aim of this study is to present the composition of language means which objectify outer space in science fiction and to describe the semantics of these units. Works by Russian authors and German science fiction writers constituted the subject for study.

Keywords: cognitive linguistics, the text, science fiction, space, direct nominations, indirect nominations, individually-author's nominations.

Тексты научной фантастики¹ представляют собой практический интерес для исследователей в рамках когнитивной лингвистики как специфическая форма воплощения картины мира. Ключевым образом в текстах научной фантастики является космическое пространство [1, 5–9]. Анализируя языковые средства, объективирующие космическое пространство в научно-фантастических произведениях, можно выявить как общие, так и отличительные их признаки, связанные со спецификой национальных картин мира разных народов [2, 4–21].

ЛИТЕРАТУРА

(Список нумеруется в порядке цитирования)

После литературы указываются сведения об авторах на русском и английском языках (12 п., курсив): название университета; фамилия, инициалы; ученая степень, должность; электронный адрес.

Воронежский государственный университет
Бавыкина Е. В., преподаватель кафедры немецкой филологии

E-mail: phil27@mail.ru

Voronezh State University
Bavykina E. V., Lecturer of the German Philology Department

E-mail: phil27@mail.ru

Далее необходимо указать фамилию, инициалы автора и название статьи на английском языке (прописными буквами).

Bavikina E. V. IMAGES OF SPACE IN THE TEXTS OF SCIENCE FICTION

P. S. Рекомендуемые объемы статей (требование издателя)

2 журнальные страницы = не более 9100 знаков с пробелами

3 журнальные страницы = не более 14250 знаков с пробелами

4 журнальные страницы = не более 19500 знаков с пробелами.

P.P.S. Примеры названий ученых степеней, должностей и пр. на английском языке: Candidate/Doctor of Philology (кандидат/доктор филологических наук); Postgraduate Student (аспирант) / Lecturer (преподаватель) / Senior Lecturer (старший преподаватель) / Associate Professor (доцент) / Professor (профессор) of the Public Relations Department (кафедры связей с общественностью).

¹ Сноска